

АТЕИЗМ И БОРЬБА С ЦЕРКОВЬЮ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

под редакцией и с предисловием *Ц. Фридлянда*

ЧАСТЬ

I

АТЕИЗМ И БОРЬБА С ЦЕРКОВЬЮ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

под редакцией и с предисловием *Цви (Григория) Самойловича Фридлянда*

М.: Огиз — Государственное антирелигиозное изд-во. 1933

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru), 2003-2013

Тематически связанные материалы в нашей библиотеке
(искать в каталоге <http://vive-liberta.diary.ru/p185690831.htm>)

Захер Я.М. (Михайлов Я.) Великая французская революция и церковь. В 2 тт.

Олар А. Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции

Олар А. Христианство и Великая французская революция 1789-1802

Олар А. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции

Домнич М.Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь

Домнич М.Я. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции

Домнич М.Я. Народные массы Франции в борьбе с клерикальной контрреволюцией XVIII в.

Маутнер Ф. Атеизм в эпоху Великой французской революции

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО в эпоху Великой французской революции, 1789-1795 гг. - подборка документов

Педагогические идеи Великой французской революции: речи и доклады *Мирабо, Талейрана, Кондорсе, Лавуазье* и др.

Славин М. Эбертисты под ножом гильотины

ОГЛАВЛЕНИЕ

Французская революция в борьбе с религией и церковью

I. О деспотизме, религии и духовенстве (из литературы до 1789 г.)

1. Ж.Мелье. О религии, собственности: и деспотизме
2. Гольбах. О религии и деспотизме
3. Ж -П.Марат. О суеверии, церкви и деспотизме
4. Ф.Буассель. Катехизис рода человеческого
5. С.Марешаль. Стихи против бога

II. Духовенство и церковь против революции 1789—1793 гг.

6. Угрожающее письмо папы Пия VI к французам по поводу пленения Людовика XVI
7. Протест французов против контрреволюционных поползновений римской церкви
8. Речь, произнесенная Пием тайной консистории 20 марта 1790 г.
9. Послание папы Пия VI Екатерине II
10. Послание папы Пия VI к императору Франциску II
11. Речь, произнесенная папой Пием VI в тайной консистории по случаю смерти Людовика XVI (17 июня 1793 г.)
12. Духовенство и контрреволюция в Вандее
13. Духовенство - организатор контрреволюции в деп. Буш-дю Рон
14. Речь Ролана о контрреволюционной роли духовенства в Законодательном собрании (16 апреля 1792 г.)
15. Вандея (Контрреволюционное духовенство в 1793 г.)

III. Революция в борьбе с контрреволюционным духовенством и религией

16. Нэжон. Адрес Национальному собранию
17. Великая радость «Отца Дюшена»
18. Дебаты в Законодательном собрании о контрреволюционной роли духовенства (18 ноября)
19. Ж.-П.Бриссо. Авторитет отцов церкви
20. Сложение священниками сана в Конвенте
21. Парижская коммуна в борьбе с религией и церковью
22. Статья, напечатанная в газете «Антифедералист»
23. Народные представители, комиссары Конвента, в борьбе с религией и церковью
24. Анахарзис Клоотс. Конституционные основы республики человеческого рода
25. Речь Клоотса в Конвенте
26. Ж.-М.Лекинио. О религии
27. Республиканский календарь
28. Якобинские клубы в борьбе с религией
29. Дехристианизация в провинции
30. Воспоминания реакционера о борьбе с контрреволюционным духовенством
31. Робеспьер о религии
32. Праздник верховного существа
33. Салавилль. Против религии и культа

Примечания

Французская революция в борьбе с религией и церковью

В гораздо большей степени историки изучали великие революции последних трех столетий с социально-политической, чем с идеологической стороны. Идеология борющихся классов в революции должна стать предметом специального изучения. Ленин показал нам то огромное творческое значение, какое имеет революция для воспитания и перевоспитания классов. Революция творит, и в революции меняется социальная природа и сознание миллионов масс. В каждую данную общественную эпоху идеи господствующего класса являются господствующими идеями своего времени, и в каждой данной социальной революции падение вчерашних господ влечет за собою падение их ранее торжествовавших идей. Победитель — новый класс — несет с собою новое мировоззрение, которое должно стать мировоззрением общества в грядущую эпоху, вслед за его победой.

Вопрос борьбы с религией и церковью в истории каждой революции — „частный случай“ идеологии — должен быть рассмотрен нами как один из моментов социально-экономического и политического процессов развития этой революции; всякая попытка отделить „религиозную“ историю от социальных процессов в историческом исследовании повлечет за собою совершенно неправильное понимание классовой борьбы вокруг вопросов религии. В „Анти-Дюринге“ Энгельс прекрасно показал, что религия является фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, — не только природных, но и общественных, — которые господствуют над людьми в их повседневной жизни. Эти общественные, не зависящие от нас силы противостоят в обществе, построенном на частной собственности и классовых противоречиях, человеку и господствуют над ним, „оставаясь для него вначале такими же непонятными, чуждыми и обладающими видимой естественной необходимостью, как и силы природы. Фантастические образы, которые сначала отражали только таинственные силы природы, теперь приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил“. Здесь дана блестящая характеристика глубочайших корней религиозности буржуазного общества. И в наши дни, когда капиталистическая стихия бушует больше чем когда бы то ни было, когда пришел конец капиталистической стабилизации и общий мировой кризис, внося

опустошения в мировое хозяйство, грозит гибелью имущим классам, анархия социальных отношений гнетет их разум, порождая расцвет религиозных идей. Вот почему по самой своей сущности религиозные представления человека до полной победы над стихией капиталистического общества, до полной победы пролетариата не могут быть уничтожены, не могут быть вырваны с корнем.

Социально-экономические и политические отношения, определяющие ход и исход классовой борьбы в каждой революции и тем самым определяющие и борьбу вокруг религиозных идей, требуют от нас внимательного изучения огромного фактического материала. Под этим углом зрения марксисты изучают английскую революцию XVII в. и Великую французскую революцию XVIII в. Вспомним классическое сопоставление этих двух революций Марксом: „В 1648 г. буржуазия заключила союз с новым дворянством против короля, феодалов и господствующей церкви, в 1789 г. буржуазия соединилась с народом против короля, дворянства и господствующей церкви“. Самостоятельное выступление „народа“ во Французской революции конца XVIII в. означало оппозицию широких трудящихся масс города и деревни к буржуазии, их вчерашнему союзнику, объединившемуся с дворянством для быстрой ликвидации этой революции, точнее ее социального размаха. Уже в этом проявилась разница между обеими революциями.

Активная самостоятельная роль «народа» в определенный момент развития явилась результатом того, что вторая революция ушла вперед от своей предшественницы на 100 с лишком лет „не только по времени, но и по внутреннему содержанию“. Социально-экономические конфликты Французской революции были гораздо глубже, чем в XVII в. Не забудем, что обе революции носили не узко национальный, а всеевропейский характер и что в конце XVIII в., в годы, когда во Франции началась революция и развертывались кровавые битвы гражданской войны, Англия вступила в период промышленного переворота, появилась паровая машина. Естественно, что и борьба с господствующей церковью, одна из основных задач той и другой революции, в разной социально-политической обстановке различных стран носила не одинаковый характер. Английская революция XVII в. оставалась пуританской революцией даже тогда, когда левое крыло ее участников выступало под знаменами индипендентства, правда — вопрос этот, нужно отметить, к сожалению, до сих пор недостаточно изучен, — радикальное крыло левеллеров находилось под сильным влиянием анабаптизма, а часть их вождей выступала даже с атеистической пропагандой.

Великая французская революция в первые свои годы начала с провозглашения идей веротерпимости и религиозной свободы. Церковь и религия должны были перестать быть источником сословных привилегий для их служителей; принципы свободы и равенства должны были стать основой новых отношений.

Мы знаем, что «свобода», которая была провозглашена Французской революцией, была не чем иным как свободой буржуазного человека и что права человека, говоря словами Маркса, «не освобо-

дили человека от религии, а предоставляли ему только свободу религии», так же как раскрепощение собственности, «свобода состояний», не освободило его от погони за наживой, но предоставляло ему только свободу промысла. В „Святом семействе“ Маркс и Энгельс развили последнюю мысль еще яснее, утверждая, что так же, как с упразднением привилегий ремесла не исчезла промышленная деятельность, а наоборот только впервые получила возможность своего широкого развития, так же, как с упразднением привилегий земельной собственности не исчезла сама земельная собственность, а наоборот создались широчайшие возможности для ее мобилизации, так и религия вовсе не исчезает, а получает новые стимулы для своего развития в буржуазном обществе, построенном на широких демократических началах.

Но Великая французская революция, развернувшаяся в годы промышленного переворота, в идейном отношении, в смысле раскрепощения общественного сознания от религиозных идей стояла гораздо выше, чем английская революция XVII в. В этом смысле Ф. Энгельс говорил поэтому о „религиозном буржуа“ XVII в. и об освобождении от гнета религии в конце XVIII в. Для тогдашнего европейского человечества „последняя революция была, по словам Гегеля, великой эпохой, когда мир был поставлен на голову“. „Это был величественный восход солнца. Все мыслящие люди радостно приветствовали наступление новой эпохи. Торжественное настроение господствовало в это время, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как-будто совершилось его примирение с божеством“.

Идеологи буржуазии в условиях капиталистического развития, подготовившего Великую французскую революцию, были революционерами, подвергшими резкой критике весь мир старых представлений. В введении к „Анти-Дюрингу“ Энгельс дал нам блестящую характеристику деятельности этих идеологов. Все старое мировоззрение дореволюционной эпохи было философами-теоретиками XVIII в. поставлено „перед судилищем разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности“. Более того, теоретические работы материалистов XVIII в. подготовили теоретическую почву, на которой гораздо позднее, спустя несколько десятилетий, могла развиваться критика буржуазного общества. Отсюда та исключительно высокая оценка исторического значения философов-материалистов, которую мы находим у учителей научного коммунизма Маркса, Энгельса и Ленина.

Материалисты XVIII в. спустили человеческое сознание с неба на землю, они увидели непосредственную действительность и мир интересов и вместе с тем, — как это отмечал в свое время Маркс, говоря о влиянии внешних обстоятельств на человека, о значении промышленности и т. д., — они, естественно, возбудили у отдельных революционных мыслителей своего времени стремление так преобразить внешний мир, чтобы уничтожить царство зла на земле и воспитать подлинного человека, чьи личные интересы совпадали бы с интересами всего человечества. „Если человек черпает все свои ощущения, знание и т. д. из внешнего мира и из опыта, приобретаемого от этого мира, как учат нас материалисты, — писал

Маркс, — то надо, стало быть, так устроить окружающий его мир, чтобы человек получал из этого мира достойные его впечатления, чтобы он привыкал к истинно-человеческим отношениям, чтобы он чувствовал себя человеком“. Так создавалась почва для рождения теорий коммунизма Бабефа, Оуэна, Фурье. Изучение „идей“ Великой французской революции имеет для нас поэтому самостоятельное значение.

Великая французская революция, эта классическая буржуазная революция, даже в момент своего наивысшего подъема, когда в годы гражданской войны широкие трудящиеся массы попытались осуществить свои социально-экономические и политические идеалы, не смогла выйти за рамки буржуазного общества. Робеспьер и Марат, Сен-Жюст и Кутон, не уничтожив основы классового общества — частной собственности, думали построить государство „равных людей“. Именно поэтому, как мы увидим дальше, в борьбе с религией они не смогли подняться, как и вся Французская революция, до вершин революционного атеизма, хотя размах революции XVIII в., огромная роль миллионных плебейских масс дали нам такой расцвет практики атеизма, какого не знали все предшествующие столетия. Только в XX в. революция рабочего класса, социальная революция против буржуазного общества, смогла преодолеть ограниченность всех прежних переворотов и вместе с ликвидацией буржуазного общества создать условия для полной ликвидации религиозных идей.

Видный представитель просветительной философии XVIII в. во Франции Вольтер защищал, в противовес старой теологии, учение деизма, т. е. учение о том, что бог дал, так сказать, только первый толчок миру, что в дальнейшем мир развивается по своим собственным законам. Деизм отрицал все существующие религии во имя *естественной религии*, построенной на доводах разума. Ведя борьбу с религией феодального общества и прежде всего с католицизмом, идеологи крупной буржуазии, деисты, выступили защитниками веротерпимости, врагами культа и церковной обрядности.

Мы здесь не думаем заниматься хотя бы даже краткой характеристикой философской стороны деизма. Нас это учение интересует с его социально-политической стороны, и здесь важно отметить, что характерная особенность деизма в том виде, в каком его формулировал Вольтер, состояла в том, что философия взяла на себя право „обосновать бога для человечества“, точнее — для его практической деятельности, обосновать его доводами разума. Учение о боге в таком случае должно было дать ответ человеку на практические вопросы о том, будет ли арендатор честнее, если бога не будет, станет ли он меньше или больше платить землевладельцу, будут ли подданные слушать государя, станут ли жены вернее, если будут верить в бога, и т. д.

Исходя из этих чисто практических соображений, Вольтер, как и все сторонники деизма, признавал огромное практическое значение религии и религиозного культа для народных масс. Религия должна была быть той уздой, которая способствует подчинению слуг господам. Вот как Вольтер говорил о религии в ее отношении к

народу. „Мы имеем дело с массой мошенников, которые мало размышляли, с массой маленьких людей, грубиянов, пьяниц, воров. Если вам угодно, проповедуйте им, что нет ада и что душа смертна; что же касается меня, то я буду кричать им в уши, что они подвергнутся вечной каре, если будут меня обворовывать“...

Эту же мысль защищали все деисты XVIII в., практическое значение религии неоднократно подчеркивалось накануне революции и в первые ее годы не только философами, но и государственными деятелями буржуазии. Мы имеем здесь в виду работу Неккера „De l'importance de la morale et de l'opinion religieuse“ (1788 г.) — книгу, которая к сожалению очень редко цитируется, но в которой представители господствующих групп 1789—1790 гг. дали свое изложение деизма как социально-политического учения. Неккер, не вдаваясь в тонкости философского анализа, утверждает, что если ослабить религиозное воспитание масс, то трудно будет собирать налоги, что в современных европейских государствах, где накопление богатств увеличивает разницу состояний, где наряду с богатством существует бедность, только религия может служить уздой для широких масс.

Прогрессивная роль деизма в половине XVIII в. состояла, мы сказали бы, в его отрицательной работе, в борьбе за веротерпимость, в борьбе против реакционных идей католической религии. В блестящей по иронии повести Вольтера о мудреце Микромегасе, обитателе Сириуса, который встретил маленькое животное в четырехугольной шапочке, объявившее, что оно знает конечную тайну мира и что „все это можно найти в сокращенном издании сочинений св. Фомы“, что весь мир — звезды, солнце, горы — сотворен единственно для человека, — Вольтер жестоко осмеял религиозную концепцию католицизма. Он нашел сторонников в широчайших массах европейских читателей своего времени. В 1786 г. „просвещенный европеец“ с интересом читал „индийский рассказ“ об аутодафе над двумя индийцами: их сожгли только за то, что один из них утверждал, будто существо Ксака не то же, что существо Браммы, а другого за то, что он верил, будто можно доставить удовольствие высшему существу, если при смерти держаться за коровий хвост. Не забудем, что в то время, когда Вольтер писал свою сатиру на господствующую религию, сжигали не только еретические книги, что за вольнодумство отправляли не только в тюрьму, но иногда и на костер.

С гораздо более последовательной критикой религиозных идей выступали в XVIII в. материалисты. Они дали остроумный по форме и глубокий по содержанию анализ религии, выступая часто как последовательные атеисты. Их атеистические памфлеты рекомендовал Ленин как „богатые, живые, талантливые, остроумные и открыто нападающие на господствующую поповскую публицистку“. Для характеристики антирелигиозных идей материалистов мы ниже приводим отрывок из атеистического памфлета Гольбаха „Здравый смысл“.

Для Гольбаха не подлежит сомнению, что всякая религия есть абсурд, потому что познание бога невозможно, и самая мысль о

боге есть предрассудок. Гольбах утверждает в этом, как и в другом атеистическом памфлете („Карманный богословский словарь“): „Бог есть синоним священника, или, если угодно, управляющий делами богословия, старший приказчик духовенства, уполномоченный по снабжению святого воинства“. Характерно для Гольбаха, как рационалиста, самое объяснение происхождения религии: она — плод веков тупости и варварства, и он убежден, что разум вскоре рассеет мрак религиозных предрассудков. Гольбах ведет борьбу прежде всего с господствующей религией, считая, что „это религия государя, который с помощью сабель и штыков неопровержимо доказывает остальным религиям своей страны, что они заблуждаются“...

В памфлете „Здравый смысл“ Гольбах пытается выяснить политическую роль религии и утверждает, что она ни в коей мере не способна обуздать „страсти королей и уменьшить жестокость тиранов“. Наоборот, религиозный король всегда наиболее жестокий, потому что убежден, что власть его от бога, и поэтому никто не должен противоречить его требованиям. „Религиозные мнения, — утверждает Гольбах, — делают слепыми как королей, так и народы и никогда не просвещают их ни об их истинных обязанностях, ни об их истинных интересах“. Изучая роль религии в государственной жизни народов, он приходит к выводу, что христианство распространялось до сих пор только благодаря тому, что оно помогало деспотизму создать прочную основу для угнетения народов.

Гольбах, как и все просветители, в области политической не шел дальше идеи о „добром короле“, но этим добрым, „просвещенным“ королем будет тот, кто в своей деятельности руководствуется не божьим промыслом, а сознанием своих и народных интересов.

Для характеристики атеизма XVIII в. не столько как философского, сколько как политического течения в первые годы революции мы ниже приводим редкий документ — докладную записку Учредительному собранию (август 1789 г.) атеиста Нэжона. Нэжон — автор известного памфлета „Солдат-безбожник“. Докладная записка представляет собою безусловный интерес как формулировка политических позиций атеистов-материалистов, т. е. свободомыслящей части буржуазии.

Нэжон занят разбором двух следующих вопросов: „Нужно ли говорить о боге и вообще о религии в *Декларации прав человека*“, и во-вторых: „Может ли законодатель путем законов ограничить и стеснить свободу мнений, в том числе свободу вероисповеданий и свободу печати“. Для ответа на эти вопросы он прежде всего исходит из критического анализа религии как „ненужной и вредной гипотезы“, как препятствия для подлинного научного исследования. Как и для всех просветителей, для Нэжона религиозные убеждения — предрассудок, туман, мрак, который должен рассеяться вместе с прогрессом мысли. Задачу просвещения масс, их освобождения от религии возьмет на себя Национальное собрание. Нэжон требует поэтому исключения из текста „*Декларации прав человека и гражданина*“ всякого упоминания о религии. Рассматривая человека как „часть планомерно организованной, веч-

ной, обусловленной материи, наделенной множеством свойств, как известных, так и неизвестных нам“, он утверждает, что „всякая попытка построить права и обязанности человека на религиозной основе отнюдь не сделает эти права и обязанности ни более обширными, ни более неизменными, ни более священными“. Их можно вывести из физической природы человека, из той же природы можно вывести и основы общественной морали: „Нет ничего более опасного, ничего более противоречащего задачам мудрого законодателя, чем попытка связать естественные права человека с существованием бога, а мораль связать с религией“.

Религиозные представления, как представления, вытекающие из невежества, неточны и неустойчивы, они бывают различны у различных людей в различные периоды, и общественная мораль, построенная на такой зыбкой основе, естественно, не может быть солидным фундаментом нового общества. Руководящим принципом человеческой деятельности должны служить интересы человека. Отказаться от этого принципа — значит сделать нормой общественного поведения положение: „Делай все, что тебе заблагорассудится, но не попадайся на виселицу“. Имя бога не должно упоминаться ни в нормах общественного поведения, ни в основных положениях естественного права, государственного или международного, ни в книгах философии, так же как это имя совершенно ненужно в трактатах по геометрии, физике и астрономии, — вопросы о божестве трактует теология — „наука, которую Гоббс, — напоминает Нэжон, — называл царством тьмы“.

Страницы, где автор докладной записки Учредительному собранию объясняет нам вредность всяких религиозных гипотез в научном исследовании, имеют большой интерес для истории атеизма. „В книгах, как и в беседах, нужно лишь крайне редко говорить о боге — это одно из тех представлений, с которыми народу не следует свыкаться“, и это потому, что вещи, наименее нам известные, чаще всего подвергаются обожествлению. Религия и религиозные представления всегда служили поводом для распространения невежества, и Нэжон не без иронии вскрывает непоследовательность тех авторов, которые, по существу говоря, скептически относятся к религии, не верят в бога, но вынуждены в своих произведениях неоднократно прибегать к имени божества. Он спрашивает, что заставило Монтескье в его „Духе законов“ первые главы посвящать вопросам, в которых не проявляется ни его искусная логика, ни тонкая политическая философия, вопросам, которые увлекли его в дебри предрассудков? Рассуждения о божестве, по словам Нэжона, умалили его мысли. То же относится и к Гельвецию и его книге „Об уме“. Боясь разрушить свои действительные убеждения, Гельвеций прибегал к различным уловкам и тем самым умалил значение своих произведений. Но тот же упрек можно сделать автору „Естественной истории“ Бюффону. Все они попытались вступить в компромисс с религиозными предрассудками своего времени. Нэжон напоминает, что когда Ньютон закончил свою книгу „Принципы математики“, ни разу не упомянув в ней о боге и, более того, ни разу не почувствовав необходимости прибегнуть к этому суще-

ству для объяснения механизма вселенной, он, по совету своего друга, все же упомянул „одним словечком“ создателя, чтобы не дать основания для лжетолкований, чтобы не восстановить против себя теологов.

Но эта беспощадная критика религии и идеи божества для научного исследования дополнена и у Нэжона рассуждениями компромиссного порядка в области религиозной политики. Отрицая, что „Декларация прав человека и гражданина“ должна упоминать о боге, он настаивает на том, что в конституции, которая не есть чисто теоретическое произведение, а должна быть кодексом гражданина, кодексом государства и практического законодательства для миллионов французов, — необходимо говорить и о боге, и о религии, и о вероисповедании.

Чем же Нэжон объясняет эту свою непоследовательность? А тем, что конституция пишется для всех граждан государства, а „не все граждане государства — философы“. Широкие массы легко поддаются фанатизму и нетерпимости. Он ссылается на утверждение одного (не названного им) философа и утверждает: „Огромное большинство нации всегда останется невежественным и робким, а следовательно суеверным“. Атеизм может стать учением небольшой школы, но он никогда не будет убеждением большого числа граждан, а еще более — убеждением цивилизованной нации... „А поэтому я сохранил бы священников не как хранителей истины, а лишь как помеху возможным и еще более чудовищным заблуждениям, не как воспитателей разумных людей, а как надзирателей за сумасшедшими. А что касается их церквей, я их оставил бы как приюты или небольшие дома для известной категории слабоумных, которые могли бы стать буйными помешанными, если бы за ними не было никакого ухода“.

Нэжон поясняет свою мысль следующим образом: идеальным общественным строем может быть только такой, в котором не будет ни королей, ни священников, ни судей, в котором исчезнет само понятие о „моем“ и „твоем“, противопоставление порока и добродетели и т. д., но так как возможность такого строя утопична, то утопичным следует признать и государство, в котором религия не будет входить в „Великую национальную хартию“.

Для конституции Нэжон в лучшем случае рекомендует веротерпимость, законодателю он предлагает всеми силами бороться с суеверием. Таким образом будет смягчено то зло, которое государство не в состоянии излечить, и тем самым будет раздавлена тирания духовенства. Священников нужно сделать бедняками, выдавать им ничтожные стипендии в меру той пользы, которую они приносят государству. Как мы видим, Нэжон не решается даже поставить вопрос об отмене государственного содержания духовенству и весьма робко предлагает только урезать это содержание, каждый раз спрашивая себя: „в коня ли корм?“

Наряду с бедностью священников свобода кудьтов будет, по мнению Нэжона, служить препятствием для дальнейшего распространения суеверия. Религия будет подчинена государственной власти. Осуществится по крайней мере то, что, как он наивно пред-

полагал, существовало в России (?), где, по его словам, в конце XVIII в., благодаря либеральному (?) режиму Екатерины II, мы будто бы имеем дело с политикой религиозной веротерпимости.

Взгляды Нэжона чрезвычайно характерны для материалистов XVIII в. Последовательная и остроумная критика религии у этих представителей торжествующей буржуазии связана с компромиссом в области религиозной политики. Со взглядами Нэжона мы встретимся среди жирондистов при обсуждении вопросов религиозной политики Великой французской революции.

Наряду с деизмом и атеизмом — двумя характерными теориями французской просветительной мысли — мы имеем в XVIII в. дело также со взглядами на религию Ж. Ж. Руссо и его последователей. Не здесь конечно место давать подробную характеристику руссоистской теории гражданской религии, но отметить эту теорию необходимо, потому что взгляды Руссо сыграли решающую роль в религиозной политике Французской революции. Руссо исходит из решительной критики всякого теократического государства, он исходит из отрицания христианства — религии чисто духовной, занятой исключительно мыслью о небе. Христианство, чье отечество не от мира сего, безразлично относится к земным делам, проповедует любовь к врагам и служит поэтому питательной средой для всякого деспотизма и рабства подданных. Руссо приходит к выводу: „Общество истинных христиан не было бы более обществом людей. Христианство проповедует рабство и зависимость“. Но, отвергая христианство, он отнюдь не отвергает этим религию. Религия, рассматриваемая в отношении общества, может выполнить две задачи: она может быть религией человека и религией гражданина. Государству важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его с любовью исполнять свои обязанности перед обществом; догматы этой религии интересуют его лишь в такой степени, в какой они касаются общественных обязанностей человека. Во всем остальном человек может иметь какие ему угодно убеждения о загробном мире и верховном существе. Параграфы гражданского исповедания веры определяет само государство, государственная власть не может заставить человека верить в эти параграфы, но может изгнать неверующего человека, как существо противообщественное.

Гражданская религия служит завершением и закрепляет „общественный договор“, учение о котором лежит в основе всех демократических теорий XVIII в.

Защиту кодекса гражданской религии мы находим и среди коммунистически настроенных теоретиков этой эпохи; она была символом веры для всей социально-уравнительной философии кануна революции... Морелли в „Кодексе природы“ утверждает, что спасение общества — в тщательном воспитании молодого поколения в духе гражданской религии. Наставники молодежи должны воздержаться от того, чтобы давать детям туманное представление о боге, но они должны развивать в них чувства общности. Эти чувства, по словам Морелли, являются „единственными выразителями намерений божества, и, лишь наблюдая их, можно достигнуть

понимания того, что такое бог". Основные священные законы религии — это законы, направленные к общественному единению.

В нашем сборнике как образец руссоистского представления о религии мы даем отрывок из одного раннего произведения Ж. П. Марата. Мы имеем в виду его социально-политический трактат «Цепи рабства», появившийся на английском языке в 1774 г. В этом произведении в главах, посвященных суеверию и союзу духовенства с тиранами, Друг народа дает резкую критику существующей религии и церковной политики. Основную мысль, которую мы встречали у всех философов-материалистов XVIII в. — о связи между религией и деспотизмом — мы находим и здесь. Религия, убаюкивая людей несбыточными надеждами, не спасает их от ряда реальных бедствий; обещая им, что в сомнительном будущем они насладятся благами, религия заставляет их приносить в жертву тысячи живых, реальных интересов. Религия ослепляет людей и тем самым усиливает иго деспотизма и иго священников: „В настоящее время короли, правда, не выдают себя за непосредственно вдохновляемых богом, но они пользуются служителями религии, чтобы склонять своих подданных под свое иго“.

Марат приходит к убеждению: „Все религии служат деспотизму. Но я не знаю ни одной религии, которая в такой степени поддерживала бы его, как христианство“. Он повторяет руссоистское положение о том, что христианство отрывает человека от земной жизни и тем самым мешает его непосредственным задачам борьбы с деспотизмом. Собственно это последнее положение является центром антирелигиозной проповеди. Марата, потому что учение христианства о милосердии и любви делает человека бессильным перед тиранами. Марат спрашивает: „А что же могут они противопоставить своим тиранам? Им не разрешается даже защищать свою собственную жизнь. Всегда покорные, они страдают молча, простирают руки к небу, унижаются перед теми, кто их бьет, и молятся за своих палачей. Чем же могут они вооружиться против тех, кто нарушает мир государства? Как могут они силой отбивать своих угнетателей, как могут они сражаться с врагами свободы, как могут они проливать свою кровь за отечество?“ В этих словах мы слышим отзвуки положений, которые через несколько лет, в 1793 г., стали руководящими принципами дехристианизаторской политики Французской революции.

У Марата мы не находим последовательно атеистического мировоззрения. Марат, как и руссоисты, был сторонником гражданской религии.

Те же положения мы находим и в другом исключительно интересном и весьма редком документе эпохи, который мы приводим в нашем сборнике, — в отрывке из „Катехизиса рода человеческого“ Буасселя. Автор этого катехизиса интересуется вопросами собственности. Перед нами один из утопических коммунистических проектов XVIII в. В главах о религии Буассель дает резкую критику религиозной политики и духовенства, противопоставляя идеологию гражданской религии — религии церковной. Он обращает особое внимание на ту роль, какую религия играет для укрощения бедняков.

Духовенство пользуется, по мнению Буасселя, именем божества, чтобы позолотить кинжал, который оно вкладывает в руки богатых путем установления барышнического строя, убийственного для людей. Этой ложной религии он противопоставляет истинную „гражданскую религию“.

Но мы поняли бы очень мало в истории антирелигиозной политики Великой французской революции, если бы не обратили внимания на революционно-атеистическое течение, которое с начала XVIII в. и в годы революции играло значительную роль во Франции, мобилизовало массы для борьбы с земными и небесными богами. Если просветители-атеисты, в лице материалистов, давая последовательную и законченную критику религии, в политической области не шли дальше компромисса с существующей властью, если демократы-русссоисты, низвергая земных богов, пытались увенчать новое общество мудрой религией, то революционеры-атеисты XVIII в. сочетали в своем учении последовательную, до конца проведенную критику всякого религиозного убеждения с революционно-политической программой и критикой частной собственности. Представители этой группы были немногочисленны, но изучение их взглядов представляет для нас особый и исключительный интерес.

В начале XVIII в. с обоснованием этого учения в его наиболее последовательной форме выступал Жан Мелье. Мы не будем здесь подробно цитировать его имеющееся в русском переводе «Завещание», отметим только, что Мелье свои доказательства абсурдности религии, отрицание божества строит не только на почве философских принципов, но и на углубленном анализе политического значения религии и ее эксплуататорской роли. Христианская религия, по мнению Мелье, допускает и освещает общественные злоупотребления, противоречащие справедливости и здравому смыслу. Прежде всего религия санкционирует неравенство сословий и состояний. Отсюда Мелье приходит к выводу о необходимости уничтожения частной собственности на землю как решающей причины социального зла. Мелье подчеркивает необходимость революционной борьбы с тиранами и в своих рассуждениях о деспотизме французских королей выдвигает необходимость и неизбежность грядущей революции. В годы революции взгляды Мелье нашли себе немало сторонников.

В нашем сборнике мы приводим „Стихи против бога“ друга Бабефа и участника заговора „Равных“ Сильвена Марешаля, в которых с полной последовательностью проведена программа революционного атеизма. Марешаль, отмечая реакционность всякой религиозной философии, вместе с тем считает необходимым особо отметить ту роль религии, какую она играет в сохранении несправедливых социальных основ современного общества: „Если бы был бог, — с пафосом восклицает Марешаль, — разве преступные богатеи смели бы смотреть наглым взором на подавленного праведника-мудреца, которому оружием служит лишь собственное сердце, невинность и слезы? Религия — источник безграничного зла на земле, именем бога совершались на протяжении столетий бесконечные преступления. Политика в союзе с религией противопоставила

свои цепи природным связям". Марешаль не без иронии замечает, что законодатели остроумно придумали бога как орудие угнетения масс: „Это гениальный прием, но есть ли в нем разум? Гораздо легче сотворить бога, чем составить кодекс". И Марешаль отнюдь не ограничивается теоретической формулировкой атеизма, он призывает к активной борьбе с угнетателями: „Поднимись, человек, — пишет он, — встань в позу господина... Познай цену себе, не поклоняйся каким-то богам. Перед тобою только равный тебе". В этих словах мы слышим дыхание революционной бури ближайших лет.

Таковы те основные течения антирелигиозной мысли, с которыми мы имеем дело в XVIII в. до и в годы самой революции. Наряду с робкой критикой религии у *деистов*, с последовательным и остроумным отрицанием божества *материалистами-атеистами*, в политической области заключавшими компромисс с существующей властью, наряду с *проповедью гражданской религии* отрицающих христианство как основу деспотизма и социальной несправедливости руссоистов, — выступает последовательное *революционно-атеистическое* течение, сочетавшее критику всякой религии и всяческих религиозных убеждений с призывом к борьбе против политического гнета и социального неравенства.

Споры вокруг религии отнюдь не были чисто теоретическими спорами. Не здесь место анализировать дореволюционную религиозную и антирелигиозную политику Франции. До сих пор мало исследована та памфлетная литература середины века, в которой мы могли бы найти интересный для нас материал о корнях дехристианизаторской политики самой революции. Мы вынуждены ограничиться краткими замечаниями об основных моментах религиозной политики самой революции до осени 1793 г., когда борьба с церковью переросла в борьбу с религией, захватила широкие массы и стала серьезным историческим фактором.

Французское духовенство считалось при старом порядке первым привилегированным сословием. Трудно установить численность этого сословия. Одни насчитывают до 135 тысяч, а другие до 300 тыс. представителей духовенства. Земельная собственность его оценивалась в докладе Национальному собранию в 170 млн. ливров (1 ливр равен франку) и во всяком случае составляла не меньше 120 млн. ливров. Но к этому следует прибавить, по крайней мере, на 150 млн. ливров стоимости недвижимой собственности — монастырей и церквей — по одному только Парижу. Основным регулярным доходом католического культа надо считать так называемую „десятину"; она взималась со стада, с пшеницы, ржи, словом, со всякой собственности и дохода крестьянского хозяйства. Реально десятина поглощала от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{7}$ крестьянского дохода и оценивалась по крайней мере в 1330 млн. ливров.

Французское духовенство в социальном отношении не было однородным. Высшее духовенство, составлявшее количественно ничтожную группу, выходило из рядов крупного землевладения, составляло часть влиятельной аристократии и получало огромные доходы, низшее духовенство — деревенские кюре — влачило нищенское существование. Социально-политическое значение духовенства

в старой Франции было огромно, его представители влияли на государственную политику, в их руках была цензура над всей пробуждавшейся культурной жизнью страны. Огромное количество монастырей (больше тысячи), этих многочисленных бастилий, по всей Франции поддерживало здание феодального порядка. Господствующая католическая церковь, подчиненная приказам римского папы, была составной частью старого порядка, и поэтому, как мы дальше увидим, не только высшее, но и низшее духовенство, когда речь зашла о подлинной революционной борьбе с религией, за исключением немногих одиночек выступило единым фронтом, рука об руку с контрреволюцией во Франции.

Уже декрет 4 августа, провозгласивший отмену феодального порядка, вызвал, несмотря на показное единодушие, недовольство широких кругов духовенства. Это и проявилось спустя неделю, когда приступили к обсуждению вопроса об отмене десятины. Мирабо требовал ее уничтожения, утверждая, что она не является собственностью, поскольку духовенство распоряжается в данном случае доходами с капитала, а не самим капиталом. Но неизбежность отмены десятины заставила духовенство 11 августа „добровольно" согласиться с ее безвозмездным упразднением.

Спустя самое короткое время, 2 ноября 1789 г., был решен вопрос о переходе церковных имуществ в распоряжение нации, а в апреле 1790 г. решено было открыть продажу церковных земель. Продажа земли стала необходимостью для создания прочной финансовой и экономической базы нового порядка; экономисты-теоретики французской буржуазии отнюдь не имели в виду осуществлять с помощью этих земель какие бы то ни было социальные проекты. По словам депутата де-Польвереля, продажа земельной собственности духовенства необходима для реализации денежных капиталов, накопившихся в кассах и портфелях, что же касается нищенства, то оно как таковое должно быть запрещено. А Талейран в своей знаменитой речи дал реальное, практическое обоснование закону о продаже земель: „Духовенство не является собственником своих имуществ, а так как Франции не хватает денег, то нация может реализовать свою собственность. Таким образом, граждане, будучи заинтересованы в судьбах доходов нации, будут тесно связаны с революцией".

Так была вырвана экономическая почва из-под ног первого привилегированного сословия — французского духовенства. Наряду с этим в декабре 1789 г. был поставлен вопрос о ликвидации монастырей и отмене монашества. Петион дал объяснение этому декрету: „В прежнее время монахи молились и работали, теперь же они молятся, но не работают... Если столь некогда населенная Испания теперь обезлюдела и обеднела, то это объясняется существованием в ней монастырей. Напротив того, процветанием своим Англия частично обязана упразднению монашества".

В мае 1790 г. поставлен был вопрос о гражданском кодексе для духовенства. Робеспьер поддержал соответствующий проект, исходя из принципов гражданской религии. Поскольку все общественные должности являются социальным институтом, чья цель —

забота о благе и порядке общества, постольку и церковные должности, как должности общественные, должны замещаться по указанию народа. При этом вознаграждение за исполнение этих обязанностей должно зависеть от той пользы, которую они приносят обществу, и во всяком случае не должно привести к обогащению лиц, занимающих эти должности.

То, что Робеспьер сформулировал резко и точно, то другие, более умеренные, депутаты и деятели выразили в более компромиссной форме, но в целом большинство представителей буржуазии согласилось с тем, что священник выполняет общественную должность, как всякий другой чиновник государства. Закон о гражданском устройстве духовенства был принят 12—24 июля 1790 г. Духовенство таким образом лишилось не только своих экономических, но и политических привилегий.

Все, что последовало за этим, было естественным продолжением нового законодательства. Декрет об обязательной присяге духовенства на верность конституции, принятый в ноябре 1790 г., закончил процесс дифференциации в его рядах. Большая часть духовенства попала в лагерь контрреволюционеров уже в первые месяцы после 4 августа. Руководство его антиреволюционной политикой взял на себя, как и следовало ожидать, римский папа — глава католической церкви. Отмена десятины и гражданское устройство духовенства вызвали решительный протест с его стороны, и он оправдывал этот протест защитой основ старого порядка. Папа писал в энциклике 10 марта 1791 г.: „Что может быть более безумным, чем стремление установить между людьми равенство и свободу, которые подавляют разум — наиболее драгоценный дар природы человеку, действительно отличающий его от животного?“. Он осуждал законодательство Французской революции и в специальном письме к французам по поводу „пленения“ Людовика XVI писал: „Ваше порочное Собрание решило ввести в действие без санкции вашего повелителя конституцию, которая навсегда останется позорным пятном на вашей нации. Бог, защитник угнетенных, обрушится на вас своей рукой, и вы позорно погибнете“.

Римский папа осуждал религиозную политику революции и ту новую Францию, которая вступила на путь, по его словам, атеизма, и он, естественно, предавал проклятию всех тех идеологов, которые подготовили эту революцию. От слов глава римской церкви перешел к действиям; он угрожал французам вторжением иностранных мстителей. Любопытно его обращение, — мы приводим его в сборнике, — к Екатерине II, возглавлявшей православную церковь. Пий VI приветствует ее за то, что она взяла на себя инициативу похода против „несправедливости и насилий революции“. Он обращается к Леопольду Австрийскому с требованием не допускать подражания тем образцам, которые имели место во Франции, а в речи по поводу казни Людовика XVI, естественно, обрушился на Конвент, который передал власть в руки народа, т. е. в руки „бандитов и грабителей“. Пий VI критиковал не то или другое мероприятие Конвента в области религиозной политики, а революцию в целом, поскольку ее основными принципами являлись сво-

бода, равенство и братство. Римский папа требовал восстановления короля и старого порядка.

В нашем сборнике к письму папы французам от 30 июня 1791 г. приложен протест граждан против фанатизма „святого“ отца. Французы угрожают папе перейти от критики церкви к борьбе с нею: „Французы преданы своей религии, но питают отвращение к ее фанатизму“. „Мы будем свободны, — заканчивают они свой протест, — или мы будем уничтожены, а если вы будете говорить с нами таким языком, — трепещите!“ Об этом говорит Бриссо в своей „Истории римских пап“, из которой мы даем главу об авторитете отцов церкви.

Война между духовенством и революцией была таким образом объявлена. И не помогла компромиссная политика Учредительного и Законодательного собраний. Собрания эти до революции 10 августа 1792 г. осуществляли фактически компромисс с церковью, охраняя свободу культов.

В апреле 1790 г. Конституанта непоколебимо заявила о том, что католицизм остается господствующей религией, но позднее, из страха перед контрреволюционным выступлением духовенства, Законодательное собрание выступило с защитой принципов светского государства (в мае 1791 г.). Но ни то ни другое собрание не смогло ликвидировать контрреволюционных поползновений духовенства, поскольку его активная антиреволюционная роль вызвана была в первую очередь тем, что служители церкви лишились своих экономических и политических преимуществ.

Еще в конце 1789 и в начале следующего года в Ниме католики издали декларацию-протест против законов, угрожающих религии и монархии. Они требовали от Национального собрания, чтобы то использовало весь свой авторитет для сохранения за престолом прав высшей исполнительной власти в интересах охраны католической религии и церкви. Протесты эти не могли конечно установить революционного законодательства. Мероприятия Учредительного и Законодательного собраний вызваны были требованиями революционных масс. Об этом свидетельствует приводимая нами ниже в сборнике статья газеты „Отец Дюшен“. Автор статьи прекрасно понимает, что, „если бы священникам не грозила потеря в случае их непослушания всех их должностей, они и теперь продолжали бы подавать всем гражданам пример плохого поведения“. „Отец Дюшен“ не ожидает подчинения духовенства революции: „Людской природы декретами не изменишь“. И поэтому представители революционной демократии, и в первую очередь Марат, требуют для завершения революции в области религиозной политики *перехода власти в руки народа*: народ в дальнейшем не ограничится половинчатым законодательством Национального собрания.

В 1791 г. контрреволюционная деятельность духовенства приняла особенно широкий размах. Трудно сказать, какова была численность присягнувшего духовенства, она во всяком случае была не больше 57%. Таким образом, по крайней мере половина духовенства выступила в роли активно борющейся против революции. Попы в провинции поднимали крестьянские массы, и в этом отношении по-

рядка, препятствовали продаже национальных имуществ, а в некоторых департаментах, как Вандея, создавали контрреволюционные армии. Так, весной 1791 г. из города Ван в департаменте Морбиган пишут, что священники в воскресный день после мессы требуют от крестьян: „Идите и отомстите за поруганное небо, идите и убейте безбожников, стремящихся осквернить нашу святую религию“.

К осени движение контрреволюционного духовенства разрастается. В опубликованном А. Оларом мемуаре, составленном католическими священниками дистрикта Сен-Жером, мы читаем жалобу на то, что, несмотря на провозглашение свободы культов, в деревнях Франции группы неистовых людей оскорбляют представителей духовенства.

В ноябре вопросы религии стали предметом бурных дебатов Законодательного собрания. 14 ноября 1791 г. в собрании выступил с речью жирондист Иснар (речь его мы приводим в сборнике), в которой торжественно заявил, что священнослужители нарушают общественное спокойствие, что необходимо против них принять наконец срочные и суровые меры. „Одно из двух — либо священники — фанатики, либо они — смутьяны“. По мнению Иснара, священники — бунтовщики, они под прикрытием религии возбуждают к мятежам, и должны быть подвергнуты более суровому наказанию, чем простые граждане, так как в их руках огромные средства воздействия на массы — религиозный культ. Он заявлял: „Религия должна рассматриваться как орудие, при помощи которого можно причинить гораздо больше зла, чем при помощи какого-либо другого орудия, и вот почему нужно более сурово наказывать тех, кто им пользуется, как наказывают поджигателя, более сурово нежели вора“. Партия неприсягнувших священников составляет часть партии аристократии, и примирение с ними невозможно.

Однако, несмотря на энергичные декреты против неприсягнувших священников, Законодательное собрание было бессильно преградить мятеж. Декрет 29 ноября 1791 г. подтверждал требование присяги от духовенства и угрожал непокорным лишением жалованья и пенсии. Изгнание священника, враждебного революции, было однако обусловлено целым рядом требований, и декрет этот может быть нами поэтому рассмотрен как новый компромисс господствующей фракции буржуазии с контрреволюционным духовенством. Колебания собрания не только не утомили мятежей в стране, но, наоборот, подливали масла в огонь контрреволюционных заговоров.

Требования активных мер росли со всех сторон, и в январе 1792 г. Петион в докладе Конвенту заявил: „Священники ведут против нас глухую борьбу, они смущают и запугивают одних, вводят в заблуждение других, они внушают одним предательство, вражду и возбуждение, другим безумную ненависть, святую ненависть, как они уверяют“. Более того, Петион был вынужден признать, что революции угрожают не только неприсягнувшие священники, но приходится опасаться и священников, принесших присягу на верность революции. „Мы, не колеблясь, должны заявить,

что не так боимся неприсягнувших священников, как происков тех прелатов, которые приносят публичную, всенародную присягу и отвергают ее в душе.

Неудача принятых мероприятий по борьбе с контрреволюционным духовенством вызвала среди якобинцев споры по вопросу о религии и боге. Мы обращаем здесь внимание на любопытную дискуссию между Робеспьером и жирондистом Гадэ о существовании бога в 1792 г. Робеспьер, говоря о растущей в стране гражданской войне и об угрозах европейской коалиции, заявил, что Франция верит в силу провидения, которое заботится о счастье страны и сможет сделать это успешнее, чем мудрость народа. Более того, он утверждал, что больше надеется на бога, чем на новых министров-якобинцев.

Речь Робеспьера вызвала резкую отповедь со стороны Гадэ. Последний протестовал против упоминания имени бога, особенно так, как сделал это Робеспьер, заявивший, что „бог нас спасет помимо и против нас самих“. Для Гадэ „такое обращение к провидению обозначает, что хотят народ, вырвавшийся из-под ярма деспотизма, снова ввергнуть в рабство предрассудков“. Робеспьер настаивал на своем утверждении и в повторной реплике на выступление Гадэ торжественно объявил о своей вере в создателя. Мы позднее еще встретимся с этой дискуссией сторонников атеизма и антирелигиозной политики революции с действительными поползновениями Робеспьера. Здесь важно отметить, что развернувшаяся борьба с контрреволюционным духовенством, борьба, в которой шел спор не о теоретических проблемах, а о вопросах конкретной политики, спор о спасении революции, неизбежно перерастала в спор о религии в целом, о существовании бога.

1792 год полон шумом битв революции с реакционным духовенством. Мы приводим в сборнике ряд документов об этой борьбе из различных департаментов Франции. В апреле 1792 г. Роллан в своей речи собранию по поводу внутреннего положения страны вынужден был подчеркнуть роль, какую играет неприсягнувшее духовенство в организации противореволюционных выступлений, обращал внимание на то, что священники используют как предлог для агитации недостаток продовольствия. Речь шла уже не только о мятежах, а о начавшейся гражданской войне. Об этом сообщают собранию депутаты из департамента Буш-дю-Рон (устье Роны), чей доклад мы цитируем ниже; об этом же говорит письмо министру внутренних дел из департамента Жиронды. Повсюду выступления контрреволюционного духовенства переплетаются с социально-политическим недовольством широких народных масс. В Вандее — центре контрреволюции — знамя монархии и знамя католической реакции находились в руках одних и тех же лиц.

Об этом сообщают Конвенту в целом ряде документов народные комиссары.

Уже с 1791 г. революция безуспешно пыталась подавить очаг восстания в Вандее, и весной 1793 г. гражданская война в этом департаменте вспыхнула с новой силой. На запрос Комитета общественного спасения о причинах восстания народные комиссары отве-

чают: „Цепи феодального и поповского деспотизма были разбиты по всей Франции, только тут (в Вандее) не успели их разбить, и ни на один момент здесь не теряли надежды на их восстановление“. Иначе говоря, контрреволюционное восстание духовенства в целом ряде районов Франции имело питательную почву в недоверии к революции, в том, что декреты о ликвидации феодального порядка изданы были с большим опозданием и реализованы через ряд лет после начала народного восстания.

23 марта 1793 г. в Конвенте якобинец Луше вынужден был снова повторить, что на территории республики существуют огромные массы духовенства, „фанатизирующего граждан Республики“. Он требовал изгнания непокорных священников, а для тех из них, которые вернутся из изгнания, — применения смертной казни. Требование это, не забудем, встало в порядок дня, несмотря на суровые законы против неприсягнувшего духовенства, принятые после революции 10 августа, когда декретом от 26 того же месяца Собрание заявляло об изгнании из пределов королевства всех тех священников, которые не принесли надлежащей присяги. Декрет этот одновременно упразднял католическую церковь во Франции, сохраняя лишь церковь конституционную (А. Матез).

Несмотря на эти законы, как мы видели, весной 1793 г. пришлось снова возвратиться к тому же самому вопросу. Из восставших департаментов поступали все более и более угрожающие сведения. „Вы не можете поверить, — читаем мы в одном из донесений комиссара, — до какой степени сбиты с толку бедные люди и как велико доверие к руководящим ими злодеям. Никогда суеверие не заходило так далеко. Объединяющим их символом является белое знамя и белая кокарда. Все носят наплечники и четки. Король и попы — вот их лозунг“. Духовенство, как мы видим, весной 93 года не ограничилось одними божественными сюжетами. Оно угрожающе заявляет, как мы читаем об этом в постановлении повстанцев области Ретца: „Мы требуем возвращения своих прав и имуществ, которых народ был лишен под гнетом насилия со стороны разбойников, узурпировавших законную власть, поднявших свои богопротивные руки на голову лучшего из королей, уничтоживших религию и справедливость“.

23 апреля 1793 г. декретом Конвента было принято решение о немедленной высылке в Гвиану ряда категорий неприсягнувших священников, в том числе и тех из них, которые хотя и принесли присягу до марта 1793 г., но на которых поступили доносы хотя бы шести граждан. Мятеж духовенства однако не был прекращен. Даже после революции 31 мая — 2 июня, после изгнания Жиронды, когда Конвент вел борьбу с коалицией внешних врагов и с восставшими департаментами, во главе которых стояли жирондисты и монархисты, духовенство продолжало свое дело. В октябре (29 вандемьера) 1793 г. от имени Законодательного комитета снова и снова заявлено было о необходимости принять меры к ликвидации контрреволюционных попыток церкви. „Все попы, — читаем мы в этом докладе, — стремятся к контрреволюции, и человечество изнемогает от проливаемых ими рек крови“. Вновь принятым декретом (30

вандемьера) требовалась высылка всех политически неблагонадежных священников.

Гражданская война в стране осенью 1793 г. поставила в порядок дня не только вопрос о борьбе с духовенством, но и вопрос о борьбе с религией и ликвидации церкви.

Антирелигиозная политика Великой французской революции достигла своего кульминационного пункта в сентябре — ноябре 1793 г. В исторической литературе до сих пор нет единства мнений как о причинах развертывания антирелигиозного движения, так и о его характере. Либеральная историография в лице Оляра готова рассматривать дехристианизаторскую политику Парижской коммуны и широкую волну народной ненависти к господствующей религии и церкви по всей Франции как эпизод политической борьбы. Против религии, по его мнению, боролись потому, что видели в ней „духовную коалицию против отечества“. „Скороспелая и дерзкая идея борьбы с религией“, по словам Оляра, появилась в некоторых „горячих головах в разгар опасности“ в сентябре — октябре 93 года. И дальше: „Безумцы в своем страстном желании спасти отечество вообразили, что можно уничтожить в несколько дней вековую религию и искусственно создать новое мощное бродило в душах. Этой попыткой и было создание культа разума“.

Иначе объясняет характер и происхождение дехристианизаторского движения в этот период А. Матез. Объяснение это вскрывает лишний раз мелкобуржуазную сущность его исторического мировоззрения. Матез говорит о попытке осенью 1793 г. создать „новую религию“. „Французы поняли, — читаем мы у Матеза, — что патриотизм, — а под этим словом понималась гораздо большая любовь к идеальному обществу, построенному на началах справедливости, чем любовь к родной земле, — они поняли, что патриотизм есть вера, подлинная вера, уже сама по себе способная предотвратить всякую контрреволюцию“.

Эта вера, по мнению Матеза, создала и свой новый культ в революционных праздниках.

Нельзя утверждать, чтобы и те исследователи истории антирелигиозной политики революции, которые называют себя марксистами, вроде Я. Михайлова (Захера), дали правильное объяснение движению. По существу в книге Захера „Великая французская революция и церковь“ перерастание борьбы с католицизмом в борьбу с религией объясняется, как некий естественный, „логический вывод“ из „плебейского способа“ разрешить задачи революции. Подобная расплывчатая формулировка имеет только внешнее сходство с марксизмом. Она не дает классового анализа той политической обстановки, которая породила антирелигиозное движение 1793 г. Не забудем, что с августа по декабрь 1793 г. формировался во Франции режим террора, оформлялась диктатура мелкой буржуазии как в политической, так и в социально-экономической областях. Обо всем этом Я. Захер умалчивает и анализом конкретно-исторического материала этого не вскрывает.

4 и 5 сентября движение трудящихся масс Парижа заставило революционное правительство мелкой буржуазии поспешить приня-

тием мер против дороговизны. Издание закона о максимуме (29 сентября) было предпринято многочисленными петициями народных собраний, причем в этих петициях нередко наряду с общими рассуждениями о голоде мы встречаем весьма ясные и недвусмысленные формулировки: *революция должна быть продолжена в интересах бедняков*. „Из кого состоит наша республика? — читаем мы в одной петиции. — Из малого числа капиталистов и большого числа бедняков. В чьих руках находится торговля хлебом? В руках этого малого числа капиталистов. Для чего они торгуют хлебом? Для того, чтобы обогатиться“. Петиция отмечает несоответствие цен на предметы первой необходимости и заработной платы и требует установления соответствия между ними.

Расправа с богачами и крупными торговцами стала в порядок дня, и в последние недели своей политической деятельности Жак Ру снова и снова повторял мысль, общую для всего левого крыла якобинской коалиции: „До сих пор революция послужила на пользу лишь одного класса людей, подавляющего другие классы под сенью закона“.

Этот класс — победители-богачи или, точнее, в деревнях — это крупные домовладельцы, фермеры и бывшие привилегированные судейские, в городах это — финансисты, крупные торговцы, адвокаты и прихвостни старого режима.

Принятие закона о максимуме в конце сентября однако не разрешило вопроса. Со всех сторон неслись жалобы на растущую продовольственную нужду. Революционная армия должна была мечом достать хлеб голодающему городскому населению. Решено было расширить закон о максимуме, централизовать продовольственное дело и все хозяйственное дело республики. В своем знаменитом докладе Баррер (11 брюмера) поставил вопрос о максимуме не только на хлеб, но и на все предметы обмена у источника сырья, на промышленных предприятиях и в торговле. Идея журналиста Публиколы Шоссара о необходимости национализации урожая выражена была им резко и решительно: „Все то, что необходимо всем, есть общественная собственность, которая эксплуатируется частными лицами“. Формула эта приобретала популярность в широких народных массах. Так постепенно оформлялась экономическая диктатура эпохи террора, а еще раньше получила прочные основы и политическая диктатура в стране. Демократическая конституция 1793 г. была отменена, и вместо нее в октябре Сен-Жюст предложил оформить революционный закон правительства якобинцев. „Законы революционны, — говорил он, — но их исполнители — плохие революционеры“.

Государственная власть должна была подвергнуться чистке сверху донизу, революционный террор должен был поднять нож гильотины, чтобы Франция одолела коалицию внутренних и внешних врагов.

Внутри страны враги становились все более и более многочисленными, укреплялся блок контрреволюционного дворянства, духовенства и широких кругов зажиточной буржуазии. Иностранное золото делало свое дело.

Наряду с распространением фальшивых ассигнаций агенты иностранных правительств разворачивали широкую вредительскую деятельность по дезорганизации французского хозяйства и революционной администрации.

Во вредительской деятельности были замешаны многие и многие видные якобинцы, среди них бывшие священники (Шабо). Стоит только напомнить о знаменитом деле Остиндской компании, когда за взятки ряд депутатов Конвента взял на себя охрану интересов крупных спекулянтов и торговцев с колониями.

Вредители нередко облекались в тогу радикализма, и некоторые из них принимали участие в пропаганде антирелигиозных идей, в проведении атеистической политики. На этом основании мелкий буржуа Матъез сделал вывод, что и все антирелигиозное движение осени 1793 г. было делом рук подкупленных агентов Питта. Но это значит — свести огромное, историческое значение движения к ничтожным причинам. Подобное объяснение событий осени 93 года столь же мало убедительно, как и утверждение о том, что в широких массах борьба с католицизмом свелась к попытке создать какую-то новую „народную мистическую религию“.

Не подлежит сомнению, что глубокой важности антирелигиозное движение, в которое были вовлечены широкие массы города и деревни и причины которого таились в *остром экономическом и политическом кризисе*, было одним из проявлений мощной попытки раздвинуть исторические рамки буржуазной революции. Перед революционными массами трудящихся Франции смутно вырисовывались новые идеалы общественного строя, нанесен был жестокий удар частной собственности и идеологии, построенной на этой частной собственности, в том числе и религии. Много десятилетий коренившиеся в революционных низах идеи атеизма прорвались наружу после того, как на протяжении последних лет церковь и духовенство обнаружили свою контрреволюционную сущность. Идеалы Ж. Мелье были близки к своему осуществлению.

Не забудем, что инициатива антирелигиозного движения осени 93 года исходила из провинции и возглавлялась комиссарами Конвента. Когда мы читаем донесения Комитету общественного спасения этой эпохи, мы, наряду с протестами против бога и репрессивными мероприятиями против церкви и духовенства, находим перечисление суровых мер против богачей. Фуше, автор одного из основных атеистических декретов, издает почти одновременно в сентябре 1793 г. в главном городе департамента Ниеври приказ о контрибуции на богачей соответственно числу неимущих в этом департаменте. Он революционным путем вводит максимум, компенсируя булочников за счет богатых. Всех, кто отказывается подчиняться его законам, он объявляет предателями отечества; он угрожает фабрикантам, закрывающим свои мастерские, что объявит их предприятия национальной собственностью. „*Стыдно быть теперь богатым*“ — таков лозунг, брошенный в октябре 93 года не только им, но и подавляющей частью народных комис-

саров. Источником пополнением подобной политики была их антирелигиозная политика.

Мы приводим ниже донесения открытого собрания властей из Ниеври от 22 сентября по поводу ликвидации религиозного культа. На этом собрании выступил Шомет, один из вожаков антирелигиозных политиков в Парижской коммуне, который нападал не только на великого тирана — бога, но и на всех мелких тиранов, которые пытаются во Франции заменить старых хозяев.

В том же городе 10 октября Фуше объявил именем французского народа об отмене всяческого культа и замене его культом „всемирной морали“.

Запрещены были всякого рода религиозные церемонии, связанные с актом смерти, и сформулировано было знаменитое положение атеизма XVIII в.: „Смерть — это вечный сон“.

Та же политика проводилась и в других департаментах. Об этом говорит приводимый нами материал — донесение комиссаров из департамента Нижней Шаранты. Повсюду происходило массовое истребление духовенства, повсюду Декларация прав человека должна заменить, как пишут комиссары, смехотворно-глупые религиозные таинства. Священники вынуждены были присоединиться к народному движению. Они оправдывали себя теперь перед массами в том, что в продолжение многих лет обманывали их. Вот как убедительно доказывал это на одном собрании директории департамента Нижней Шаранты оратор-якобинец: „После того как мы разрушили трон, низвергли короля, изгнали дворянство, уничтожили все суеверия, связанные со всем старым строем, нам осталось сделать еще один серьезный шаг по направлению к философии, осталось побороть еще одно, быть может еще более постыдное, более унижающее суеверие, которое вот уже 17 веков держит сменявшиеся поколения под гнусным игом священников. Это суеверие есть религия“.

Для участников антирелигиозного движения осени 93 года таким образом очевидно было, что их борьба с церковью не является случайным эпизодом, что она является логическим результатом всей той антирелигиозной политики, которая проводилась во Франции передовыми мыслителями еще до 1789 г. и которая была делом революционеров после свержения деспотизма. В значительной мере под давлением народного движения во Франции Париж взял на себя руководство антирелигиозной политикой. Инициатива оказалась в руках Парижской коммуны и ее вождя Шомета. Мы приводим в сборнике подробные записи заседаний Коммуны, посвященных борьбе с религией и церковью. Внимательно читая эти записи, мы увидим, что Парижская коммуна часто только санкционировала мероприятия отдельных секций. Как и в провинции, в столице дело сводилось к конфискации имущества духовенства, закрытию церквей, к уничтожению культа. Но все то, что раньше повсюду делалось случайно, не систематически, приняло теперь характер организованной, продуманной и планомерно проводимой кампании.

Уничтожение внешних обрядностей, предметов культа, мощей,

всей накопившейся рухляди, „чудес“ стало лозунгом для широких народных масс. В порядке организованной кампании происходило упразднение духовенства не только как сословия, но и как определенной профессии, происходило массовое, в невиданных до сих пор размерах разоблачение религиозного мошенничества. Коммуна Парижа посягнула на религиозные таинства, пыталась придать гражданский характер актам рождения и смерти, и характерно, что Шомет при споре о тех гражданских процедурах, которые должны сопровождать смерть человека, требовал уничтожения всего того, что могло бы напоминать о мрачных мыслях. „Тот, для кого, — торжественно заявил он, — смерть является источником страха, может быть лишь человеком, дурно прожившим свою жизнь“.

В распоряжениях Коммуны обращает на себя внимание борьба с попытками создать новый культ, воздвигнуть храмы и новые алтари и поставить новых идолов, причем принятые распоряжения касаются не только католической религии, но и всякого религиозного культа, в том числе еврейского, протестантского и т. д. В заседании 18 брюмера, как рассказывают нам сохранившиеся протокольные записи, священник церкви св. Августина в сопровождении всех своих vikariev воздавал хвалу философским воззрениям века, а заместитель прокурора Коммуны требовал уничтожения всех предметов религиозного культа и всего, что могло бы напоминать о культе.

Из протокольного постановления начала фримера мы узнаем, что в связи с предложением секции Кэнз-вен генеральному совету Коммуны посвятить церковь св. Антония свободе и воздвигнуть в ней алтарь, на котором горел бы постоянно огонь, поддерживаемый юными весталками, решено было: „Разум и истина противятся тому, чтобы какой бы то ни было образ занимал взоры и воображение народа, и никакие материальные знаки, каковы бы они ни были, не будут отныне воздвигаться ни в одном храме, здоровая мораль республиканских принципов является единственным предметом, который должен поражать не зрение, а слух и ум людей“.

Не здесь место подвергать дальнейшему, более подробному анализу знаменитые постановления Коммуны октября — ноября 93 года, но и приведенных материалов достаточно, чтобы прийти к выводу: если в этих постановлениях не было продуманной, до конца проведенной антирелигиозной политики для всей Франции, а тем более политики атеизма, то все же в них, наряду с их общим антицерковным и антихристианским характером, значительное место занимают постановления, направленные прямо против всякого религиозного культа и всякой религии. То же впечатление мы выносим, если внимательно ознакомимся с приведенными в сборнике материалами выступлений священников в Конвенте на знаменитом заседании 17 брюмера, где ряд священников во главе с парижским архиепископом Гобелем складывал с себя священническое звание, заявляя о том, что они до настоящего времени были шарлатанами.

На местах народные представители, как в Рошфоре, открывая „храм истины“, заявляли: „Граждане, грядущей жизни не существует... От нас не останется ничего, кроме рассеянных молекул, составлявших некогда наше тело, да памяти о нашей жизни... Мы примем религию философии, свободы, равенства и человечности— в этом заключается вся мораль, а мораль не нуждается ни в каком культе“—такова была „новая религия“ тех, которые выступали на борьбу с христианской религией. Если под атеизмом понимать не только философские и теоретические формулы, закрепляющие положение, доказывающее абсурдность и иллюзорность божества, а широкое народное движение, ликвидирующее религию и культ и тем самым создающее объективные условия для воспитания новых поколений в духе подлинного атеизма, то дехристианизаторская политика осени 93 года, включая в себя безусловно много элементов деизма, впервые в истории открыла широчайшие возможности для атеистической политики. Об этом говорит приведенный нами в сборнике материал о дехристианизаторской политике во французских департаментах, в городах и деревнях республики. В самых отдаленных французских деревнях не только изгоняли неприсягнувших священников, не только уничтожали материальное достояние церкви, но и делали все для того, чтобы уничтожить всякий культ, вырвать с корнем всякого рода религиозные предрассудки. Стоит только прочесть записи деревенской коммуны, посвященные новому порядку похорон, чтобы понять, какую колоссальную освободительную роль играло дехристианизаторское движение не в смысле создания нового религиозного культа, а в смысле подрыва возможности всякого влияния религиозных идей.

Мы не будем давать здесь характеристики материалов сборника о дехристианизации Франции по отдельным департаментам. Обращаем внимание читателей на материалы, посвященные освобождению быта от религиозных традиций, на материал, касающийся перемены имен, переименований улиц, городов, уничтожения внешних признаков всяческого религиозного культа, как на данные, которые должны показать нам, какую огромную революцию в быту приносила с собою антирелигиозная политика.

Большой интерес для оценки характера движения имеет приведенный нами доклад депутата Фабр д'Эглантин, прочитанный им в октябре 1793 г. о введении нового календаря вместо старого грегорианского летоисчисления. Читая этот доклад, мы видим, что речь шла не о частичной реформе, а о революционном законодательстве, которое должно было заложить основы нового мировоззрения соответственно задачам нового общества.

Докладчик защищает идею необходимости „построения „эгалитарной республики“, „вернуть французский народ к земледелию, ибо земледелие есть главный политический элемент такого народа, как мы, на который и земля и небо взирают с такой любовью и предпочтением“. Введение нового календаря должно уничтожить влияние священников и религии в наиболее интимных человеческих переживаниях, в наиболее сокровенных углах

французского быта. Особый интерес представляют страницы, в которых докладчик подчеркивает Конвенту, что смена календаря посвящена задачам революционизирования быта граждан города и деревни. Эта мысль прекрасно выражена в „Инструкции о республиканской эре“, приложенной к декрету и составленной депутатом Конвента Роммом: „Франция в продолжение 5 лет очищается от всего, что ее грязнит и задерживает ее развитие... Она желает, чтобы это перерождение было полным“. Вот почему Конвент вводит новый календарь. Ромм спрашивает: „Увидит ли наше потомство на одних и тех же скрижалях, написанных то рабской и коварной рукой, то рукой верной и свободной, описания восхваляемых преступлений королей и отвращение, которое они вызывают теперь,—плутовство и ложь, долго перевозносимые лицемерами, и позор, покрывший наконец гнусных и мерзких доверенных лиц продажного и воровского режима дворцов? Нет! Общераспространенная эра—была эрой жестокости, лжи, фанатизма и рабства. Эта эра кончилась вместе с королевством, источником наших зол“. Мы видим, что даже в этих словах речь идет о чем-то большем, чем новый культ, речь идет о попытке оформить и осуществить в действительности начало какого-то нового мировоззрения.

Повторяем, мы отнюдь не утверждаем, что осенью 1793 г. в антирелигиозной своей политике Парижская коммуна и тем более Конвент осуществляли принципы последовательного атеизма, но свести все антирелигиозное движение 93 года во Франции к учению деизма—значит недооценить и не понять того социального протеста плебейских, говоря словами Маркса и Энгельса, масс города и деревни, который в сентябре—декабре 1793 г. заложил основы революционной диктатуры в области экономической и политической и этим подрывал корни религии.

Дехристианизаторское движение не могло не возобновить теоретической дискуссии о боге. Правда, время не способствовало теоретическим спорам,—все было подчинено политическим задачам дня,—и все же в Конвенте и в якобинском клубе, в революционной прессе и комитетах дискуссия по основным вопросам религиозной философии велась. Когда А. Клоотс 27 брюмера выступил в Конвенте со своей атеистической речью, в которой он, защищая себя, говорил о том, что его „идея о Всемирной республике имеет своим препятствием религию“, он развернул на трибуне Конвента знамя атеизма. А. Клоотс убежден, что повсюду, где будет принята монтаньярская конституция, возторжествует разум, „ибо конституция,—говорил Клоотс,—которая оставляет поам одни их фокусы, заставляя их возвращать нам как нашу мораль, так и наши деньги,—такая конституция, показывая обман во всей его ужасной наготе, неизбежно должна произвести то чудо, которое мы имеем сейчас перед глазами“. И Клоотс предложил воздвигнуть памятник Жану Мелье, отцу атеистического движения XVIII в. Конвент принял закон о сооружении памятника Мелье, „первому священнику, имевшему смелость отречься от религиозных заблуждений“.

Для антирелигиозной пропаганды 1793 г. характерны взгляды комиссара Конвента, якобинца Лекинио. Будучи одним из активных деятелей дехристианизаторского движения, он попытался теоретически осмыслить свою „борьбу с предрассудками“. В его рассуждениях мы видим следы борьбы деистических и атеистических идей.

Наиболее близкими к атеизму в эпоху революции являются взгляды А. Клоотса, „оратора рода человеческого“. Еще до революции в своей работе „О достоверности магометанства“ он эзоповским языком проводит беспощадную критику всякой религии, в том числе и христианства. Законодательное собрание отклонило его дар, — он преподнес свою книгу собранию, — не разделяя „крайностей“ его атеистической пропаганды. Взгляды А. Клоотса характерны как сочетание атеизма Гольбаха с гражданской религией Руссо.

В годы Конвента А. Клоотс свою пропаганду атеизма соединял с идеей космополитизма, считая уничтожение религии предпосылкой победоносной революции.

А. Клоотс был одним из организаторов движения осенью 1793 г. В отличие от остальных вождей Коммуны Клоотс до конца остался верным своим взглядам. С атеизмом была увязана и его политическая программа. „У рода человеческого, — писал он, — был отнят суверенитет, которым облекли мнимого суверена в небесах“. Но А. Клоотс не принадлежал как политик к крайнему крылу якобинцев; враг революционной диктатуры и террора, он был казнен весной 1794 г. В нашем сборнике мы приводим отрывок из его наиболее яркого политического памфлета „Конституционные основы республики человеческого рода“.

На иной позиции, как мы знаем, стоял М. Робеспьер. Сторонник гражданской религии Руссо, глубоко религиозный человек, он стремился к замене старой католической религии „новой верой“, он решил объявить войну тому дехристианизаторскому движению, которое грозило перерасти в невиданное по размерам в истории человечества атеистическое движение. Успеху его выступлений способствовала сложная политическая обстановка, в которой находилась в то время Франция. Атеизм, проводимый как государственная политика, не мог не обострить борьбы между революцией и контрреволюцией внутри и вне страны. Могло ли французское правительство взять на себя эту задачу? Робеспьер, этот великий политик мелкой буржуазии, сыграл на нерешительности широких кругов буржуазной Франции и заявил: „Нет, не фанатизм должен быть сейчас главным предметом наших забот“. Из этого в известном смысле политически правильного для осени 1793 г. вывода он сделал общий вывод о том, что законодатель не должен узаконивать систему атеизма, что атеизм аристократичен, и вернулся к вульгарному утверждению деистов о том, что „бедняки нуждаются в религии для утешения своих горестей“.

Тот культ верховного существа, который спустя некоторое время был им проведен, был реакцией против широкого атеистического движения осени 93 года, был „новой религией“.

Для Робеспьера культ верховного существа был ответом на социально-экономические требования масс. Как типичный представитель мелкой буржуазии он вынужден был, сохраняя частную собственность, прибегнуть наряду с проектами „обеспечения бедняков излишками богатых“ к новой вере, которая должна была утешить нуждающихся. Он утверждал: „Атеизм аристократичен, несчастный народ аплодирует мне, когда я воздвигаю новую религию; меня порицают за то, что я воздвигаю новый культ, я отвечаю: если бога нет, его надо выдумать“. Этим путем однако социально-экономические и политические проблемы не могли быть разрешены. Вместе с падением Робеспьера пала и его религия.

Французская революция могла бы пойти дальше по пути атеизма, если бы она могла вступить на путь социальной революции против собственности. Но исторически эта задача принадлежала грядущей эпохе революции пролетариата.

Выступления Робеспьера заставили многих отказаться от проведения политики дехристианизации. Шомет в Коммуне попытался задержать дальнейшее развитие массового атеистического движения, но не все пошло по этому пути. Мы в сборнике приводим выдержки из блестящих статей журналиста Салавиля против деизма. Выступая в дискуссии с Робеспьером, он требует отказаться от всякого культа и от всякой религии. Салавиль протестует против самой идеи верховного существа, предупреждая, что сделать его основой морали — значит в известном смысле сохранить идею „бога-владыки, идею чисто деспотическую“.

С торжеством буржуазной республики Франция вернулась снова к политике охраны „конституционной“ церкви и присягнувшего духовенства. Этой политике буржуазная власть осталась верна и тогда, когда провозгласила „отделение церкви от государства“. В обстановке белого террора духовенство снова приобрело былую активность. Контрреволюционные мятежи начались с новой силой. Вандея снова стала центром контрреволюции. И только после победы Наполеона мятеж духовенства был ликвидирован путем заключения компромисса с римской церковью. Договор с римским папой был заключен 18 апреля 1801 г. Буржуазия примирилась с католицизмом, а духовенство признало конфискацию земли и новых собственников церковного имущества. Поражение революционной диктатуры было таким образом поражением антирелигиозной политики народных масс. Буржуазная контрреволюция повлекла за собой реакцию и в вопросах религиозной политики.

Такой характер тех материалов по истории антирелигиозного движения во Франции в годы революции, которые мы приводим в нашем сборнике. Он конечно ни в коей мере не смог исчерпать темы, мы привели лишь некоторые материалы, наиболее характерные для того, чтобы обрисовать борьбу различных течений вокруг вопросов религиозной политики и прежде всего дехристианизаторского движения осени 93 года. Нас интересовала не столько теоретическая пропаганда атеизма, не столько философия атеизма, сколько *революционная атеистическая практика*. Эти документы должны показать, как серьезна была в годы Французской револю-

ции попытка трудящихся масс города и деревни во главе с революционной частью мелкой буржуазии осуществить в действительности идеи последовательной атеистической политики, провозглашенной во Франции еще в начале XVIII в. революционером-коммунистом Жаном Мелье.

В этом сборнике мы даем только часть материалов. Дальнейшему освещению вопросов истории атеизма конца XVIII в. будет посвящен второй сборник.

Перевод большей части документов сделан Э. Гуревичем. Отрывки из „Завещания“ Мелье и „Здравого смысла“ Гольбаха даны в имевшемся ранее русском переводе. Документальный материал взят из „Archives parlementaires“, из „Moniteur“, из „Histoire parlementaire de la Révolution française“. Бюше и Ру и из сборника папских энциклик, изданных в 1925 г. Мишоном.

Ц. Фридланд.

Москва, 27 октября 1932 г.

I

О деспотизме, религии и духовенстве (из литературы до 1789 г.)

1. Ж. Мелье¹. О религии, собственности и деспотизме

Религия освящает тиранию и оправдывает угнетение народа

Я буду основывать это доказательство на тех злоупотреблениях, несправедливых притеснениях и даже тирании сильных мира сего, которые религия допускает, одобряет и на которые она этих сильных мира сего уполномочивает.

Основываясь на этом, я аргументирую следующим образом. Религия, которая допускает, одобряет и даже рекомендует злоупотребления, противоречащие справедливости и правилам хорошего управления людьми и которая ко вреду народов освящает даже тиранию сильных мира сего, такая религия не может быть истинной и действительно богом установленной. Ибо все законы и постановления, которые исходили бы от бога, были бы справедливы и справедливы, и всякая религия, установленная богом, порицала и осуждала бы все то, что противоречит справедливости и правилам хорошего управления людьми. Христианская же религия допускает, одобряет и освящает многие злоупотребления, противоречащие справедливости, здравому смыслу и правилам хорошего управления людьми. Больше того, она допускает и освящает многие несправедливые притеснения и даже тиранию королей и сильных мира сего к великому соблазну и вреду народов, ставших несчастными и обездоленными под игом их сурового и жестокого правления. Это легко доказать. Я начну со злоупотреблений, которые особенно останавливают на себе мое внимание.

Первым злоупотреблением является то огромное неравенство, которое мы везде наблюдаем между различными сословиями и состояниями людей, из которых одни кажутся даже рожденными только для того, чтобы тиранически господствовать над другими и проводить всю свою жизнь в довольстве и наслаждениях; другие же, напротив, кажутся рожденными только для того, чтобы влачить жизнь обездоленных и несчастных, быть презренными рабами и стонать всю свою жизнь под гнетом труда и лишений. Это неравенство в высшей степени несправедливо, так как оно не обуславливается ни заслугами одних, ни проступками других.

Это неравенство также и тисно, ибо, с одной стороны, оно только способно внушить одним и поддерживать у них гордость, высокомерие, честолюбие и суетность, с другой стороны, оно только порождает ненависть, зависть, гнев, желание мести, жалобы и ропот. Все эти страсти являются впоследствии источником и признаком неизмеримого количества зла и преступлений, совершающихся в мире. Это зло и эти преступления несомненно не имели бы места, если бы люди установили между собой справедливое отношение, такое, какое только необходимо для установления и соблюдения между ними справедливой субординации, а не для тиранического господства одних над другими.

Все люди равны от природы. Они все одинаково имеют право жить и двигаться по земле, одинаково имеют право пользоваться на ней своей естественной свободой и иметь свою долю в земных благах, добывая сообщаемым полезным трудом средства, необходимые и полезные для жизни. Однако, так как

люди живут в обществе, а общество или коллектив людей не могут быть правильно организованы или, будучи правильно организованы, не могут долго поддерживать добрый порядок без того, чтобы между их членами не существовало некоторой зависимости и отношения подчинения, то для блага человеческого общества абсолютно необходимо, чтобы между людьми существовала зависимость и подчинение одних другим. Но необходимо также, чтобы эта зависимость и это подчинение одних другим были справедливы и хорошо соразмерены. Этим я хочу сказать, что они не должны заходить так далеко, чтобы чрезмерно возвышать одних и чрезмерно унижать других, чрезмерно благоприятствовать одним и чрезмерно угнетать других, слишком много давать одним и ничего не оставлять другим. Эта зависимость и подчинение не должны наконец простираться до того, чтобы одним достались все блага и все наслаждения, а другим все труды, все заботы, все тревоги и все огорчения, ибо такая зависимость и такое подчинение были бы несправедливы и гнусны и противоречили бы естественному праву. Эту мысль очень хорошо формулировал в своем произведении один здравомыслящий писатель истекшего столетия. Вы имеете, — говорит он, — на одной стороне власть, наслаждения и праздность, а на другой стороне зависимость, заботы и лишения. Но эти вещи, — говорит он, — или размещены неправильно человеческой злобой, или бог — не бог. Слишком большое неравенство, — говорит он дальше, — которое мы наблюдаем среди людей, есть дело рук самих людей и установлено законом наиболее сильных. Все мы равны, — говорит Сенека ², — от рождения и по происхождению, нет среди нас никого, кто был бы благороднее другого, разве только в том случае, когда один обладает большим умом и более способен к добродетели и просвещению, чем другой. От природы и от рождения мы все родственники и союзники, ибо приходим от одной и той же природы и существуем для одной и той же цели. Вот почему он прибавляет, что все наименования и титулы: королей, князей, монархов, властелинов, благородных, подданных, вассалов, крепостных, вольноотпущенников, рабов — все они являются наименованиями, порожденными честолюбием, насилием и тиранией...

Очевидным и огромным следовательно злоупотреблением христианской религии является наблюдаемое среди ее последователей не только несправедливое и гнусное лицемерие, но также столь огромное, столь несправедливое и столь гнусное неравенство между различными сословиями и состояниями...

...Злоупотреблением, которое окончательно делает людей жалкими и несчастными, является тирания, почти всеобщая, сильных мира сего, тирания королей и князей, которые имеют почти на всем земном шаре неограниченную власть над всеми другими людьми. Ибо все эти короли и князья являются в настоящее время истинными тиранами, которые тиранят и не перестают тиранить подвластных им бедных людей множеством законов и бесконечными поборами, которые они налагают на своих подданных и которыми они угнетают их каждодневно. Платон, — говорит господин де-Монтень ³, — определяет в своем „Георгий“ тирана, как властителя, своевольно делающего в городе все, что ему заблагорассудится. Согласно этому определению, можно с полным основанием сказать, что все монархии являются в настоящее время тиранами, ибо они берут себе волю делать все, что им заблагорассудится не только в некоторых деревнях или городах, как говорит Платон ⁴, но в провинциях и в целых королевствах. И они доходят в своем своеволии до такого высокомерия и до такой наглости, что единственным основанием своего поведения, своих законов и указов они делают свое желание и свою прихоть, ибо они говорят: так мне нравится, подобно тому, кто говорит: *sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas* ⁵.

Пророк Самуил был вполне прав, укоряя израильский, т. е. еврейский, народ в слепоте и глупости, когда последний требовал, чтобы он им дал короля, который управлял бы ими так, как управляются другие народы.

Никакое пророчество, если таковое существует, так не оправдалось, как вышеуказанное пророчество, подтверждение которого мы, к несчастью, видим на примере бедных во всех королевствах и в течение всех веков, протекавших с того времени. И еще в новейшее время народы имеют несчастье видеть подтверждение этого пророчества, и в частности в нашей Франции и в наш век, когда короли и даже королевы провозглашают себя неограниченными господами всех вещей: их льстецы убеждают их, что они имеют неограниченную

власть над жизнью и имуществом. Вот почему мы видим также, что они не щадят ни жизни, ни средств, а приносят все это в жертву на алтарь своей славы, своего высокомерия, своей жадности и мстительности, соответственно тем страстям, которые их воодушевляют и вдохновляют. Чего только они ни делают, чтобы прибрать к рукам все золото и серебро своих подданных. С одной стороны, они облагают под разными нелепыми и суетными предлогами различными поборами все зависимые от них приходы, они эти поборы по прихоти увеличивают, удваивают и утраивают под разными другими нелепыми и суетными предлогами. Мы видим почти каждый день новые обложения, новые эдикты, приказы или новые требования, исходящие от королей или от их первых чиновников и обязывающие население доставить им все то, что от него требуется, и исполнить все их приказания. И если население не подчиняется немедленно, не будучи в состоянии исполнить достаточно скоро все то, что от него требуется, и не имея возможности вносить немедленно те огромные суммы, которыми оно облагается, то в деревни тотчас же посылаются полицейская стража, чтобы жестокими мерами принудить население платить или исполнить то, что ему приказывают. Туда посылаются гарнизоны солдат и других подобных негодяев, которых население обязано кормить и оплачивать все их расходы до момента полного удовлетворения. Часто даже из опасения недоимок против населения заранее принимаются принудительные меры еще до того, как наступил срок платежей, так что бедный народ терпит насилие за насилиями и поборы за поборами. Его преследуют, его давят, угнетают и грабят на всякий манер. Сколько бы люди ни плакали и ни указывали на свою бедность и нищету, на это не обращают ни малейшего внимания. Эти жалобы даже не выслушиваются, а если они выслушиваются, то это делается скорее на манер царя Ровоама, т. е. не для того, чтобы облегчить народное бремя, а для того, чтобы еще более отягощать его. Этот царь, как говорят, выслушав жалобы своего народа на подати и поборы, которыми его отец, царь Соломон, обременил его, и просьбу об их уменьшении, дал своему народу такой надменный и наглый ответ: Мой мизинец, — сказал он им, — больше, чем вся рука моего отца, если мой отец обременял вас податями и поборами, то я вас отягощу еще больше. Мой отец сек вас прутьями, а же буду вас сечь скорпионами. Жалобы несчастного народа выслушиваются теперь не более благосклонно, чем в те времена, ибо правилом монархов и их первых министров является истощать все средства народа и сделать его нищим и несчастным для того, чтобы он стал более покорным и не был в состоянии предпринять что-нибудь против их власти. Правилom их является также позволять ростовщикам и податным откупщикам обогащаться за счет народа с тем, чтобы затем обобрать их и использовать в качестве губки, которую выжимают после того, как ей дали насосаться. Правилom их является также унижать наиболее знатных в их королевствах и поставить их в такое положение, чтобы они не могли вредить им. Они намеренно также сеют смуту и раздоры среди своих первых чиновников и даже среди своих подданных для того, чтобы те не думали о заговорах против них. Эта цель и достигается ими путем отягощения народа непомерными поборами, ибо этим путем они обогащают себя в меру своего хотения, разоряя своих подданных и тем вызывая среди них смуту и разлад. Ибо пока обитатели каждого прихода спорят, ссорятся и ведут тяжбу между собой по поводу разверстки вышеуказанных налогов и каждый из этих обитателей жалуется на чрезмерное обложение в сравнении с соседом, который, мол, богаче его и на которого, может быть, падет меньшая доля, пока, говорю я, обитатели приходов спорят и ссорятся по этому поводу, пока они ведут тяжбы между собой и бросают друг другу тысячу оскорблений и проклятий, — в это время они не могут еще затевать ссоры со своим королем и с его министрами, которые тем не менее являются единственными, действительными причинами их смут и их неудовольствий. Они не смеют открыто роптать против своего короля, ни против его министров, они не смеют ссориться с ними, у них даже не хватает духу или мужества объединиться, чтобы общими силами сбросить тираническое иго одного человека, который управляет ими с такой жестокостью, который причиняет им столько страданий, и они готовы убивать друг друга для удовлетворения своей частной вражды и частной ненависти.

Так как короли следовательно безусловно желают обогащаться и стать неограниченными владыками всех вещей, то необходимо, чтобы бедные люди

делали все, что первые им приказывают, и чтобы они им дали все то, что первые от них требуют, и все это они должны делать под страхом применения самых жестоких мер, под страхом конфискации их имущества, лишения личной свободы и всяких других насилий. Вот что заставляет народ стонать под тяжелым игом рабства. Жестокость этого ига и этого столь гнусного и презренного правительства усугубляется для народа еще теми притеснениями, которые ему приходится терпеть от тысяч грубых и жестоких сборщиков податей, которые обыкновенно спесивы и надменны и от которых бедному народу приходится терпеть всякого рода грубости, всякого рода воровство, плауство, лихоимство и всякие другие несправедливости и притеснения. Ибо нет ни одного чиновника, как бы мал чином он ни был, ни одного даже самого маленького сборщика податей или канцеляриста, ни одного самого низкого полицейского стражника или чиновника соляного и табачного акциза, которые под тем предлогом, что они на службе у короля, или под тем предлогом, что они собирают его подати, не считали бы своим долгом быть надменными и не считали бы себя вправе оскорблять, притеснять и тиранизировать бедный люд. С другой стороны, эти короли устанавливают огромные налоги на всякого рода товары, чтобы извлечь выгоду из всего того, что продается и покупается. Они устанавливают налоги на вина и на мясо, на водку и на пиво, и на масло. Они его устанавливают на шерсть, на полотно и на кружева. Они облагают налогами перец, соль, бумагу, табак и всякого рода съестные припасы. Они взимают пошлины за право ввоза и вывоза, они заставляют оплачивать свой контроль и свое внесение в протокол, они заставляют платить за свадьбу, за крестины, за похороны. Они заставляют себе платить за амортизацию, за провоз по их земле, за течение воды в реке, и немного не хватает, чтобы они заставляли платить себе за течение ветров и туч. Дайте волю Эргасту, — говорит довольно остроумно в своем сочинении де-ля-Брюйер⁶, — дайте ему волю, и он обложит пошлиной право пить воду из реки и право двигаться по твердой земле. Он умеет превратить в золото тростник, камни и крапиву. Если кто-либо хочет заниматься торговлей на находящихся в их власти землях и свободно двигаться по этим землям с тем, чтобы продавать и покупать или чтобы перевозить товары, то он должен иметь, как сказано в апокалипсисе, признак зверя, т. е. отметку об уплате налога и разрешение короля. Он должен иметь промысловое свидетельство, расписки, пропускное свидетельство, охранительную грамоту, отпускное свидетельство, паспорт и другие подобные грамоты, которые поистине являются тем, что можно было бы назвать признаками зверя, т. е. знаками разрешения тирана. Если кто-либо, не имеющий такого разрешения, к своему несчастью попадает или будет схвачен чиновниками вышеуказанного королевского зверя, то он рискует быть разоренным и погибнуть, ибо немедленно задерживаются и конфискуются его товары, его лошади, его повозки, а сверх того приговариваются к огромным штрафам, к тюремному заключению, к галерам, а иногда даже к позорной казни торговцы или те, кто возят указанные товары. Вот как строго запрещено торговать и разъезжать с товарами, не имея, как я говорил, признаков или знаков зверя.

* * *

...И если этим королям вздумается расширять пределы их королевств или их империй и объявлять войну своим соседям с тем, чтобы вторгнуться в их королевства или провинции под каким-нибудь нелепым предлогом, который они придумают, то это всегда делается за счет жизни и имущества бедного народа. Ибо они мобилизуют людей столько, сколько они хотят, для укомплектования своих армий, они заставляют брать их добром или силой везде, где их чиновники их ни застали бы. Они требуют себе денег и жизненных припасов, чтобы кормить и содержать свои армии. Это однако не мешает тому, чтобы бедное население деревень не подвергалось ежедневно обидам, оскорблениям и насилиям наглых королевских солдат, последние только и знают, что истреблять и грабить все, что они находят. И если королевским армиям удастся вторгнуться в неприятельскую страну, они только то и делают, что разорят и опустошают целиком провинции, истребляя все огнем и мечом. Вот обычные последствия жестокости князей и королей земель, и в особен-

ности наших последних французских королей. Ибо нет других королей, которые бы так далеко простирали свою неограниченную власть, которые ввергли бы свои народы в такую бедность, в такое рабство и в такие лишения, как эти последние, и никакой другой король не заставил литься столько крови, не принес в жертву столько человеческих жизней, не исторг столько слез от вдов и сирот, не подверг разорению и опустошению столько городов и провинций, как этот последний король, Людовик XIV, прозванный Великим поистине не за великие и похвальные деяния, совершенные им, ибо он ничего такого не совершил, что заслужило бы этого имени, а за поистине великие несправедливости, за великое воровство, за великую узурпацию, за великое разорение и истребление людей, которые совершались по его приказанию во всех концах мира, на море и на суше.

Вот что говорит о нем один автор.

Я не хочу больше скрывать правду и высказываю ее, ибо я больше ничего не боюсь. Если за королем Людовиком XIV действительно утвердятся имя Великого, то все согласается, что к той степени величия, которой он ныне достиг, ведет отмена эдиктов, вероломство, нарушение клятв, данных им на евангелии с тем, чтобы легче обмануть тех, кто заключал с ним договор. Ибо этот король соблюдает свои клятвы и свое королевское слово только тогда, когда этого требуют его интересы. В самом деле, — продолжает он, — если этот король носит имя Великого, то это за то, что он ослабил империю и Испанию, это прежде всего за то, что он нарушил договоры, заключенные с ними. Если этот король велик потому, что он истребил гугенотов в своем королевстве, то это было сделано в нарушение эдиктов, которые он в день своего коронования поклялся соблюдать, в нарушение тех привилегий, которые он и его предшественники на престоле так торжественно гарантировали им в стольких королевских декларациях и под защитой которых гугеноты жили мирно в течение более ста пятидесяти лет. Наконец, — говорит он, — если величие этого короля в королевстве зиждется на его остроумии и на его любовных интригах, то последнее связано с нарушением супружеской верности. Госпожу де-Ментенон, наложницу этого монарха, — говорит этот автор, — сравнивали с богиней Юноной, и один автор ее назвал юмимидией Юпитера Бурбона. Мы слышим, — говорит тот же самый автор, — во всех провинциях Франции только крик и жалобы на тиранию, на узурпацию, на воровство и на хищения, которые чинятся во Франции, которые довели ее жителей до суммы, до необходимости продавать свое платье, так что они едва могут сохранить за собой одну рубашку. Все бегут. Дворянство бросает свои земли, крестьянин свое поле, а жители городов свои промыслы.

Франция, — говорит еще тот же автор, — страдает в настоящее время от огромного количества сборщиков податей и продажных откупщиков, которые высасывают у бедного народа последние соки, так что я боюсь, — говорит этот автор, — чтобы король в конце-концов не утратил своих доходов. Последнему следовало бы посоветовать, чтобы он в будущем не объявлял так несправедливо войны своим соседям, чтобы он никогда не нарушал мира без справедливого основания, ни перемирия до истечения его срока. Таким путем король избегнет, — говорит наш автор, — тех затруднений, которые он ныне встречает в своих поисках мира. Следует ему также посоветовать, чтоб он не тиранил бедный народ, как он это делает, чтобы он не совершал над ним беспрерывных насилий с целью принудить его дать то, чего он не имеет, чтоб он, напротив, служил этому народу, как отец, вместо того, чтобы угнетать его новыми податями и налогами. Необходимо, чтобы король предоставил всем своим подданным ту умеренную свободу, при отсутствии которой нужно ждать великих революций в его королевстве. Короли, как и подданные, — говорит тот же автор, — одинаково подчинены законам, и неправильно короли Франции считают себя выше божеских и человеческих законов. Людовик XIV, видя, что судьба ему благоприятствует, дал себя охотно уговорить, что он послан небом и что, подобно тому, как существует только одно солнце на небе, так же должен существовать только один монарх в мире. И в надежде на это, — говорит тот же автор, — король делает это светило своим девизом. Я бы осмелился, — говорит он, — сказать королю, я бы ему охотно высказал то, что один пират ответил раз Александру Великому, когда тот стал укорять его за его разбой. Я, сказал пират, маленький разбойник, ты же большой разбойник, ибо, не довольствуясь тем королевством, которое бог тебе дал, ты хотел бы завоевать весь мир.

Нет ничего, — говорит один иностранный писатель, — нет ничего, более жалкого, более бедного и более униженного, чем французский крестьянин. Он работает только для других и, несмотря на свой чрезмерный труд, едва зарабатывает насущный хлеб для себя. Одним словом, — говорит он, — французские крестьяне являются в полном смысле слова рабами тех, чью землю они обрабатывают, и тех, у кого арендуют землю для себя. Они не менее страдают от государственных податей и налогов, чем от частных повинностей, которые налагают на них их господа, не считая того, что несправедливо взимаются от этих несчастных клиром. Эти притеснения, — говорит он, — заставляют их желать, чтобы произошла революция в государстве, так как они надеются, что она улучшит их положение. Французские короли, — говорит тот же автор, — овладели всеми соляными запасами в королевстве. Они обязывают всех своих подданных покупать соль у них по цене, которую они им диктуют. Для этой цели они имеют везде чиновников, которые заняты продажей соли, и это именно называется соляной пошлиной. Может казаться, что они так поступают с целью не давать своим подданным сгнить, будто они опасаются, чтобы те не сгнили живьем, ибо нет человека в их владениях, который не был бы обязан брать эту соль в таком количестве, которое ему предписывают королевские чиновники. Исключение составляют только некоторые отдельные провинции, которые освобождены от этой повинности по соображениям государственной необходимости или в силу договора. Доход, извлекаемый королями из этой соляной пошлины, достигает ежегодно почти трех миллионов эю. Он извлекает восемь миллионов еще из другой доходной статьи, из налогов на съестные припасы крестьян, не включая сюда специальные налоги на мясо, на вино и другие товары. Однако, — говорит тот же автор, — король теряет большую часть своих доходов, отдавая их в откуп своим подданным или закладывая их во время войны, чтобы иметь наличные деньги. Не менее тридцати тысяч чиновников, — продолжает тот же автор, — а в настоящее время, может быть, больше сорока тысяч чиновников всецело заняты сборами этого налога. Жалование, выплачиваемое такому огромному количеству людей, уменьшает доходы короны более, чем на половину, так что, — говорит автор, — из восьмидесяти миллионов эю, ежегодно извлекаемых из населения, едва тридцать миллионов попадает в сундуки короля. Ты будешь поражен, — говорит он, — обращаясь к своему великому муфтию, ты будешь поражен бесстыдством этих неверных и ты осудишь в то же время их тиранию и беззаконие, в силу которых они притесняют, грабят и разоряют тех, кто доставляет им все необходимое для человеческого существования, не только для своего собственного обогащения, но также для обогащения жадной своры сборщиков податей. Совсем не то, — говорит он, — в османском государстве, где справедливость воздвигла свой трон, где притеснение не смеет поднять голову.

* *

•

...Выше я доказал, что материя не могла быть создана и что она может иметь движение только от себя самой, а отсюда необходимо следует, что в природе нет ничего такого, что доказывало бы существование всемогущего и бесконечно совершенного бога, и следовательно надо признать, что на самом деле бога нет, а все произведения природы создались и создаются изо дня в день только в силу одних лишь естественных и слепых законов движения, присущего частям материи, из которых они состоят. Но каким образом можно сказать, что если бы бог не создал мир сразу таким, каким он сам сделался бы с течением времени, то весь порядок вещей был бы нарушен, а если бы он дал миру порядок, отличный от того, к которому пришел благодаря законам движения, то весь мир разрушился бы и вновь, подчиняясь этим законам, пришел бы к тому порядку, в каком мы его видим ныне? Здесь наш автор явно противоречит себе; ибо раз он утверждает, что материя сама по себе не может двигаться и что все ее свойства даны ей богом, первоисточником всякого движения, то он не мог уже утверждать, что с течением времени мир сложился бы сам собой или разрушился бы, если бы бог дал ему порядок, отличный от того, к которому тот пришел в силу законов движения. Он не мог даже предполагать существование каких-то иных законов движения помимо установленных богом и считать, что

законы движения могли бы собственными силами привести мир к тому порядку, в котором мы его видим ныне. Ибо ясно и очевидно, что если бы вещи сами по себе не имели никакого движения и даже в том случае, если бы их собственное движение не было сильнее того, которое дано им богом, то они не могли бы притти сами собой ни к какому иному порядку, помимо того, который бог пожелал им дать. Раз он признает, что с течением времени мир пришел бы к тому порядку, в котором он находится ныне, и что если бы бог дал миру иной порядок, то тот разрушился бы и вновь, подчиняясь законам движения, пришел бы к тому порядку, в котором находится ныне, — то он должен признать также и то, что материя сама по себе могла бы обладать силой движения и что естественные законы ее движения должны были бы даже быть сильнее законов, данных богом, раз они могут разрушить мир и привести его в иное состояние, нежели то, в какое его привел бог. А раз это так, то ясно, что автор тут противоречит себе и вопреки собственному намерению доказывает нам, что материя имеет собственное движение, и таким образом, сам того не сознавая, вынужден признать ту истину, которую оспаривает. И несомненно, в этом обнаруживается сила самой истины. Поневоле приходит в голову мысль, что оспариваемая истина может гордиться тем, что находит себе защиту у своих врагов и даже ненавистников, т. е. у тех, которые ее отрицают и оспаривают. Из всего этого следует, как я уже сказал, что произведения природы изначально созданы и создаются до сих пор одними лишь естественными и слепыми законами движения, присущего частям материи, из которых они состоят, и что следовательно нет в природе ничего такого, что доказывало бы существование всемогущего и бесконечно совершенного бога. Ни на чем не основано утверждение, что видимые предметы этого мира носят на себе печать и клеймо божественной мудрости.

2. Гольбах⁷. О религии и деспотизме

Человек не рождается ни религиозным, ни деистом

Основы всякой религии покоятся на понятиях о божестве. Между тем люди не могут иметь верных представлений о существе, которое не воздействует ни на одно из их чувств. Все наши представления являются отражениями предметов, действующих на нас. Что может нам отражать понятие бога, которое, очевидно, является понятием беспредметным? Подобное понятие не является ли столь же невозможным, как следствие без причины? Понятие без прототипа может ли быть чем-либо иным, как не призраком воображения? А между тем некоторые ученые уверяют нас, что понятие бога нам вложено, что человек имеет это понятие уже с чрева своей матери! Всякий принцип является суждением; всякое суждение есть следствие опыта, опыт достигается лишь упражнением чувств. Из этого явствует, что религиозные принципы лишены всякого содержания, что они нам не вложены.

Отнюдь не необходимо верить в бога, и самое разумное — не думать об этом

Всякая религиозная система может покоиться лишь на природе бога и человека и на отношениях, существующих между ними. Но, чтобы судить о реальности этих отношений, нужно было бы иметь какое-нибудь представление о природе бога. А между тем все твердят нам, что сущность бога непостижима для человека, хотя в то же время непрерывно приписывают всякие свойства этому непостижимому богу и уверяют, что человек не может обходиться без признания бога, которого невозможно постичь.

Самой важной для людей вещью является как-раз та, которую они совершенно не в силах понять. Если бог непостижим для человека, то казалось бы разумным никогда о нем не думать, а религия из этого умозаключает, что человек не может, не совершая преступления, ни на одну минуту перестать думать о нем.

Всякая религия основана на легковерии

Нам говорят, что свойства бога не поддаются пониманию ограниченных умов. Естественным следствием этого положения должно было бы быть, что свойства бога не должны занимать ограниченные умы. Но религия уверяет нас, что ограниченные умы никогда не должны терять из виду непостижимое существо, свойства которого не поддаются их пониманию. Из этого видно, что религия есть искусство занимать ограниченные умы людей тем, чего они не в силах понимать.

Всякая религия есть абсурд

Религия соединяет человека с богом или создает между ними общение. А между тем разве вы не говорите, что бог бесконечен? Если бог бесконечен, никакое конечное существо не может иметь с ним ни общения, ни отношений.

Где нет отношений, там не может быть ни соединения, ни общения, ни обязанностей. Если нет обязанностей между человеком и его богом, то нет и религии для человека. Таким образом, говоря, что бог бесконечен, вы уничтожаете всякую религию для человека, который является существом конечным. Понятие бесконечного является для нас понятием без образца, без прототипа, без объекта.

Происхождение предрассудка

Каким образом можно было убедить разумные существа, что вещь, наиболее недоступная их пониманию, является для них наиболее существенной? Это удалось потому, что их чрезвычайно сильно напугали, потому что, когда человек боится, он перестает рассуждать; потому что людям особенно настойчиво внушали, что нельзя доверяться разуму; потому что, когда ум человека смущен, он верит всему и не обсуждает уже ничего.

Происхождение всякой религии

Неведение и страх — вот два устоя всякой религии. Незнание, в которой человек находится по отношению к богу, именно и является причиной, прикрепляющей его к его религии. Человек боится во тьме как физически, так и морально. Его страх становится обычным для него и превращается в потребность; ему казалось бы, что чего-то не хватает ему, если бы нечего было больше бояться.

Путем религии шарлатаны эксплуатируют безумие людей

Тот, кто с самого детства привык дрожать от страха каждый раз, когда при нем произносятся известные слова, приобретает потребность слышать эти слова и потребность дрожать от страха, и именно поэтому он больше склонен слушать того, кто поддерживает в нем его страх, чем того, кто попытается бы его успокоить. Суеверный хочет испытывать страх; этого требует его воображение; можно даже сказать, что он ничего так не боится, как очутиться в положении, когда ему нечего было бы больше бояться.

Люди — это мнимо больные, которых шарлатаны заботливо поддерживают в их безумии, дабы иметь сбыт своим лекарствам. Врачей, прописывающих много лекарств, слушаются охотнее, чем тех, которые рекомендуют правильный режим или полагаются на действие природы.

Религия завлекает невежество при помощи чудесного

Если бы религия была ясна и понятна, она имела бы гораздо меньше привлекательного для невежественных людей. Им нужны мрак, таинственное, ужасы, сказки, чудеса, невероятные вещи, которые постоянно действовали бы на их воображение. Выдумки, детские сказки, рассказы о выходах с того света и о колдунах гораздо больше увлекают неразвитые умы, нежели рассказы о действительных событиях.

В области религии люди — только взрослые дети. Чем более нелепа религия и чем больше в ней нагромождено чудесного, тем больше влияния она имеет на них. Набожный человек считает себя обязанным не ставить никаких пределов своему легковерию. Чем меньше вещи доступны его пониманию, тем более божественными они ему представляются; чем больше они невероятны, тем большей заслугой считает он для себя веру в них.

Не было бы религии, если бы не было веков тупости и варварства

Возникновение религиозных идей относится обыкновенно к тем временам, когда дикie народы находились еще в состоянии детства. Основатели религий обращались во все времена к людям грубым, невежественным, тупым, принося им богов, верования, мифологические измышления, волшебные и страшные сказки. Эти химеры, слепо принимаемые отцами, передавались с более или менее значительными изменениями более цивилизованным детям, которые зачастую рассуждали не больше, чем их отцы.

Всякая религия порождается стремлением к господству

Первые законодатели народов ставили себе целью господствовать над ними; самым легким средством к достижению этой цели было устрашить их и не дать им рассуждать; они вели их извилистыми тропинками, дабы те не разгадали планов своих руководителей; они заставляли их обращать свои взоры в высь из опасения, что те увидят, куда направляют они свои стопы; в пути они забавляли их сказками; словом, они обращались с ними, как няньки, которые прибегают к песням и угрозам, чтобы усыпить детей или заставить их молчать.

Честь есть узда, более спасительная и более могущественная, чем религия

Нет человека, который не боялся бы видимого больше, чем невидимого, а именно суждений людей, последствия которых он ощущает больше, чем мнения бога, о котором он имеет самые поверхностные представления. Желание иметь хорошую репутацию, власть обычая, боязнь быть смешным и боязнь того, что о скажут, имеют больше силы, чем все религиозные убеждения. Разве воин из боязни бесчестия не ставит на карту каждый день свою жизнь в сражении, рискуя даже быть осужденным на вечные муки?

Люди, наиболее религиозные, обнаруживают часто больше уважения к лакею, чем к богу. Человек, который твердо верит, что бог все видит, все знает и вездесущ, позволяет себе, оставаясь один, такие действия, которых он никогда не совершал бы в присутствии последнего из смертных. Даже те, которые считают себя наиболее твердо убежденными в существовании бога, поступают каждую минуту так, как могут поступать только атеисты.

Религия несомненно неспособна также обуздать в значительной мере страсти королей, являющихся весьма часто причудливыми и жестокими тиранами по примеру этого самого бога, представителями которого они себя объявляют, и пользующихся религией только для наибольшего одурачения своих рабов с целью примирения их с их рабством и для скорейшего использования их в своих выгодах

Оставьте по крайней мере, скажут нам, идею бога, которая одна только способна обуздать страсти королей. Можем ли мы однако, говоря по чистой совести, восхищаться тем действием, которое боязнь этого бога производит обыкновенно на умы королей, считающих себя изображениями бога? Какое представление должны мы получить об оригинале, если судить о нем по его копиям?

Короли, правда, называют себя представителями бога, его наместниками на земле. Но разве страх перед более могущественным, чем они, повелителем побуждает их серьезно озаботиться о благополучии народов, которых провинение поручило их заботам? А где эффект того воображаемого страха, который должна была бы внушить им идея невидимого судьи, которому одному, как они утверждают, они должны давать отчет в своих действиях?

Делает ли их этот страх более справедливыми, более человечными, менее жадными к крови и к деньгам их подданных, более умеренными в их удовольствиях, более внимательными к их обязанностям? Наконец этот бог, милостью которого, как уверяют, царствуют короли, разве он мешает этим последним угнетать тысячами способами народы, руководителями, защитниками и отцами которых они себя считают? Откройте глаза, пообедайте взглядом весь земной шар, и вы увидите почти везде, что люди управляются тиранами, пользующимися религией только для усугубления тупой покорности их рабов, которых они обременяют непосильным трудом для удовлетворения своих порочных страстей или безжалостно приносят в жертву своим пагубным сумасбродствам.

Религия не только не может обуздать страсти королей, но, наоборот, сами ее принципы еще поощряют их. Она из них делает богов, капризам которых народам запрещается противостоять. В то самое время, когда она расковывает королей, сбрасывая с них оковы общественного договора, она старается сковать умы и руки подданным, которых те притесняют. Удивительно ли после этого, что земные боги считают, что им все позволено, и рассматри-

вают своих подданных как презренный инструмент их капризов или их честолюбия.

Религия сделала во всякой стране из монарха жестокого, причудливого и пристрастного тирана, чей каприз является законом. Бог-монарх очень хорошо скопирован своими представителями на земле. Религия, как кажется, везде придумана только для того, чтобы усыпить народы в их рабстве и тем облегчить их повелителям дело угнетения и безнаказанного притеснения народа.

Возникновение самой нелепой, самой смешной и самой гнусной узурпации, именуемой божественным правом королей. Мудрые советы королям

Чтобы обеспечить себя от покушений высокомерного первосвященника, желающего царствовать над королями, чтобы обеспечить свою личность против покушений легковверных народов, подстрекаемых священниками, многие короли Европы стали утверждать, что свой венец и свои права они получили только от бога и ему одному обязаны отчетом в своих действиях. Так как эта борьба между светской и духовной властью кончилась в пользу первой, то священники, вынужденные уступить, признали божественные права королей и стали их проповедывать народам, оставив за собой однако право изменять свой взгляд и проповедывать бунт всякий раз, когда божественные права королей не будут согласованы с божественными правами духовенства. Мир между королями и священниками заключался всегда за счет народа, но священники не отказались от своих претензий, несмотря на все договоры.

Очень много тиранов и злых королей, которых их совесть беспрестанно укоряет в нерадении и распутстве, не только не боятся своего бога, но даже предпочитают ссориться с этим невидимым судьей, который им ни в чем не прекословит, или с его священниками, всегда более уступчивыми по отношению к сильным мира сего, чем со своими собственными подданными: народы, доведенные до отчаяния, могли апеллировать против притеснения духовной власти к божественным правам их правителей. Люди же, когда их начинают притеснять свыше известной меры, набираются иногда храбрости, и тогда божественные права тирана вынуждены сделать уступку естественным правам подданных.

С богами легче справиться, чем с людьми. Короли обязаны отчетом в своих действиях только одному богу, священники обязаны отчетом только самим себе. Есть все основания думать, что как те, так и другие более уверены в снисходительности неба, чем в снисходительности земли. Легче спастись от приговора богов, которых можно легко умиловить, чем от приговора людей, чье терпение истощено.

„Если вы отнимаете у королей страх перед богом, какую же узду вы противопоставите их распутству?“ Я могу только дать королям совет, чтобы они учились управлять; чтобы они учились быть справедливыми, уважать права народов, быть признательными этим народам, которым они обязаны своим величием и своей властью; чтобы они научились бояться людей, подчиняться законам справедливости, чтобы никто безнаказанно не мог нарушить эти законы, чтобы эти законы одинаково сдерживали могущественного и слабого, великих и малых, властелина и подданных.

Боязнь богов, религия, страх перед другой жизнью—вот те метафизические и сверхъестественные плотины, которые противопоставляют пылким страстям королей. Разве эти плотины достаточны? Опыт может дать ответ на этот вопрос. Противопоставлять религию злости тиранов—это значит полагать, что туманные, недостоверные, непонятные умозрения могут оказаться более могущественными, чем наклонности, которые вся окружающая обстановка должна усиливать в них изо дня в день.

Религия пагубна для политики. Она создает только беспутных и извращенных деспотов и униженных и несчастных подданных

Нам беспрестанно прославляют то неизмеримое значение, которое религия имеет для политики. Но стоит только немного поразмыслить, чтобы признать без труда, что религиозные мнения одинаково делают слепыми как королей, так и народы и никогда не просвещают их ни об их истинных обязанностях, ни об истинных интересах. Религия слишком часто создает на одной стороне

беспутных и безнравственных деспотов, а на другой стороне покорных рабов, которых все обязывает угождать во всем первым.

В силу недостаточного изучения или познания истинных принципов управления, цели и прав социальной жизни, реальных интересов людей и тех обязанностей, которые их связывают, короли почти во всех странах стали беспутными, неограниченными и развратными, а их подданные униженными, несчастными и злыми.

Именно из желания избавиться себя от труда изучения этих важных предметов сочли нужным прибегнуть к химерам, которые до сих пор не только ни в чем не помогали, но даже умножили бедствия человеческого рода и отвратили его от вещей, наиболее интересных для него.

Не представляют ли те явно несправедливые и жестокие методы, при помощи которых управляется столько народов здесь, самое сильное доказательство не только незначительности того эффекта, который производит страх перед другой жизнью, но и несуществования providения, которое интересовалось бы участью человеческого рода? Если бы существовал добрый бог, то разве он не должен был бы сознаться, что проявляет странную безучастность к земной судьбе огромного числа людей? Может казаться, что этот бог создал народы только для того, чтобы они были игрушкой страстей и сумасбродства его представителей на земле.

Христианство распространилось только благодаря тому, что оно способствовало деспотизму, самым крепким оплотом которого оно, подобно всякой религии, является

Стоит только немного читать историю с некоторым вниманием, чтобы увидеть, что христианство, находившееся вначале в жалком положении, проникло к диким и свободным народам Европы только благодаря тому, что правители этих народов уразумели, что принципы этой религии благоприятствуют деспотизму и дают в их руки неограниченную власть. Вот почему мы видим, как короли варваров обращаются в христианство с удивительной поспешностью, т. е. принимают без критики систему, благоприятствующую их честолюбию, и пускают в ход все средства, чтобы заставить своих подданных признать ее. Если служители этой религии часто после этого поступали против их рабственных принципов, то это потому, что теория только тогда влияет на поведение служителей бога, когда она соответствует их мирским интересам.

Христианство с гордостью утверждает, будто оно принесло людям счастье, совершенно неведомое предшествующим векам. Правда то, что греки не знали божественных прав тиранов или узурпаторов прав отечества. В эпоху язычества никому не приходило в голову, что небо может воспретить народу защищаться против дикого зверя, который его нагло разоряет. Религия же христиан поставила себе задачей обеспечить безопасность тиранов и установила принципом, что народы обязаны отказаться от законной самозащиты. Таким образом христианские народы лишены того права, которое вытекает из первого закона природы, по которому человек должен сопротивляться злу и обезоруживать всякого, кто собирается его погубить! Если служители церкви часто разрешали народам восстать ради целей неба, то они никогда не разрешали им восстать из-за очень реальных бедствий или известных насилий.

Именно небу мы обязаны теми оковами, которыми пользуются для того, чтобы сковать умы смертных. Почему магометанин везде раб? Потому, что его пророк поверг его в рабство именем бога, подобно тому как до него Моисей поработил евреев. Во всех странах мира мы наблюдаем, что первые законодатели были первыми повелителями и священниками дикарей, которым они дали законы.

Религия, как кажется, придумана только для того, чтобы вознести королей выше их народов и отдать народы в их неограниченное владение. Когда эти народы начинают чувствовать себя слишком несчастными здесь, на земле, их заставляют молчать, угрожая им гневом бога. Их заставляют обращать свой взор на небо с тем, чтобы помешать им видеть истинные причины своих бедствий и применять те средства, которые природа им предоставляет.

* * *

богам бросало народы в цепи рабства. Чтобы вернуться в афинскую цитадель, из которой он был изгнан, Пизистрат¹⁵ переодевает одну женщину в богиню Минерву, садится с этой якобы богиней на колеснице и едет с нею по всему городу, а она, держа его за руку, кричит народу: „Вот Пизистрат, которого я вам привожу и которого приказываю принять“. Слыша такие слова, афиняне снова покоряются тирану.

3. Ж. П. Марат⁸. О суеверии, церкви и деспотизме

Нельзя размышлять об истории могущества деспотизма, не думая вместе с тем о мощи воззрений. Есть ли предел их власти над умами людей? Ведь это именно они некогда приводили в неописуемый ужас римлянина, как только он замечал, что священные гуси отказываются от пищи. Это они сжимали душу египтянина страхом, приводя его в дрожь пред идолом, которого он сам себе только-что сотворил.

Под их влиянием поклонники Магомета живут в наше время в полной апатии, в мечтах о провидении, без заботы о настоящем, без беспокойства о будущем, без страха пред лицом опасности.

Это они, заставляя стойка⁹ беспрестанно сосредоточиваться на самом себе, наполняют его сердце ледяным холодом, мешают ему трепетать от радости, когда он испытывает наслаждение, проникаться состраданием, когда он слышит душераздирающие стоны корчащихся от боли, вздрагивать от ужаса пред лицом опасности; они сосредоточивают все его устремления на честолюбии, и благодаря им он живет без привязанностей и умирает без трепета.

Это они, убаюкивая несбыточными надеждами святош, приводят их к тому, что они подвергают себя множеству реальных бедствий, чтобы насладиться одним сомнительным благом, что они приносят в жертву тысячи реальных выгод в погоне за воображаемым добром, что они осуждают себя на постоянное бедствование в надежде быть счастливыми когда-то в будущем.

Это они наконец, ослепляя наши глаза повязкой, склоняют нас под иго священников, и их же мощью пользуются властелины, чтобы держать нас в подчинении.

Обратите ваши взоры на древние народы и вы увидите, что властелин всегда выдает себя за любимца богов. Зороастр¹⁰ обнарудовал свои законы, прикрываясь именем Оромаза; Трисмегист¹¹ издал свои узаконения, прикрываясь именем Меркурия; Минос¹² заимствовал имя Юпитера; Ликург¹³ — имя Аполлона; Нума — имя Эгерии¹⁴ и пр., и пр.

Всякий общественный порядок имеет во главе себя какое-нибудь божество, и сколько раз уже смехотворное поклонение

В настоящее время короли, правда, уже не выдают себя за непосредственно вдохновляемых богами, но они пользуются служителями религии, чтобы склонять своих подданных под свое иго*.

* Религия должна стремиться к тому, чтобы делать человека гражданином. Когда она действительно ставит себе эту цель, она является одной из наиболее твердых опор свободы; когда же она от этой задачи уклоняется, она влечет за собою самое жестокое рабство.

Вкрадчивые, жульнические, тщеславные священники выдают властителей за представителей божества на земле, у ног которых все остальные люди должны униженно ползать *. А затем, смешивая воедино повиновение законам с низким раболепством, они непрестанно проповедуют во имя своих богов слепое повиновение **.

Все религии служат деспотизму. Но я не знаю ни одной религии, которая в такой степени поддерживала бы его, как христианство ***.

Оно не только не связано с политической системой какого-нибудь отдельного образа правления, но в нем нет ничего исключительного, ничего местного, ничего свойственного одной стране предпочтительно перед другой; оно охватывает своей благотворительностью одинаково всех людей, оно удаляет преграды, разделяющие между собой разные нации, и объединяет всех христиан в один братский народ. Таков действительный дух евангелия.

Свобода связана с любовью к отечеству. Но царство христиан не в сем мире, — их отечество на небе, и наша земля для них — только место паломничества. И как могут люди, мечтающие лишь о том, что происходит там, на небесах, принимать близко к сердцу то, что делается здесь, на земле?

Все человеческие учреждения имеют своим основанием человеческие страсти и поддерживаются они только ими. Любовь к свободе связана с любовью к благосостоянию, с любовью к земным

* У галлов суеверие присваивало друидам самую обширную власть. Кроме обслуживания алтарей, они имели в своем ведении семейные отношения, воспитание молодежи, разбирательство гражданских и уголовных дел, разбирали они и всякие разногласия между племенами, — и таким образом держали народ под своею властью. И магометане черпают в религии свое суеверное поклонение султану. И религия же внушает жителям Московии их поклонение царю.

** Религия бедуинов учила, что душа того, кто умирает за своего государя, переселяется в тело более красивое, более сильное, более счастливое, и этот догмат порождал огромное количество жертв, преданных правителям.

Своим догматом рока магометанство в высшей степени благоприятствует укреплению тирании, ибо, если все предопределено властелином мира, сопротивление государям преступно и безумно.

*** Если бы религия действовала на правителей так же, как она действует на их подданных, этот дух благотворительности, проповедуемый христианством, смягчал бы конечно форму проявления власти. Но если принять во внимание, что проповеди евангелия не могут прививаться душам, испорченным развратом и наслаждениями, если принять во внимание, что они не могут устоять против непрестанно повторяемых вредоносных поучений, против непрестанно проходящих пред глазами дурных примеров, против непрестанно обновляющихся сильных искушений, — становится ясно, что узда религии бессильна против тех, кто живет придворной жизнью.

Но, — скажут нам, — были же религиозные властелины. Да, были властелины-ханжи, лицемеры, фанатики или пропитанные суеверием. К тому же это были люди молодые, годы которых проходили под руководством священников, люди, которые по темпераменту своему не были одержимы страстями, люди, которых сердце, изношенное от наслаждений или впадшее от старости в детскую робость, делало верующими, наконец — люди, которые, отделяя, подобно фарисеям, мораль от догматов, брали у религии только то, что не мешало их порочным наклонностям.

благам. А между тем христианство внушает нам лишь отстранение от этих благ и только и делает, что борется с нашими страстями.

Занятый другим отечеством почти не интересуется отечеством земным.

Чтобы оставаться свободным, нужно непрестанно иметь глаз за правительством, нужно следить за тем, что оно предпринимает, нужно бороться с его покушениями, нужно подавлять его уклонения от правильного пути. Но каким образом люди, которым религия запрещает быть подозрительными, могут быть недоверчивыми? Каким образом могут они пресекать глухие интриги изменников, пробирающихся в их среду? Каким образом могут они изобличать? Как это им может даже приходиться в голову? Без недоверия, без опасений, без хитрости, без жажды мести истинный христианин находится в полной власти первого встречного. Дух христианства — это дух мира, мягкости, милосердия, и его поклонники все воодушевлены этими чувствами даже в отношении к своим врагам. *Когда ударяют в одну щеку, они должны подставлять другую. Когда с них снимают их платье, они должны еще отдать плащ. Когда их заставляют пройти пешком одну милю, они должны пройти две. Когда их преследуют, они должны благословлять своих преследователей.* Что могут они противопоставить своим тиранам? Им не позволено даже защищать свою собственную жизнь. Всегда покорные, они страдают молча, простирают руки к небу, унижаются пред тем, кто их бьет, и молятся за своих палачей. Терпение, молитвы, благословление — таково их оружие. И что бы против них ни делали, они никогда не унижаются до мести. *Чем же могут они вооружиться против тех, кто нарушает мир государства?* Как могут они силой отбивать своих угнетателей? Как могут они сражаться с врагами свободы? Как могут они проливать свою кровь за отечество?

Ко всем таким склонностям, противоречащим склонностям доброго гражданина, следует еще добавить положительное веление *повиноваться высшим властям, добрым или дурным, ибо они установлены богом **. Поэтому правители всегда прибегали к евангелию, чтобы установить свое господство и придать своей власти священный характер.

* Каких только чудес не творила вера в века невежества! Кто может поверить, что лицемерный монах, воспитанный в лени, гордыне и преступлении, со смиренным видом, мистическими сентенциями и крестными знамениями в качестве единственных заслуг его, с ключами, тиарой и священной водой в качестве единственного его вооружения, добился при помощи нескольких смехотворных сказок того, что его признали непогрешимым святым и викарием бога на земле, что он является повелителем государств и распределителем корон в целой половине света, что он поднимает и вооружает народы друг против друга, проповедуя им мир во имя неба и в то же время толкая их воевать друг с другом, что он контролирует все министерства и пользуется деспотической властью над самими деспотами, что он заставляет неограниченных монархов склонять свои гордые головы под его игом, что он приводит в ужас целые армии и заставляет дрожать народы сильнее, чем мог бы это сделать сам громовержец, — если бы он не знал, какое влияние имеет суеверие на тупую массу, которой простой плут и мошенник кажется служителем божества, вооруженным небесными и адскими стрелами.

4. Буассель¹⁶. Катехизис рода человеческого

О религиях

Я рожден для того, чтобы трудиться на благо мне подобным.

Вопрос. — Что вы понимаете под религиями?

Ответ. — Я разумею те средства и учреждения, которые первоначально создали у себя некоторые народы, наиболее тонкие и наиболее хитрые, чтобы сдерживать жестокость наиболее сильных людей и пользоваться тупостью наиболее слабых — во имя божества, которое они сами сотворили и которому приписывали, какие им выгодно было, слова.

В. — Каковы эти средства?

О. — Это те же средства, которые те, кого мы называем также кудесниками, колдунами, одержимыми, шарлатанами, жуликами, употребляли и употребляют еще в настоящее время, чтобы возвысить себя и внушать к себе страх в глазах естественно доверчивых масс, более невежественных в первые времена, чем теперь, когда науки и искусства обогатили нас знаниями и опытом.

В. — Что представляют собою их учреждения?

О. — Прежде всего, с целью завладеть умом и сердцем крупных собственников всеми средствами, наиболее пригодными для того, чтобы льстить их гордыне и их эгоизму, они объявляли их богами. Так, был сделан богом Сатурн, потому что он пожирал своих детей, — вероятно из опасения, что они его убьют или отнимут у него имущество, когда достигнут зрелого возраста, — в соответствии с тем, что существовавший в то время и существующий еще поныне чудовищный порядок вещей вызывает такие замыслы и порождает подобное желание в сердцах детей, которых к тому же в прошлом не сдерживали такие законы, какие сдерживают их теперь, — это впрочем не мешает тому, что были тогда, бывают еще и теперь отцеубийцы вследствие того же чудовищного порядка, который только страхом суровых наказаний создает безопасность.

Во-вторых, они сотворили бога войны и провозгласили самой высшей добродетелью все деяния, посредством которых народы избивали друг друга, причем сами они скрывались за кулисами, в те-

ни своих алтарей и под охраной своих богов, услаждая себя, ввиду отсутствия цветущей молодежи и короля, всеми девственницами, всеми женщинами, всеми плодами земли и разделяя между собою то, что оставалось как от победителей, так и от побежденных, воздавая хвалу богам за одержанные победы.

В-третьих, чтобы сдерживать жестокость собственников и ниже поставленных молодых людей, они сотворили бога чистилищ, с вечными наградами для добрых и вечными муками для злых. Что же касается неба, которое они отвели для жилища богов, они приберегли на нем места для тех, кого имели наибольший интерес располагать к себе и задабривать, как например захватывавших в свои руки земли, или же для тех, в чью пользу они именем богов создали право, чтобы при его помощи поддерживать их небесные учреждения.

В-четвертых, они объявили обязательным поклонение тем самым богам, которым они заставляли строить храмы и воздвигать статуи.

В-пятых, они учредили празднества, особые одеяния, жертвоприношение животных и всех плодов земли, даже юных девственниц, наиболее красивых, которых они якобы приносили в жертву своим богам, не имея других средств добиться обладания ими.

Таковы главные учреждения древних и современных религий, которые объявили священным установлением права собственности, брака и религий, так что никогда не разрешалось нападать ни мыслью, ни словом, ни действием, ни легкомыслием на убийственный и антиобщественный барышнический строй, всегда, во все времена вводивший в заблуждение даже самые просвещенные народы, ни высказываться против законов, установленных для поддержания этого строя, под страхом быть избитым в злоумышлении против божеской и человеческой власти и вечно гореть в аду, на том свете, после того как вас предварительно предадут сожжению, повесят, посадят на кол, будут пороть плетью, заклеят и сошлют на каторжные работы, в ад и ко всем чертям этого света, которых мог породить только такой чудовищный строй.

Вопрос. — Однако говорят, что религии учат, даже предписывают развивать в себе добродетели, наиболее способные устанавливать мир между людьми и их счастье, — как например прощение своих врагов, оказание добра тем, которые нам причиняют зло, трезвость, воздержание, самоуничтожение, презрение к богатству, не поддаваться страстям и не быть их рабом и т. п.

Ответ. — Не следует смешивать этих принципов самой здоровой морали, касающихся лишь отношений, деяний и взаимных обязанностей людей в их отношениях друг к другу, с религиями, касающимися только отношений, обязанностей и деяний, предписываемых всеми различными культами в отношении к божеству. Если служители фанатизма приняли эти правила мудрости и самой здоровой морали, которые они проповедывали во все времена, никогда сами их не выполняя, то делали они это только затем, чтобы позолотить кинжал, который они нам вкладывали в руки путем установления барышнического строя, убийственного для людей и антиобществен-

ного, который вызывает в нас самое острое стремление унижить себя, отделиться друг от друга, вооружаться друг против друга и друг друга уничтожать или постоянно подвергает нас опасности даже в самое мирное время броситься друг на друга. Этот строй вызывает в нас следовательно стремления, наиболее противоположные указанным добродетелям, которые действительно порождали бы всеобщий мир и всеобщее счастье, если бы люди разорвали покрывало лжи, слепящее им глаза и как бы околдовывающее их, если бы они разрушили чудовищный барышнический строй, не допускающий проявления указанных добродетелей, и установили такой строй и такое воспитание, которые внушали бы самое живое стремление к ним, сделали бы их предметом всеобщей любви и привычек.

Вопрос. — Каковы отрицательные стороны религий?

Ответ. — Отрицательные стороны религий — в том, что они превратили божество в чудовище, что они положили в основу деятельности и сделали правилом поведения людей такие химеры и страшилища, как боязнь казней, которым люди не имеют права подвергать других людей, как награды, которые люди не имеют права дарить другим людям, как звания, ранги, знаки отличия, которые люди не имеют права устанавливать в пользу одних людей и в ущерб другим людям.

5. Маршал¹⁷. Стихи против бога

О, ты, чье существование есть еще проблема, ты, который, быть может, являешься лишь эмблемой вселенной, ты, о котором все должно свидетельствовать и которого все может опровергать, — бог, которого я решаюсь скорее отрицать, нежели уничтожать, — я видел, сколько преступлений освящало твое имя, сколько жертв закалывали на твоих алтарях. Возмущенный, я краснея за ошибки моего сознания и я бежал из твоего храма и унес с собою свой фимиам.

* *
*

„Мир, кто тебя создал? Солнце, кто тебя зажгет? Кому обязан ты жизнью, человек? Кто тебя сотворил? Неужто вселенная рождена лишь случаем? Ведь случай — лишь слово пустое“... А что другое представляет собою бог? Ничто не рождается; ничто не умирает. Все неизбежное, все существующее подвержено постоянным изменениям. В разное время материя, различно расположенная, произрастает в растениях; в человеке живет мысль. Все привлекает друг друга, все друг друга толкает. И в том же объекте мы видим в одно и то же время и начало, и следствие. В своем собственном развитии природа воздействует на материю и непрерывно принимает все новые формы. Стихии, одновременно родственные и враждебные, стремятся к одинаковой цели противоположными путями. Для сохранения порядка свирепствует война. Нападение и защита соблюдают на земле полное равновесие как добра, так и зла. И жизнь, и смерть имеют одинаковое значение. И всюду более слабый является жертвой более сильного. Таков несправедливый ход вселенной.

* *
*

Что же, неумный богослов, рассказывай в запутанной дилемме о боге, о разумном существе, которое, целиком владея материей, сотворило все к лучшему. „Несомненно существует первопричина. Все говорит — есть бог: все и на земле, и на небесах, — и чудесная смена времен года и дней, и поразительная гармония враждебных существ, и бесконечная мудрость всенаправляющего плана. Ступай от одного полюса к другому, спустись с горных вершин, отважный смертный в глубокие бездны, — все показывает нашим взорам, все кричит нам в уши, что есть бог, творец всех этих чудес“. Если бы был бог, все должно было бы свидетельствовать об этом. Если бы был бог — разве можно было бы в этом сомневаться? Разве Эвклид¹⁸ когда-либо вызывал недоверие? Разве нужно было когда-либо прибегать к наказаниям, чтобы доказать, что треугольник имеет три стороны или что дважды два составляют четыре? Если бы был бог — все конечно было бы хорошо. А ныне рядом с добром есть зло. На моем пути множество опасений, забот под разными формами превращают для меня в тюрьму нашу прекрасную вселенную. Если бы был бог, счастливые дни золотого века еще сияли бы конечно на

неутешной земле. А теперь — под взором бога порок облагорожен, а мудрый, одинокий прозябает в забвении!.. А теперь под взором бога все направляется корыстью, а скромная добродетель внушает отвращение! Если бы был бог, в которого верил Сократ¹⁹, этот бог спас бы его от руки его неблагодарной родины... Если бы был бог, разве столько грязных фанатиков шатались бы, точно шарлатаны, на наших площадях и продавали бы его именем свои талисманы, заглушали бы разум людей своими измышлениями, обманывали бы слишком доверчивый народ, заставляли бы его ползать у своих ног в страхе наказаний? Если бы был бог, народы, не заблуждаясь, окружали бы его славой универсального культа и за одним алтарем, всегда согласные между собою, благословляли бы его благодать, воспевали бы его всемогущество. Если бы был бог, разве преступный богач смел бы измерять наглым взором подавленного праведника, мудреца, которому оружием служат лишь собственное сердце, невинность и слезы? Тщетно станут мне толковать о том, что будет в будущем. Зачем допускать преступление? Чтобы карать его? Разве богу доставляло бы удовольствие считать свои жертвы? Гораздо величественнее было бы предупреждать преступления. Что бы ни ждало нас в будущем, — здесь, на земле, страждущая добродетель свидетельствует против бога.

* *
*

Что такое бог? Всюду его ставят в пример. И в каждом поселке воздвигается ему храм. Облака ладана, звуки тысячи благочестивых концертов поднимаются в его славу к небесному своду. У подножья священных алтарей железо и огонь бьют, жгут тела, дабы обратить души. На школьных скамьях пламенно защищают и хладнокровно взвешивают атрибуты бога. Без конца противопоставляя силлогизмам дилеммы, тщетно полагают разрешить проблему. И даже умирая уж, под сенью своей религии, человек знает о своем боге только его имя.

* *
*

Ах, сколько зла причинило на земле имя бога! Нежные названия супругов, детей, отцов, названия сограждан, благодетелей, друзей теряют всю свою силу, умолкают перед ним. Увы! — сколько слез заставило пролить это имя, сколько причинило оно мрачного горя и жгучего беспокойства! Милостью бога ставшие тиранами, короли его священным именем предписывают нежестоким народам разрешать пустячные споры позорными договорами или жестокими войнами, чтобы высасывать кровь из несчастных людей; пощипывают свои миролюбивые руки к небесам, и бог почти постоянно является боевым лозунгом. И вскоре на обломках хрупкой стены жестокий победитель, топча ногами мертвых, заставляет побежденных распевать гимн создателю. И возглашаемое имя бога освящает несправедливость. Его храм — наиболее верное убежище для преступленья. Чтобы отстоять свои права, благородная истина должна прикрыться именем божества. Фемида именем бога выносит постановления против справедливости. В интересах церкви сделавшийся яростным отцеубийцей, гордый своим деянием, без угрозы совести и без раскаяния, весь переполненный своим богом, человек покрывает себя крестным знаменем и мирно спит. Оставленные посреди обширного поприща их трудов, ученые натапливаются на имя бога, как на препятствие, — им затыкают рот этим роковым именем. Один бог все объясняет — добро, как и зло. Свергается ли на страну вулкан, голод? То бог карает нас. И люди теряют голову: храмы раскрываются для рыдающего народа; не знают, о чем молить, и умирают посреди молитв. Это имя — пустое слово, слово непонятное, — этот бог покорил себе все, и все для него стало возможным. Он — наиболее действенный из всех талисманов. Он покоряет, он подчиняет себе все чувства. Ах, как освободиться от этого всеобщего заблуждения, передаваемого из века в век! Назойливый голос принуждает новорожденного склоняться пред этим именем, вместе с молоком матери ребенок всасывает этот яд. Глубоко начертанное в нашем молодом мозгу, заблуждение — увь! — не может быть вычеркнуто без большого усилия! и все пропитано его заразой. Политика купно с религией противопоставила свои цепи природным связям. И все стало добычей этих

ловких чудовищ. И эти две власти, объединенные, хотя и соперничающие, сделали всех поработанных смертных своими вассалами.

* *
*

Примите мое приношение бессильных слез, о, вы, невинные жертвы благоденствующего преступления. Вы поднимаете к небу взоры, исполненные тоски. Если бы я был бог, вашим бедствиям наступил бы конец!

* *
*

Если допустить, что есть бог, то для меня в природе все ставило бы в тупик разум, все стало бы темной загадкой. Я не знаю, откуда я пришел, кто я, куда я иду. Повседневный круг страданий и благ сковывает мою трепещущую душу жестоким сомнением. Вчера родившиеся, мы теряем настоящее в ожидании... Ощупывая все предметы, днем, как и ночью, я ищу бога повсюду, и повсюду он от меня ускользает. Оставим же этого бога, раз он боится дать себя знать. Разве для того, чтобы существовать, мир нуждается в хозяине? Вот этот сосуд был глиной, прежде чем попасть в руки горшечника, ибо материал предшествует форме и рабочему. Если природа существует — она возникает из себя самой. Ее форма может меняться, но она вечна. Если, получая все от самого себя, мир не имеет творца, он в то же время сам является своим двигателем. И я тщетно стал бы жаловаться, — бесполезная воркотня! Все — именно таково, каким оно должно быть в недрах природы.

* *
*

Смерть рядом с жизнью; одно удовольствие, тысяча бедствий; земля, упивающаяся кровью животных; розги тиранов и ножи священников; предрассудки, передаваемые от предков к потомкам; мудрость, состоящая в постоянной борьбе с чувствами, голод наряду с постоянно возобновляющимися потребностями; смех счастливого преступления; плач невинности, — все свидетельствует о коварстве или о несуществовании бога. Зло при существовании бога!.. Священник, без гнева объясни мудрецу эту загадку. На коленях молит он тебя об этом.

* *
*

Легко верит он в бога, этот беспечный Мидий. Со стола до кровати и обратно переходит он по ковру из роз без шипов. Он хорошо оплачен за свою веру в благодать божью. Он не знает зла, — все прекрасно для него, и никогда не знал он ни одного несчастного. Но меня, ближе стоящего к страждущим, беспомощного очевидца бедствий мне подобных, — меня охватывает при их виде нечестивый гнев, и если я думаю о боге, то только с проклятием.

* *
*

Приказ отдан. Сто тысяч комбатантов (бойцов) мерно подвигаются под звуки труб. Воспламеняется сера и окропляет свинец, — и вмиг раскрываются жестокие раны. Целые батальоны, точно поле колосьев, падают, как бы скошенные косою смерти. Ручьями течет кровь. Вот все струдилось, вспламенилось, с мечом в руке, то палач, то жертва, солдат причиняет и получает смерть... А бог, спокойный наблюдатель, дает судьбе распоряжаться!

* *
*

Расхваливают деяния великих законодателей, — они творили себе богов, дабы говорить от их имени. Это гениальный прием... Но есть ли в нем разум? Гораздо легче сотворить бога, чем составить кодекс.

* *
*

Ты требуешь богов, смертный! Что станешь ты с ними делать! Это боги, которые могут все, могут они с тебя снять тяготы жизни, ужас смерти? Эти боги, которые могут все, сами, покорные судьбе, не в состоянии ничего изменить в жизни природы. Ценою пота и долгой культуры должен покупать ты себе свой хлеб повседневный. Боги тебе все продают, ничего они тебе даром не дали.

* *
*

Есть один бог, для которого все возможно, и все смертные признают его редкие добродетели. От скипетра до пастушеского посоха — все славят его, этого бога, и все поклоняются ему, отцу других богов. Он также имеет своих мучеников и также творит чудеса. Одним своим присутствием он заставляет то умолкать, то говорить своих пророков. Прикасающийся к его алтарю излечивается от своих болезней; облеченный его милостями перестает страдать недостатками. Наиболее дорогие ему фавориты могут без зазрения совести делать все. Этот бог еще не имел ни одного неверующего в него. Все наперебой славят это божество. Добродетель, таланты и даже красота получают свою силу только от него и без него имеют мало цены. Он — первопричина всего, что происходит. Без него человек еще и теперь был бы ничем... На колени, смертные! Этот бог — золото.

* *
*

Мудрец — больше, чем бог. Зло, что бог допускает на нашем странном шаре, выпрямляет мудрец. Бог, одним дыханием, играючи, создающий вселенную, меньше Регула²⁰, возвращающегося на пытки. И тот, что выступил в защиту

Каласа ²¹, выше бога, допускающего притеснение невинного. Дающий хлеб своим неблагодарным детям лучше доброго бога, потопляющего род людской. Поднимая на неосса героев, себе подобных, наши столь невежественные предки разве были столь преступны?.. Мы должны воздвигать алтари тем, кто нас делает счастливыми. Ведь Брут значил для римлян больше, чем все их боги.

* *
*

Если нет будущего, на что же можем мы надеяться? Если нет будущего, какая награда ждет нас за наши добродетели? Надежда на другую жизнь — это стимул, удерживающий виновного, ободряющий невинного. Эта жизнь слишком коротка для великих планов мудреца; этот мир есть только переход к лучшему миру. Честный человек может и без веры в будущее стремиться к славе бессмертия. Какое значение имеет для него, что он представляет из себя чистую материю, что душа вместе с телом погибает без остатка? Лестное воспоминание о великих деяниях вечно живет в народах. Имя Марка Аврелия ²² всегда будет жить в верной памяти угнетенных народов.

* *
*

Утешительные взоры потомства порождают в нас добродетели и таланты. И честный человек говорит себе: „Если в этой жизни я не могу избежать яда зависти, то наступит день — и я, точно новый Сократ, отмщенный племянниками своими, буду иметь за себя все добродетельные сердца. Произнося мое имя в своей жалкой хижине, невинный, которого притесняют, забудет про свое горе. Отцы станут передавать своим детям мои произведения. И долго после моей смерти я еще буду полезен моей стране, и люди будут иногда приходить на мою могилу, со слезами вспоминая обо мне. О каком же будущем могу я мечтать?

* *
*

Что за удачная находка — религия! С нею можно обходиться без нравственности и без законов. Она предаст проклятию мудреца, она поддерживает королей. Будь вы даже Нерон — словом одним ваша душа спасена, как только податливый священник, изобразив кончиками пальцев крестное знамение, соблаговолит отпустить вам грехи.

* *
*

Что за удачная находка — религия! Сама здоровая логика оказывается недоброкачественной рядом с нею: она требует во всем только веры. „Мое учение, — говорит она, — не нуждается в доказательствах. Человек, сотворенный из грязи, слепо повинуйся мне! Бог требует покорности. Скажи только: верую“. Что за удачная находка — религия!

Как гнусно и преступно ремесло попа! Даже странствующий фигляр не больше достоин презрения. Всегда носить маску и лгать перед самим собою; бесстыдно выступать против истины; подобно бандитам и хищным птицам, ждать тьмы, чтобы схватить свою добычу; не дерзая думать вслух, говорить двусмысленным языком; с розгой в одной руке и с фимиамом в другой, корыстно льстить оплачивающему его тирану; склонять под иго, обращать народ в рабство и из народных бедствий создавать свое благополучие — таковы нравы и стремления попа! Последуем еще за попом, когда он обходит семьи, ослепляет матерей, наставляет дочерей, притупляет ум более любознательных сыновей, — а затем прячется за алтарем и — смеется.

* *
*

Мой разум — правило моего поведения, а мое сердце — мой закон. Мне столь же мало нужен бог, как я — ему.

Если бы мне удостоверили верховное существование судии, который карает, бога, который награждает; если бы пред моим пораженным взором ад и все его огни развернули все свои сказочные пытки; если бы уютный элизий, край золотого века, наполненный гүрниями, пытался соблазнить мою обманутую душу их божественными прелестями, — я не стал бы у подножья священных алтарей подло вымалывать пощады какого-то властелина. Не выказывая неуважения его власти, но и не признавая его, ничего не опасаясь вечером и полностью используя утро, я стал бы ждать своей судьбы от одних лишь своих добродетелей. Что делаешь ты, распоостертый, жалкий раб попа? Поднимись, человек! Встань в позу хозяина. Поднимись! Уважай себя! Познай цену себе! Не поклоняйся какому-то богу. Пред тобою — только равные тебе. Ты не сын момента, твой род вечен. Не какой-то бог сотворил тебя некогда по своему образцу. Исходные элементы твоего существа навсегда послужат вечными основами вселенной. Несокрушимое звено бесконечной цепи, образующей высший распорядок великого целого, ты следуешь лишь законам необходимости. Кто может иметь какие-то права на твою индивидуальность?

* *
*

Нет, ты не рожден быть низким рабом! Подними наконец голову и разбей твои цепи. Сознай свое достоинство, смертный! Раскрой глаза и обрати бесстрашно свои взоры к небесам. В них нет властелина, вооруженного молниями и готового в гнев своем стереть тебя в порошок. Вне этого мира живет *ничто*. Бог, которого ты боялся, лишь жалкое пугало, рожденное твоим невежеством, вскормленное твоими попами, пускавшими в ход его пружины, которые скрывали от твоих предков. Иди к своему счастью белее твердым шагом. Он наконец разоружен, этот священный призрак, который так долго внушал тебе ужас. Не бойся ничего от твоего бога, — бойся всего от самого себя. Ты сам творец твоих благ и твоих бедствий. Как ад, так и рай помещаются в твоей собственной душе.

* *
*

Что такое бог? Смертные, приблизьтесь без страха. Дерзните хладнокровно рассмотреть его очертание, которое коварные попы для вашего успокоения сами же продиктовали ученым скульпторам. Ведь в этом храме вы видите лишь собственный свой образ. Дряхлый старец, малый ребенок оазделяют ваше поклонение. Какое торжество, о, смертные, для вашей гордыни! Ведь вы воскуриваете фимиаом своим собственным портретам...

* *
*

Нет, этот несовершенный мир — не дело рук какого-то бога! Везувий и Этна, эти огненные горы, зажжены не божественной рукой. Таинственное происхождение гоома и молнии — это лишь ловушка, поставленная коварными попами. Акула под водой, гиена в глубине лесов — разве хищны только для забавы бога? И на глазах у бога на побережья Таго потрясенная земля, раскрыв широкое чрево, поглотила безвозвратно двести тысяч людей? Под владычеством доброго бога зло было бы невозможно. Или для страдания бог сделал меня чувствительным? И, так как ничто не происходит на земле без его желаний, даже смерть насекомого свидетельствует против бога.

* *
*

Призываемые столько раз, призываемые во весь голос, ваши боги спят, что ли, на своих небесах? Народы, тщетно жжете вы фимиаом, тщетно приносите жертвы, чтобы вызвать их милость и доброжелательство. Эти боги вездесущие, эти боги благие и всемогущие глухи к мольбам своих скорбных детей. Бедный тщетно обращается к небесным силам. Для поддержания своего существования он

вымаливает остатки, редко падающие со столов сильных мира сего, и он к тому же должен их вырывать из пасти жадных собак. Юная супруга, побеждая боли, готовясь стать матерью, тщетно обращает взор к небу и повторяет среди стонов: „Боже, разреши меня, если ты вернешь мне жизнь, я буду жить лишь для тебя!“ Ловкая и мудрая рука ученого акушера без всякой помощи неба облегчает проход драгоценного бремени страждущей матери, — и она не один раз еще будет оплодотворяться.

* *
*

Бедный и жалкий ханжа, что могу я думать о твоём боге, который, всегда скупой на милость, лишь нехотя уступает докучливым просителям и заставляет покупать самое жалкое благодеяние? Разве может отец видеть горе своей семьи? Может он видеть, как она у его ног, обливаясь слезами, вымаливает каждый день свой кусок хлеба и упрашивает его быть ее опорой? Легковерный ханжа, да успокойся сердце твоё! Не оскорбляй больше своим плачем бога твоего! Если он — твой отец, он должен, предупреждая их желания, освободить своих детей от вымаливания его милостей!

* *
*

Думаешь ли ты, что, повторяя слово „провидение“, ты восстановишь изобилие в своём очаге и молитвами предоохранишь свои молодые деревья от града, ветров и множества других бед? Дабы зазолотилась твоя нива и окрасился твой виноград, разве достаточно, чтобы гнусный отряд попов, выстроившись в два ряда, прошёл по твоим полям, вылил на них святой водицы и произвёл несколько песнопений? Ты тратишь драгоценное время на пустые обряды. Выбери из твоих быков наиболее сильные пары, и твоё поле быстро оплодотворится твоими заботами, ибо бог достаточного землероба — это труд.

* *
*

Беспользные праведнику и мало опасные преступнику, на что нужны боги? И какую цель имеют все их сказки? Призываю в свидетели историю: в какой религии человек был счастлив благодаря религии? Вот уже тысячи лет, верный своему культу, смертный верит в бога, стараясь уподобиться богу. Непрестанно он поклоняется ему, всюду видит его, его взор непрестанно обращён к небесам. Стал ли он от этого более просвещённым, более мудрым? Как несовершенен этот бог, если человек — его образ! Если мир есть творение какого-то бога, он малого стоит, — я ждал гораздо большего от столь великой причины... Если добро свидетельствует о боге, то о чём свидетельствует зло? Дай ответ на эти два аргумента, хитрый богослов!

* *
*

Мирные фермеры, доверчивые наемники, праздных пастырей покладистые кормильцы, чтобы оплатить за ваши благодеяния, ваши грозные пасторы поместили ложное угрызение в ваши невинные сердца, смущают ваши чистые наслаждения ложным изображением сомнительного будущего или же измышленного. Они не только не помогают вам в ваших тяжких трудах, не только не скрашивают ваших обязанностей, не облегчают ваших бедствий, — они ещё сковывают ужасом ваших детей и ваших жен, и в здешней и в другой жизни, вы, несчастные, огню будете преданы, точно дичь для сатаны, за то, что вы не приходили спать на их проповедях, за то, что, отдавшись на минуту развлечению, вы забыли десятину и барщину, и жестокое бесстыдство нечеловеческих приказчиков и множество всяких бедствий, заставляющих вас верить в адские муки, между тем как после их мессы, восседая в трапезной, праздные ханжи попадают в чистилище, а их приор в божественном гареме, в объятиях гурий, пробирается на небо.

* *
*

Оставьте ваших богов в их темных храмах, смертные! Уйдите из-под их гнусного ига. Соберитесь вместе и пойдем, под звуки моей лиры, разделить со мною более благородную радость. Никчемным богам предпочитайте героев, людей благодетельных, мудрецов беспорочных. Прелюбодей Юпитер²³ и плут Меркурий²⁴ разве стоили у греков Аристида²⁵, Эпикура²⁶? Боги, помещенные римлянами в Пантеоне²⁷, все вместе, — что значили они рядом с Катон²⁸? Наши святые, дни которых мы праздновали, наши богословы, наши мученики, и Иисус в их главе, — сравните их с Декартом²⁹ или поставьте их рядом с Лопиталем³⁰, — какими ничтожными они покажутся, какими никчемными! Друзья! Бросим этих маленьких божков, и особенно из низких ставленников в ваших современных храмах, оставим их восклицать в их небесах: „свят, свят, свят“, а храмы будем воздвигать лишь людским добродетелям!

Эпитафия автора

Счастливец, который будучи рожден свободным от предрассудков отцом, был воспитан им вдали от попов, нанимаемых, чтобы поучать заблужденным и проповедывать нетерпимость! Счастливый неведомый человек, живший в неведении богов, их ставленников, более злых, чем боги, неприличных картин, гнусных догматов, которые религия, вооруженная деспотом, освящает в глазах напуганной толпы! Счастливец, который на грани смерти, окруженный друзьями, в их душевной близости, чувствует, как по его руке струятся слезы братьев, и, глухой к пустым словам и ханжеским химерам, умирает с именем добродетелей на устах. Друзья! Когда время своей слишком проворной ногой разрушит хрупкое здание моего тела, пусть мои рассыпавшиеся останки будут вами собраны и пусть на моей могиле вами будут начертаны стихи: „Здесь покоится мирный атеист. Он всегда шел прямо, не глядя на небо. Да будет окружена почтением его могила! Друг добродетели был не другом богов“.

II

Духовенство и церковь против революции (1789—1793 гг.)

6. Угрожающее письмо папы Пия VI³¹ к французам по поводу пленения Людовика XVI

Милосердие, главными характерными чертами которого являются, согласно апостолу св. Павлу, терпение и доброта, страдает и переносит все, пока у него остается некоторая надежда, что можно будет добром и мягкостью бороться с заблуждениями, начинающими овладевать умами. Но когда эти заблуждения, с каждым днем усугубляются, когда беспорядок доходит до такой степени, что грозит вызвать церковный раскол,—тогда сама природа милосердия вместе с долгом апостольского служения, которым мы облечены, хотя и не достойны его, повелевают нам и настоятельно побуждают нас противопоставить нарождающемуся злу средство мягкое и отеческое: правда, но скорое и действительное, выясняя провинившимся их великие грехи и заслуженные ими канонические наказания. Таким образом те, которых сбили с пути истины, смогут раскаяться и исправиться, отречься от своих заблуждений и возвратиться под сень церкви, этой нежной матери, принимающей с открытыми объятиями возвращающихся к ней. А другие верные сыны церкви будут меньше поддаваться обманам ложных пастырей, которые, не входя в овчарню праведным путем, норовят лишь захватить, убить и портить паству.

Как только мы получили первые известия о войне, объявленной католической церкви новаторами: философами, объединившимися против нее и составляющими большинство во французском Национальном собрании, мы, пропитанные божественными велениями, горько плакали пред лицом господина нашего и, поделившись нашим жестоким беспокойством с нашими маститыми братьями, кардиналами святой римской церкви, мы предписали устройство молебствий как публичных, так и частных. Мы затем письмом от 9 июля 1790 г. весьма настоятельно призывали нашего возлюбленного сына во Иисусе христе христианнейшего Людовика не давать своей санкции гражданскому устройству духовенства, санкции, которая собьет нацию с пути истинного и вызовет церковный раскол в королевстве. Ибо совершенно недопустимо, чтобы чисто политическое собрание имело право изменять всемирную дисциплину церкви, отменять постановления святых отцов и предписания соборов, низвергать иерархический строй, устанавливать по своему произволу порядок избрания епископов, отменять епископские кафедры и заменять в церкви древние и всеми почитаемые обряды новыми, неправильными обрядами.

Ко всем этим ужасам эта порочная нация присовокупляет еще преследования. Лучшего государя хочет она сделать жертвой своего бешенства и умертвить его. Находясь под угрозой, он не мог отказаться в санкции бессмысленных постановлений собрания тиранов. Вся Франция радостно веселится в то самое время, как она сама себя низвергает в глубочайшие пропасти. Разве столь великодушный король должен пасть жертвой такой несправедливости? А вы, его верные подданные, останетесь равнодушными при виде его страданий? Вы будете равнодушно присутствовать при том, как его трон лишают его величия, его прав? В последнее время вы, правда, старались сорвать с него оковы, но тщетно. Не падайте же духом, делайте новые попытки, и мы вам придем на помощь.

А вы, французы, враги трона, тираны, к которым вся земля питает отвращение, — дрожите! Наши силы объединятся против вас. Слишком долго терпели мы, слишком долго молились мы, чтобы напомнить вам ваши обязанности. А вы неизменно остаетесь более твердыми, чем скала. Нужно, чтобы вы узнали, что есть еще защитники, есть мстители за религию наших отцов, которую вы искореняете в своей среде. Ваш король в плену в ваших оковах. Но скоро его величие будет восстановлено: бог, защитник угнетенного, обрушит на вас свою руку — и вы позорно погибнете. Ваше порочное собрание решило ввести в действие без санкции вашего повелителя конституцию, которая навсегда останется позорным пятном на вашей нации. Но не ввести вам в действие эту чудовищную конституцию, которою вы собираетесь устроить мир. Если вы не прекратите своих несправедливостей по отношению к вашему королю, его друзья скоро прибегут к нему на помощь и вырвут его из того ужаса, который вы вводите в недра ваших семей. Мы дрожим от страха за вас, и мы еще раз обращаем к небесам наши горячие молитвы, чтобы предохранить вас от угрожающих вам бедствий. Да будут услышаны наши мольбы!..

Заклинаем вас именем праведного неба — вдумайтесь со всей серьезностью в то, что породили ваши действия, отрекитесь от всех клятвенных обещаний, которые делают вас преступными в глазах бога и большинства людей, восстановите вашего августейшего государя во всех его правах и титулах. Он желает только вашего блага, и сердце его полно только одним желанием — сделать свое королевство цветущим и преданным католической, апостольской и римской религии, которую он сам исповедует с такой стойкостью и таким пылом. Вы обращаетесь с ним, как с изменником и клятвопреступником. Что же, неужто он должен оставаться в заключении, пока вам угодно будет, и никогда не дадите вы ему ни малейшей свободы, чтобы он мог быть среди своего народа, чтобы он мог оказывать помощь бедным, что он уже делал раньше и что вы так много раз могли видеть собственными глазами? Словом, король ли он? Если он еще король — почитайте же его, если же он перестал уже им быть, тогда, повторяю, дрожите от страха! Все мечи иностранных мстителей обрушатся на ваши головы. На ваши очаги надвигается опасность, — дрожите! Само небо дает уже знать, что скоро оно накажет вас. А что касается нас, то все орудия, которые мы можем

направить против врагов христианства, будут безотлагательно пущены в ход.

Мы проявили столько снисхождения, сколько могли себе позволить, лстя себя надеждой побороть таким образом зло, уже сделанное, и помешать тому, чтобы оно в будущем не разрослось еще больше.

Но если бог — не допусти, боже, — наша доброта, наши отеческие советы не оказали желанного действия, пусть наши враги знают, что мы их предадим анафеме, что мы их разоблачим пред всемирной церковью как раскольников, выкинутых церковью и отлученных нами.

О вы, верные католики, не загрязните ваших чистых душ, принимая в качестве законов безумные постановления ваших представителей. Уничтожайте злоупотребления, но не права; любите своего государя и поддерживайте его семью. А для того, чтобы у вас было более мощное стремление выполнить свой долг, мы просим отца небесного, да умудрит он вас разумом, истиной и стойкостью. И мы даем вам как залог нашей отеческой любви наше апостольское благословение.

В Риме, в соборе св. Петра, 30 июня 1791 года, в году первосвященства нашего семнадцатом.

(Подписано) ПИЙ

7. Протест французов против контрреволюционных поползновений римской церкви

Какой фанатизм, святейший отец! Какое безумие! Что же вы думаете, что мы еще в двенадцатом веке, когда мы под влиянием религии целовали маститую туфлю ваших предшественников? О, нет! Времена изменились, и ваше святейшество потеряло влияние на французских граждан.

Франция слишком долго уплачивала вам деспотическую дань. Рассчитываете ли вы и впредь получать эту дань? Собираетесь ли вы из вашей Италии распоряжаться нашим достоянием и мошеннически лишать нас наших прав? Вы пытаетесь сеять между нами раздор, но ваши старания ни к чему не приведут. Ваша апостольская власть не в состоянии отнять у нас наших природных сил, и все ваши священные каноны никогда не смогут сравниться с теми пушками, которыми Перрье снабдил наши округа. Ваша отлучительная булла никогда не ударит по нас с такой силой, как мускатные орехи, которые мы станем выпускать из своих ружей и которые сокрушат святость вашего римского суеверного двора...

О, святейший отец, как подло поступили вы, пытаясь нас обмануть, и как тупо повели себя все схожие с вами, которые старались отнять у нас все — вплоть до продовольствия! Разве вам мало ваших постоянных доходов, благодаря которым вы можете жить в праздности и неге?

Французы преданы своей религии, но питают отвращение к ее фанатизму. Иисус христос неизменно остается их первым вождем, и они не признают других вождей. Пусть римляне поклоняются вам.

Французы, более справедливые, умеют свидетельствовать своим достойным представителям признательность, которой заслуживают их труды, столь полезные для родины.

Словом, мы, французы, друзья Свободы, протестуем против всех ваших мятежных проповедей и особенно против вашего письма от 30 июня, которое мы здесь публикуем только для того, чтобы ярче показать всей французской нации всю несправедливость и всю злобу вашего святейства и напомнить об их долге всем добрым гражданам, которые могли бы дать себя увлечь вашими суеверными словами.

Мы будем свободны, или мы будем уничтожены. А если вы будете говорить с нами таким языком, — трепещите!..

8. Речь, произнесенная Пием VI в тайной консистории (20 марта 1790 г.)

Досточтимые братья!

Мы собираемся поделиться с вами живыми заботами, которые гнетут нас и удручают; мы хотели бы найти поддержку и утешение в наших скорбях, приобщив вас к ним. Общеизвестным фактом, в котором больше не приходится уже сомневаться, является плачевное положение, в которое вовлечено французское государство. Эта обширная и сильная монархия, которая занимала первое место среди держав Европы, поражена ныне ударами, нанесенными ей собственными ее обитателями. Весьма быстро она низверглась в самую пучину бедствий и находится на краю гибели. Первые акты этой революции имели своей целью установление нового порядка в общественном управлении, и так как целью этого общественного порядка должно было быть уменьшение народных тягот, то казалось, что она имеет весьма далекое отношение к сфере нашего апостольского служения. Но вдруг от политической конституции был сделан переход к самой религии, как-будто бы религия должна быть подчинена и поставлена на службу политическим интересам. Одновременно с этим разразились движения, отмеченные печатью насилия, убийства, не замедлившие получить кровавый характер. При получении известий о развитии этих событий, известий, становившихся со дня на день все более тревожными, наши мысли обращались к божественному милосердию, дабы умолить его пощадить этот народ. Нами были установлены общественные моления, которые еще и теперь совершаются каждый день.

Однако мы видим не без глубокой скорби, что всевышний

не снизошел еще к нашим молитвам и что зло, продолжающее расти изо дня в день, приняло наконец такие размеры, что дальше идти ему уже некуда.

Декреты, изданные Генеральными штатами французской нации, нападают на религию и потрясают ее. Они узурпируют права апостольского престола. Они нарушают соглашение, торжественно заключенное. И так как все эти виды зла имели своим источником ложное учение, содержавшееся в отравленных и развращенных писаниях, ходивших по рукам, то вот для того, чтобы дать более широкий простор публикации этих заразительных и ядовитых учений, чтобы усилить их действие, один из первых декретов этого собрания обеспечивает за каждым свободу мыслить, как ему угодно, даже в вопросах религии, и безнаказанно распространять эти мысли среди общества. Этот декрет возглашает, что никто не может быть связан никакими законами кроме тех, на которые он сам дал свое согласие*. После этого самой религии был нанесен удар обсуждением вопроса, следует ли или не следует сохранить католический культ в качестве господствующей религии государства. Все не-католики были объявлены имеющими право занимать любые муниципальные, гражданские и военные должности**. Больше того, было постановлено не признавать больше торжественных обетов религии, членам всех религиозных организаций обоего пола было разрешено уйти из монастырей***.

Церковные имущества были отданы в распоряжение нации****, а десятина, которая составляла наиболее крупную часть церковных доходов, была упразднена*****. У храмов и алтарей похищена вся их серебряная утварь. Наконец были приняты еще другие постановления подобного сорта, а многие находятся на кануне проведения в жизнь.

Информируясь об этих многочисленных бедствиях, можем ли мы обойти их молчанием, не поднимая нашего апостольского голоса против святотатственных декретов, которые приводят религию к краю бездны, которые заставляют нас предвидеть перерыв и даже полный разрыв сношений между святым престолом и французским государством. Ах! Нам представляется, будто мы слышим, как пророк Исайя упрекает нас за наше молчание своими словами: «Горе мне, ибо я замолчал!» Но как прервать молчание? К кому обратиться с речью? К епископам? Лишенные всякого авторитета, охваченные ужасом, некоторые из них увидели себя вынужденными покинуть свои кафедры. К духовенству? Распыленное, испытывающее упадок духа, оно не имеет больше права устраивать свои собрания. Можем ли мы требовать вмешательства христианнейшего короля, того самого, которого насилие лишило его царственного авторитета, того самого, который, подчиняясь штатам, вынужден санкционировать своим именем эти же самые декреты? Почти

* Декларация прав человека и гражданина, принятая 26 августа 1789 г.

** Декрет 24 декабря 1789 г.

*** Декрет 13 февраля 1790 г.

**** Декрет 2 ноября 1789 г.

***** Декрет 5 августа 1789 г.

вся нация, соблазненная пустым призраком свободы, позволяет руководить собою совету философов, вечно грызущихся и дерущихся между собой. Она забыла, что христианское учение является наиболее твердой базой благополучия государств и что залогом общественного счастья является, как говорит св. Августин, всеобщее и полное повиновение властям. Ибо государи являются служителями бога во имя блага, они — сыны церкви и ее защитники, обязанные в качестве таковых любить ее, как свою мать, служить ее интересам и защищать ее права.

Мы, разумеется, далеки от того, чтобы не отдавать себе отчета в том, как важны те соображения, которые должны побудить нас говорить, предостерегать, увещевать. Однако мы вместе с тем знаем, что не только наш голос может потеряться среди разнузданной толпы, которая, будучи увлечена разгулом своеволия, не останавливается ни перед пожарами, ни перед разбоями, ни перед пытками, ни перед убийствами, не поддаваясь никаким доводам человеколюбия, но что есть основание бояться, как бы наш голос не раззадорил эту толпу, которая может с еще большей свирепостью предаться новым покушениям и посягательствам. В сочинениях св. Григория Великого мы имеем блестящие подтверждения той истины, что следует различать и обдумывать, когда нужно говорить и когда нужно молчать: весьма тонким, но необходимым делом является знание того, до каких пределов должна доходить сдержанность в речи, и какие обстоятельства благоприятствуют или не благоприятствуют тому, чтобы открыть рот или его закрыть.

(Пий VI далее приводит пример св. Афанасия.)

Тем не менее, хотя и верно, что тот, чьей обязанностью является говорить, должен уметь соблюдать границы молчания, однако молчать разрешается не дальше того момента, когда можно прервать молчание, не компрометируя себя и других. (Цитата из св. Афанасия.) Однако что же нам делать, если наш голос не может заставить себя слушать французскую нацию? Мы по крайней мере будем говорить к богу, мы вознесем к нему самые пламенные и самые многочисленные наши молитвы. Однако мы предприняли самое это выступление в качестве свидетельства, которое показывает, что мы сознаем, как глубоки раны, нанесенные религии, как чувствительны удары, нанесенные авторитету святого апостольского престола. Вместе с тем мы заявляем, что наше молчание отнюдь не является безразличием, тем менее еще одобрением. Однако мы считаем это молчание необходимым в нынешней обстановке, мы считаем необходимым молчать до того момента, когда новый порядок вещей, который с помощью неба окажется, как мы надеемся, и близким и благоприятным, позволит нам говорить плодотворно*.

* Папа первоначально имел намерение обратиться с энцикликкой, осуждающей работу Учредительного собрания. Лишь в результате вмешательства Берни, представителя Франции в Риме, он решил заменить энциклику речью. См. Матвеев „Рим и французское духовенство при Учредительном собрании“, стр. 142 и сл.

9. Послание Пия VI Екатерине II (25 февраля 1792 г.)

Пресветлейшей, могущественнейшей государыне Екатерине, великой герцогине и императрице Великой, Малой и Белой Руси, государыне и августейшей наследнице нескольких обширных государств на Востоке и на Западе, Пий VI, верховный первосвященник, привет.

Когда я задался целью составить доклад о захвате моих старинных владений во Франции, совершенном против всех законов справедливости и в особенности против права человеческого, с намерением послать этот доклад некоторым царственным особам, чтобы внушить им по крайней мере чувство ужаса одним рассказом о подобном покушении, мои мысли особенно часто обращались к Вам, августейшая и могущественнейшая императрица, ибо я знал Вашу справедливость и Ваше великодушие, в которых я сам неоднократно имел возможность убедиться. Вот почему я позаботился о том, чтобы этот мемуар был доставлен Вам возможно скорее нашим дорогим сыном Сантини, дабы в том справедливом негодовании, которое не может не вызвать в Вас подобное злодеяние, найти некоторое утешение в моей скорби.

Я не только не ошибся в моей надежде, но мое ожидание было в сильнейшей степени превзойдено великодушными проявлениями Вашего благородного сердца, которые Вы сообщили мне с такой искренностью и которые показывают мне, в какой степени Вы порицаете и ненавидите этот разбой, в какой мере Ваше благородное и благожелательное сердце чувствительно к моей скорби и к понесенным мною потерям. Что меня наполняет особенно живым, восторженным удивлением, это горячность и рвение, с которым Вы заявляете, что употребите всю Вашу мощь, чтобы исправить ту несправедливость, которая мне причинена. Вы даже изволили выразить намерение познакомиться с Вашими предположениями другие дворы Европы, откуда до меня доходят многочисленные заверения относительно Ваших великодушных и подлинно царственных планов. Вы не поверите, непобедимейшая государыня, до какой степени ободрен мой дух этими блестящими свидетельствами Вашей симпатии, в какой мере я считаю себя обязанным по отношению к Вам. Я оказался не в силах таить в недрах моего сердца те истинные чувства, которыми я проникнут в отношении Вашего Величества, и решил выразить их хотя бы этим посланием. Примите же это выражение моей глубочайшей признательности, примите мою благодарность, для выражения которой у меня не хватает слов, с той самой добротой, действие которой я уже испытал на себе. Будьте уверены, что память о Ваших благодеяниях останется навсегда запечатленной в моем сердце, и до такой степени сильно то доверие, которое внушает мне Ваше великодушие, что я льщу себя следующей надеждой: если горделивая жестоковейность Национального собрания во Франции будет сокрушена соединенными силами европейских держав, если управление в этом государстве будет восстановлено на его старых

основах, то именно Вашему авторитету и Вашему вмешательству я буду обязан возвращением владений, которые похищены у меня. Этот акт справедливости и великодушия довершит ту славу, которой увенчали Вас Ваши победы над неверными, блестящие завоевания, расширившие Вашу империю, и торжественные трактаты, которые утвердили Ваше право владения многими обширными и плодородными землями.

Поздравляя Вас со столь славными подвигами, я не перестаю направлять к господу самые пламенные мои молитвы, чтобы он сохранил Вашу особу, чтобы он упрочил навеки Ваши успехи, чтобы он удовлетворил все Ваши желания самыми редкостными и драгоценными дарами своей милости.

В Риме, 25 февраля, год 1792, а нашего понтификата 18-й.

10. Послание Пия VI к императору Франциску II * (8 августа 1792 г.)

...Еще раньше мы были обрадованы тем, что Ваш августейший отец, когда он еще был жив, взволнованный ущербом, который был столь несправедливо нам причинен, и подвигаемый своей справедливостью, поднялся для защиты нашего дела. Дело шло тогда о бесчестном захвате наших владений во Франции, совершенном на основании декрета Национального собрания. Поставив в известность об этом все дворы Европы, и особенно императора, мы пробудили в них тот ужас, которого заслуживает подобная несправедливость.

Император тотчас же засвидетельствовал перед нами свои благородные чувства, свое благочестие и великодушие, заверив нас, что он приложит все свои усилия для возвращения нам потерянных владений. Что может быть справедливее и что может больше интересов всех государей, чем старание помешать тому, чтобы подобный случай захвата не получил силы давности. Мы тогда решили поблагодарить Вашего августейшего отца в послании, в котором мы особенно рекомендовали ему, не без слез и стенаний, восстановить силой своего авторитета и своей мощи религию, поколебленную и даже целиком низверженную во Франции. Однако его смерть, весьма прискорбная и неожиданная, упредила это послание, датированное 3 марта.

Смерть воспрепятствовала этому прекрасному намерению, однако оно было передано Вам, как бы по праву наследства, и Вы должны его выполнить, если богу будет угодно. Вы наследовали своему августейшему отцу и всем его владениям, Вы располагаете

тем же могуществом, но кроме этого у Вас есть еще одна причина, которая повелительно заставляет Вас применить все свои силы, а именно — война, объявленная и ведома против Вас теми самыми людьми, которые осмелились преступно посягнуть на все священные и общественные права. Вы обладаете таким духом, который можно признать осененным благодатью самого господа бога, ибо с самого начала Вашего царствования Вы только к тому и стремитесь, чтобы подавить силой оружия Ваших могущественных и упорных врагов, восстановить в их стране церковь и французское государство и вернуть нам все то, что было похищено у нас силой. Все, что Вы делаете, свидетельствует об особенном Вашем пыле, о Вашем необычайном рвении, ибо во всех делах Ваших Вы прилагаете всю свою мудрость, все Ваши старания, все Ваши средства и силы.

Те послания, которые мы несколько месяцев назад направляли к Вашему августейшему отцу, примите Вы и сочтите их написанными к Вам, наш любезнейший сын во Иисусе христе. Читайте и так, чтобы в Вашей мысли наши уверения превратились в хвалу Вам, ибо мы восхваляем Вас, когда мы видим, что Вы по собственной своей воле взялись за то дело, которое служило предметом наших неустанных молитв, так что нам приходится не столько возобновлять наши просьбы к Вам, сколько принести Вам нашу глубочайшую благодарность.

Если однако мы чем-нибудь и в состоянии помочь Вам в этом Вашем ревностном стремлении к истинной славе, а мы готовы помогать Вам тем, чем только мы можем, то это нашими напоминаниями о том, чтобы Вы в проведении столь достойной политики, мстя с таким жаром за тяжкие несправедливости, ведя столь справедливую войну против наших общих врагов, сражаясь за права всех государей, — чтобы Вы в этой почетной борьбе никогда не отделяли интересов религии от других интересов, каковы бы они ни были, чтобы Вы всегда думали о религии, чтобы Вы всегда имели в виду ее целость и нерушимость, чтобы Вы всюду утверждали и укрепляли священный культ, католическую церковь и ее единство, основанное на апостольском престоле.

Мы должны также со всей ясностью убедиться, особенно на примере Французской революции, что вся совокупность общественных дел создана таким образом, что государства в состоянии держаться и укрепляться не столько на вере человеческой, сколько на вере божественной, и что раз рушится религия, то очень легко рушатся и государства, потрясаемые волнениями, восстаниями и катастрофами, источником которых является бессмысленный напор самых развращенных мнений.

Вот почему при ведении войны и при окончании ее Вы должны иметь в виду прежде всего те условия, которые соответствуют царству божью, велениям господа, от которого исходит на человеческие государства всякая сила и всякая мощь. Именно этим путем Вы окажетесь в состоянии угодить царю царей, основателю и хранителю империй, подателю всякой победы и всякого счастья.

Вместе с тем, мы заверяем Вас, что постараемся быть предста-

* 20 апреля была объявлена война Франции „королем Богемии и Венгрии“. Прусский король Фридрих-Вильгельм, союзник Франциска II, присоединился к нему. После поражений при Турнэ и Мон Франция подверглась нашествию неприятеля. 11 июля отечество было объявлено в опасности. Вскоре после этого герцог Брауншвейгский издал свой манифест. Людовик XVI и Мария-Антуанетта возлагали все свои надежды на победу неприятеля. В начале августа положение Франции стало исключительно тяжелым.

телями перед богом в наших молитвах за Вас, любезнейший наш сын, за Ваше августейшее семейство и за Ваши обширные владения. Присовокупляем апостольское благословение, посылаемое нами с любовью из глубины нашего отеческого сердца Вашему императорскому величеству.

11. Речь, произнесенная Пием VI в тайной консистории по случаю смерти Людовика XVI* (17 июня 1793 г.)

Досточтимые братья!

Как может наш голос не быть заглушаем рыданиями и слезами? И разве не стенаниями, скорее чем словами, должна быть выражена глубокая скорбь, от которой мой угнетенный дух ищет утешения, возвещаая Вам о жестокой и кровавой трагедии, аренной которой явился Париж в день 21 января текущего года?

Злоумышление, вдохновляемое нечестием, одержало победу: Людовик XVI, христианнейший король, присужден к смерти, и приговор приведен в исполнение.

Какие же люди совершили подобный суд? Какие происки подготовили это злое дело? Вот об этом мы и собираемся в общих чертах рассказать вам.

Национальный конвент, который объявил себя судилищем, имел ли он на это право? Никакого. Это собрание после того, как оно упразднило королевскую власть, монархию, лучший из всех видов правления, передало общественную власть всю целиком в руки народа, неспособного следовать никакому мудрому и разумному плану поведения, не имеющего достаточной способности, чтобы правильно оценивать вещи, руководящегося в большинстве своих решений не тем, что является истиной, а тем, что, будучи лишено твердых принципов, способно сбивать с толку и внушать самое неверное впечатление народу, который полон предубеждений и жестокости, который недоступен чувству признательности, который находит удовольствие в созерцании потоков человеческой крови, эшафотов и страданий агонизирующих жертв, подобно тому, как когда-то народ тешил свои взоры в римском амфитеатре.

Наиболее разнузданные представители этого народа, не довольствуясь восстанием против власти монарха и решив посягнуть на самую жизнь его, хотели, чтобы судьями короля были те самые люди, которые объявили себя обвинителями его и не скрывали своих враждебных замыслов против его личности. К началу заседания Конвента было собрано значительное число наиболее злоумышленных депутатов, чтобы обеспечить большинство той партии, которая голосовала за казнь короля. Однако, несмотря на все усилия, это большинство не было получено, так что даже если исходить из их собственных законов, то король пал жертвой так называемого

* Людовик XVI, процесс которого длился с 10 декабря по 20 января, был казнен 21 января 1793 г.

легального меньшинства. Могла ли подобная чудовищная комбинация неправедных и развращенных судей с искусственно подтасованным голосованием оставить надежду для какой-нибудь другой перспективы, кроме известного нам прискорбного результата, кроме ужасной развязки, достойной проклятия и презрения всех грядущих веков?

Тем не менее, так как нашлось несколько таких, которые в момент совершения злодеяния как-будто испугались его, то собрание в результате горячих споров постановило произвести новое голосование, исход которого, хотя он и был подтасован заговорщиками, был объявлен легальным.

Мы не станем говорить здесь о множестве других неправильностей, которые совершенно аннулируют всю процедуру суда над королем. С этим вопросом можно познакомиться по отчету о выступлениях защиты августейшей жертвы, опубликованному в газетах. Набросим также завесу на подробности тех страданий, которые пришлось ей претерпеть перед концом. В течение всего своего заключения король был окружен самой строгой бдительностью, он был лишен духовника, который был казнен, он был разлучен со своей семьей, столь дорогой его сердцу, и много еще других проявлений самой утонченной ненависти, то жестокой, то обидной, можно было бы привести здесь, проявлений, рассказ о которых не может не вызвать ужаса, особенно при воспоминании о том, что всем известно, при воспоминании о том, каков был характер у Людовика, как он был мягок, как он любил прощать и делать добро, как владел он всегда собой, как нежно он был привязан к своему народу, как претила ему всякая жесткость и суровость, как много было в нем доброты, той самой доброты, которой злоупотребили, чтобы добиться от него созыва этих Генеральных штатов, власть которых, вышедшая из всяких границ, оказалась столь губительной для его королевской власти и для собственной его особы.

(Дальше Пий VI восхваляет добродетели Людовика XVI и проводит параллель между ним и Марией Стюарт).

Ах, кто когда-нибудь усомнится в том, что главной причиной, вызвавшей смерть этого государя, была ненависть к вере и заговор, задуманный против католической религии?

Вот уже давно кальвинизм поднял во Франции знамя борьбы против истинной религии. Однако необходимо было издали подготовить умы, нужно было время для того, чтобы яд мог проникнуть и распространиться среди народа при посредстве лживых и совратительных писаний, которые распространялись кальвинизмом в обществе. Он скоро нашел сильную поддержку своим планам в лице лиги так называемых философов. Эти нечестивые происки были разоблачены в 1745 г. собором французского духовенства. Мы сами предвидели опустошения, которые принесет эта деятельность. С самого начала нашего понтификата мы отметили коварные интриги заговорщиков и ужасные опасности, которых следует от них ожидать. Наша тревога была выражена в нашей энциклике, обращенной ко всем епископам католической церкви, в которой мы их увещевали следующим образом: „Вырвите

зло из среды вашей: вооружитесь силою и бдительностью, чтобы убрать с глаз вашей паствы эти отравленные произведения“*.

Если бы наши увещевания и предостережения были услышаны, мы бы не были осуждены теперь со скорбью видеть торжество заговора, угрожающего государям и государствам. Указанные совратители первые приветствовали успех отравляющих учений, они первые провозгласили, что наступило время осуществить их давнишние намерения, они заявляли об этом открыто в одной из своих книг, опубликованной в 1787 г., являющейся не чем иным как развитием и обоснованием следующего предложения Гьюга дю-Розье или кого-нибудь еще, принявшего это имя: „Достойнейшим делом является устранение из общества всякого государя, который отказывается подчиниться реформированной религии и примкнуть к протестантам для защиты их веры“.

Подобное чудовищное предложение, открыто провозглашенное незадолго до испытаний, ниспосланных Людовику, отлично показывало всем источник тех бед, которые должны были обрушиться на государя. И что устраняет всякие двусмысленности в этом вопросе, то это сходство, которое мы обнаруживаем между указанным положением и тем учением, которое распространяется бесчисленными скверными книгами, затопляющими Францию с того времени и являющимися достойным плодом с ядовитого дерева.

Разве не осмелился биограф Вольтера публично заявить, „что род человеческий вечно будет обязан этому писателю, так как он был первым творцом и вдохновителем революции. Это он научил народы ценить свою силу и пользоваться ею. Тем самым он подорвал основы ужасного деспотизма, власть религии и священ-

* Речь идет об энциклике от 25 декабря 1775 г. В этой энциклике между прочим говорится: „Кого не приведет в ужас нынешнее состояние христианского народа, в котором столь охладело милосердие, соединяющее нас с богом, тогда как несправедливости и преступления множатся ото дня к дню. Какое сердце не будет удручено при виде ударов, которые со всех сторон наносятся вере, при виде презрения к святым канонам, которые бесстыдно топчутся ногами, при виде этой страсти к новизне, увлекающей неуравновешенных людей и внушающей им зловерное намерение поколебать самые основы природы... Дело дошло даже до отрицания существования божия или до утверждения, что божество относится безразлично к делам человеческим. Все божественное рассматривается как жалкая выдумка. Столь глубокий разврат с таким искусством прикрывается соблазнительными словами, что слабые души совершенно теряют веру или значительно охлаждаются к ней, устремляясь к этому ложному свету, худшему, чем мрак. В результате этого какое развращение нравов, какая распушенность языка, какая разнузданность поведения! Так как всякая религия выкорчевывается из сердец, то несчастные философы стремятся уничтожить даже те узы, которые объединяют людей между собой. Они не устают повторять, что человек рождается свободным, что он не должен подчиняться власти человечества, что общество состоит из слабоумных людей, глупо простирающихся ниц перед обманывающими их священниками и угнетающими королями, так что, по их словам, союз между священнослужением и государственной властью является не чем иным как заговором против человеческого общества. Кто не видит, что эти безумства тем более способны нарушить общественное спокойствие, что нечестие может быть подавлено лишь весьма медленно, что, как прожорливый рак, оно распространяется все сильнее, проникая в академии, дворцы сильных мира сего, в дворы государей и, о чем нельзя говорить без ужаса, даже в святилища“.

ных служителей. Если бы не было сокрушено иго священников, никогда не удалось бы сокрушить иго тиранов, то и другое столь тесно связаны между собою, что раз первое потрясено, то и второе неизбежно должно весьма скоро подвергнуться той же участи“*.

Именно этому человеку его ученики, созерцая с гордостью развалины тронов и алтарей и спеша, подобно солдатам, опьяненным победой, шумно праздновать свое торжество, открыто приписывают титул вождя нечестивых писателей.

После того, как им удалось привлечь в свою партию большую часть народа, они для того, чтобы еще успешнее сбить народ с толку, стали кружить головы людей великолепными обещаниями, рассыпанными в сочинениях, распространяемых по всей Франции, и придумали красивое имя „Свободы“, из которого они сделали знамя, под которое стали призывать всех людей. И вот она какова эта свобода философов, приводящая лишь к развращению умов, к ожесточению сердец, к полному низвержению законов и всякого порядка. Именно против этой свободы выступало с такой энергией французское духовенство, приведенное в ужас соблазном, вызываемым этими учениями в сознании народов. Именно против нее выступили мы в нашей энциклике, где мы следующим образом высказались по поводу этой гнусной философии: „Все усилия этих людей имеют только одну цель, они устремлены к разрушению тех священных уз, которые соединяют людей между собою, которые связывают их с родителями и которые удерживают их в исполнении долга. Вы слышите, как эти люди кричат и повторяют до одурения, что человек рождается свободным и независимым от всякой власти, что общество является лишь беспорядочным сборищем невежественных и одичавших людей, ползающих на коленях перед священниками, которые их обманывают, или перед царями, которые их угнетают: отсюда следует, что единение между церковью и государством есть не что иное, как чудовищный заговор против первоначальной свободы людей“**.

К этому лживому и заманчивому имени свободы современные защитники прав человеческого рода присовокупили другое, не менее иллюзорное, имя — слово „равенство“, химеру, которая отвергает все основы гражданского общества. Они утверждают, что среди людей, которые, естественно, находятся во власти чувств, столь различных между собою, которые этими чувствами увлекаются в различных направлениях, под влиянием капризных движений их личных страстей, что среди этих людей тем не менее никто не имеет права пользоваться высшей властью или силою, держать в своих руках вожжи власти, удерживать в рамках долга всех, кто пытается выйти за его границы, делая это для того, чтобы само общество, потрясенное грозною борьбой страстей в войне одних с другими, не впало в анархию и не погибло совсем. Условием согласия и гармонии в обществе является согласованность между

* Кондорсе — Жизнь Вольтера.

** Послание 10 марта 1791 г.

всеми его членами, подобная согласованности хорошо организованного оркестра; если нет постепенности и правильных переходов между струнами инструмента или между модуляциями голосов, то нет и концерта, в этом случае это лишь шумная и беспорядочная разноголосица.

Затем эти же люди объявили себя „реформаторами закона, судьями религии, той религии, служение которой заключается в поведении повиновения“. Они вознамерились подчинить своей воле самую церковь и ее устройство, навязав ей совершенно новую и не имеющую примеров форму. Именно из этой кузницы лжи и обмана вышла та святотатственная конституция, которая была отвергнута нами в нашем послании от 10 марта, явившемся ответом на обращение 30 епископов Франции, в котором были изложены принципы этой конституции.

(Дальше следует цитата из св. Киприана).

Все, кто остался верен церкви, отказались присягнуть новой конституции, подвергнув себя тем самым всяким немилостям и даже смерти. Внезапная вспышка ненависти обрушилась на всех них без различия. Огромное число духовных лиц сделалось ее жертвой. Некоторые епископы были умерщвлены, невзирая на их звания. (Цитата из св. Киприана). Ни один класс общества не был пощажён. Те, к которым отнеслись с меньшей суровостью, были изгнаны из своего отечества без различия возраста и пола, и они оказались вынужденными искать убежища в чужих странах. Был издан декрет о том, что всякий свободен следовать той религии, которая ему угодна, как-будто все пути безразлично ведут ко спасению. Однако католическая религия, единственная она, была поставлена в исключительное положение, она единственная оказалась запрещенной. Она видела, как кровь ее верных текла широкими потоками на эшафотах, на дорогах, у домашних очагов, этой кровью искупались преступления тех, которые оставались ей верны. Даже право человека и гражданина не в состоянии было защитить от кровавой расправы и от преследований верующих, когда их убежище становилось известным благодаря предательству и доносам. Но таков уже характер ереси, таково было с самых древних времен обычное поведение ее сторонников, и в частности учеников Кальвина, в особенности во Франции, где они во все времена употребляли все средства насилия, открытую силу и угрозу, чтобы заставить подчиниться их мнениям.

Разве, опираясь на эту непрерывную цепь преступных деяний, ареной которых была Франция, не приходится с полной достоверностью утверждать, что именно ненависть к религии была душой всех махинаций, вдохновленных этой сектой, чтобы потрясти всю Европу, и что следовательно она не без вины и в смерти Людовика.

(Дальше Пий VI приводит целый ряд аргументов, которые должны доказать, что Людовик XVI может рассматриваться как мученик веры).

О Франция, Франция, которую наши предшественники провозглашали „зеркалом всего христианского мира и непоколебимым столпом веры, о ты, которая шествовала не в хвосте, а во главе

других народов, в рвении христианском и в повиновении власти апостольского престола“, как далеко ты отошла ныне от нас! Какая слепая вражда к истинной религии толкнула тебя на яростные выступления против религии, которые ставят тебя на первое место среди самых злых гонителей! И тем не менее разве можешь ты, если б ты только этого хотела, не признать, что именно религия является самой твердой основой государства, ибо это она погашает злоупотребления властью со стороны тех, кто управляет, и распущенность со стороны тех, кто повинует! Вот почему те, которые злоумышляют против прав царской власти, стремятся для ее низвержения к уничтожению католической веры. Еще раз, Франция, ты, которой, как ты говорила, подобал католический государь, ибо этого требовали основные законы государства, ты имела этого католического государя, и за то только, что он был католиком, ты его убила.

12. Духовенство и контрреволюция в Вандее ³²

Доклад Галлуа и Жансонне, гражданских комиссаров, посланных в Вандею на основании декретов Учредительного собрания, сделанный в Законодательном собрании (9 октября 1791 г.

Господа, 16 июля текущего года Национальное собрание по докладу своего следственного комитета постановило послать в департамент Вандеи гражданских комиссаров для сбора всех возможных сведений о причинах последних беспорядков в этой местности и для содействия здешним властям в восстановлении общественного спокойствия. 23 июля эта миссия была возложена на нас, и через 2 дня мы направились в Фонтенэ-ле-Конт, административный центр Вандеи.

Обсудивши в течение нескольких дней с администраторами из директории положение вещей и устроение населения, наметив вместе со здешними властями ряд предварительных мероприятий по поддержанию общественного порядка, мы решили направиться непосредственно в районы, составляющие департамент Вандею, чтобы установить, в какой мере правильны или неправильны, в какой мере основательны или преувеличены дошедшие до нас жалобы, одним словом, чтобы со всей доступной точностью установить истинное положение вещей в этом департаменте.

Мы побывали почти во всех углах департамента, — где для того, чтобы собрать необходимые нам сведения, где для поддержания спокойствия и предупреждения общественных беспорядков, где для того, чтобы помешать насилиям, которые по мнению некоторых граждан им угрожали.

Мы выслушали в нескольких окружных директориях всех местных муниципальных должностных лиц, с величайшим вниманием отнеслись мы ко всем гражданам, считавших необходимым сообщить нам какие-либо известные им факты или имеющиеся у них соображения, мы тщательно собрали и сопоставили все дошедшие до нас подробности. Так как однако разнообразие собранных нами фактов значительно уступает их численности, так как факты, жалобы и наблюдения везде более или менее сходны, то мы намерены представить вам сводку всего этого множества отдельных фактов в обобщенном и сконцентрированном виде.

Мы считаем бесполезным излагать вам подробности, относящиеся к прежним распорядкам; они на наш взгляд не имеют прямого влияния на нынешнее положение в департаменте. Да и кроме того в силу ускорения судебной процедуры по делам, связанным с этими беспорядками (ускорение это было обусловлено законом об амнистии), мы в состоянии представить вам на этот счет лишь смутные догадки и недостаточно надежные выводы.

Период принесения присяги духовными лицами был для департамента Вандеи первым периодом этих беспорядков. До этого времени здешнее население наслаждалось полным спокойствием. Удаленное от общего центра всех общественных действий и противодействий, предрасположенное по своему характеру к миролюбию,

проникнутое уважением к закону и порядку, — оно пользовалось благами революции, не испытывая ее бурь и гроз.

В деревнях трудность сообщения, простота чисто земледельческой жизни, уроки детства, религиозные эмблемы, везде и всюду стоящие перед глазами, открыли сердце местного жителя для множества суеверных впечатлений, которые при нынешнем положении вещей не могут быть разрушены или ослаблены никаким видом просвещения.

Религия местного населения, т. е. религия в том виде, в каком она им осознается, сделалась для него самой сильной и, так сказать, единственной моральной привычкой в его жизни. Наиболее ощути-

мым объектом этой религии является культ икон, а служитель этого культа, в котором деревенские жители усматривают раздатчика небесных милостей, который по их убеждению способен жаром своих молитв унимать капризы погоды, который наконец держит в своих руках ключи загробного мира, — пользуется самой живой и нежной привязанностью сельского населения.

Привязанность населения департамента Вандеи к утвердившимся здесь религиозным проявлениям, безграничное доверие, которым пользуются священники, обжившиеся в деревне, — вот главные элементы волнений, проявившие свое действие раньше и способные вызвать беспорядки и в дальнейшем.

Легко представить себе, с какой энергией введенные в заблуждение или мятежно настроенные священники должны были исполь-

зовать такое отношение к себе населения: они использовали все, чтобы разжечь ревность, встревожить совесть, подбодрить нерешительных, воодушевить храбрых, одних они донимали запугиванием и угрызениями совести, других они заманивали обещанием спасения, они испробовали, и с успехом, почти все средства соблазна и застраивания.

Некоторые из этих священников действуют по искреннему убеждению: они как-будто весьма сильно проникнуты идеями, которые они проповедают, и чувствами, которые они внушают. Другие однако изобличены в том, что религиозной ревностью они прикрывают интересы, более дорогие их сердцу. Эти проявляют политическую активность, которая усиливается или ослабевает в зависимости от обстоятельств.

Между бывшим епископом Люсонским и частью старого духовенства из его епархии образовался крепкий союз. Ими был разработан план противодействия декретам, которые должны были быть осуществлены во всех приходах. Пастырские послания и прокламации, рассылаемые из Парижа, были направлены ко всем здешним священникам, чтобы укрепить их в мятежных намерениях и втянуть их в коалицию, которую рисовали как организацию, охватывающую все государство. Однако циркулярное послание г. Борега, викария г. де-Мерси, бывшего епископа Люсонского, хранящееся в архиве трибунала в Фонтенэ (подлинность его подтверждена автором на допросе), даст вам, господа, точное представление об этом союзе и о весьма ловкой тактике его организаторов.

Вот это послание:

Послание, помеченное Люсоном, датированное 31 мая 1791 г., в конверте с адресом кюре из Реорта

Декрет Национального собрания, датированный 7 мая, разрешает духовным лицам, которых Национальное собрание объявило отрешенными от должности за отказ от присяги, употребление приходских церквей исключительно для служения обедни; этот же декрет разрешает римским католикам, а также и всем иноверцам собираться для отправления своего религиозного культа в тех местах, которые ими избраны для этой цели, при условии, что в своих общественных проповедях они ничего не будут говорить против гражданской конституции духовенства.

Субода, предоставленная законным пастырям первым пунктом этого декрета, должна рассматриваться как ловушка, тем более опасная для верных, что в церквях, которыми завладели выскочки, они не могут получить ничего кроме проповедей их ложных пастырей, что в этих церквях они смогут приобщаться святым таинствам только из рук этих пастырей, что таким образом верующие будут вступать в общение с этими схизматиками, в общение, которое запрещается законами церкви. Для того, чтобы избежать столь большого зла, господа кюре почувствуют необходимость обеспечить себе прежде всего такое место, где они на основании второго параграфа этого декрета будут иметь возможность отправлять свои функции и собирать своих верных прихожан с того момента, когда их так называемый преемник захватит их церковь. Без этой предосторожности католики, боясь оказаться лишенными обедни и святым таинств и будучи соблазняемы призывами ложных пастырей, очень скоро могут вступать в общение с ними и подвергнуться риску почти неизбежного соблазна.

В приходах, где мало состоятельных собственников, несомненно трудно будет найти подходящее помещение и раздобыть священные сосуды и церковное облачение: в таком случае простая риза, переносный алтарь, ситцевая риза,

оловянные чаши окажутся достаточными для того, чтобы в таком крайнем случае отправлять богослужения и святыя таинства.

Эта простота, эта бедность, которые будут напоминать верующим о первых веках церкви и колыхали нашей святой религии, могут оказаться могущественным средством для возбуждения ревности служителей церкви и пыла верующих: первые христиане не имели иных храмов кроме своих жилищ; именно в этих жилищах собирались пастыри и их паства, чтобы приобщаться святым таинствам, выслушать слово божие и воспеть хвалу господа. Когда на церковь обрушились гонения, вынудившие христиан покинуть свои базилики, верующие стали укрываться в пещерах и даже в могилах; и вот эти-то времена испытаний явились для истинных верующих эпохой величайшего религиозного рвения. Очень немного таких приходов, где господа кюре оказались бы не в состоянии раздобыть такие помещения и церковное облачение, какие были упомянуты мною выше, но и там в ожидании того момента, когда удастся получить все необходимые вещи, священникам могут оказать помощь их соседи, которые еще не смежны. Мы в будущем сможем непрерывно снабжать всех кюре необходимыми предметами богослужения, и уже в настоящее время мы в состоянии начать освящение чаш или сосудов, которые имеются уже на местах.

Господин епископ Люсонский в особой инструкции, переданной им нам в дополнение к посланию епископа Ангрского, предлагает господам кюре следующее:

1. Иметь двойную ведомость, в которую должны быть записаны акты крещения, венчания и погребения католиков прихода: одна из этих ведомостей должна быть в руках, другая должна быть отдана на хранение какому-нибудь доверенному лицу.

2. Независимо от этого списка господа кюре должны иметь другой, тоже, в двух экземплярах, куда должны вписываться все разрешительные акты, связанные с браками, основанные на полномочиях, предоставленных кюре 18 параграфом инструкции; эти акты должны быть подписаны 2 надежными и верными свидетелями, а для того, чтобы придать им большую аутентичность, списки должны быть засвидетельствованы, зарегистрированы и парафированы господином епископом или одним из его заместителей в случае его отсутствия; один из экземпляров этого списка должен быть, как это отмечено уже выше, сдан на хранение доверенному лицу.

3. Господа кюре должны, если это возможно, подождать со своим уходом из церкви и из священнического дома после того, как их так называемый заместитель представил им акт своего назначения. Они должны протестовать против всего того, что произойдет после этого назначения.

4. Господа кюре должны тайно запротоколировать постановление так называемого заместителя и его вторжение в приходскую церковь и в дом священника. В этом протоколе, образец которого я при сем прилагаю, они должны формально протестовать против всех функций, которые собирается выполнять этот заместитель в качестве приходского священника. Для того, чтобы придать этому акту возможно большую аутентичность, он должен быть подписан священником, его заместителем, если таковой имеется, соседним священником, а также 2 или 3 надежными набожными мирянами, причем однако должны быть приняты все предосторожности, чтобы это осталось в тайне.

5. Те господа священники, приходы которых будут объявлены упраздненными без санкции законного епископа, должны прибегнуть к тем же средствам протеста. Они должны рассматривать себя и в дальнейшем как единственных законных пастырей своих приходов, и, если у них нет абсолютно никакой возможности оставаться в приходе, они обязаны раздобыть себе жилище где-нибудь по соседству, чтобы иметь возможность обслуживать духовные потребности своих прихожан. Они должны с величайшей тщательностью выполнять свои обязанности в этом отношении.

6. Если гражданская власть — против того, чтобы верующие католики имели общее кладбище, или если родственники покойников обнаруживают слишком сильное отвращение к тому, чтобы покойники были погребены в особом месте, хотя бы специально и освященном согласно 19 параграфу инструкции, то после того, как законный пастырь или один из его представителей совершит в молитвенном доме все обряды, предписанные ри-

туалом, и регистрирует смерть, причем акт должен быть подписан родственниками, тело покойника может быть отнесено к воротам храма, причем родственники могут его сопровождать. Следует однако предупредить их, что они должны уйти в тот момент, когда новоявленный кюре или вообще вновь назначенный причт явится для совершения богослужения. Родственники покойного не должны ни в коем случае участвовать в церемониях и молениях этих схизматических священников.

7. В актах господ кюре в том случае, если их звание будет оспариваться так называемыми преемниками, должны подписывать свое имя и фамилию, не упоминая никакого титула.

Я прошу вас, господин кюре, и тех ваших собратьев, которым вы найдете необходимым передать мое послание, извещать нас с момента вашего смещения, если таковое будет иметь место, и поставления вашего так называемого преемника обо всех замечательных обстоятельствах, об устроении ваших прихожан на этот счет, о способах и средствах, которые вы считаете необходимыми применить для того, чтобы в вашем приходе не прерывалось богослужение в том случае, если вы окажетесь абсолютно вынужденными удалиться из прихода. Вы ни в коем случае не должны сомневаться в том, что все эти подробности нас интересуют живейшим образом: ваши испытания являются нашими испытаниями, и мы воодушевлены самым пламенным желанием разделить их с вами и тем смягчить их горечь.

Честь имею остаться с полным уважением и непоколебимой привязанностью вашим смиреннейшим и почтительнейшим слугой“.

Эти маневры были поддержаны миссионерами, угнездившимися в замке св. Лаврентия в округе Монтегю: именно их фанатической ревности, их тайным интригам, их неутомимой агитации мы, как надо думать, главным образом и обязаны устроением большей части населения департамента Вандеи и Шатильонского округа в департаменте Дей-Севр. Мы считаем необходимым обратить внимание Национального собрания на поведение этих миссионеров и на весь дух их учреждения.

Учреждение это было основано приблизительно 60 лет назад обществом мирских священников, живущих за счет милостыни и призванных заниматься в качестве миссионеров проповедью религии. Эти миссионеры, которые завоевали доверие населения, искусно распространяя четки, медальоны и индульгенции, сооружая на дорогах всей этой части Франции распятия разных форм, приобретали все новых и новых сподвижников и вскоре оказались столь многочисленными, что получили возможность организовать отделения этого учреждения в других частях государства. Мы находим их в бывших провинциях Пауту, Анжу, в Бретани. Здесь они всюду с одинаковым успехом ведут свою работу, так что во многих местах они являются полными властителями дум населения. Центром их является замок св. Лаврентия, где они недавно соорудили огромное и великолепное здание и где они, как говорят, приобрели целый ряд земельных участков.

Эта конгрегация по характеру и духу своей деятельности связана с другой организацией, основанной в этом же самом месте и известной под именем „Дочерей мудрости“. Женщины, входящие в эту организацию, посвятившие себя помощи бедным и в особенности работе в лазаретах и госпиталях, являются весьма усердными помощниками упомянутых миссионеров. Замок св. Лаврентия превратился в убежище этих ревнительниц, когда они в результате каких-нибудь обстоятельств, прежде всего в результате своей фанатич-

ности и религиозной нетерпимости, оказывались вынужденными уйти из лазаретов, в которых они работают.

Чтобы дать вам представление о настроениях и поведении этих пламенных миссионеров, о характере и религиозной морали, которую они проповедают, достаточно будет, господа, представить вам краткое изложение поучений, содержащихся в различных рукописях, захваченных у членов этой организации национальными гвардейцами Анжера и Шоле.

Эти рукописи, средактированные в форме инструкции для сельского населения, твердят о том, что не следует обращаться к конституционным священникам, квалифицируемым как втируши и выскочки, для отправления всякого рода церковных обрядов, что все те верующие, которые участвуют в богослужении этих якобы поддельных священников, хотя бы путем одного своего присутствия, совершает смертный грех, который не может быть извинен ни незнанием, ни легкомыслием, что все верующие, которые посмеют венчаться у втируш, признаются неповенчанными, так что на них и на их детей обрушится за этот великий грех кара божия, что, наоборот, браки, освященные старыми священниками, не могут быть оспариваемы, и дети от таких браков, хотя они и не считаются законными, являются все-таки на деле самыми незаконными, тогда как, напротив, дети от браков, освященных втирушами, являются на деле убожками, ибо господь бог не освятил эти браки, так что лучше, чтобы брак слыл незаконным перед людьми, чем быть незаконным перед богом; что не следует обращаться к новым священникам при погребениях и что, если старый священник не может освятить погребение без риска для жизни и свободы, необходимо, чтобы друзья или родственники покойного сами совершили тайком необходимые погребальные обряды.

В указанных рукописях говорится также о том, что старый священник будет тщательно вести самый точный список всех различных актов крещения, погребения и венчания, что, хотя в действительности гражданские суды и не будут считаться с этими записями, все же следует с этим примириться: гражданская запись всех указанных актов является ценной привилегией, но от нее все-таки следует отказаться, ибо это все-таки лучше, чем отступать от веры, обращаясь к незаконным священникам.

В заключение эти рукописи убеждают верующих не иметь никакого общения со втирушами и не участвовать в их вторжении в храмы божии и дома священников. Муниципальные чиновники, помогающие вновь назначенным священникам занять свои места, объявляются отступниками, а всему причту, ризничим, хористам и даже пономарям предлагается отказаться от своих должностей в самый момент поставления нового священника.

Вот каково то нелепое и мятежное учение, которое распространяется этими рукописями и наиболее пламенными проповедниками которого глас народа считает миссионеров из замка Сен-Лорен.

Организация эта была упразднена в свое время Следственным комитетом Национального собрания, однако то глубокое молча-

ние, которым окружено существование этой организации, лишь подстегивает активность ее членов и усиливает ее мерзкое влияние.

Мы считали необходимым предложить вашему вниманию краткий анализ принципов, содержащихся в этих писаниях, в том виде, в каком он дан в декрете департамента Мэн-и-Луар от 5 июня 1791 г., так как достаточно сравнить этот анализ с циркулярным посланием наместника, бывш. епископа Люсонского, чтобы убедиться, что дело идет здесь о целой системе общей оппозиции против декретов о гражданской конституции духовенства. Нынешнее положение в большинстве приходов этого департамента представляет собою не что иное как практическое осуществление этой системы, как претворение в действие принципов упомянутого выше учения.

Слишком запоздалое замещение неприсягнувших священников в весьма сильной степени содействовало успеху этой коалиции. Указанное запоздание было вначале вызвано отказом господина Сервана, который после своего назначения епископом этого департамента и после принятия этого назначения вдруг заявил 10 апреля, что он отказывается от этой должности. Господин Родриг, нынешний епископ департамента, твердость и уверенность которого как нельзя более подходящи для кафедры, окруженной бурями и волнениями, господин Родриг мог быть назначен лишь в первые дни мая месяца. Но к этому времени осуществление планов противодействия гражданской конституции духовенства находилось в полном разгаре. Оппозиция приняла открытый характер и развернулась во-всю.

Старые священники успели сговориться между собой и образовать единый фронт. Старые счеты, раздоры и интриги, раздражавшие когда-то церковную иерархию, оказались отложенными на время в сторону: оппозиция против новых законов о духовенстве объединила всех.

Замещение старых священников могло быть проведено только частично. Во многих приходах сидит еще огромное большинство старых духовных должностных лиц, выполняющих свои прежние функции. Последние назначения оказались почти всюду совершенно безуспешными, так как вновь избранные священники, напуганные перспективой будущих раздоров и столкновений, почти сплошь да рядом отказываются от замещения старого духовенства.

Это разделение на присягнувших и неприсягнувших священников вызвало настоящий раскол среди прихожан. Этот раскол проник даже в семьи: каждый день можно видеть женщин, уходящих от мужей, детей, покидающих родителей из-за церковных разногласий. Муниципалитеты дезорганизованы, большинство муниципальных чиновников отнюдь не склонно помогать замещению неприсягнувших священников.

Значительная часть граждан в Вандее отказалась от службы в национальной гвардии, а та часть, которая осталась, не может быть без риска применена против движений, поводом для которых послужили акты государственной власти, связанные с религией. Народ в этом случае усмотрел бы в национальных гвардей-

цах не беспристрастных исполнителей закона, а агентов противной партии.

В некоторых частях департамента всякий администратор, всякий судья вызывает антипатию у народа, так как им приходится содействовать исполнению закона, относящегося к духовным должностным лицам.

Это настроение умов является тем более плачевным, что проведение просветительных и разъяснительных мероприятий с каждым днем становится все труднее. Народ валит в одно общее законы государства и специальные декреты, относящиеся к гражданской организации духовенства, так что публикация и разъяснение законов становятся совершенно бесполезными.

Недовольные, т. е. те люди, которые не любят нового режима, или те, которые в новом режиме не любят особенно законов, относящихся к духовенству, весьма тщательно и усердно поддерживают это враждебное отношение народа к новым законам и всеми находящимися в их распоряжении мерами поддерживают авторитет неприсягнувших священников, всячески подрывая кредит нового духовенства. Очень часто можно наблюдать, что местный житель не получает помощи, а ремесленник не находит поля для применения своих талантов и своего искусства в том случае, если он посещает обедни присягнувшего священника. Именно в силу этой поддержки, которую получают старые священники, а также в результате угроз и агитации, направленных против нового духовенства, церкви, обслуживаемые присягнувшими священниками, остаются пустыми, тогда как те храмы, в которых старые священники не могут быть замещены из-за отсутствия кандидатов, ломаются от народа.

Сплошь да рядом можно видеть в ряде приходов, как на обедне присягнувшего священника присутствует всего только 5, 6, 10 или 12 человек, тогда как у неприсягнувших священников нет отбоя от посетителей. Такова пропорция почти во всех районах департамента: по воскресеньям и праздничным дням можно наблюдать, как пустуют целые селения и местечки, жители которых отправляются за несколько верст, чтобы побыть на обедне у неприсягнувшего священника. Замещение старых священников новыми является на наш взгляд самой сильной причиной того то глухого, то открытого брожения, которое существует почти во всех приходах, обслуживаемых присягнувшими священниками. Легко понять, что многочисленные люди, которые считают себя обязанными по убеждению отправляться куда-то далеко искать потребной им духовной помощи, с отвращением и враждебностью относятся по своему возвращении из утомительного путешествия к тем пяти или шести лицам, которые находят себе священника под рукой. Зависть, жесткость, а подчас и насилие — вот что характеризует их отношение к тем людям, которые кажутся им находящимися в привилегированном положении в вопросах религии. Когда они сравнивают старое время с его возможностью иметь рядом с собою внушающего доверие священника с новым положением, причиняющим столько неудобств в этом отношении, то они проникаются

еще меньшей симпатией к конституции, которая представляется им главной виновницей всех бед.

Вот та общая причина, действие которой в настоящее время, быть может, еще сильнее, чем тайная провокация неприсягнувших священников, вот та причина, которой мы должны приписать внутренние раздоры и разногласия, обнаруженные нами в большей части приходов департамента, обслуживаемых присягнувшими священниками.

Некоторые из приходов обратились к нам с петицией по вопросу о разрешении съемки частных помещений для отправления религиозного культа. Так как однако эти петиции, которые, как мы знаем, вдохновлены главным образом теми лицами, подписей которых нет на этих петициях, так как эти петиции представлялись нам звеньями более широкого и тайного плана, то мы не считали возможным удовлетворять их, чтобы не усугублять положения в этом департаменте и не закрепить тот гражданский раскол, который все сильнее захватывает население департамента. Мы полагали и открыто заявляли, что именно на вас, господа, лежит задача совершенно точно и определенно высказаться по вопросу о том, каким образом при теперешнем положении содействие благотворному влиянию морали и законодательства, укреплению свободы религиозных мнений должно сочетаться с поддержанием общественного спокойствия.

То обстоятельство, что неприсягнувшие священники, остающиеся жить в своих старых приходах, не используют данной им законом свободы богослужения в церкви, обслуживаемой новым священником, и не стараются этим путем съэкономить своим старым прихожанам время и труды по многочисленным и утомительным вынужденным путешествиям, может несомненно вызвать удивление. Однако для того, чтобы объяснить такое поведение, столь необычайное на вид, достаточно вспомнить, что одной из вещей, которая наиболее горячо рекомендовалась неприсягнувшим священникам ловкими людьми, руководившими всем этим огромным религиозным предприятием, было воздержание от всякого общения со священниками, которых они называют втирушами и узурпаторами. Такая тактика была продиктована боязнью, чтобы народ, на который сильнее всего действуют чувственные впечатления, не перестал в конце-концов проводить различие между священниками, совершающими одно и то же богослужение в одном и том же храме.

К несчастью, это религиозное разделение вызвало политический раскол среди граждан, причем этот раскол усиливается еще различными наименованиями, укрепившимися за обеими партиями: очень небольшая часть населения, которая ходит в церкви присягнувших священников, называет себя патриотами да и у других имеет такое название; те же, которые ходят в церкви неприсягнувших священников, сами себя называли аристократами, причем эта кличка так и укрепилась за ними.

Таким образом для этих бедных жителей деревни любовь или ненависть к отечеству заключается ныне не в том, чтобы повино-

ваться законам, уважать законные власти, а в посещении или непосещении обедни присягнувшего священника. Кривотолки, невежество и предрассудки, связанные с этим вопросом, пустили столь глубокие корни, что лишь с большим трудом нам удалось втолковать им самую простую вещь, именно, что политическая конституция государства это вовсе не одно и то же с гражданской конституцией духовенства, что закон отнюдь не насилует совести, что каждый волен идти на ту обедню, какая ему больше нравится, и к тому священнику, которому он больше верит, что все они равны перед законом, который в этом вопросе не налагает на них никаких

обязательств кроме обязательства жить в мире и терпимо относиться к верованиям друг друга. Мы старались не упустить ни одного случая, чтобы отучить население от приведенных выше нелепых кличек, мы посвящали этому тем больше внимания и энергии, что нам очень легко было убедиться в это время, к каким последствиям приводит указанное разделение в департаменте, где так называемые аристократы составляют больше двух третей населения.

Таков, господа, результат того обследования, которое мы произвели в департаменте Вандеи, таковы те выводы, к которым мы пришли на основании дошедших до нас фактов.

Нами были приняты все зависящие от нас меры как для поддержания общественного спокойствия, так и для предупреждения или подавления выступлений против общественного порядка: явля-

ясь агентами закона, мы везде старались, чтобы язык закона был услышан. В то самое время, когда мы занимались установлением порядка и безопасности, мы уделяли возможно больше внимания освещению и объяснению тех трудностей, которые возникают перед местными властями, перед трибуналами и частными людьми в результате неправильного толкования декретов или неумелого их выполнения. Мы призвали всех местных чиновников и администраторов к удвоенно осторожности и рвения в исполнении законов, охраняющих собственность и личную безопасность. Мы убеждали их применить авторитет, данный им законом, со всей твердостью, какой требует их долг. Часть тех сил, которые имелись в нашем распоряжении, мы распределили по тем местам, которые представлялись нам наиболее ответственными и опасными. Мы лично отправлялись во все места, где возникали какие-нибудь волнения, при первом же сообщении о них. Мы старались обследовать положение вещей, с максимальной вдумчивостью, с максимальным спокойствием, и после того, как в этих местностях в результате ли наших убеждений и увещеваний или в результате твердого и справедливого применения нами закона восстанавливалось общественное спокойствие, мы считали достаточным оставлять там одну национальную гвардию. Теперь пред вами, и только пред вами, господа, стоит задача принять подлинно действительные меры по такому вопросу, который в отношении конституции нашего государства играет значительно большую роль, чем это казалось раньше, когда по этому вопросу были приняты первые простые, подсказанные здравым смыслом решения, не основанные еще на реальном опыте.

Во всех наших операциях, связанных с размещением общественной силы, мы встречали самую активную помощь со стороны генерала, хорошо известного своим патриотизмом и своей просвещенностью. Господин Дюмурье, едва только он узнал о нашем прибытии в департамент, поспешил примкнуть к нам в наших трудах и содействовать нам в поддержании общественного порядка. Нам грозила опасность оказаться совершенно без линейных войск в такой момент, когда они казались нам особенно необходимыми, и вот лишь благодаря рвению и энергии господина Дюмурье мы немедленно получили помощь, которая, если принять во внимание запоздание с организацией национальной жандармерии в департаменте, явилась как бы единственным залогом спокойствия и тишины в Вандее.

Едва только мы кончили нашу миссию в указанном департаменте, как декрет Национального собрания от 8 августа, принятый по просьбе администраторов департаментов Дей-Севр, уполномочил нас направиться в Шатильонский округ. Декрет этот стал нам известен, когда мы прибыли в Фонтенэ-ле-Конт.

Здесь нам сообщили, что Шатильонский округ находится в том же состоянии религиозного брожения, что и Вандея. Через несколько дней после получения здесь декрета о наших полномочиях несколько граждан, избирателей и общественных должностных лиц Шатильонского округа, явились в директорию департаментов Дей-Севр с письменным заявлением о волнениях, которые по их словам про-

исходили в разных приходах. Они сообщили, что в некоторых местах дело было близко к восстанию. Наиболее надежным и действительным средством для предупреждения беспорядков являлось по их мнению насильственное удаление из округа в течение 3 дней всех неприсягнувших и замещенных священников, а также всех неприсягнувших викариев. Директория, которая в течение долгого времени колебалась применить меру, противоречащую на ее взгляд требованиям элементарной справедливости, решила наконец, считаясь с общественным положением заявителей, что следует срочно принять самые резкие меры. В результате 5 сентября было принято постановление соответствующего характера, и директория, предписав всем духовным лицам в течение 3 дней удалиться из округа, предложила им прибыть в течение этого же срока в Ниор, центр департамента, заверив их, что здесь они найдут полную защиту своей личной безопасности.

Постановление было уже напечатано и должно было быть уже пушено в ход, когда директория получила известие о посылке нас в Шатильонский округ. Немедленно было принято новое постановление, которое отсрочило исполнение первого постановления и которое предоставило вопрос об утверждении или отмене этого постановления на наше усмотрение.

Этим же вторым постановлением 2 чиновника директории были назначены комиссарами, которые должны были информировать нас обо всем происшедшем, а также направиться вместе с нами в Шатильон, чтобы помогать нам в проведении всех мероприятий, которые нами будут признаны необходимыми.

Прибыв в Шатильон, мы собрали все 60 муниципалитетов, из которых состоит этот округ: один за другим они были вызваны нами в зал директории. С каждым из них мы совещались о состоянии их прихода. Все муниципалитеты выразили одно и то же желание: те муниципалитеты, где кюре были замещены, просили у нас возвращения старых священников; те, где неприсягнувшие священники продолжали еще выполнять свои функции, просили оставить их на местах. Был еще один пункт, в котором все деревенские жители проявили полное единодушие, а именно — свобода религиозных мнений, которая, как они говорили, была им дарована и которой они хотели пользоваться. В этот же день и в следующий к нам соседними селениями были направлены многочисленные депутации жителей, повторившие ту же просьбу. „Мы не требуем никакой другой милости, — говорили они единодушно, — кроме разрешения иметь тех священников, которым мы доверяем“. Некоторые из них придавали этому разрешению такую большую цену, что готовы были, по их заверениям, платить за это двойной налог.

Подавляющее большинство духовных должностных лиц этого округа не принесло присяги. И вот, в то время как их церкви еле вмещали посетителей, церкви присягнувших священников оставались почти пустыми. В этом отношении положение здесь показало нам таким же, как и в Вандее. И здесь, как и в других местах, мы убедились, что клички „патриот“ и „аристократ“ прочно утвердились в народе и притом в том же смысле, о котором мы говорили

выше. Благорасположение жителей к неприсягнувшим священникам показалось нам здесь еще более ярко выраженным, чем в Вандее: привязанность и доверие к ним носили здесь характер еще более живого и глубокого чувства. В некоторых здешних приходах присягнувшие священники и граждане, связанные с этими священниками, подверглись угрозам и оскорблениям, и хотя здесь, как и в других местах, сообщения о насилиях над присягнувшими священниками и их сторонниками показались нам несколько преувеличенными, мы убедились (для такого убеждения достаточно было простого знакомства с местными умонастроениями) в том, что большинство жалоб было основано на весьма устойчивых симпатиях и антипатиях населения.

Рекомендуя судьям и администраторам величайшую осторожность в этом вопросе, мы вместе с тем не упускали ни одной возможности внушить населению представления и чувства, более соответствующие праву личной свободы и уважению к законам.

Мы должны вам заявить, господа, что те самые люди, которых нам разрисовали как неисправимых фанатиков, глухих ко всяким доводам разума, уходили от нас с сердцем, исполненным счастья и мира. Когда мы втолковывали им, что принципы новой конституции требуют уважения к свободе совести, они проникались раскаянием и сожалением по поводу тех ошибок, которые могли быть некоторыми из них совершены. С трогательной искренностью они обещали нам следовать нашим советам, жить в мире, несмотря на различия в религиозных мнениях, и уважать общественных должностных лиц, постановленных законом. Когда они уходили, то окружающие слышали, как они поздравляли друг друга с тем, что им довелось нас увидеть, как они повторяли все наши слова, как они убеждали друг друга жить в мире и разумном спокойствии.

В тот же день нам сообщили, что некоторые из этих деревенских жителей, возвратясь к себе, вывесили объявления, в которых сообщалось, что они обязуются вывести на чистую воду и арестовывать всех, кто будет затевать раздоры, в особенности тех, кто будет вредить присягнувшим священникам.

Мы должны также отметить, что в этом самом округе, который в течение столь долгого времени переживает волнения из-за религиозных мнений, недоимки 1789 и 1790 гг., доходящие до 700 000 ливров, уплачены почти целиком. Это засвидетельствовано было директорией округа.

Познакомившись с положением вещей и настроением умов в округе, мы пришли к выводу, что постановление директории о выселении неприсягнувших священников не должно быть приведено в исполнение. Комиссары департамента, равно как и администраторы из директории Шатильона были того же мнения.

Мы прежде всего старались рассмотреть, насколько мероприятие, намеченное директорией, было справедливым по своему характеру, а затем уже мы обсудили его действительность в данном положении.

Мы решили, что священники, которые замещены присягнувшим духовенством, не могут рассматриваться как находящиеся в состоя-

нии бунта против закона, так как они продолжают жить в своих прежних приходах, особенно когда среди этих священников есть такие, которые по общему признанию ограничиваются образом жизни мирных и милосердных людей, стоящих далеко от всякой общественной и личной борьбы. Мы решили, что закон может рассматривать кого-нибудь в состоянии мятежа лишь на основании совершенно точных, достоверных и тщательно проверенных фактов. Мы решили, наконец, что провокационные выступления против законов о духовенстве, а равно и против всех законов государства должны, как и все другие проступки, подвергаться наказанию в абсолютно законных формах.

Обсудив далее вопрос о действительности этого мероприятия, мы решили, что раз верующие не питают доверия к присягнувшим священникам, то устранение неприсягнувших священников путем, который предложен постановлением, вовсе не приведет к усилению доверия к присягнувшим священникам. Мы убедились, что в округах, где подавляющее большинство неприсягнувших священников продолжает отправлять своих функций до замещения их, согласно закону, новыми кандидатами, было бы совершенно неразумным удалить небольшое количество замещенных священников, оставляя на местах огромное число согласных с ними духовных должностных лиц.

Вот, господа, некоторые из тех соображений, которые руководили нами в обрисованной выше обстановке, не говоря уже о чисто местных условиях, диктовавших нам принятую нами тактику: настроение умов в Шатильонском округе было таково, что приведение в действие указанного постановления неизбежно послужило бы сигналом к гражданской войне.

Директория департамента Дей-Севр, информированная сначала комиссарами, а затем нами обо всех наших соображениях, соглашалась выразить нам свою признательность в постановлении от 19 октября.

Что касается удаления неприсягнувших священников, которые уже замещены, то мы считаем необходимым сообщить вам, что эта мера почти единодушно предлагалась нам гражданами Вандеи, связанными с присягнувшими священниками, т. е. гражданами, которые, как вы видели, составляют самую ничтожную часть местного населения. Доводя до вашего сведения об этом желании, мы только выполняем возложенное на нас поручение.

Мы не можем не довести до вашего сведения, что некоторые из виденных нами присягнувших священников держались противоположного мнения. Один из них в специальном письме, которое он отправил 12 сентября, доказывает нам, что единственным средством устранить то зло, в оценке которого он вполне согласен с нами, является „бережное отношение к мнению народа, предрассудки которого следует лечить выдержкой и благоразумием; ибо, — заявляет он, — необходимо предупредить всякую войну, связанную с вопросами религии: раны религиозных войн кровоточат еще до сих пор... Приходится бояться, как бы жесткие меры, необходимые в известных обстоятельствах против возмутителей общественного

спокойствия, не показались скорее гонением, чем наказанием, которое налагается законом... Необходимо побольше осторожности и благоразумия! Мягкость, разъяснение и убеждение являются оружием истины!"

Таков, господа, общий результат нашего обследования, таковы общие выводы, подсказанные нам собранными фактами и наблюдениями, которые сделаны нами во время исполнения нашей миссии. Самой приятной для нас наградой за все труды было бы сознание, что мы облегчили вам возможность изыскать средства для утверждения спокойствия в этих департаментах на прочном основании, что мы оправдали своим усердием и своей энергией то доверие, которым вы почтили нас.

13. Духовенство — организатор контрреволюции в деп. Буш-дю-Рон

Речь Бейля, представителя чрезвычайной депутации департамента Буш-дю-Рон, в Законодательном собрании (17 марта 1792 г.)

Торжество аристократии накануне своего осуществления с помощью фанатизма. Непокорные и неprisягнувшие священники наводняют наши очаги. Нет ни одного города, ни одного селения, где бы опасные люди не распространяли своего отравленного учения. Раздор воцарился во множестве наших семей.

Арль, этот город, который до 9 июня прошлого года всегда наслаждался самым глубоким миром, не переставал с этого момента привлекать в свое лоно врагов революции, и особенно неконституционных священников. С этого момента патриоты были рассеяны, и упразднение их клуба обеспечило торжество аристократии. Местное начальство в довершение всех своих беззаконий арестовало около 60 человек разного пола и возраста. В течение долгого времени оно собирает вокруг себя своих сторонников и изрыгает гадости против Конституции. Улицы этого города взрыты, валы его, унизанные пушками, укреплены некоторыми сооружениями, а также рвами, преграждающими доступ к городу. Мер переселился в форт Сен-Луи, защищающий вход в устье Роны. Здесь первым враждебным его актом было выступление против марсельских тартан (одноименных судов. — *Перев.*), которые стояли здесь на якоре. Он заставил их убраться и даже приказал своим людям стрелять по тартанам, если они без замедления не выйдут в море. Каков смысл этого странного поведения? Необходимость заполучить пушки более крупного калибра, чем тот, какой имеется в Арле. Эта цель достигнута, так как в форте были четыре больших пушки.

Законодатели, этих фактов больше, чем достаточно для того, чтобы побудить добрых патриотов броситься на место опасности и силой оружия поддержать закон. Именно для предупреждения всяких незаконных затей администрация департамента Буш-дю-Рон привела всю национальную гвардию в положение постоянной тревоги, как это предписывает Конституция. Такова наиболее активная, самая законная и вместе с тем наиболее внушительная мера, которую должна принять администрация. Национальная гвардия

департамента Буш-дю-Рон была сейчас же готова двинуться по первому приказу, но она может это сделать лишь по декрету Законодательного корпуса. Прикажете же, чтобы эта национальная гвардия приступила к действию под руководством начальников, таких же хороших патриотов, столь же просвещенных и благоразумных, как и добровольцы, прикажите это немедленно, и мир будет весьма скоро восстановлен в нашем департаменте.

Муниципалитет Арля, игнорируя установленный Конституцией иерархический порядок, обратился непосредственно к господину Вольнею с требованием прислать в Арль полк драгун. К счастью, администрация департамента нашла возможность помешать исполнению этого требования. Она одновременно написала администрации округа Арль, муниципалитету, гражданским комиссарам в Авиньоне и г. де-Вольней. О принципах властей округа и города Арль вы можете судить по их ответам, которые мы передаем в ваши руки, и по ответу гражданских комиссаров, которые, нисколько не сомневаясь в негражданственности господина де-Вольней, на верное издадут обвинительный декрет против него.

Если город Ан не находится в таком состоянии открытого мятежа, как город Арль, то это происходит только потому, что местные условия мешают намерениям врагов, орудующих здесь. 100 священников, собравшихся из Конта и других мест, в такой степени нафанатизировали умы, что сторонники этих мерзких людей осмеливаются на площади среди бела дня топить сабли и стрелять по мишеням. В других местах аристократия всячески допекает и обрабатывает народ, стремясь раздробить его, как например в Обане, Аллане, Кюкюроне, Гардане и Эгю-Виве.

Законодатели, во время нашего путешествия мы узнали, что военный министр послал в наш департамент двух офицеров, господ Демун и Фезензака, с приказом направить туда значительный отряд линейных войск. Услышав эту повесть, мы были охвачены живейшей скорбью, ибо мы не могли скрыть от себя, что это мероприятие является единственным, какое могло придумать чиновная аристократия для того, чтобы вызвать гражданскую войну в нашем департаменте, особенно в таком случае, когда войска, которыми они командуют, являются подозрительными. Марсель, хоть ему и нехватает ружей, является еще наилучше вооруженным. Патриоты, имеющие оружие, одалживают его неимеющим, чтобы служба не страдала. Больше того, Марсель является единственным городом, где национальная гвардия организована и усвоила некоторые элементы военной тактики. Таково истинное положение в нашем департаменте. Мы ничего не сказали о волнениях, происходивших в Э 26, 27, 28 и 29 февраля, так как думали, что представится случай поговорить о них отдельно. Мы просим поэтому Собрание разрешить сделать возможно скорее отдельный доклад по этому вопросу и мы убеждены, что подробности, в которые мы вдадимся, будут ему полезны.

Законодатели! Пусть меч закона прогуляется без разбора по всем виновным головам, используйте счастливые обстоятельства, в которых мы находимся, это вечное провидение послало их нам

на благо французского государства. Если меры, которые вы примете против Арля, будут быстрыми и решительными, то торжество патриотизма будет полным, и аристократия исчезнет с поверхности нашего департамента. Не забывайте, мы вас закладываем, священников-бунтовщиков, они являются самой губительной заразой для общества. (Аплодисменты.)

14. Речь Ролана³⁴ о контрреволюционной роли духовенства в Законодательном собрании (16 апреля 1792 г.)

Я намерен выполнить свой долг, поставив вас, господа, в известность относительно волнений, которые возобновляются в некоторых частях государства.

Прежде всего я должен сообщить вам о беспорядках, имевших место в Мило, в Авейронском департаменте. Они приписываются действию возмутительных листов и подметных писем, распространенных в большом количестве в этом районе. В них видят дело рук неприсягнувших священников, скопившихся в Анежонском монастыре, где капеллан продолжал исполнять свои прежние обязанности. Собрания местных жителей потребовали высылки непокорных священников, один бывший кармелит был даже арестован; муниципальные власти освободили его и с согласия администрации округа издали постановление об изгнании неприсягнувших священников. Это мероприятие, хоть оно и является неконституционным, восстановило спокойствие.

На одной из сходов было оглашено перехваченное письмо г. Делейре, бывшего общественного обвинителя, к сыну-эмигранту. Было выставлено требование о наказании этого гражданина, который теперь арестован. Я передаю все документы, относящиеся к этому делу.

От директории департамента Гар, находящейся в Ниме, ко мне поступают печальные подробности восстания, которое в основе своей было направлено против граждан, заподозренных в нелояльности, и которое привело к погромам и пожарам. Я сообщу Собранию свои соображения по этому поводу, как только получу от местной администрации официальное донесение о фактическом положении дел в этом районе.

Общие причины этих волнений ни для кого не являются секретом. Они коренятся в стремлениях и домогательствах, которым попереки пути встала революция, в ненависти к Конституции и равенству. Везде народ, интересы которого тождественны с интересами и благом всего общества, встретил эту Конституцию с восторгом, но враги его должны были попытаться смутить народ, использовать его опасения и страхи, усталость, неотделимую от больших перемен, чтобы заставить народ нести свободу как бремя и пожалеть о покое рабства или чтобы толкнуть его на такие эксцессы, которые могут быть подавлены только силой. Поводом и предлогом для злонамеренных людей послужил продовольственный вопрос;

меры, принятые на этот счет и заключавшиеся в организации питания или в разъяснении необходимости свободного циркулирования продовольственных припасов внутри страны, устранили этот предлог. Религиозные мнения, или, скорее, фанатизм и корысть, были да и теперь остаются реальной причиной больших волнений. Просвещение является несомненно действительным средством против этого великого зла, и все, что может его ускорить, привлекает живейшее внимание Собрания. Однако медленность этого средства и напряженность обстоятельств заставляют требовать более активных мероприятий. Феодалные права являются другим

источником беспокойств и недовольства. Этот вопрос всегда казался законодателям весьма деликатным. Необходимо однако провести какое-то общее мероприятие, которое умерило бы возбуждение умов и которое, не в ущерб справедливости, хоть сколько-нибудь смягчило бы бедствия тех, которые страдают вот уже целые века. Не мое дело указывать что-либо в этой области, но я считаю необходимым обратить внимание на необходимость общих мероприятий, а дальше я ограничусь исполнением законов. Это исполнение будет всегда, что касается меня, достаточно активным в соответствии с важностью дела; оно будет достаточно либеральным для добрых граждан, оно будет жестким в той мере, в какой оно должно быть, для врагов общего дела и Конституции. (Аплодисменты.)

Когда я прибыл в Национальное собрание, я получил из Оксерра в департаменте Ионны письмо, в котором меня извещают о рели-

гиозных волнениях. Письмо это, на мой взгляд, представляет огромный интерес (зачитывает):

„Волнения на религиозной почве, которых по сию пору в этом департаменте не было, начинают возникать в районе Тоннер. Непокорные священники подозреваются в распространении вероломных писаний и в проповедывании идей и призывов, которые распространяются этими писаниями. Со скорбью убедились мы в том, что козни эти, раньше неведомые нам, плетутся в наших кантонах, и мы употребили всю нашу бдительность, чтобы разрушить их действие. Мы обязаны разоблачением этих козней патриотизму администрации района Тоннер, которая помогала нам в этом деле с неутомимым рвением. Несколько таких священников, изобличенных в том, что они являются зачинщиками этой вероломной пропаганды, уже предано суду трибунала и находится под арестом. (Единодушные аплодисменты.) Один из них, господин Бланшар, изобличенный в распространении книги под заглавием „Дружеская беседа о десятине в форме катехизиса, изложенного для простых верующих“, и в проповедывании мятежных положений, которыми полна эта книга, предан суду и находится сейчас в арестном доме, учрежденном при уголовном трибунале этого департамента. (Единодушные аплодисменты.)

Поведение господина Бланшара с давних пор привлекало наше внимание и уже не раз служило предметом постановлений, которыми мы пытались напомнить ему о его обязанностях гражданина. Однако ничто не в состоянии было образумить его. Мы надеемся, что наша бдительность и исполнение законов скоро рассеют все его козни. Мы сочли своим долгом поставить вас в известность относительно этих причин происходящих у нас волнений и о средствах, применяемых нами для их прекращения“.

Вот письмо из департамента Роны-Луары по этому же вопросу:

„Мы получили через жандарма от директории округа Монбризон новые сведения весьма тревожного характера о волнениях, происходящих в этом округе в связи с религиозными мнениями и различными культами. В некоторых приходах происходят церковные собрания. Самое значительное из них имеет место в приходе Мерль. Здесь культ отправляется в местечке, принадлежащем наследникам бывшего сеньора д'Альбина. Это место служит сборным пунктом для неприсягнувших священников, во главе которых стоит господин Ферран, бывший кюре прихода Мерль. Меня уверяют, что на пасхе здесь собралось от 4 до 5 тысяч мужчин, из которых большинство было вооружено ружьями, что замок снабжен огнестрельными припасами, что он охраняется часовыми днем и ночью, что во главе этих мероприятий стоит бывший военный, некий господин Файе.

Хотя эти собрания, эти враждебные приготовления распространяют тревогу среди всех соседних коммун, муниципалитет Мерля, на территории которого все это происходит, не принимает как-будто никаких мер для изобличения и ареста этих противозаконных собраний вооруженных людей.

В Сен-Жан-ля-Ветр, приходе этого же округа, обнаруживаются беспорядки иного рода. Различные частные лица, а именно капитаны

национальной гвардии, совершили обход селений с требованием контрибуции. (Ропот.) Граждане, отказавшиеся платить, были арестованы, конституционный священник подвергся оскорблениям. Муниципалитет Сен-Жан-ля-Ветр не выполнил постановления директории департамента, предписывающего, чтобы храмы и часовни, предназначенные для частных культов, находились не ближе чем в 500 шагах от приходской церкви, и не принял мер против незаконных поборов и насилий, совершенных бесчинствовавшими частными лицами. Директория округа Монбризон приняла постановления по всем этим вопросам, запретив организацию отрядов и сходок, посягательство на государственную и частную собственность, предписав предавать суду всех нарушителей общественного спокойствия“.

Вот письмо из Тюлля:

„Спешу уведомить вас, господин, что город Тюль только-что испытал сильное потрясение. Один из кварталов этого города, с давних пор подстрекаемый скрывавшимися в нем врагами революции, а также фанатическими священниками, наконец сбросил маску и в понедельник на пасхе собрался с оружием в руках под предлогом, что ему угрожает опасность поджога. Другие граждане, пораженные этим выступлением, вооружились в свою очередь. Муниципалитет, чтобы предупредить всякие возможные осложнения, немедленно приказал всем гражданам разойтись и сложить оружие. Этому требованию подчинились одни патриоты. Тщетно старались власти подействовать на остальных убеждением. Глухие ко всяким увещаниям, они набросились на безоружных патриотов. К счастью, национальная жандармерия вынудила их отступить в свой квартал. По требованию властей трех районов, решивших объединиться в столь ответственный момент, была мобилизована вся национальная гвардия, которая провела целую ночь под ружьем. Назавтра граждане из деревень, узнав о том, что происходит в городе, бросились сюда толпами со всех сторон. В десять часов утра злоумышленникам противостояло уже 6 000 человек. Тогда власти, имея в своем распоряжении внушительную силу, приняли решение о разоружении злоумышленников, из которых часть разошлась наконец по домам, а некоторые бежали. Разоружение было проведено без всяких заминок. Пять человек подвергнуто аресту. Вот уже три дня, как сюда стекаются из деревень национальные гвардейцы, рвение которых не ослабевает. (Единодушные аплодисменты.)

Я лишен возможности сообщить вам все подробности того, что здесь происходило с понедельника. Директория пришлет вам копию протокола. Мы все были так заняты и измучены, что не успели еще отредактировать протокол и снять с него копию. Несмотря на стечение более 1 500 человек из деревни, несмотря на враждебность и справедливое негодование, вызванные этим предприятием, жизнь наших врагов была поцарапана. (Оживленные аплодисменты.) Национальная гвардия Тюлля вела себя с умеренностью и гуманностью, заслуживающими величайших похвал; и когда вы в протоколе найдете подробности о некоторых беспорядках, допущенных несколькими людьми, раздраженными гнусностью предприятия, за-

думанного против патриотов, и увлеченными жадой мести, то вы будете еще более поражены тем обстоятельством, что ни один гражданин не погиб, что виновники были отведены в трибунал среди сумятицы, неизбежной при таком большом скоплении народа из чужих коммун". (Длительные аплодисменты.)

14а. Письмо дирекции департамента Жиронды министру внутренних дел (от 19 мая 1792 г.).

Спешим информировать вас о новых беспорядках, имевших место в городе Бордо и мотивом или предлогом которых было опять-таки негодование большого числа граждан, любящих родину, против неприсягнувших священников. Вот уже несколько дней, как шли разговоры о том, что небольшие успехи наших врагов на границах служат предметом радости для неприсягнувших священников, которые имели бесстыдную наглость открыто проявлять эту радость. Далее пошли слухи, все более распространявшиеся, о том, что священники пели „Тебе, бога, хвалим“ по случаю наших поражений в своих частных часовнях. С другой стороны, мужья, обеспокоенные частыми и долгими отлучками жен из дома, начали следить за ними, и эта слежка привела их к фанатичным священникам, которые слишком ревностно и с достаточным успехом работали над тем, чтобы отдалить жен от их очагов, внушить им ненависть к мужьям и отечеству.

Муниципалитет, извещенный о толпе, скопившейся вокруг одного гражданина, который проследил у дверей одного дома, как его жена, равно как и много других женщин, тайком пробиралась в этот дом, проник по требованию собравшейся толпы внутрь дома и обнаружил там священника, бывшего викария, который имел в своем помещении алтарь и все потребное для богослужения, списки браков и рождений, много булл и брошюр, большое количество зажигательных сочинений и молитв, написанных его рукой и призванных разжигать ярость и ненависть фанатизма. В то время, как муниципалитет производил это расследование, другой священник попытался бежать по крыше. Это было обнаружено, и, когда священника повели к коммунальному дому, народу собралось еще больше. Спокойствие однако или по крайней мере закон на этот раз не были нарушены.

В четверг утром, это был день праздника, на самом рассвете в городе в нескольких местах собрались большие толпы людей. Дело в том, что священники из Ирландской семинарии и из миссии ежедневно, несмотря на запрещения, принимали в своих домах многих мужчин и женщин, которые верят или притворяются, будто верят, что бог, которому они служат, удался из наших приходских церквей. Эти священники отправляли в своих домах культ, враждебный Конституции. В указанный день народ, обеспокоенный больше обычного, собрался толпами вокруг двух домов, где происходили упомянутые богослужения. Однако обе толпы были легко рассеяны усилиями муниципальных чиновников и мировых судей. Но в это время другие толпы скопились вокруг жилищ неприсягнув-

ших священников, заподозренных в том, что и здесь скрываются алтари и прозелиты. Толпа ворвалась в жилище, и возбужденные граждане, среди которых было особенно много добровольцев из батальона, размещенного в Шато-Тромпет, повели священников в муниципалитет. Таким путем были доставлены в коммунальный дом порознь шесть священников.

Толпа проникла в зал муниципального совета и запрудила все улицы. Беспорядок воцарился полный, муниципальные чиновники лишены были возможности исполнять свои обязанности. Их стали обвинять в намерении помочь арестованным священникам уйти от наказания. Муниципальные власти постановили оставить священников под арестом в камерах при коммунальном доме, однако это решение, принятое в суматохе, было опротестовано толпой, которая потребовала самым решительным образом, чтобы шестеро арестованных священников были отведены в Шато-Тромпет, занятый батальоном национальной гвардии. Так как волнение толпы все росло, то муниципальные чиновники решили лично препроводить священников в Шато-Тромпет. Хотя толпа яростно улюлюкала по адресу священников, перевод был совершен в порядке, и специальный отряд национальных гвардейцев был приставлен к заключенным для их охраны.

Остаток дня прошел спокойно. Как только нас информировали обо всех этих беспорядках, мы, снесшись с муниципалитетом и администрацией округа, постановили, чтобы муниципалитет сейчас же потребовал от командиров двух батальонов, размещенных в Шато-Тромпет и картезианском монастыре, собрать гвардейцев и держать их в своих казармах.

Мировой судья приступает к разбору дела шести священников, которые по его приказу переведены из Шато-Тромпет, мы однако принуждены принять предосторожности, чтобы суд над этими священниками не принял скверного оборота.

Мы обязуемся точно информировать вас о всех последствиях этого дела, однако мы прямо не знаем, как и просить вас о том, чтобы вы добились от Законодательного корпуса общих мероприятий для удушения слишком обильных зародышей беспорядка, волнений и смуты, распространяемых священниками, в которых народ хочет видеть только врагов и преступников. (Следуют подписи.)

15. Вандея

(Контрреволюционное духовенство в 1793 г.)

(Из донесений комитету общественного спасения)

Представители народа в Мэн-А, арском и Сартском департаментах. Анжер, 24 апреля 1793 г.

...Вы запрашиваете нас относительно подробностей смут, волнующих эту часть республики, о причинах этих смут, об их распространенности и об их последствиях. Мы вам готовы сообщить то, что мы знаем более достоверного на этот счет.

Невежество и фанатизм господствовали в областях, охваченных в настоящий момент восстанием, когда революция призвала французов к свободе. Революция здесь мало чувствовалась, и у

свободы оказалось лишь незначительное число друзей. Цепи феодального и поповского деспотизма были разбиты по всей Франции; только тут не спешили их разбивать и ни на один момент не теряли надежды на их восстановление. В этом несчастном краю патриотизм уже три года как находится в войне с ненавистью к свободе и не всегда был победоносным. Уже три года, как эта несчастная страна повседневно орошается кровью ее обитателей.

Более удобной местности для контрреволюционного заговора нельзя было и выбрать: она отличается величайшим плодородием и охватывает часть наших берегов; настроение ее сбитых с толку жителей, их число, их богатства — все обещало, казалось, полный успех. Нужен был лишь предлог, и его доставил рекрутский набор. Все приготовления были сделаны с давних пор; в один момент поднялось более 100 тыс. человек; они захватили административные учреждения и сожгли все реестры документов, налоговые списки, все бумаги и все сведения, необходимые для управления. Они перерезали поодиночке захваченных врасплох патриотов и разгромили их имущество; их движение было стремительно, их успехи поражающи, и мы не боимся сказать, что, может быть, это было бы концом республики, если бы комиссары Конвента не прибыли в те различные пункты, которые захватили мятежники. Присутствие комиссаров вернуло уверенность и энергию ошеломленным патриотам, и все вместе принялись за операции, необходимые для того, чтобы рассеять этот грозный ураган.

Мы не будем входить здесь в детали различных экспедиций против этих бандитов. Вы уже об этом осведомлены, и мы шаг за шагом будем ставить вас в известность насчет этого, а здесь мы просто предлагаем вам познакомиться с природой зла и с его размерами.

Много эмигрантов из бывших дворян и священников стоит во главе этих скопищ и направляет все их движения: они по большей части вооружены и повидимому снабжены большим количеством военных припасов и продовольствия. Они окапываются, они вступают в бой по заранее обдуманному плану; в общем они сражаются довольно хорошо, и некоторые среди них обнаруживают отчаянную неустрашимость, которую может дать только фанатизм. Вы не сможете поверить, до какой степени сбиты с толку эти бедные люди и как велико их доверие к руководящим ими злодеям. Никогда суеверие не заходило так далеко.

Объединяющими их символами являются белые знамена и белые кокарды; все носят наплечники и четки; король и их попы — вот их лозунг.

Они обладают храбростью, доходящей до безумия; они атакуют, не ожидая нападения. Эту странную уверенность дают им, во-первых, успехи, которые они вначале одержали с большой легкостью, а во-вторых, недостойное поведение тех, которые были назначены, чтобы дать им отпор...

III

Революция в борьбе с контрреволюционным духовенством и религией

16. Нэжон³⁴. Адрес Национальному собранию

1. Нужно ли говорить о боге и вообще о религии в декларации прав человека?

2. Может ли законодатель законным путем ограничить и стеснять свободу мнений, чего бы они ни касались, свободу вероисповедания и свободу печати?

Философ однажды обратился к великосветскому человеку со следующим вопросом: Если бы бал в опере продолжался весь год, что бы из этого получилось? — Что бы получилось? Да то, что все маски узнали бы друг друга. — Ну вот, — ответил философ, — маски эти — эмблемы наших ошибок; пожелайте, чтобы бал дольше длился — и они в конце-концов все будут раскрыты.

Этот остроумный и тонкий рассказ есть своего рода предсказание, которое постепенно осуществляется во всех своих частях, а в некоторых частях даже уже вполне осуществлено. Значительному процессу, проделанному у нас свободой мышления за последние тридцать лет, несмотря на всевозможные опасности, которым она подвергалась при священнослужителях, враждебно относившихся к добру и всегда согласных между собою, когда дело шло о том, чтобы творить зло, — этому значительному процессу обязаны мы великой революцией в умах и воззрениях — этим ярким предзнаменованием той революции, которая совершается в настоящее время в мире вещей.

Национальное собрание, просвещенное, окруженное, так сказать, светом, отражающим все отрасли последовательно совершенствуемых наук, несомненно много сделало. Но огромное здание, которое оно собирается воздвигнуть на развалинах обрушивающегося со всех сторон готического строения, пока только намечено. Строительные материалы, правда, существуют для него, но они пока в разрозненном состоянии, ничем между собой не связаны, и даже еще не установлен порядок их размещения. Нужен еще обширный и мудрый ум, чтобы установить и начертить план, в который они должны уложиться, нужна опытная рука, чтобы разместить эти материалы, установить их взаимоотношения и скрепить их друг с другом после надлежащего размещения. Особенно важно, чтобы фундамент был солидный, и выбор его формы имеет большое значе-

ние, ибо в этом отношении, как и во многих других, есть только один способ сделать хорошо и тысяча способов сделать плохо.

Сделав свои собрания публичными, разрешив всем гражданам присутствовать при разрешении дел, быть молчаливыми судьями споров, предшествующих решениям и обеспечивающих свободу и разумность их постановлений, представители народа как бы приглашают всех работать вместе с ними на службе великому делу общественного блага. Они не считают, что просвещение, знания, мудрость и умение разбираться в сложных вопросах являются исключительной привилегией, особым свойством их собрания и что суждение других членов государства в общих вопросах не может превосходить их суждения. Это именно обстоятельство дало мне смелость высказать в предлагаемой брошюре некоторые замечания по поводу предложения аббата Грегуара³⁵, преданность которого общественному делу, — преданность, часто столь же смелая, сколь и просвещенная, — превзошла, как мне кажется, в данном случае всякие пределы.

„Человек, — говорит он, — вовсе не случайно брошен был на тот уголок земли, который он занимает. Если он обладает правами, нужно говорить о том, от кого он их получил; если у него есть обязанности, нужно напомнить ему того, кто их ему предписал. Какое более священное, более великое имя можно поставить во главу декларации, как не имя божества, как не имя, которое раздается во всей природе, которое живет во всех сердцах, которое начертано повсюду на земле и которое представляется нашим глазам восседающим на небесах?“

Достаточно составить себе точное представление о том, что такое декларация прав, о принципах, на которых она должна быть построена, — словом, достаточно лишь прочесть с некоторым вниманием декларацию, изданную на английском и французском языках, чтобы убедиться, что можно составить превосходную декларацию прав человека и дать ей надлежащую и единственную необходимую ей санкцию, не помещая в первой или последней статье этой декларации имя универсального механизма. Допустим, что человек до такой степени зависит от бога, как это утверждает религия, — и все же он имеет свои неотъемлемые права, незываемые и священные, свои необходимые, обуславливаемые его природою отношения, а следовательно — и свои обязанности. Подойдем к человеку с более философской точки зрения, т. е. как к части планомерно организованной, вечной, обусловленной материи, наделенной множеством свойств, как известных нам, так и неизвестных, — и его права не станут от этого ни более различны, ни более обширны, ни более неизменны, ни более священные. Противопоставление этих гипотез не позволяет нам принять ни одной из них в качестве выхода.

Существует ли бог или не существует, — человек остается тем же, что он собою представляет. Его природа остается постоянно той же и на полюсе, и под экватором. Повсюду он чувственен, повсюду он имеет более или менее непосредственные, более или

менее обширные, но постоянно реальные и необходимые физические потребности и общественные отношения. Но из этой-то физической чувственности, из этих потребностей, из этих отношений можно вывести все существенные права человека. Мораль, или долженствование выполнения определенных обязанностей общественного порядка, очевидно вытекает из тех же источников. И она даже не должна иметь иных источников, если ее не хотят построить назыбой и на рыхлой основе.

Поэтому нет ничего более опасного, ничто не противоречит в большей мере задачам мудрого законодателя, как связывать естественные права человека с существованием бога, а мораль связывать с религией. Ибо, так как религиозные представления, подобно всем прочим представлениям, вытекающим из невежества, страха и воображения, являются по самой природе своей туманными, неточными и неустойчивыми, — принадлежность к какой бы то ни было религии различна у людей: бывают такие периоды, когда разум относится безразлично к вопросам религии; бывают и такие периоды, когда он относится к религии отрицательно.

Конечно нет основания опасаться, чтобы созерцательные умы, с самого детства привыкшие слышать, как священники глупо подчиняют мораль религии, могли когда-либо злоупотребить этим принципом и чтобы они, признав медленным, но верным путем исследования и размышления ложность различных религиозных систем, почли себя совершенно свободными от обязанностей человека потому только, что они свободны от обязанностей христианина. Но такие великолепные умы повсюду крайне редки. По отношению к остальным гражданам, т. е. к наименее просвещенной части нации, и главным образом к той ее части, на которую закон стремится воздействовать и которую он стремится сдерживать, они находятся приблизительно в пропорции одного на две тысячи. Но именно тот период в жизни человека, когда он неизбежно перестает верить, — период, обуславливаемый в большинстве случаев гораздо больше страстями, чем разумом, — этот период, говорю я, является в большинстве случаев наиболее опасным для людей. Именно тогда, вспоминая то, что им столько раз повторяли их нелепые наставники, — что без религии нет ни честности, ни морали и что религия есть самая прочная их опора, — они из того, что их религия ложна, умозаключают, что мораль, которую на ней строили, не более верна, не более обязательна, не более полезна, чем она сама, и вместе с нею рушится, что сила есть право, что справедливость есть не что иное как то, что выгодно наиболее сильному, и что в последнем счете вся мораль и все обязанности человека и гражданина сводятся к одной единственной формуле: *делай все, что тебе заблагорассудится, но не попадайся на виселицу*.

Таково одно из губительных последствий принципа, который устанавливает критерием доброго и злого гражданина и высшей гарантией его честности и добродетельности, какую общество может требовать, — критерий веры, т. е. признание непереваримой груды темных, бестолковых и противных здравому смыслу догматов.

Очевидно, что эти догматы, смысл, истинность, количество и полезность которых колеблется не только у различных народов, но и у различных индивидуумов и даже у одних и тех же индивидуумов — в зависимости от их просвещенности, состояния здоровья, степени внимания, какое они уделяют этим тщетным размышлениям, и особенно в зависимости от возраста *, в который они приступают к этим размышлениям, — очевидно, что эти догматы никогда не могут иметь такого влияния на нравы, как закон или воспитание, внедряющее привычки — эту наиболее сильную связь между людьми ** и основу или причину большинства их действий. Ощутительные мотивы, независимые от времени, места и обстоятельства, выводимые и черпаемые из самой природы человека и воздействующие приблизительно одинаково на всех, являются неизбежно более сильными, более определяющими и составляют более верное, более постоянное правило поведения, чем мотивы воображаемые, как например те, которые выводят из религии. Верующий человек, правда, боится бога, но он никогда не имеет, никогда не может иметь такого же ясного, такого же точного представления о намерениях и суждениях бога, как о намерениях и суждениях людей. Один лишь свидетель его поступков, кто бы это ни был, заставляет его гораздо больше считаться с собою, чем мысль о вездесущем боге. Опыт показывает даже, что истинно верующие люди каждый день совершают на глазах у их бога, — который, согласно элементарным наставлениям религии, знает наиболее тайные мысли людей и видит все их поступки, — всякого рода прегрешения и даже преступления, которых они ни за что не совершили бы в присутствии четырехлетнего ребенка. Отношение этого ребенка или, вернее, опасение последствий его болтливости является следовательно для человека порочного и злонамеренного более сильной, более сдерживающей уздой, чем страх перед богом и боязнь его возмездия.

Имя бога не должно поэтому упоминаться ни в основных положениях естественного права, государственного или международного права, ни в трактате о морали, ни в книгах по рационалистической философии ***. Это имя еще более, если это только возможно, неуместно в произведениях по геометрии, физике или астрономии. Единственные произведения, в которых можно говорить о боге, это произведения, посвященные вопросам теологии, которую Гоббс ³⁶ с присущей ему точностью называет царством тьмы (*regnum tenebrarum*). Это имя следует устранить из всех других произведений, без всякого исключения, ибо для всякого, кто умеет судить о вещах без предубеждения, как и без пристрастия,

* В отношении предрассудков — и особенно предрассудков религиозных — человеческий ум в известном возрасте представляет собою, если можно так выразиться, гибкую рессору, которую разум может на некоторое время разжать, но которая тотчас же приходит в прежнее состояние.

** Кандлер Бэкон говорит, что одна лишь привычка в состоянии изменять и покорять природу (*verum consuetudo sola ea est, quae naturam plane immutat et subigit*) (Bacon, Oper., tom. 3).

*** Если автор не собирается, впрочем, подвергнуть в одной из глав своей книги рассмотрению вопрос о существовании и об атрибутах бога.

очевидно, что подобное понятие, которое везде было и будет оставаться одинаково неясным во все времена и для всех людей * и которое уже по одному этому открывает широкий простор для споров, тем более жарких, что их объект делает их бесконечными, — неизбежно опутывает все вопросы, в которые вводят это понятие либо в качестве руководящего начала, либо в качестве средства для разрешения вопроса. Можно даже прибавить, что точные науки, самостоятельность и всеобщность которых в такой мере содействуют впрочем расширению умственного горизонта и возвышению ума над обыденностью, неоднократно испытывали на себе и испытывают еще в настоящее время влияние этого понятия. Это влияние особенно сказывается в той заботливости, с которой даже самые великие геометры избегают касаться с их точным методом некоторых тонких вопросов, решение которых привело бы их к выводам несомненно весьма философическим, но в то же время весьма несовместимым с полученными ими предрассудками.

Приведем здесь лишь один пример. Разве геометр, пытаясь определить с помощью тонкого и глубокого анализа вероятность того, является ли, с точки зрения нашего обычного понимания, какое-нибудь постоянное, регулярно повторяющееся явление необходимым следствием предумышленного плана, намерения, словом — заранее поставленной себе цели вызвать именно это явление, — разве, говорим мы, геометр осмелился бы опубликовать результат своей работы и особенно применить его ко всем явлениям вселенной? Он был бы тем более осторожен, что для всякого человека, который вычисляет или изучает при помощи какого-либо другого метода исследования, то, что обычно называется *случайностью*, есть лишь выражение или краткое обозначение целой серии, цепи причин, подчиненных, подобно тем, форму прояв-

* Все, что мы воспринимаем, конечно, — превосходно говорит Гоббс. — Слово „бесконечность“ лишено поэтому всякого представления. Хотя мы и произносим имя бога, но мы имеем о нем не более ясное представление, чем о бесконечности. „Quidquid imaginamur finitum est. Nulla ergo est idea qui omni potest a voce: hoc infinitum... Itaque nomen Dei non usurpatur, ut illum concipiamus, sed ut honoremus“ [„Все, что мы себе представляем — конечно. Поэтому нет такого представления, которое могло бы возникнуть оттого, что мы сказали бы: вот бесконечное... Итак, следует призывать имя божие не для познания, а для почитания“] („De homine“, гл. 3). И то, что он говорит в другом месте, в „Левинафане“, не менее точно и не менее остроумно. Есть слова, — говорит, он, — лишенные смысла, которые остаются неопределенными, которые не поддаются определению, а связанное с ними представление всегда будет оставаться туманным, бессодержательным, колеблющимся, — например бестелесная субстанция (*substance incorporelle*). „Alterum est (genus verborum sine significatione) quando nomen aliquod a duobus nominibus componitur, quorum significationes sunt inconsistentes, ut nomen hoc, corpus incorporeum (vel quod idem est) substantia incorporea“ [Иное дело (род слов без определенного смысла), когда какое-нибудь слово составляется из двух слов, значения которых несовместимы, как например — бестелесное тело, или, что то же, бестелесная субстанция] („De homine“, гл. 4). „Dantur nomina insignificancia, hujus generis est substantia incorporea“ (там же). Паскаль определенно говорит о боге, что неизвестно, ни что он собою представляет, ни существует ли он вообще.

ния которых мы более или менее знаем, постоянным и непреодолимым законам, но которых мы не знаем и не замечаем их взаимосвязи и взаимозависимости. Из этого следует, что, выражаясь точно, все возможные комбинации явлений регулярны в том точном смысле, что все они имеют свои причины, известные или неизвестные, и что эти причины, каковы бы они ни были, имеют свои вечные, неизменные законы. Следовательно комбинации, которыми мы, по особенностям нашего восприятия и согласно характеру нашего простого сосуществования, исключительно и преимущественно даем название *прекрасных и правильных*, в действительности ничем не отличаются от тех, которые мы называем *безобразными и неправильными*; именно поэтому мы приписываем слепому случаю как то, что первые существуют в силу определенных, неизменных законов, которые наблюдение, опыт и вычисления нам открыли, так и то, что другие также имеют свои причины и свои столь же неизменные законы, остающиеся нам однако совершенно неизвестными.

В книгах, как и в беседах, нужно лишь крайне редко говорить о боге * — и возможно короче. Это одно из тех представлений, с которыми народу не следует очень свыкаться. Вещи, наиболее нам неизвестные, — говорит Монтань, — легче всего поддаются обожествлению. Точно так же, как мы скоро перестаем прислушиваться и воспринимать ощущение шума, часто поражающего наш слух, точно так же мы недолго преклоняемся пред объектами, которые часто попадают на глаза, как бы величественны они ни были впрочем по своей природе или по тем побочным представлениям, которые они в нас вызывают. Со временем это даже должно сказываться на правах — и эти объекты, столь величественные, вызывавшие такое поклонение, должны становиться более мелкими и менее важными **. Самое верное средство перестать бояться привидений — это присматриваться к ним вблизи; они всегда разрастаются в нашем воображении на расстоянии и в таинственной обстановке. И бог, который никогда не показывается, и восточные деспоты, которые показываются крайне редко, пони-

* Во Франции существует заслуженно знаменитая, весьма полезная Академия, члены которой нарочито поставили себе правилом никогда не говорить о боге ни в хорошую, ни в дурную сторону.

Это весьма мудрое правило. Ученые, посвятившие себя изучению точных и экспериментальных наук, не должны заниматься теологией. Они даже едва должны знать ее название: не нужно, чтобы какой-нибудь философ мог обратиться к ним с теми же словами, которые кардинал Бембо сказал однажды Садолето, которого он застал объясняющим Послание св. Павла к римлянам: „Бросьте этот вздор, — он не идет серьезному человеку“ („Omitte has nugas, non enim decent gravem virum tales ineptiae“).

** В Лондоне и в Версале настолько привыкли видеть короля во всякое время и повсюду, что его присутствие вызывает почти не больше сенсации, чем присутствие всякого простого человека. Он выходит, прогуливается, охотится и возвращается в свой замок, почти не привлекая ничего внимания в городе, не вызывая никаких расспросов, если не считать тех людей, чьей обязанностью является охранять его. Наоборот, когда он появляется в Париже, новизна зрелища привлекает к окнам и выбрасывает на улицы, по которым он проезжает, огромные толпы людей обоего пола, всякого возраста и всякого состояния.

мают, что они делают. Major e longinquo reverentia. Так было во все времена, так будет всегда *.

Есть, впрочем, и другое неудобство часто говорить о боге, ибо, так как при этом все мысли устремляются к этому объекту, у какого-нибудь вдумчивого человека скоро появляется желание, так сказать, удостоверить титулы божества, *проверить его полномочия*, а затем и самое существование его, его атрибуты. А между тем все эти вопросы — грани, которых не нужно касаться, если хотят, чтобы к ним относились с почтением.

Именно потому, что не оставляли совершенно в стороне бога при обсуждении всех вопросов, не относящихся по существу и исключительно к теологии, именно потому, что эти вопросы разрешались не так, как их должно было решать, разум развивался так медленно, так отставал во все времена и у всех цивилизованных народов. Что, в самом деле, так часто задерживало, стесняло развитие Монтескье? ³⁷ Что заставило его написать первые три главы „Духа законов“, которые не носят отпечатка ни искусной логики, ни тонкой политической философии? Что увлекло его в грубые заблуждения, столь близко соприкасающиеся с предрассудками? Что заставило его наконец забыть действительные основы хорошей системы законодательства, если не то, что он повидимому повсюду придавал излишнее и мало обоснованное значение религиозным верованиям, и если не постоянное колебание его взглядов на эти вопросы, потому ли, что он их недостаточно продумал, чтобы иметь в этом отношении твердо установленное мнение, или потому, что остаток уважения, чисто инстинктивного, к старым предрассудкам затемнил его разум и помешал ему возвыситься до огромного значения изучаемого им вопроса?

Рассмотрите разные главы „Духа законов“, в которых Монтескье был стеснен опасением задеть общие или частные мнения своих единоверцев, вызвать недовольство или гнев священников или монахов, скомпрометировать себя в глазах учреждения, которое некогда пользовалось столь громкой известностью и от которого ныне, ко благу народов и безопасности королей, осталось лишь ненавистное по заслугам имя, уже впрочем почти забытое, — следуйте за этим философом во всех изгибах его мысли, на которые его толкало слепое поклонение предрассудкам его страны, проследите явное влияние этого на весь его труд, — и вы с горечью увидите, насколько все это сузило, *уменьшило* его разум и его мысли и стеснило, употребляя выражение Монтэня, его *alleure* (его естественную манеру работать).

То, что я только-что сказал о „Духе законов“, одинаково применимо и к книге „Об уме“ и к „Человеку и его воспитанию“ **, и

* Никто — ни светские, ни левиты, ни священники — не имел права входить в святая святых, за исключением первосвященника, в своем белом одеянии, в великий день умиловления. Semel in anno, solus Pontifex. См. Послание к иудеям, IX, 7, и Левит, гл. 16.

** Гельвеций ³⁸ любил славу и был ее достоин. Но он хотел наслаждаться ею, и, быть может, он даже согласился бы потерять капитал своей славы,

к „Естественной истории“ Бюффона ³⁹, часто представляющей собою только какую-то философскую загадку, в которой неверующие и суеверные люди одинаково черпают аргументы для своих воззрений. Устраните из этих различных произведений все строки или, точнее, все страницы, все главы, в которых Монтескье, Гельвеций и Бюффон как бы взяли себе особым девизом то, что в евангелии говорится о Никодиме ⁴⁰, — „occultus enim propter metum judeorum“ („он скрывался страха ради иудейска“), — в которых этот страх совсем искривил разум, а часто даже совсем фальсифицировал мысль этих философов-писателей, замените мысленно вырванные страницы и главы тем, что они сказали бы, если бы они осмелились открыто бороться со священником, использовать все преимущества, которые дают великие таланты, соединенные с великими познаниями, и употребить на просвещение людей время, которое они потеряли на то, чтобы их обманывать, — и их произведения, укороченные наполовину, были бы тем не менее более полны, более содержательны и более поучительны.

Ньютон только из наблюдений и вычислений вывел законы движения небесных тел и главных явлений физической астрономии. Он написал всю свою книгу „Principia mathematica“, не только ни разу не упомянув о боге, но даже не почувствовав ни разу в течение всего хода своей работы и своих размышлений надобности прибегнуть к этому существу для объяснения всего механизма вселенной. Один из его друзей, которому он дал прочесть свою рукопись, обратил его внимание на это упущение, прибавив, что поверхностные и враждебно настроенные читатели могли бы это принять как последствие предумышленного намерения отрицать то, что бог создал, управляет и сохраняет вселенную. И он

лишь бы удвоить его пожизненный доход. Это настроение, которое разделяли с ним Монтэнь, Фонтенель и другие, сильно вредило успеху его книги „О человеке“. Решив ее напечатать вопреки советам друзей, предвидевших гибельные последствия его неблагоразумия, он опасался обнаружить свои действительные убеждения; но их все же можно увидеть сквозь ту сетку, которую он тщетно старается их прикрыть. Хочет ли он атаковать христианство, догматы которого не мирятся с основами его философии, — и он его всюду обозначает неопределенным словом „папизм“. Ко всевозможным уловкам прибегает он, чтобы обмануть своих читателей, но они ему не поддаются и выносят из его чистых и неловких нападок на так называемый папизм только усталость и скуку.

Такие двусмысленные речи годятся скорее для какого-нибудь гиерофанта, который заинтересован в том, чтобы затемнять самые ясные понятия и который живет лишь невежеством и доверчивостью народов, чем философу, который даже ценою своей жизни не должен отказываться от признания истины и от жертв, какие многие фанатики приносили лжи. Такая твердость придает особую силу словам: строки, начертанные кровью философа, дышат совсем исключительным красноречием!

Все эти ненужные уловки, к которым Гельвеций прибегает не столько искусно, сколько вычурно и жеманно, вызывают у него скучнейшие длинноты, которые если не оправдывают, то по крайней мере объясняют слишком строгие отзывы, какие прусский король и Вольтер дали о труде Гельвеция, переполненном впрочем великолепными замечаниями, тонкими мыслями и весьма серьезными воззрениями на законодательство, на воспитание и на другие не менее важные вопросы.

посоветовал Ньютону сказать хотя бы *лишь одно словечко о боге* *, дабы не оставить никакого повода для лжетолкований. Ньютон, считая, что лучше подвергнуться обвинению со стороны философов в том, что он вводит в механизм мира излишнее и следовательно бесполезное колесо, чем восстановить против себя теологов, которые тем менее почитают чужой разум, что они никогда не пользуются своим собственным разумом, — Ньютон ** поместил в „*Scholium generale*“, в конце всего труда, те банальные доказательства существования бога, которые в нем можно прочесть и в выборе которых совсем нельзя узнать бессмертного автора „*Principia mathematica*“. Этот гениальный человек с совершенно исключительной силой мысли превращается в плохого логика, который рабски тащится по стопам теологов, который пользуется их доказательствами, который прибегает к тем же софизмам и которому предстояло докатиться впоследствии даже до того, чтобы серьезно заниматься толкованием Апокалипсиса.

Так как *Конституция*, над которою работает Национальное собрание, не есть чисто теоретическое произведение, а должна быть кодексом гражданского, политического, религиозного и практического законодательства для двадцати пяти миллионов людей, в ней необходимо говорить о боге, о религии, о вероисповедании, потому что не все граждане государства — философы; потому что в отношении к догматам, молитвам, чудесам и вообще вере каждый имеет, по привычке или по слабости, более или менее властные, более или менее широкие потребности; потому что наконец, когда диктуют народу законы, нужно совсем не считаться с некоторыми отдельными личностями, составляющими исключение по отношению к общему правилу, и предполагать всех граждан такими, какими люди являются почти повсюду, т. е. невежественными, доверчивыми, суеверными и следовательно легко загорающимися энтузиазмом, нетерпимостью и фанатизмом. С этой-то точки зрения, в общем совершенно правильной, с точки зрения

* Так именно он и выразился.

** Этот любопытный и мало известный факт мне был сообщен несколькими англичанами, весьма образованными, весьма осведомленными в области истории наук и жизни тех, кто ими занимался, и жившими к тому же в интимной близости с учениками Ньютона. Что повидимому подтверждает этот факт — это то обстоятельство, что этот своеобразный теологический экскурс, столь, чтобы не употребить более сильного выражения, неуместный в произведении, в котором он находится, не имеет никакого касательства к вопросам, обсуждаемым, развиваемым и освещаемым в „*Scholium generale*“, и что эта болтовня является эпизодическим местом, совсем обособленным и совсем не вяжущимся со всем произведением.

Хочется думать, к чести Ньютона, ничего не смыслившего в теологии, что его ученик и друг Кларк является автором той части „*Scholium generale*“, которая касается бога, ибо мы находим почти те же самые аргументы в трактате, написанном этим ученым по данному вопросу. Но если можно простить теологу такое неумение разбираться в аргументах, то нельзя с таким же снисхождением относиться к геометру, и Ньютон всегда будет заслуживать упрека в том, что он поместил в произведении, в котором он все время держит в руках тройной светоч наблюдения, опыта и вычисления, рассуждения, верность которых он не в состоянии был доказать при помощи какого-нибудь из этих методов.

перечисленных склонностей, слабых у одних, сильных у других и совсем незаметных у весьма малой части граждан, приходится рассматривать множество людей, составляющих общество, составляющих то, что называется политическим организмом. И это мне напоминает то, что мне говорил один философ с тем красноречием и той силой, которые внушаются смелостью и глубиной мысли. „Огромное большинство нации всегда останется невежественным, робким и следовательно суеверным. Атеизм может стать учением небольшой школы, но никогда он не будет убеждением большого числа граждан, а еще меньше — убеждением немногочисленной нации. Вера в существование бога или старая ограниченность останется поэтому всегда. И кто знает, сколько чудовищного может она породить, если ей дать свободно разрастаться? Я поэтому сохранил бы священников не как хранителей истины, а лишь как помеху возможным и еще более чудовищным заблуждениям, не как воспитателей разумных людей, а как надзирателей за сумасшедшими. А что касается их церквей, я бы их оставил как приюты или небольшие дома для известной категории слабоумных, которые могли бы стать буйными помещанскими, если бы за ними не было никакого ухода“.

Так как понятие об общественном строе, к которому придут, исходя из дикого состояния, проходя через состояние цивилизованное, из которого выходят уже с сознанием суетности наиболее важных вещей и при котором начинают наконец понимать, что род человеческий будет несчастлив, пока над ним будут короли, священники, судьи, законы, понятия о моем и твоём, слова „порок“ и „добродетель“ и т. д., — так как, говорю я, понятие о таком строе, каким бы философическим оно ни было, есть понятие платоническое, и так как в настоящее время подобный порядок является химерическим и невозможным, по крайней мере в нашей части света, — представляется очевидным, что бог, какай-нибудь религия и какое-нибудь вероисповедание должны входить в кодекс, в великую национальную хартию. Но все это нагромождение совершенно бесполезно в *декларации прав*, ибо эти права не черпают никакой справедливости, никакой силы, никакой санкции ни из тех или иных догматов, ни из той или иной отдельной религии. Основываясь исключительно на природе человека, они сохраняют всю свою очевидность, весь свой объем, всю свою обязательность и незыблемость, какая бы гипотеза ни была принята относительно религии, образования вселенной, природы и атрибутов бога. И атрибуты эти были бы точно те же и совершенно такими же для всех людей, даже если бы бога не было.

Наоборот, в *конституции*, из которой законодатель, спокойный, беспристрастный, без суеверий, без страстей, как закон, должен как бы устраниваться и совершенно исчезнуть, чтобы видна была только конституция, в которой он должен, после долгого и зрелого обсуждения, все справедливо взвесить, осторожно предвидеть, мудро учредить; в конституции, где не должно быть места ни одному положению, которым можно было бы злоупотребить в пользу сильного против слабого, ни одному неопределенному,

неясному, двусмысленному закону, который можно было бы разно толковать; в конституции, в которой одна ошибка, одно обманичивое представление, один ложный взгляд, один тонкий софизм, одно скороспелое суждение, одно несправедливое постановление * могут повлечь за собой большие беспорядки, вызвать в государстве сильные сотрясения и явиться причиной бедствий двадцати пяти миллионов людей; в конституции, говорю я, в которой просвещенные мнения всех депутатов, после более или менее резких разногласий, должны слиться как бы в один общий фокус, последовательно осветить все области законодательства, — в этой конституции Национальное собрание должно указать средства сделать священников полезными или по крайней мере не давать им приносить вреда. Это особый вид диких зверей, которых нужно сковывать цепями и взнуздывать, чтобы не быть пожранными ими. В интересах всего общества чрезвычайно важно, чтобы священник был унижен и чтобы теология, которая столь часто сеяла по свету заблуждения и преступления, была предана презрению, а если можно — даже забвению, но во всяком случае была неукоснительно заперта в стенах школы, в которой ее преподают, и чтобы она впредь вовлекала в свои легкомысленные и смехотворные споры лишь тех, кто имеет глупость ими интересоваться и наглое чванство считать этот скучный вздор весьма полезным для государства.

Опасно то значение, которое придают религиозным воззрениям вообще и той или иной религии в частности, — опасно и вместе с тем противно здравому смыслу и доброму порядку. Именно это приписываемое религии значение ослабляет и растягивает все пружины общества, порывает самые интимные связи, существующие между людьми, вооружает брата против брата, сына — против отца, приводит к истреблению одной части граждан другою частью. Именно оно, это приписываемое религии

* Такова, среди некоторых других, следующая статья декларации прав: „Никто не может подвергаться преследованию за свои воззрения, даже религиозные, если только их проявление не нарушает общественного порядка, установленного законом“.

Эта статья, декретированная 22 августа Национальным собранием или, точнее, одним лишь духовенством, голос которого один только был слышен и которое в этот день, как и в следующие четыре дня, повидимому руководило работами Собрания, открывает двери всякого рода инквизиции, вновь разрешает всякого рода костры, на которых погибло столько невинных людей, обнаруживает дух преследования, бушевавший большинством депутатов-священников в Национальном собрании, и приуготовляет всем, кто посмеет раскрыть глаза народу и разбить грязный идол, у подножия которого духовенство желало бы видеть низайше распростертыми всех граждан, — приуготовляет мрачную судьбу Джордано Бруно, Ванини и стольких несчастных жертв бешенства духовенства.

Я на минуту допускаю, что кто-нибудь, не зная времени опубликования этого декрета Национального собрания, сравнил бы его с актом республики Виргинии, установившим религиозную свободу, — он скоро решил бы, что этот последний акт составлен собранием законодателей-философов, в век весьма просвещенный; но он очень был склонен приписать первый акт испанским или португальским инквизиторам XV или XVI века. А между тем эти два декрета, основы и дух которых столь различны, были изданы приблизительно на расстоянии восемнадцати месяцев один от другого. Quantum distet ab Inacho Cadrus (как далеко от Кодра до Инаха)!

значение, превращает религию в разрушительное бедствие в руках духовенства, в меч, которым оно безразлично и по очереди поражает и народы, и королей, как только оно не встречает с их стороны покорности, которое нужно ему, чтобы делать из них исполнителей всех его мстительных замыслов. Словом, именно это приписываемое религии значение приводит к тому, что история бога написана кровавыми буквами в анналах народов всего мира, в то время как робкий разум, скованный боязнью и скрываясь от лжи и фанатизма, вооруженных кинжалами, осужден на молчание и имеет на своей стороне лишь небольшое число неизвестных и тихих мудрецов, открывающих время от времени свои сокровища, чтобы выпустить на свет несколько значительных и утешительных мыслей.

Суеверие походит на тех насекомых, которые размножаются путем деления и все части которых перерождаются после того, как их отделяют друг от друга, и становятся каждое целым живым насекомым. Чтобы помешать суеверию возрождаться, нужно было бы поэтому сразу вырвать все его корни (*superstitionem ipsam exscindere*), истребить даже его семя в головах людей. Но это невозможно — и этого не предпримет никогда ни один умный наблюдатель человеческой природы. Философ, глубже других знавший эту природу, сказал, что пороки будут существовать до тех пор, пока будут существовать люди *. И это особенно верно по отношению к суеверию, одному из тех пороков, которые наиболее распространены среди людей.

Осторожный, разумный и хладнокровный законодатель не должен поэтому стремиться все исправить, — он должен лишь повсюду ослабить зло, которое он не в состоянии излечить, остановить его дальнейшее развитие и во всяком случае не постановлять ничего, что может прямо или косвенно противоречить естественным правам человека.

Конечно это кое-что значит — раздавить в настоящее время тираническую власть духовенства, власть еще весьма обширную, очень крепкую, которую тем труднее низвергнуть, что она чисто духовная, идейная, а идеи, воззрения управляют миром, — *opinione regina del mondo*. Но в этом отношении, как и во многих других отношениях, ничего не сделано, раз остается еще что-нибудь сделать. Было бы в одно и то же время и неблагоприятно и непolitично дать общему врагу время осмотреться и собраться с мыслями **. Первые успехи являются решающими в войне,

* *Vitia erunt donec homines*. Tacit. — Hist.

** Не преданность наиболее образованных, наиболее просвещенных членов Национального собрания, — этого цвета дворянства и третьего сословия, который можно было бы назвать партией оппозиции, — не преданность, говорю я, этих поборников общественного блага ослабевает, — ослабевает их бдительность и действенность. Наоборот, бдительность и действенность духовенства остаются попрежнему напряженными. Лук его постоянно натянута, и оно никогда не теряет того, что называется темпом. Св. Петр рисует нам князя тьмы непрестанно вертящимся вокруг каждого человека, чтобы уловить момент, когда его можно сделать своей жертвой: „*circuit quaerens diabolus quem devoret*“ [„иский, кого поглотит“]. Такова эмблема духа духовенства, этой армии

и не следует терять представляемых ими преимуществ отсрочками и замедлениями, которых положение дел не допускает. Во многих отношениях представляется менее невыгодным и менее опасным не предпринимать каких-нибудь мер, самих по себе, быть может, и полезных, чем не доводить их до конца, раз они уже начаты. И намерение ослабить священников, совершенно подорвать к ним доверие народа принадлежит к числу таких мер. Такое намерение можно одобрить лишь в том случае, если оно будет целиком выполнено, и это лишний довод в пользу того, чтобы не откладывать это дело. Сколько мудрых, выгодных мероприятий, которые все наперерыв расхваливают, когда они удаются, представляются сплошной ошибкой, когда они терпят неудачу! Одно из наиболее действительных средств воспрепятствовать священникам восстановить свою власть, которою они всегда столь преступно пользовались, — это сделать их более бедными и выдавать им стипендию лишь в меру той пользы, которую они приносят государству. Нации или, точнее, ее представителям надлежит рассмотреть, могут ли услуги, которые духовенство якобы оказывает ей, я не говорю — превышать, но просто приблизительно компенсировать своими размерами и своим значением огромные суммы, в какие оно ей обходится из года в год, и, пользуясь народным, весьма энергичным выражением, *в коня ли корм*, — самой нации, говорю я, надлежит распорядиться фондом жалованья, принадлежащим только ей, распределять его по заслугам и даже всецело лишать жалованья тех, чьи услуги значительно ниже получаемого ими вознаграждения, — услуги, которые она может получать за более низкую плату, даже услуги более полезные для нее и более важные.

Таковы принципы, которыми должен был руководиться совет короля в деле созыва и организации Генеральных штатов. Именно потому, что эти принципы были нарушены, духовенство, которое не является сословием *, находится в настоящее время в рядах представителей нации, и люди, все права которых в этом от-

нагой и жестокой, когда она господствует, трусливой и ползающей, когда она слаба и должна повиноваться. И действительно, каждый раз, когда кажется, что депутаты-патриоты не заботятся о своих силах и на время перестают ими пользоваться, депутаты духовенства собирают все свои силы, и, хотя они никогда не бываю согласны между собою, когда речь идет о том, чтобы делать добро в самых малых размерах, они очень легко собираются вместе, чтобы причинять зло в самых широких размерах. Этот полк церковных солдат разных степеней почти всегда находится в Национальном собрании в полном составе, к великому ущербу для интересов общества, и с горечью можно констатировать по многим результатам дебатов этого собрания, что духовенство, в соединении с некоторыми депутатами третьего сословия и дворянства, имело большинство лишь в тех случаях, когда оно проводило какой-либо несправедливый декрет, в некоторых своих статьях противный естественным правам человека.

Я скажу, подобно цензору Катону, и, подобно ему, стану повторять: „Полагаю, что Карфаген должен быть разрушен“.

* Утверждать противное значило бы утверждать, что солдаты, составляющие армию, или всякая другая корпорация составляет особое сословие в государстве. Если духовенство является сословием, то нет никаких оснований

ношения сводятся к тому, что они избрали своим ремеслом теологию, как другие избирают ремесло плотника или каменщика, допускаются к исполнению верховных функций законодателей и вносят в большинство декретов Национального собрания гибельные суеверия их звания, их страстей и их узких воззрений.

Обычно говорят, что „не ряса делает монаха“, но то, что противоположно этой ходячей поговорке, гораздо больше соответствует истине и представляет собою более философический вывод. Нет человека, который не менялся бы более или менее сильно под влиянием своего положения и своего одеяния, но на священника эти два обстоятельства оказывают, как мне кажется, наиболее значительное влияние. Его одеяние производит незаметно для него самого в его воззрениях и его характере весьма резкое изменение, которое даже и у сильных натур сказывается всю жизнь. Я знал довольно много священников. Я их наблюдал при таких обстоятельствах, когда люди обнаруживают себя приблизительно такими, каковы они в действительности, и я никогда не встретил ни одного, даже совсем неверующего, в котором и в манере говорить, и в воззрениях, и во всем поведении не скрывался бы в большей или меньшей степени священник. Не нужно обманывать себя: действительный бог священника — это его интерес. Он держится за свое звание только одной этой связью *. Отставание вероисповедания, защита и пропаганда религии совсем не входят в его стремления, и можно быть уверенным, что когда с ремеслом священника не будут больше связаны ни почет, ни особые отличия, когда эта профессия перестанет приносить большие доходы или хотя бы надежду на их получение, — от религии, храмов и алтарей скоро останутся одни только руины **.

Священство, оставленное людям, рекрутируемым в самых низ-

не считать сословием всякую общину, и так называемые в Париже шесть корпораций нужно было бы считать шестью особыми сословиями.

Чтобы стать священником или мастером всякого другого ремесла, нужно пройти стадию ученичества. Человек получает сан священника, как другой человек получает звание столярного мастера. Они даже одинаково обязаны исполнить то, что в различных цехах называется шедевром, образцовым произведением. Готовящийся в священники должен защитить свою тезу, должен выдержать разные испытания, которым его подвергают, словом — должен получить диплом бакалавра и лицензиата; желающий получить звание столярного мастера должен искусно сделать какой-нибудь предмет своего мастерства. Первый даже меньше имеет право и свободу публично выполнять ремесло священника, не будучи посвящен своим епархиальным епископом, нежели подмастерье-столяр работать по своему ремеслу, не получив звания мастера. Поэтому сан священника можно рассматривать только как ремесло, и мастер-священник не должен пользоваться никакой другой привилегией, никаким другим почетом, чем те, какими должен пользоваться ремесленник, заслуживающий их своим поведением и своим искусством. Ввиду этого столь же нелепо говорить о сословии священников, как и о сословии столяров, сапожников, портных и т. д., и т. д.

* Здесь, как и во всех случаях, исключения только подтверждают всеобщность правила.

** Можно ли думать например, что тот ученый из Сорбонны, который, будучи огорчен потерей своих десятинных доходов, наивно сознавался, „что он только для этого стал священником“, был воодушевлен очень крепкой и очень искренней верой? Конечно скажут, что это простая бутада, и возможно, что это так. Но даже и в этом случае приведенные слова имеют тем боль-

ких классах общества, которые его своим невежеством * и своим поведением еще больше принизят, станет унижительной профессией, пока какое-нибудь новое суеверие, которое привьется, так сказать, на христианстве и в большей или меньшей мере сохранит его апокалиптический дух, не произведет какое-нибудь новое чудовище в этом же роде, которое, подобно первому, умрет немного раньше или немного позже.

Людям слабым и ограниченным трудно воспользоваться благоприятным случаем, но крупный администратор, законодатель, одаренный человек всегда схватит удобный момент и использует выгодный для него случай. Будем поэтому надеяться, что депутаты, которые научены опытом прошлого и некоторые из которых даже чувствовали на себе самих сокрушительное бремя духовенства, не пренебрегут никакими средствами сделать отныне священников тихими, покорными и лишенными всякого значения в государстве. Будем надеяться, что после того, как они имели мужество протянуть свои руки к шатающейся церкви не для того, чтобы ее поддержать, а для того, чтобы ее низвергнуть, они не допустят, чтобы она снова поднялась и чтобы проповедники лжи ** были преследователями и палачами апостолов истины.

Национальное собрание, вынужденное заниматься в конституционном значении, что в них обнаруживается настроение всего духовенства. Давно уже один поэт, хорошо знавший настроение духовенства, сказал о священниках и монахах:

Deme antem lucrum, superos et sacra negabunt...
Utilitas facit esse deos; qua nempe remota,
Templa ruunt, nec erunt arae, nec Iupiter ullus.

(„Устрани роскошь — и они станут отрицать богов и таинства... Утилитарный расчет создает богов; а с исчезновением расчета рушатся храмы, и не будет ни алтаря, ни даже Юпитера“).

* Это напоминает превосходную остроумную сына одного принца, который, говоря о воспитании, какое давали его братьям, и о том, к каким поприщам их готовили, говорил с наивностью и беззаботностью, свойственными его возрасту: „Что до меня, то меня не обучали латинскому языку, потому что меня прочт в кардиналы“.

** Тех, кто искренне заблуждаются, нужно жалеть, а не презирать. Но мало есть священников, которые искренне заблуждаются. Большинство из них нисколько не верит в то, что они проповедуют. Они стараются обманывать других, но сами они совсем не обманываются. Тот, кто сказал, „что почти нет людей менее убежденных, нежели те, что большую часть своего времени отдают на споры и преподавание в школах“, говорил по собственному опыту, и его замечание подтверждается словами одного современного философа, который получил диплом лиценциата в Париже и который считал теологический факультет превосходной школой неверия. „Нет почти сорбоннистов, которые не скрывали под своими мехами либо деизм, либо атеизм. Это им не мешает быть еще более нетерпимыми и еще более сварливыми — по характеру своему или из интереса, или из лицемерия. Это наиболее бесполезные, наиболее неподатливые, наиболее опасные подданные государства. Они и их сторонники, священники или монахи, часто злоупотребляли правом обращаться с проповедями к народным толпам. Если бы я был государем и подумал о том, что во все праздничные и воскресные дни, между одиннадцатью и двенадцатью часами утра, сто пятьдесят тысяч моих подданных проповедуют всем остальным моим подданным и заставляют их, во имя бога, верить в то, что подобает демону фанатизма и гордыни, которым они одержимы, — я пришел бы в ужас“.

туции богом, религией, публичным отправлением вероисповедания и религиозной свободой в самом широком смысле этого слова, не в состоянии отдавать много внимания редактированию законов, проектируемых им по всем этим вопросам. Все, что их касается, должно быть сосредоточено в одной главе. Все, что полезно и необходимо сказать по каждому из этих вопросов, сводится к небольшому числу положений, изложение которых должно быть просто, ясно и точно *.

Все религии, все секты, все различные способы служить богу и отправлять религиозные службы должны безразлично разрешаться, охраняться законом и допускаться государством. Несмотря на то, что все они одинаково мало важны в глазах разума, законодатель всем им обязан обеспечить свободу, безопасность и справедливость. Повсюду, где существует господствующая религия, нетерпимость и фанатизм более или менее открыто обнаруживают свой мерзкий лик и во многих отношениях угрожают спокойствию государства, безопасности граждан и общей свободе. Не следует идти на компромиссы с дурными учреждениями, — их легче уничтожить, чем исправить. Лстить себя надеждой, что можно сделать терпимой государственную религию, — значит не знать, насколько священники грубы, наглы и жестоки повсюду, где они являются наиболее сильными. Можно отрубить несколько голов этой живучей гидры, но они будут оживать по мере того, как их будут рубить. Когда оставший ствол крепкого дерева, тень которого приносит смерть, вскоре новые ветви прорываются, разрастаются вширь по всем направлениям и покрываются теми же смертоносными листьями.

Повсюду, где религия и национальное вероисповедание дают своим поклонникам исключительные права, отличия, привилегии, повсюду, где католический священник, епископ и т. п. пользуются, при прочих равных условиях, большим почетом, большим уважением, чем священнослужитель другого культа, — правительство, порочное в самых основах своих, нуждается в реформе и должно быть построено на других началах. Особые преимущества и привилегии, даруемые тем, кто исповедует то или иное вероучение, кто поклоняется богу теми или иными обрядами, являются неистощимым источником волнений, споров и расколов между гражданами. Это опасное бродило, которое вводят в их душу и которое, становясь с каждым днем более действенным и более возбуждающим, неизбежно приводит к тому, что они начинают

* „Facilius intelligitur lex paucis quam multis verbis. Verba enim omnia ambigua sunt: multiplicando ergo verba, multiplicatur ambiguitas... Officium ergo est legislatorum, sive summe imperantium causas legis perspicue scribi, legesque ipsas breves, sed verbis propriis facere, quantum possunt“. Hobbes — Leviathan, cap. 30 том. 2, pp. 163—164.

(„Закон легче понять в немногих, чем во многих словах. Ибо все слова двусмысленны. Чем больше слов, тем больше двусмысленности... Итак, законодатели или носители верховной власти обязаны удобопонятно излагать мотивировку всякого закона, а самые законы излагать по возможности кратко, но точно“).

друг друга ненавидеть и преследовать, между тем как общие интересы диктуют им властную необходимость объединяться и любить друг друга.

Все храмы должны быть открыты, и каждая секта, без исключения, должна пользоваться свободой отправлять, в спокойствии, под охраной закона и в предназначенных для этого помещениях, тот культ, который она избрала по своему разумению или в который она была вовлечена воспитанием и который она считает наиболее угодным богу.

В Петербурге можно видеть на одной и той же улице епархиальную церковь, церковь католическую, церковь армянскую, кальвинистский храм, храм лютеранский и даже мечеть. Православный, католик, протестант, армянин, турок выходят каждый из своего дома, когда наступает час молитвы, направляются в помещение, где собираются члены их секты, поклоняются богу по ритуалу своей общины и мирно возвращаются к своим делам. Православная церковь, по крайней мере та, во главе которой стоит русская императрица и которую она одушевляет в настоящее время своим духом терпимости или, точнее, справедливости, повидимому поставила себе правилом поведения следующие стихи старого поэта, изменив в них лишь одно слово:

„Quidlibet credendi semper fuit aequa potestas
Scimus; et hanc veniam petimusque damusque vicissim“

(„Мы знаем, что всегда существовало равноправие относительно всяких верований. И мы предоставляем другим и взаимно будем себе это право“).

Но этот столь мудрый, столь полезный порядок зависит исключительно от того, сколько проживет императрица; ее преемник может его нарушить, даже совсем уничтожить или совсем не заботиться об его поддержании. И тогда господствующая религия в России вскоре снова станет тем, чем была и чем будет повсюду государственная религия, т. е. дурным и в политическом и в моральном отношении учреждением, постоянным предложом, толкающим на то, чтобы преследовать, подавлять и всячески терзать тех, кто имеет другого бога, других священников, другие догматы, другой культ, и следовательно порывать то единение, которое должно господствовать между всеми членами политического организма для поддержания государственной мощи и общей для всех безопасности.

Философ, привыкший размышлять и наблюдать людей, видит в них почти только взрослых детей, с которыми часто и нужно обращаться, как с детьми. И конечно у них есть вообще та характерная для детства черта, что они испытывают большое удовольствие и даже некоторого рода страсть делать все то, что им воспрещается.

„Nitimur in vetitum semper cupimusque negata“

(„Нас влечет к запретному, и мы всегда жаждем того, в чем нам отказывают“).

Это особенно верно в отношении их упорной привязанности к той именно религии, исповедание которой им воспрещается. И это, среди многих других политических мотивов, одно из наиболее сильных соображений, по которым законодатель должен одинаково допустить и разрешить все религии. Воспретите завтра христианскую религию, истинность которой, уже поколебленная прогрессом знаний, с каждым днем ослабляется в сознании людей, установите смертную казнь для тех, кто ее проповедует, — и вы вскоре будете иметь мучеников даже из числа тех, которые не отдали бы ногтя со своего пальца, волоса со своей головы, чтобы укрепить и распространить эту религию, если бы они могли это делать свободно и не подвергаясь никакой опасности. „Sanguis martyrum — semen christianorum“ („Кровь мучеников — семя христиан“). Так Тертулиан⁴¹ отзывался о христианстве, которому он этим оказал большую честь. Если бы он был менее бестолково легковерен и более рассудителен, он обобщил бы свое наблюдение и распространил бы его на все религии, которым одинаково общее безумие мученичества.

Декретируйте в качестве конституционного закона государства наиболее неограниченную религиозную свободу, потому что эта неограниченная свобода религии, которой справедливость и разум одинаково требуют, является не только превосходным средством единения между слабыми созданиями, переполненными всяких несовершенств и одинаково нуждающимися в прощении и милосердии, но наиболее верным, наиболее скорым путем, который может их незаметно привести к полному равнодушию по отношению к религии. А это результат важный и один из наиболее полезных выводов, который можно извлечь из сравнительного изучения разнообразных религиозных воззрений, распространенных среди людей.

Государству нужны лишь мирные граждане, послушные законам, ими установленным или свободно ими принятым, граждане, строго выполняющие свои обязанности, все стремления которых имели бы целью благоденствие и славу отечества, которые просвещают его своими познаниями, покрывают его славой своих талантов и готовы пролить свою кровь, защищая его. Пусть они будут евреями, — это не имеет значения. Действительно верующие, действительно святые — добрые граждане. Не в безумной и смехотворной надежде попасть когда-либо в небесный Иерусалим, не для бога, которого никто никогда не видит, который не поддается восприятию ни одним из наших чувств, о котором невозможно составить себе ясное и полное представление и которого каждый к тому же видоизменяет соответственно своему характеру, своему темпераменту и своим страстям, — не для бога, говорю я, который очень далек, а для людей, которые очень близки и с которыми мы имеем частые и непосредственные сношения, нужно быть справедливым, человечным, отзывчивым, добродетельным, дабы заслужить и уважение, и благосклонность, дабы быть счастливым на земле, в единственном рае, который наш разум может себе представить, дабы быть в ладу с самим собою, — словом во имя своих собственных интересов. Все рассмотрев, все взвесив, все подытожив, надо при-

знать, что ничего лучшего нельзя сделать на этом свете и для себя, и для других, как быть порядочным человеком. Справедливость по отношению ко всем — это в интересах всех, в интересах каждого отдельного индивидуума, в интересах общества. Эти совсем элементарные истины, поддающиеся доказательству даже злым людям, которых долгая привычка к пороку не совсем лишила разума *, являющиеся основой всякой доброй морали, всякого правильного законодательства. Одно какое-нибудь суеверие изгладились, но его место вскоре занимает другое; последнее раньше или позже претерпевает ту же участь и неизбежно увлекает за собою в своем падении ту особую мораль, отчасти ложную, отчасти в глазах философа слишком узкую, которой суеверие служило опорой и санкцией. Но, как я указывал ранее, есть другая мораль, покоящаяся единственно на природе человека, независимая от времени, места, обстоятельств и религии. И эта мораль остается одинаковой для всех, она сохраняется даже и на развалинах всех суеверий, всех нагроможденных друг на друге человеческих заблуждений.

Все зависит следовательно от законодательства, и даже воспитание, которым мы так сильно пренебрегаем и в котором не нужно почти ничего сохранить из старых установлений, является весьма важной его частью. Совершенствуйте в государстве и законодательство, и воспитание — и вы соответственно расширите и просвещение, и число порядочных людей.

Недостаточно, чтобы, по примеру Фридриха второго ⁴², законодатель разрешил каждому *верить и петь, как ему угодно* **, — нужно еще, чтобы никто не был заинтересован в том, чтобы *верить и петь*, чтобы тот, кто не верит ни во что и кому следовательно нечего

* Все преступления, достигающие определенной степени жестокости, свидетельствуют о существовании у совершивших их определенных пороков, особую расстройству функций мозга. Калигула, Нерон, Коммод, Гелиогабал и столько других чудищ, о которых древняя и новая история сохранила ненавистную память, были все сумасшедшие, с ясными интервалами, более или менее длительными, более или менее частыми. Говорят, что „нет великих гениев без некоторой примеси безумия“ („nullum magnum ingenium sine mixtura dementiae est“); то же самое можно сказать и относительно больших преступников, с тою существенной разницей, что у первых господствующим качеством является гений, а у вторых — преступность. Из этого следует, что нужно преклоняться перед первыми и истреблять вторых, как вредоносных животных. Но тем не менее, верно, что все, что существенно преобладает в человеке, — будь то добро или зло, — более или менее соприкасается с безумием, которое, как Гоббс совершенно верно заметил, есть лишь крайняя степень страсти. „Passiones denique omnes, — говорит он, — quae actiones insolitas exorbitantesque producunt nomine insaniuntur insaniae“ („Наконец все страсти, порождающие необычайные и несурзные поступки, называются безумием“). („Leviathan“, „De homine“, cap. 8, p. 38). А раньше он говорит:

„Habere autem passiones, multo fortiores vehementioresque quam in caeteris hominibus videri solent, illud est quod nominatur insaniam“ („Но иным людям свойственны страсти, гораздо более сильные и необузданные, чем те, которые наблюдаются у других людей — и это называется безумием“) (там же, p. 37).

** Таковы подлинные слова, которые этот государь употребил в одном ордоннансе касательно нового катехизиса и новой литургии, которые некоторые жившие в его стране теологи желали там ввести, несмотря на публичные протесты некоторых священников иных толков. Этот мудрый ордоннанс был издан, если не ошибаюсь, в 1777 или в 1778 г., и текст его можно найти в каком-нибудь журнале того года, в который он был издан.

петь, не был обязан оплачивать священнослужителей и нести расходы на отправление культа, которого он не признает *. Всякая работа должна оплачиваться, — это конечно верно, — но пусть же тот, кому нужен труд работника и кто последнего нанимает, и оплачивает его труд. Было бы несправедливо принуждать участвовать в оплате доктора, приглашенного данным больным, человека, который обходится и без доктора, и без его лекарств.

Нужно поэтому, чтобы еврей, протестант, деист и атеист могли безразлично занимать в государстве все места **, которые они по своим познаниям могут занимать, чтобы вера человека не была мерилom ценности его добродетелей и талантов.

Все воззрения одинаково, верные или неверные, религиозные или нечестивые (употребляя выражение, которое в ходу у духовенства), даже те, что ставят под вопрос или даже стремятся совсем подорвать веру в существование бога, должны иметь полную и неограниченную свободу проявляться ***. Каждый раз, когда закон

* Законодательный акт республик Виргинии, устанавливающий свободу религии, заявляет, что преступно и тиранически заставлять человека платить налоги, предназначенные для распространения воззрений, которых он не разделяет; что даже заставлять его участвовать в содержании того или иного проповедника религиозного толка, им признаваемого, значит лишить его приятной свободы давать свои деньги тому именно пастору в частности, который ему наиболее убедительно проповедует честность и прямоту действий и нравственное поведение которого он желал бы ставить себя в пример, и т. д.

** Тот же законодательный акт, цитированный в предыдущем примечании, устанавливает с убедительной и неоспоримой очевидностью, что наши гражданские права столь же мало зависят от наших религиозных воззрений, как и от наших методов изучения естественных наук и геометрии; что объявлять какого-нибудь гражданина недостойным общественного доверия, устранять его от почетных и хорошо оплачиваемых должностей, если он только не исповедует то или иное религиозное воззрение или не отрекается от той или иной религии, — это значит несправедливо лишать его привилегий и выгод, на которые он, подобно всем своим согражданам, имеет естественное право; что эти насилия способствуют к тому же извращению самых основ религии, которые они должны укрепить, ибо вздорными почестями и жалкими выгодами соблазняют тех, кто берется внешне исповедывать данную религию; что те, кто не противостоит подобным соблазнам, виновны, правда, но те, кто соблазняет, преступны, и т. д.

*** Этот неоспоримый принцип, столь же согласный со справедливостью, как и с разумом, есть по существу тот же, который повидимому руководил республикой Виргинией. Ее декрет о свободе религии это и резюмирует, хотя и не выражает его определенно, и все его статьи являются как бы непосредственными выводами из этого принципа.

„Убежденные, — говорят эти мудрые законодатели, — что позволить гражданскому судье вносить свою власть в область воззрений и препятствовать тому, чтобы не проповедывали и не распространяли те или иные принципы, потому что он, дескать, предполагает, что они будут иметь губительные последствия, является опасной ошибкой, совершенно уничтожающей свободу религии, ибо гражданский судья, будучи судьей последствий этих принципов, будет руководиться в своих суждениях своими личными воззрениями и будет одобрять или осуждать убеждения других только на основании того, соответствуют ли они или противоречат его собственным убеждениям; что вмешательство полицейских чиновников, когда следствием этих убеждений являются деяния, направленные против спокойствия и доброго порядка, вполне достаточно для ограждения справедливых интересов гражданского правительства; что истина могущественна и она торжествует, когда она предоставлена самой себе; что ей именно и надлежит бороться против заблуждений; что нет надобности вме-

устанавливает какие-либо ограничения незыблемого права каждого человека думать, говорить и печатать, он декретирует несправедливую вещь, он превышает свою власть, он нарушает декларацию прав человека, построенную на правильных принципах *. Но очевидно, что закон, столь противный этим правилам, должен по одному этому часто нарушаться и вызывать следовательно частые наказания у того народа, у которого он издан. Он отклоняется таким образом от той цели, которую должен себе ставить просвещенный и предусмотрительный законодатель, ибо он неизбежно ведет к расширению в государстве числа виновных, между тем как он должен был бы успешно изыскивать средства к их ограничению.

шиваться в эту борьбу и что истине решительно нечего опасаться, если люди только ее не лишают ее естественного оружия и не воспретят ей свободу обсуждения, ибо заблуждения перестают быть опасными, как только разрешается их свободно атаковать, —

мы, общее собрание Виргинии, устанавливаем законом, что никого нельзя принуждать исповедывать какое-либо верование, бывать в каком-либо храме, платить за содержание какого-либо священнослужителя; что никто не может подвергаться принуждению, притеснению или оскорблениям или преследованиям по причине своих воззрений или религиозных верований и что все люди будут пользоваться свободой исповедывать и отстаивать аргументами свои религиозные воззрения; что эти религиозные воззрения ни в какой мере не смогут ни уменьшать, ни расширять, ни отражаться на их гражданской способности делать то или иное дело и выполнять ту или иную функцию“.

Так законодатели-философы должны устанавливать свободу религиозных воззрений, а не путем такого декрета, какой Национальное собрание приняло 22 августа (см. выше).

* Я делаю эту оговорку потому, что декларация прав, декретированная Национальным собранием, требует довольно много поправок, сокращения одних пунктов и прибавок к другим пунктам. Осмелюсь даже сказать, что в целом это если не плохое произведение, то произведение, требующее переработки.

Каждый гражданин обязан подчиняться декретам Национального собрания и согласовать с ними свои внешние деяния, ибо он должен рассматривать декреты как результат и выражение общей воли. Но свое одобрение он обязан давать лишь тем декретам, которых справедливость, это первое достоинство законов и главная добродетель всех людей — и особенно законодателей, ему с очевидностью доказана. Обязанность подчиняться плохому закону, установленному законным собранием, распространяется одинаково на всех граждан государства, и никто конечно не имеет права уклониться от выполнения этой обязанности и сделать отвод законной власти. Но каждый имеет право находить закон плохим, говорить об этом, отмечать его недостатки и указывать способы провести его реформу.

17. Великая радость „Отца Дюшена“⁴³ по поводу декрета, предписывающего парижскому архиепископу возвратиться в свою епархию, а всем попам — принести гражданскую присягу

„А, прохвосты, радовавшиеся возможности бороться с нашими законами, наконец-то вы принуждены сбавить тон! Мы с удовольствием увидим вас склоненными перед той самой конституцией, которую вы до сих пор с такой наглостью ругали и поносили! Давно пора было, чорт возьми, чтобы Национальное собрание положило предел зрелищу, одновременно оскорблявшему как святость его декретов, так и общественный порядок. Так знайте же, длиннорылые прохвосты, знайте же, что эта конституция является священным заветом, которую все одушевленные существа Французского государства должны не только уважать, но и защищать. Вы знаете теперь то страшное наказание, которое вы понесете, если осмелитесь, как вы делали это раньше, выступать против этой конституции. Я говорю — страшное наказание, ибо для жадных и скупых людей не может быть большей кары, нежели лишение золота *. Да, чорт возьми, можно сказать, что Национальное собрание нащупало, милостивые государи, ваше слабое местечко, когда постановило, что в случае сопротивления его декретам вы потеряете ваши должности. Мы можем поручиться, что отныне эти декреты будут свято исполняться всеми епископами и священниками. Теперь-то вы уже распластаетесь ниц! Но, паршивые мерзавцы, не могущие нас вашим покорным видом и вашим вынужденным подчинением. Мы никогда не забудем и будем вечно повторять, что если бы священникам не грозила потеря, в случае непослушания, всех их должностей, они бы и теперь продолжали давать всем гражданам пример плохого поведения.

Но если принять во внимание величие ваших обязанностей и самого сана, то нельзя не пожалеть, что с вами не поступили со всей той строгостью, которой вы заслуживаете. Это вы, это все ваши проклятые штуки вызвали пролитие крови патриотов в Ниме,

* Согласно декретам 12 и 24 июля 1790 г. пенсия, установленная для вышедших в отставку церковников, была меньше, нежели жалование, получаемое соответствующими категориями духовных лиц, остающихся на службе.

Монтобане и Юзесе, а между тем мы довольствуемся тем, что грозим наказать вас за столько злодеяний! На колени, мерзавцы, перед мягкостью наших законодателей! Если бы вас судил „Отец Дюшен“ — а я вовсе не злой, — то вам, чорт возьми, пришлось бы немного похуже! Нет, клянусь Дюшеном, я бы вас не простил, ибо я никого так не ненавижу, как тартюфов, лицемеров и лгунов.

Как наши дороги будут теперь переполнены! Все эти прохвосты-прелаты, удравшие за границу или погрязшие в Париже в роскоши и разврате, все они побегут теперь, как зайцы, и проявят такую же энергию в принесении присяги, какую они проявляли до сих пор в препятствовании таковой.

Этот проклятый мерзавец де-Жюинье будет теперь вынужден возвратиться или же отказаться от своего епископства. В лучшем для нас случае его удержит страх, и тогда, чорт возьми, вместо проклятого дурака мы будем иметь в качестве прелата какого-нибудь хорошего священника. Вместо проклятой мокрой курицы, пытавшейся от имени чорта уверить нас, что в случае удачной революции мы все будем преданы вечному проклятию, мы получим тогда хорошего епископа-бонвивана, который не будет к нам приставать ни с пасхальными яйцами ни с отпущением грехов.

Я хотел бы видеть рожу, которую скорчит этот тип, когда ему сообщат эту приятную новость. Вот-то он начнет нашептывать молитвы, бить себя в грудь и прошибать лбом пол! Бедняга! Но, после всего этого, вернется он или нет? Мерзавец любит, правда, деньги, но зато он и здорово труслив. Он наверно помнит о встрече, которую оказал ему версальский народ*; ведь он с тех пор только и думает, что о фонаре, и не перестает говорить о нем даже в Турине. Наконец ум его настолько расстроен, что каждый раз, когда он представляется местному двору, он отпускает номера, заставляющие краснеть всех тамошних аристократов. Хоть у него и не имеется там, как это было в Париже, проводника, думающего за него и указывающего ему, куда надо идти, — ничего не поделаешь, раз на чердаке не в порядке!

Некоторые люди будут, может быть, утверждать, что раз это так, то он должен быть освобожден от присяги. Но почему же? Если бедняга спятил с ума, значит ли это, что ему вследствие его священного сана следует уплачивать суммы, отныне являющиеся лишь вознаграждением за постоянное усердие? Нет, чорт возьми, лучше отправить его в сумасшедший дом!

Но, может случиться, что счастливые предзнаменования или, говоря точнее, любовь к золоту заставят этого мерзавца пойти на встречу опасности, в силу чего он решит поклясться в чем угодно, лишь бы вернуть себе свое епископство. В этом случае крайне важно в случае возвращения как его, так и остальных беглецов заставить их оставаться на месте согласно указаниям того же декрета.

Но сколь ни мудро постановление Национального собрания,

* Намек на враждебную встречу, оказанную де-Жюинье при его первом появлении в Учредительном собрании 24 июня 1789 г.

от него все же не следует ожидать всей той пользы, на которую оно надеется. Людской природы декретами не изменишь. Что значит присяга для проклятых мерзавцев, не имеющих ни веры, ни совести? Разве все эти прохвосты — епископы, аббаты и другие подобные им каналы — не стеснялись нарушать на каждом шагу данные ими клятвы? Они клялись жить в простоте, а есть ли люди, более шикарные, чем они? Они клялись быть скромными, послуш-

ными, покорными, а между тем все они пропитаны самой неуместной и наглой гордостью. Они клялись пребывать в бедности, а нет тех ужасов, на которые бы они ни пошли ради обогащения. Они клялись быть целомудренными, а в своем разврате они превзошли всех. А ведь такова, чорт возьми, история всех прелатов! Поэтому нет оснований предполагать, что их стеснит еще одна новая клятва...

Но, несмотря на все это, нельзя все-таки не одобрить закона, заставляющего возвратиться во Францию этих проклятых прохвостов, издевавшихся над нами, сидя в Италии, и развлекавшихся на пересылавшиеся им туда средства. Чтобы заставить их вернуться, нет лучшего способа, чем оставить их без гроша, ибо, как говорит пословица, голод заставляет волка выходить из леса.

18. Дебаты в Законодательном собрании о контрреволюционной роли духовенства (13 ноября)

Бюллетень Национального законодательного собрания—Первая сессия

Председательствует г. Верньо ⁴⁴.

Заседание от воскресенья 13 ноября.

Г-н М... от имени Законодательного комитета: „Так как г-н Вейрие нездоров, мне поручено представить вам проект следующего декрета о беспорядках, имеющих место в некоторых департаментах по религиозным поводам.

Национальное собрание, осведомленное о том, что в некоторых департаментах враги общественного блага вызывают по религиозным поводам беспорядки и призывают к неповиновению законам, постановляет нижеследующее:

„I. Начиная с 1 января предстоящего года, французам, жителям в пределах королевства и получающим из государственной казны жалованье или пенсию, последние ни в каком случае не будут выдаваться, если они не докажут предъявлением удостоверения муниципалитета по их месту жительства, визированного директором округа, что они принесли гражданскую присягу, установленную ст. V раздела II конституции королевства. Казначей, получающие и платящие, будут нести личную ответственность за платежи, произведенные в противоречии с предписаниями настоящего декрета.

II. Дабы согласовать со свободой религиозных воззрений необходимые меры предосторожности, имеющие целью воспрепятствовать тому, чтобы проявление этих воззрений не могло служить предлогом к нарушению общественного порядка, ни один священнослужитель, не принеший присяги, установленной ст. III раздела II конституции королевства, не будет допускаться к публичному отправлению культа или к проповеди культа.

III. На муниципальных чиновников возлагается наблюдать за тем, чтобы на собраниях, посвященных отправлению культа, не происходило ничего противного общественному порядку и закону. В случае беспорядка виновные, смотря по тяжести правонарушения, будут или подвергаться взысканиям в административном порядке, или предаваться суду трибуналов.

IV. Гражданам, собирающимся для публичного отправления культа, строго воспрещается заниматься чем-нибудь другим кроме религиозной службы. В случае обсуждения при этом гражданских и политических вопросов виновные будут облагаться в административном порядке штрафом в размере двойного уплаченного ими налога за их недвижимое и движимое имущество; размер штрафа удваивается в случае рецидива.

V. Всякое лицо, которое под предлогом религии будет распространять или издавать произведения, призывающие к возму-

щению против установленных законов, будет подвергаться заключению на один год.

VI. Если в результате означенных призывов произойдут мятеж, убийства или грабежи, виновные будут сверх этого подвергаться наказаниям, устанавливаемым за эти преступления уголовным кодексом или трибуналами исправительной полиции“*.

Некоторые члены требуют принятия предварительного вопроса** по поводу проекта Законодательного комитета. (Сильный ропот на скамьях депутатов.)

После некоторых прений предварительный вопрос принимается весьма значительным большинством под аплодисменты собрания.

Иснар. Так как этот вопрос оказывается еще новым для Собрания после пятнадцатидневных прений, я прошу слова для предложения других мер. (Раздается некоторый ропот. Некоторые члены требуют немедленной передачи вопроса в Законодательный комитет.)

После некоторых прений Собрание постановляет дать слово г-ну Иснару ⁴⁵.

Иснар. Священнослужители нарушают общественное спокой-

* Опускаем последние 3 статьи декрета. — Перев.

** Принять „предварительный вопрос“ по поводу какого-нибудь проекта означает, что собрание отказывается даже приступить к обсуждению этого проекта по существу. — Перев.

ствие, — можем ли мы, должны ли мы ждать издания закона, наказующего эти правонарушения? Каким должен быть этот закон? Вот в чем, кажется мне, суть вопроса. Многие благомыслящие люди утверждают, что нам не следует издавать закона против нарушающих общественное спокойствие священников, — и вот их аргументация, представленная во всей ее силе. Одно из двух, — говорят они: либо священник — только фанатик, либо он — смутьян. Если он только фанатик, он не должен подвергаться преследованию, ибо свобода культов у нас признается; если же он смутьян, то к нему применимы законы, общие для всех граждан — и вам остается их лишь осуществлять. Признаюсь, что эта дилемма очень сильная, и, так как на нее до сих пор не ответили, я постараюсь ее опровергнуть. Коротко говоря, я утверждаю, что священники-смутьяны, те, что под прикрытием религии возбуждают к мятежам, должны подвергаться более суровым наказаниям, чем простые светские граждане, и что закон должен обрушиваться на них с тем большею силою, чем более могучие средства воздействия дает им в руки их священное служение.

Религия должна рассматриваться как орудие, с помощью которого можно причинять гораздо больше зла, чем при помощи какого-либо другого орудия — вот почему нужно более сурово наказывать тех, кто им пользуется, как наказывают поджигателя более сурово, нежели вора. Священник, — говорит Монтескье, — берет человека с колыбели и сопровождает его до могилы, — поэтому неудивительно, что он располагает столь мощными средствами воздействия. Исходя из этого положения, должны ли мы издать закон против священников, которые, прикрываясь религией, нарушают общественный порядок? Полагаю, я доказал, что утвердительный ответ на этот вопрос вполне обоснован.

Посмотрим же, каков должен быть этот закон. Утверждают, что существует лишь один верный путь: это изгнание из пределов королевства. (Часть Собраний и трибуны для пубрики аплодируют.) Разве вы не видите, что это единственное средство пресечь вредное влияние этих мятежных священников? Не видите вы разве, что необходимо отделить священника от народа, который он сбивает с пути? И, если мне позволено будет употребить одно заезженное выражение, я скажу, что нужно отослать этих зачумленных в римские и итальянские лазареты. (Аплодисменты.) Не видите вы разве, что если вы станете наказывать служителей бога каким-нибудь иным способом, если вы им дадите проповедывать, служить мессы, исповедывать, если вы оставите их, говорю я, в пределах королевства, — они, наказанные, будут причинять больше зла, чем будучи освобождены от наказания. Предлагаемая мною мера, скажут мне, слишком сурова. Как! Значит, забыли вы, что во всех частях страны общественное спокойствие нарушается под тлетворным влиянием священников? Что же, не слышите вы болезненных стонов отечества? Вы должны подвергать наказанию мятежных священников, потому что со всех сторон раздаются жалобы против них. Не знаете вы разве, что священник может вам причинить больше зла, чем все ваши враги вместе взятые?

Так оно и должно быть, ибо священник не бывает развратен только наполовину: когда он перестает быть добродетельным, он становится самым преступным из людей. (Продолжительные аплодисменты.)

Но не следует, — скажут мне, — преследовать священников. Отвечаю, что наказывать вовсе не значит преследовать. И еще отвечаю тем, кто повторяет то, что я слышал здесь от аббата Мори⁴⁶, а именно, что нет ничего опаснее, как создать мучеников: такая опасность существует лишь в том случае, если вам приходится наказывать людей действительно святых или честных фанатиков, верящих, что эшафот откроет им двери в рай. У нас сейчас положение совсем иное. Ибо если есть у нас такие священники, которые честно не признают конституции, то не они нарушают общественный порядок. Те, что его нарушают, это люди, оплакивающие судьбы религии лишь потому, что они желают сохранить свои привилегии, — и вот их-то и следует безжалостно наказывать. И не бойтесь, что вы таким образом увеличиваете армию эмигрантов, ибо всем известно, что вообще священники столь же трусливы, сколь и мстительны. (Аплодисменты.) Всем известно,

что у священников нет другого оружия кроме суеверия, что, приученные сражаться на таинственной арене причастия, они не представляют собою никакой силы на поле действительного сражения. Римские молнии будут гаснуть, ударяясь о щит свободы. Но оставим это... (Аплодисменты.)

Великая революция совершается во Франции. Она еще не завершена. Политический горизонт покрыт слишком темными тучами, чтобы он мог проясниться без новых гроз. Нужно слишком мало знать человеческое сердце, чтобы думать, что враги нашей революции могут так просто забыть то, что они называют своими обидами, что они могут пожертвовать своими кумирами, своими интересами и своей гордыней, — и не рассчитывают, что они откажутся от своих планов. Нет, они не устанут совершать преступления, они перестанут вам вредить лишь тогда, когда у них не будет больше средств это делать. Либо вы их победите, либо вы будете ими побеждены. И тот, кто не видит этой великой истины, является, на мой взгляд, слепцом в политике.

Раскройте историю — и вы увидите, как англичане в течение пятидесяти лет ведут разрушительную войну, чтобы отстоять свою свободу; вы увидите, как в Голландии текут реки крови в войне против Филиппа ⁴⁷. И когда, в наши дни уже, филаделфийцы ⁴⁸ пожелали быть свободными, не видели вы разве, как война вспыхнула и в Новом и в Старом свете? Вы были свидетелями недавних бедствий в Брабанте. И вы думаете, что революция, которая вырвала у деспотизма его скипетр, у аристократии — ее жезл, у дворянства — его пьедестал, у фанатизма — его талисманы, — что революция, которая отняла у духовенства его золотые россыпи, которая разорвала столько ряс, сшибла столько клобук, столько венцов, — что такая революция может не вызвать против себя врагов? Не думайте, что такая революция может успешно завершиться без того, чтобы предприняты были новые попытки свергнуть ее господство. Нет, Французская революция должна иметь свою развязку, и я говорю, что, не проводя ее, нужно мужественно идти ей навстречу. И, чем больше вы будете медлить, тем труднее дастся вам победа, и тем больше крови потребует она. (Ропот в части Собрания.) Но не видите вы разве, что все контрреволюционеры — как внутренние, так и внешние — одушевлены одной и той же целью, что они хотят заставить вас одержать над ними кровавую победу. Лучше же пойти на них войною, когда граждане еще горят пылом, когда они еще помнят о пережитых опасностях, чем ждать, пока остынет чувство патриотизма, пока ослабеют гражданские узы, а враги найдут возможность сеять новые раздоры. Опыт нам это уже показал. Разве не правда, что мы уже не те, какими мы были в первый год свободы? (Часть Собрания аплодирует, другая ропщет.)

Если есть в этом Собрании лица, которых резкость и правда моих убеждений задевают, пусть знают они, что на меня шумом подействовать нельзя и что, чем сильнее они будут шуметь, тем громче, во всей его силе, будет раздаваться здесь мой голос в защиту свободы. (Шумные аплодисменты, длящиеся в течение не-

скольких минут.) Если бы в то время, в первый год свободы, фанатизм осмелился поднять свою нечестивую голову, закон немедленно уничтожил бы его. Да, я говорю, что фанатизм теперь сильно окреп, что он развивается с каждым днем, потому что аристократия продолжает быть неустанно-бдительной, между тем как патриотизм отдыхает, проникнутый верой в правоту своего дела (Аплодисменты.), а гражданин-патриот охладевает, и его ча-

стные дела отвлекают его от забот о делах государственных. Средство, мною предлагаемое, диктуется политической необходимостью. Ваша политика должна стремиться к тому, чтобы победа возможно скорее определилась, и вы сможете достигнуть этой цели, лишь обрушивая на всех виновных всю строгость законов. Вы их будете сдерживать страхом, и вы их покорите мечом, а если бы они оказались достаточно сильными, чтобы попытаться выйти в бой, вы их раздавите победой. И тогда возродится доверие народа, и патриотизм, который только остыл, снова разгорится под влиянием вашего мужества, а от этого мужества зависит все.

Когда в угрожающие свободе моменты нужно принимать решение, всякая осторожность становится слабостью. Те, кто проявляют наибольшую смелость, наиболее правы, и безграничная твердость является залогом успеха. Особенно решительным нужно быть по отношению к мятежникам, — их нужно сокрушить в тот самый момент, когда они появляются. Если им дать собраться и набраться себе сторонников, они распространятся по всей стране словно поток, который ничем нельзя удержать. Деспотизм всегда пользуется такими средствами — и этим-то путем один индивидуум держит в цепях целый народ. Если бы Людовик XVI прибег к этим решительным средствам, когда революция была еще только в мыслях, мы не были бы здесь, и народ был бы банкротом, согбенный под игом. Такая суровость есть великое преступление, когда деспот стремится с ее помощью увековечить тиранию. Но, когда к таким средствам прибегает весь народ, они перестают быть преступными, — они становятся великим актом справедливости, и законодатели, которые ими не пользуются, сами становятся преступниками. Ибо, когда речь идет о политической свободе, — прощать преступление значит почти быть его соучастником. (Аплодисменты.) Такая строгость, быть может, вызовет пролитие крови, — знаю; но если вы не станете проявлять ее, не прольется ли от этого еще больше крови? Гражданская война не явится ли еще большим бедствием? Нужно отсесть гангренозную часть, чтобы спасти все тело. Когда в вас хотят вызвать чувство снисхождения, вам подставляют ловушку, ибо вы сразу окажетесь покинутыми всем народом.

Партия не принявших присяги священников, составляющая одно целое с партией аристократии, не будет вас меньше ненавидеть, что бы вы для нее ни сделали, а партия принеших присягу священников, включая в себя партию всех патриотов, т. е. пять шестых всей нации, придет в негодование, увидя себя покинутой. Устав сражаться с вашими врагами, они, может быть, станут вашими врагами. Общественное доверие будет тогда разрушено, порвется связь между головой и руками политического организма. Руки станут действовать, не слушаясь команды головы. И тогда начнется анархия, последствий которой нельзя предвидеть, и воцарится деспотизм, первыми жертвами которого падете вы. Если вы хотите противостоять уже подготовляющимся, может быть, атакам, нужно, чтобы законодательный корпус опирался на народ, а доверие народа вы можете снискать лишь путем сурового поправления нарушителей общественного спокойствия и всех мятежников. Я говорю „всех мятежников“, потому что я стою за борьбу со всеми ими, потому что я не принадлежу ни к какой партии. Бог мой — это закон, и нет у меня другого закона. Общественное благо — вот что меня воспаляет. Вы сделали уже против эмигрантов то, что вы обязаны были сделать; еще один жесткий декрет против мятежных священников — и вы завоюете общественное доверие. Раз доверие будет установлено — вы имеете в своем распоряжении десять миллионов рук. И вы приобретете ту силу и ту непреодолимую мощь, с помощью которых ваши предшественники были в

состоянии все разрушить и снова все воссоздать, при поддержке которых вы имеете все и без которых вы не имеете ничего.

Я не составил проекта декрета, ибо я считал, что мне придется обсуждать проекты Комитета, и я не мог предполагать, что он будет столь незначительным, столь ничтожным. Вот мое предложение: связать всех французов, — я говорю не только о священниках, — гражданской присягой и постановить, что все те, кто не пожелает подписать эту присягу, будут лишены пенсии и жалованья. Руководясь здоровым политическим смыслом и действительной справедливостью, вы можете повелеть убраться из пределов королевства всем не подписавшим этот общественный договор. (Аплодисменты.) Если священник, не принеший присяги, остается в стране, не вызывая против себя никаких жалоб, он будет пользоваться охраной закона. Если против него приносятся жалобы — он должен быть принужден покинуть пределы королевства.

Нет надобности при этом ни в каких доказательствах, потому что он ведь только терпим — по излишней снисходительности. Если есть на него жалобы со стороны граждан, среди которых он живет, — его необходимо тотчас же изгнать. Что касается тех, которые, принеся присягу, будут однако хотя бы в малейшей мере нарушать общественное спокойствие, они тотчас же должны быть изгнаны. Наконец те, которые будут подлежать привлечению по определенным статьям уголовного кодекса или которые будут привлечены по статьям, по которым уголовный кодекс устанавливает наказания более строгие, нежели изгнание, будут лишаться жизни“.

Многие члены требуют напечатания этой речи, другие ставят по этому поводу предварительный вопрос.

Собрание постановляет, что нужно обсудить эти предложения. Г-н Лекоз, епископ департамента Иль-и-Вилен. „Прошу слова как гражданин и священник“. (Сильный ропот.)

Некоторые голоса. „Никаких священников!“

Г-н Лекоз. „Я говорю, что требовать напечатания речи г. Иснара значит требовать напечатания кодекса атеизма“. (Ропот возобновляется.)

Председатель. „Я дал слово г. Лекозу — и он будет говорить“.

Г. Карран-Кулон. А я требую, чтобы вы его лишили слова. Г. Лекоз просил слова в качестве священника, а в этом звании он здесь не должен говорить“.

Волнение, охватившее Собрание, длится несколько минут.

Г-н Лекоз. „Не думаю, чтобы Собранию, представляющему всех граждан, в том числе всех верующих нашей страны, нужно было постановлять нечто такое, что должно привести ко все большему и большему нарушению общественного спокойствия. Мы строим свои надежды на возрождение французского народа именно на чистоте его нравственности. А я утверждаю и докажу, что речь г. Иснара имеет целью разрушить всякую религиозную и общественную мораль. (Ропот. Раздаются голоса, требующие, чтобы оппонент был призван к порядку.) Не может существовать общество,

не имеющее неизменной и вечной морали". (Возобновляются крики и смех. Г. Лекоз покидает трибуну.)

Г. Председатель ставит на голосование вопрос, высказывается ли Собрание за предложение о напечатании.

После двух сомнительных голосований г. Председатель заявляет, что предложение отвергнуто.

Некоторые члены просят слова для внесения новых проектов декрета.

Собрание постановляет, что Законодательный комитет разделится на четыре секции, чтобы формулировать в проектах декрета различные мнения, высказанные в течение прений.

Заседание закрывается в 3¹/₂ часа.

19. Ж.-П. Бриссо⁴⁹. Авторитет отцов церкви

Именно из писаний отцов церкви католическая церковь черпала все догматы, все мнимые таинства, о которых учили якобы Иисус христос и апостолы. Именно отсюда защитники церкви и иерархии заимствуют обыкновенно оружие, которым они пользуются для отражения нападок неверующих. Мы сейчас увидим, как мало приходится придавать веры писаниям отцов церкви.

Триденский собор⁵⁰, прославившийся заблуждениями, которые на нем были освящены, своими многолетними перерывами и склоками, которыми было ознаменовано большинство его заседаний, свидетельствует о том, что авторитет отцов церкви, участвовавших в этом соборе, не является непогрешимым.

Достаточно также хотя бы поверхностно познакомиться с тем суждением, которое высказывал Августин о тех якобы канонических писаниях, которые писались современными ему учителями церкви.

Как можно принимать их всерьез, если они одновременно и проповедуют христианское милосердие и грызутся между собой, если они анафематствуют друг друга, если святой Иероним⁵¹ обвиняет Тертуллиана, Арнобия, Аполлинария в ереси, поднимает насмех Киприана и мученика Викторина?

Можно было бы привести сотни примеров совершенно непристойных распрей между отцами церкви. Вспомним хотя бы спор между Августином и Иеронимом по поводу официальной лжи и святого обмана. Этот же Иероним имел столкновение с Вигиланцием, которого он называет одержимым и собакой.

Необходимо впрочем отметить, что эти отцы церкви заимствовали и распространяли в своих писаниях много заблуждений. Возьмем например заблуждение хилиастов, обязанных своим происхождением Аполлинарию: оно держалось в церкви вплоть до времен папы Дамазия, все учителя церкви проповедывали его. Учение о свободе воли процветало вплоть до времен Августина. Те же учителя церкви, среди них и Лактанций, писали, что души после смерти помещаются в особом месте, где они и пребывают до

последнего суда. Разве не писали они также, что наши души являются материальными? И разве не сохранялось это заблуждение в церкви вплоть до появления картезианства?

Иероним осуждал второбрачие, Епифаний⁵² — присягу. Другие осмеливались исправлять апостолов. Иероним выступал против учения о провидении: он говорил между прочим, что не подобает верить, будто бог знает точно число рыб, птиц и т. д.

Вера, которою писания отцов церкви пользуются у католиков, должна была бы сильно поубавиться, если бы верующие захотели быть последовательными, если бы они обнаружили, как часто позднейшие папы и богословы издевались и издеваются над ним.

„Ни заповеди отцов, ни заветы христа больше не соблюдаются“. Отцы церкви предписывали всем верным чтения святых писаний на общенародном языке, а между тем в Италии как раз за это сжигают. Отцы церкви считали святотатством попытки изображать бога в доступном для чувств виде, а между тем церкви наполнены иконами и статуями. Когда-то причастие совершалось в двух видах, сейчас это запрещено. „Не верьте, — восклицает Беллармин⁵³, — Кирилу, Пруденцию, Лактанцию. Первый из них обновленец, второй поэт, третий жалкий осужденный“.

Когда церковники, в противовес критикам, выдвигают авторитет отцов церкви, то в тех случаях, когда слова отцов церкви ясны и недвусмысленны, оказывается, что либо эти писания не принадлежат отцам церкви, либо они содержат заблуждение, заимствованное ими у кого-нибудь.

Как утверждают новейшие богословы, нет никакой уверенности в аутентичности оригинальных автографов отцов церкви. Беллармин пишет в своем сочинении, посвященном проверке писаний Игнатия⁵⁴: „Не приходится питать много веры к имеющимся у нас греческим кодексам“. Что за текст! Какое оружие он дает в руки неверующим! Он говорит кроме того, что часто эти греческие оригиналы противоречат копиям, и приводит образцы этих противоречий.

Но если нет уверенности в подлинности оригиналов, приписываемых отцам церкви, если даже, по мнению римских богословов, они оказываются испорченными, искаженными, фальсифицированными, если самые факты фальсификации доказаны с полной убедительностью, то какую веру можно придавать этим писаниям? Каким способом можно удостовериться, что эти писания действительно принадлежат отцам церкви, что им не подсунуты со стороны те или иные учения, те или иные факты, те или иные чудеса? Каким способом можно отделать то, что действительно вышло из-под пера отцов церкви, от дополнений, прибавлений, интерполяций, фальсификаций, которые не раз ставились в упрек католическим учителям церкви их собственными собратьями или протестантами?

Доверие к их учению не может не уменьшиться, когда выясняются источники, откуда отцы церкви черпали это учение, когда обнаруживается сходство их идей и обрядов с идеями и обрядами язычников, софистов или иудеев.

Мельхиор Кано совершенно справедливо говорит, что большинство первых учителей церкви являлось обращенными платониками, которые перенесли в свои сочинения свои старые идеи. К их числу относятся такие, как Юстин-мученик⁵⁵, Афенагор, Татиан, Иреней, Ориген и т. д.

Эти отцы церкви, говорит Лафатер⁵⁶, выросшие на Гомере и Виргилии, восторгавшиеся прелестями рая, описанного у этих поэтов, и верившие в тартар древних греков, заимствовали эти идеи и уверовали в чистилище. Когда занялись перелистыванием священного писания для того, чтобы найти в нем подтверждение этому учению, там нашли в книге Маккавеев текст, который удалось притянуть за волосы для обоснования этого учения.

А каково происхождение множества странных и причудливых церемоний, совершаемых в храмах?

В честь мучеников стали совершать трапезы, — обычай, почерпнутый из языческих возлияний в честь покойников. Григорий-

чудотворец превратил языческие феерии в праздник мучеников. У язычников в домах и в храмах выставлялись изображения героев и благодетелей родины. Этому обычаю последовали христиане. В честь языческих богов жгли воск и благовония, то же самое начали делать в христианских храмах. Так же обстоит дело и с окроплением святой водой, которое названо языческим обрядом у Сазомена⁵⁷, и действительно язычники имели свое окропление очистительной водой. Жрецы Изида имели бритые головы, по свидетельству „Золотого осла“ Апулея. Христианские монахи также поспешили остричь себе волосы. Язычники имели на дверях и воротах своих домов изображения своих богов, но разве не соблюдается этот же обычай в течение пятнадцати веков всеми католиками, у которых он, правда, приобрел еще более причудливый характер? Это перенесение языческих обрядов в практику католической церкви совершалось на глазах ее учителей. Последние одобряли эти обряды, обосновывали их, защищали их и, нарядившись таким образом в языческое облачение, осмеливались еще подвергать язычество хуле и поношениям.

Они подвергли поношениям, разрушили и уничтожили таким же образом иудаизм, которому они обязаны своими главными догматами. Ведь из иудаизма они позаимствовали учение о тысячелетнем царстве, о мессии, о чистилище, о природе души.

Иудеи, как свидетельствует раввин Маймонид⁵⁸, верили, что царство их мессии продолжится тысячу лет, в течение которых они будут наслаждаться всеми удовольствиями, тогда как другие народы будут их рабами. Какое сходство между этим представлением и учением о тысячелетнем царстве, или хилиазмом! Тот же раввин сообщает, что иудеи верили в грядущий последний суд, что на этом суде, по их представлениям, добрые получают воздаяние, тогда как злых ждут всякие кары. Кары эти заключались прежде всего во всяких мучениях, в блуждании от одного конца вселенной к другому, в невозможности наслаждаться созерцанием бога. Они верили также в воскресение тел, которое должно было состояться после страшного суда.

Но разве не в этом заключается сущность рассуждений учителей церкви и богословов по этим вопросам? Разве не находим мы у них такие же учения? Разве не ясно, что эти учения заимствованы у иудеев и язычников, раз евангелия не говорят нигде ни о рае, ни об аде?

Юстин-мученик пишет, что гиганты возникли из сношений ангелов с женщинами. Но разве Филон⁵⁹ до него не говорил то же самое?

Иероним различает в аду две кары: кару водой и кару огнем. Разве не заимствовал он это учение из книги бытия?

Ориген и Руфин утверждают, что муки осужденных будут иметь предел. Разве не так думали и иудеи, которые верили, что адские муки будут продолжаться двенадцать месяцев? Разве не было заимствовано это учение церковью, раз она учит, что Траян как Бенедикт VIII⁶⁰ искуплены из ада?

Сколько еще примеров плагиата отцов церкви можно было бы

привести, если бы в этом была нужда! Они полными пригоршнями брали отовсюду материалы для построения основ своей церкви и затем заявляли: вот нечто новое, тогда как в действительности их учения являлись лишь перелицовкой на новый лад старых языческих и иудейских фантазий.

Таким образом, надо быть настороже в отношении авторитета отцов церкви. Их представления почерпнуты в язычестве и в иудаизме, их писания полны противоречий, они постоянно грызутся между собой, все время споря о словах, неизменно проповедуя всякие заблуждения. Достаточно бегло познакомиться с историей римской церкви, чтобы убедиться, как сама церковь сомневается в самой подлинности их писаний. И если с некоторого времени их извлекали из-под пыли, под которой они были погребены, то это сделано было для того, чтобы доставить миру зрелище трагикомического сражения между янсенистами и молинаритами. Писания отцов церкви были тем арсеналом, где они искали себе оружия. В результате оказалось, что они находили мнения и за и против у одних и тех же отцов церкви, а комическая развязка этого спора снова повергла в пыльные недра эти объемистые и грустные писания.

Отцам церкви следует верить не больше, чем декреталиям, церковным соборам, римскому каноническому праву, папским буллам.

20. Сложение священниками сана в Конвенте

Оглашается письмо гражданина Паран.

Национальному Конвенту привет!

Буасис-ла-Бертран, административный центр кантона округа Мелен, департамента Сены и Марны, 14 брюмера 2-го года Французской республики, единой и неделимой.

Граждане представители.

Я — священник, я — приходский священник, т. е. я — *шарлатан*. До настоящего времени я был шарлатаном добросовестным, я обманывал только потому, что я сам обманывался. Теперь, когда я просветился, — я признаюсь вам, — не хотел бы быть добросовестным шарлатаном. Между тем нищета могла бы меня принудить к этому, ибо на поддержание моего существования у меня нет решительно ничего кроме 1200 ливров моего священнического жалованья. К тому же я не знаю почти ничего кроме служб, которым меня заставили научиться.

Я обращаюсь к вам поэтому с настоящим письмом, чтобы просить вас обеспечить достаточную пенсию епископам, приходским священникам и викариям, несостоятельным и лишенным средств существования, но в то же время достаточно честным, чтобы не желать больше обманывать народ, которому пора наконец открыть глаза на то, что истинная религия — это только религия естественная и что все мечтания, все кривляния, все обряды, которые величают именем религии, не больше, чем пустые сказки.

Никаких священников, — со временем мы придем к этому. Чтобы ускорить наступление этого времени, мне кажется, было бы благоразумно обеспечить самое необходимое тем, которые хотят воздать должное истине и которые готовы снизить с ранга, до которого лишь невежество, заблуждение и суеверие могли их возвысить.

„Никаких священников“ вовсе не означает „никакой религии“. „Будь справедлив, будь благодетельным, люби твоих ближних“, — и вот новая религия, ибо, обладая всеми добродетелями, которые могут тебя сделать счастливым, делая тебя полезным для твоих братьев, ты имеешь все, чтобы быть угодным богу.

Если бы я мог проповедывать только эту мораль, я был бы

вполне доволен. Но мои прихожане желают, чтобы я им говорил о молитвах, о постах, о причастиях, о ста тысячах богов, а это столь же мало в моем вкусе, как и в вашем. Прошу вас поэтому дать мне возможность уйти, обеспечив мне пенсию.

Паран, приходский священник Буасис-ла-Бертран близ Мелана“.
(Аплодисменты.)

Тюрюо. „С радостью вижу я, как с каждым днем разум и философия разбивают на алтаре отечества погрешности суеверий. Но эта хвала, воздаваемая истине, не должна вредить национальным интересам. Будем приветствовать человека, отрекающегося от заблуждения, будем верить, что близко время, когда в общественных местах будут лишь граждане, проповедующие мораль разума. Предлагаю передать письмо Финансовому комитету“.

Передача в Финансовый комитет декретируется.

Председатель оглашает поступившее к нему от установленных властей департамента и коммуны Парижа письмо следующего содержания:

„Гражданин председатель.

Установленные власти Парижа предшествуют бывшему парижскому епископу и его бывшему духовенству, которые по собственному побуждению являются к вам, чтобы торжественно и искренне признать пред вами разум и вечную справедливость.

Подписали:

Шометт, Моморо, заместитель председателя, Люлье, генеральный прокурор Парижского департамента, Паш“.

Они просят допущения. (Принято.)

Моморо, председатель делегации, говорит:

„Граждане законодатели.

Парижский епископ и некоторые другие священники, движимые разумом, приходят к вам сложить с себя то звание, которым облекло их суеверие. Этот великий пример найдет, не сомневаемся, себе подражателей среди их коллег. Так пособники деспотизма станут его сокрушителями. Так, спустя немного времени, Французская республика не будет иметь другого культа кроме культа свободы, равенства и истины, культа, который почерпается в недрах природы и который, благодаря вашим трудам, вскоре станет культом всемирным.

Подписал:

Моморо, заместитель председателя“.

Гобель, парижский епископ, просит представителей народа выслушать его заявление.

„По рождению плебей, я с ранних лет лелеял в душе принципы свободы и равенства. Призванный заседать в Учредительном собрании по желанию моих сограждан, я не дожидаясь принятия Декларации прав человека, чтобы признать верховную власть народа. Не раз имел я случай публично исповедывать мои политические

воззрения на этот счет, и с тех пор все мои убеждения складывались под этим влиянием. С тех пор воля суверенного народа стала для меня высшим законом, моим высшим долгом, я покоряюсь его велениям. Эта же воля возвысила меня до поста епископа Парижа, и в то же время меня призвали на три таких же поста в другие города. Я повиновался, приняв пост в нашем великом городе, и моя совесть говорит мне, что, исполнив волю народа Парижского департамента, я не обманул его, что я пользовался тем влиянием, какое могли мне давать мой титул и мой пост, только для того, чтобы укреплять в нем его преданность вечным принципам свободы, равенства и морали, этих необходимых основ действительно республиканской конституции.

В настоящее время, когда Революция быстрыми шагами идет к своему счастливому завершению, ибо она приводит все убеждения к одному политическому центру, когда не должно быть другого государственного и национального культа кроме культа свободы и священного равенства, ибо так хочет суверенный народ, я, верный своим принципам, повинуюсь его воле, и я прихожу сюда торжественно вам заявить, что с сегодняшнего дня я отказываюсь выполнять свои функции священнослужителя католического вероисповедания. Граждане викарии мои, здесь присутствующие, присоединяются ко мне. Вследствие этого мы вручаем вам наши грамоты.

Да послужит этот пример к укреплению царства свободы и равенства. Да здравствует Республика!

Подписали:

*Гобель, Дену, Лаборе, Делакруа, Ламбер,
Прикле, Буазар, Буллио, Женэ, Деланд,
Дербес, Мартен, он же Сен-Мартен*“.

„Заявляю, что мои священнические грамоты не находятся в моем распоряжении, и я доставляю их, как только я их получу.

Тельмон“.

„Делаю то же заявление и подписываюсь.

Нурмэр“.

Слова „да здравствует Республика“ были повторены всеми присутствующими и членами Конвента и покрыты самыми оживленными аплодисментами.

Шометт⁶¹, прокурор Парижской коммуны, сказал: „День, когда снова воцаряется разум, заслуживает занять свое место в анналах Французской революции. Обращаюсь с петицией к Конвенту, чтобы он поручил своему Комитету народного просвещения отвести в новом календаре особый день чествованию разума“.

Эта петиция, превращенная в законодательное предложение, декретируется.

Приходский священник Вожирара сказал: „Отрешившись от предрассудков, которые фанатизм вселил в мою душу и в мой мозг, вручаю вам мои священнические грамоты“.

Председатель отвечает:

„Граждане.

Среди прав, естественно принадлежащих человеку, отличают свободу вероисповедания. Необходимо было освятить эту свободу в Декларации прав человека и гражданина, которую провозгласил французский народ. Его представители это сделали. Этим воздано должное разуму за его постоянные напряженные усилия.

Конституция вам следовательно гарантировала свободное отправление вероисповедания, и под этой торжественной гарантией, просвещенные разумом и преодолевая застарелые предрассудки, вы возвысились до тех вершин Революции, на которых вам предстояло проникнуться философией. Граждане, вы сделали большой шаг на пути ко всеобщему счастью.

Да, конечно именно жителям Парижа надлежало дать еще и этот великий пример всей Республике: так начнется торжество разума.

Вы сложили на алтарь отечества эти готические коробки, которые посвящены были суеверию доверчивостью наших предков. Вы отрекаетесь от злоупотреблений, слишком долго проповедывавшихся в недрах самого лучшего из народов. И вознаграждением вам за эту жертву будет чистое счастье, которым вы будете наслаждаться под самой прекрасной конституцией в мире, в недрах государства, свободного и сбросившего с себя путы предрассудков.

Не будем скрывать это от себя, граждане, эти детские погрешности были оскорблением для того верховного существа, во имя которого ими пользовались; они не могли служить его культу, ибо оно требует от людей лишь общественных и моральных добродетелей. Такова его религия, — ему не нужно другого культа кроме культа разума; оно не предписывает иного культа — и отныне этот культ будет нашей национальной религией.

Конвент принимает ваши жертвы, он приветствует те чувства, которые вы здесь выразили, и приглашает вас присутствовать на его заседаниях“.

Граждане, стоящие у решетки, с восторгом принимают народными представителями посреди восклицаний „да здравствует Республика!“ Гобель кладет на алтарь отечества свой крест и свое кольцо. Дену, его первый викарий, кладет три медали с изображением бывших королей.

Некоторые члены требуют, чтобы председатель дал братский поцелуй парижскому епископу.

Председатель отвечает, что после имевшего место отречения Гобель является лишь мыслящим, существующим лишь в представлении лицом *, — „но, — заключает он, — я все же поцелую Гобеля“. (Аплодисменты.)

Бывший епископ с фригийской шапкой на голове подходит в сопровождении Шометта и получает посреди восклицаний присутствующих братский поцелуй председателя.

* Очень остроумная игра слов: „être de raison“ — значит по-французски — мыслимое существо, которое конечно целовать нельзя; но буквально „être de raison“ значит разумное существо, каким Гобель является после отречения. — *Перев.*

Несколько священников, членов Конвента, устремляются на трибуну.

Купе (из департамента Уазы), бывший приходский священник в Сермез, близ Нуаена, говорит:

„Я пришел к вам сюда, в Собрание народных представителей, и был здесь только свободным человеком и гражданином. Однако при виде только-что состоявшегося здесь торжественного отречения парижского епископа и его епископских викариев я обязан вспомнить, что я тоже был приходским священником в деревне.

Я честно вел себя на своем скромном месте — и это было в то время, когда по всем существовавшим законам место это считалось почетным и благотельным.

Я должен заявить Национальному конвенту, что еще несколько времени тому назад я отказался от своего звания и от своих обязанностей и являюсь в настоящее время простым гражданином.

Мне остается сделать здесь еще только одно: заявить Конвенту, что я отказываюсь от пенсии, которую нам повидимому собирались назначить.

Хотя я уже стар и не имею никакого состояния, я не хочу быть бременем для своих сограждан. Я всегда жил своим трудом. Тем более я хочу продолжать это делать при Республике и дать еще и этот пример нашим преемникам, когда я выйду из этого высшего Национального собрания“.

Эта речь была покрыта оживленными аплодисментами.

Ленде, бывший епископ департамента Эры, сказал:

„Мне не приходится краснеть перед народом за религиозное шарлатанство или фанатизм, — я пользовался религией только для того, чтобы содействовать благополучию моих сограждан. Мораль, которую я проповедывал, останется моралью всех времен. Я принял пост епископа в департаменте Эры в очень тяжелое время только потому, что я мог на этом посту служить Республике. Уже с 1789 г. я признавал несовместимость религиозных функций с функциями гражданскими. Верный своим принципам, я представил свою отставку от поста епископа избирательному собранию, пославшему меня в Национальный конвент. Тогда моя отставка не была принята. Все жители департамента Эры были свидетелями того, что мною сделано было в деле борьбы с фанатизмом, федерализмом и роялизмом. Один только город Эвре был поколеблен некоторыми преступниками, вышедшими из недр этого Собрания. Я был мишенью жестоких нападков их соумышленников, но зато мне удалось уберечь остальную часть департамента от их соблазна. Я могу с удовлетворением сообщить Национальному конвенту, что священнослужители как в городе Эвре, так и во всем департаменте верою и правдою поддерживали принцип Республики, что они распространяли свет разума и что они вполне заслужили преследования, которым они подвергались со стороны федералистов. Религия закона будет религией всего департамента Эры. Давно уже я там с успехом утвердил ту истину, что дело божье не должно быть поводом для войны между людьми, что каждый

гражданин должен себя считать как бы священником своей семьи и обучать ее всем социальным добродетелям. Вся Республика знает, что я был первым епископом, осмелившимся дать великий пример сокрушения суеверных предрассудков.

Когда отречение священников связано было с некоторой опасностью, священники тогда обязаны были торопиться становиться гражданами. Воля народа заявляет, что час этого отречения наступил. Добрый гражданин не должен больше быть публичным служителем какого бы то ни было культа. Я отказываюсь от поста епископа департамента Эры и больше не буду исполнять никаких религиозных функций.

Когда разум одерживает такую яркую победу над предрассудками, законодатель не должен упускать ничего, что может утвердить прочность и устойчивость этой победы. Религиозные праздники и торжества были при старом строе политическими учреждениями. Измерьте же ту огромную пустоту, которая образуется от исчезновения этих праздников. Заместите чем-нибудь то, что вы уничтожаете, предупредите тот ропот, который вызовут в деревнях тоска одиночества, однообразие трудовой жизни и прекращение периодических праздничных собраний. Пусть незамедлительно учрежденные национальные празднества подготовят переход из царства суеверий в царство разума. Не все департаменты одинаково созрели для нашей великой революции. У деревенских жителей нет тех средств просвещаться, какие имеются в крупных городах. Средством ускорить развитие общественного мнения явится скорое установление гражданских собраний, на которые все граждане будут сходиться, чтобы узнавать свои права, чтобы праздновать свободу, чтобы обучаться добродетели.

Предлагаю, чтобы Комитету народного образования было поручено незамедлительно представить доклад о национальных праздниках“.

Жульен (из Тулузы), протестантский священнослужитель, сказал: „У меня никогда не было иных честолюбивых стремлений, кроме того, чтобы видеть своими глазами, как установится на земле царство разума и философии. Будучи служителем культа, издавна преследовавшегося варварством наших средневековых законов, я открыто проповедывал начала всеобщей веротерпимости. Я старался укреплять между людьми узы братства, и мои сограждане с давних пор видели, как я пытался положить основание единой семье людей.

Родившись в департаменте Гар, переведенный затем последовательно в департамент Геро и в департамент Верхней Гаронны, я на глазах у священнослужителей, которых тогда называли католическими, воздавал хвалу справедливости верховного существа, проповедуя, что одинаковая участь приуготовлена для людей, поклоняющихся богу по догматам Женевы, Рима, Магомета или Конфуция.

Я подготовлял тогда сияние светоча разума, которому предстояло загореться над моей родиной. И я счастлив, что узрел наступление дня, когда благодетельная философия, мать социаль-

ных добродетелей, превратила всех французов в народ братьев, а ныне ставит их в пример всей остальной части человечества, еще согбенного в цепях спесивых тиранов и фанатических священников.

Гобель проявил здесь чувства, которыми давно полна была моя душа. Я следую его примеру.

Вы знаете, что священнослужители протестантского культа были почти только, так сказать, чиновниками морали. Однако нужно признать, что все культы, все священники, даже отрешив-

шиеся от роскошного аппарата шарлатанства, одинаково повинны были в том, что утверждали, будто исполнением суровых обрядов они ведут людей к вечному блаженству. Приятно делать такое заявление под сенью разума, философии и подлинно конституции народной, что она является предзнаменованием падения всех тиранов и хоронит под обломками всякого рода злоупотреблений и суеверий заблуждения фанатизма и блестящие привилегии королевской власти.

В течение двадцати лет я исполнял функции протестантского священнослужителя. Заявляю, что с сегодняшнего дня я прекращаю это занятие. Отныне у меня не будет иного храма кроме святилища законов, другого идола кроме свободы, другого культа кроме культа отечества, другого евангелия кроме республиканской конституции, которую вы дали свободной Франции, другой морали кроме равенства и сердечной благосклонности.

Я не могу сейчас положить сюда, на стол, грамоты, дававшие мне право возвещать людям находящиеся в евангелии моральные истины, — грамоты, давшие мне сан, которым я никогда не злоупотреблял. Я их принесу, и я льщу себя надеждою, что Конвенту угодно будет предать их сожжению и что пламя будет тем более ярким, что его сияние завершит нелепую борьбу, ведущуюся между фанатизмом и здравым разумом“.

Речь эта покрыта была аплодисментами.

Гэ-Вернон, бывший епископ, сказал:

„Граждане.

Я всегда мечтал о том моменте, который мы сейчас переживаем. В 1790 г., когда я был приходским священником в Компреньяк, я вручил свои священнические грамоты моим добрым прихожанам и сказал им: „Выберите себе другого духовника, если кто-нибудь другой может вас сделать более счастливыми; я же соглашусь остаться с вами лишь в том случае, если вы сами меня выберете, — на все места сам народ должен назначать“. Они избрали меня. Я уступил их братским настояниям и принес присягу. В 1791 г. я принял пост епископа, чтобы способствовать прогрессу просвещения и ускорить наступление власти разума и царства свободы. Когда Торне, епископ департамента Шер, предложил отменить церковное облачение, я первый отдал свой крест Законодательному собранию. Ныне, имея полную свободу следовать импульсу моей совести, не подвергая никакой опасности мое отечество, и выражать чувства, которыми полна моя душа, я повинуюсь голосу разума, философии и свободы и заявляю, с радостью чистого республиканского сердца, всей нации, что я хочу быть только гражданином и что я отказываюсь от религиозных функций“.

Вилльер, приходский священник, сказал:

„В течение двенадцатилетнего моего пребывания в роли приходского священника в деревне я старался сделать моих прихожан счастливыми, учил их только истине, учил их и делами моими и словами моими любить Революцию. Заявляю, что люблю свое отечество и всегда буду его любить. Я отказываюсь от места, на котором, как могли бы подозревать, я распространяю заблуждения, я отказываюсь от звания священника. Я не могу сложить здесь свои священнические грамоты, потому что вандейские разбойники сожгли их вместе со всем, что мне принадлежало“.

(Аплодисменты.)

Гомер, бывший епископский викарий, сделал подобное же заявление об отказе от звания священника.

Крики „да здравствует Республика! да здравствует свобода!“ покрывали все приведенные речи и следовали за ними.

Некоторые члены Конвента заявили, что этот день, отмеченный торжеством разума над фанатизмом, слишком важен, чтобы не сохранить о нем воспоминания в анналах Республики, вследствие чего Национальный конвент декретировал напечатать протокол сегодняшнего заседания и разослать его органам правительственной и местной власти и в армию.

Гражданин Лаланд, народный представитель и епископ департамента Мерты, произнес следующую речь, которую Национальный конвент постановил напечатать в „Бюллетене“*.

„Без поддержки общественного мнения и без общественного доверия служители култов являются людьми бесполезными или опасными, и, так как они повидимому уже не облечены и не удостоиваются этим доверием, их обязанность — покинуть свои места.

Вот почему я спешу заявить Конвенту, что с этого момента я навсегда отказываюсь от обязанностей епископа.

То, что я делаю сегодня, я однажды уже сделал, свыше года назад, подав в отставку от звания епископа департамента Мерты. Но установленные власти оказали давление на меня и горячо настаивали на том, чтобы я продолжал исполнять свои обязанности, ибо они воображали, что мое присутствие там еще необходимо для борьбы с аристократией и с чрезвычайными требованиями Рима.

Этот мотив потерял ныне свою силу. Аристократия сокрушена, власть папы сведена к минимуму, и народ, просвещенный гением свободы, уже не является больше рабом суеверия и предрассудков. Я поэтому еще раз заявляю Конвенту, что отказываюсь навсегда от своих функций в духовном ведомстве и что отныне я не желаю носить другого звания кроме звания французского гражданина и республиканца, — я не знаю звания, которое могло бы быть столь прекрасно и столь ценно.

Заявляю поэтому, что отныне я не желаю иметь другой цели кроме распространения и пропагандирования повсюду подлинных принципов свободы, вечных догматов, начертанных в Великой Книге природы и разума, — в книге, которую все народы могут читать и по которой они могут учиться своим обязанностям, — в книге, которая не только не нуждается в дополнении, исправлении и комментировании, но должна служить для сокращения, исправления и дополнения всех других книг. Если я не сдаю сегодня, вслед за некоторыми моими товарищами по профессии, своих грамот, то это объясняется тем, что я их оставил в Нанси. Но вместо этих средневековых пергаментов, которые теперь ни на что не годятся, я кладу на алтарь отечества мое золотое кольцо и мой золотой крест. Разве я мог бы сделать лучшее употребление из них, чем отдав их на благо государства и на нужды общества?“.

Петиция Гезе, волонтера 4-го батальона Уазы**.

„Граждане народные представители.

Вот уже почти месяц как меня занимает желание представиться Конвенту и сделать ему заявление, которое предварило бы заявление, сделанное парижским епископом. Но расстояние, разделяю-

* „Приложение к Бюллетеню Конвента“ от 8 дня 2-й декады 2-го месяца 2-го года (пятница, 8 ноября 1793 г.).

** „Бюллетень Конвента“ от 3-го дня 3-й декады 2-го месяца 2-го года (среда, 13 ноября 1793 г.).

щее от Парижа Арденнскую армию, в которой я служу с тех самых пор, как отечество находится в опасности, дает мне лишь сегодня возможность приветствовать республиканский обет, выраженный парижским епископом путем отречения от своего звания, между тем как я мечтал дать пример в этом отношении. Заявляю следовательно, что я торжественно отказываюсь от звания, порожденного невежеством и суеверием, поддерживавшими деспотизм и питавшими глупое тщеславие тиранов. Священник и солдат, я хочу сохранить лишь последнее звание, чтобы сражаться с врагами свободы и разума.

Граждане народные представители, пользуюсь тем коротким временем, на которое я был отпущен, чтобы предстать пред вами и, воздав хвалу философии, выполнить в то же время другой долг, не менее священный, диктуемый мне положением гражданки-вдовы Филиппо, муж которой пал смертью храбрых в деле при Боссюле-Валькур в ночь с 15 на 16 октября. В моем лице она приходит выразить пред Национальным конвентом горе и тоску, которыми полна ее душа после потери мужа, или, вернее, она приходит напомнить вам о той славе, которою покрыл себя ее муж, сражаясь с тиранами и пав героической смертью за свое отечество. В качестве делегата 4-го батальона департамента Уазы и по приказанию генерала Эли я должен выразить в зале заседаний представителей нации от имени нашего батальона чувства признательности за данные нам покойным Филиппо уроки храбрости и за примерное его поведение за все время его службы. Вместе с суеверием, которое я только-что растоптал своими ногами, я отказываюсь от пенсии, которою я пользовался в качестве бывшего епископского викария департамента Орны. Единственное жалование, на которое я предъявляю право, — это жалование, которое народ платит защищающему его солдату. Если бы мне позволено было хлопотать о благосклонности Национального конвента, это было бы в пользу вдовы храброго Филиппо, командира отряда армии, идущего на Бомон“.

* *

Письмо гражданина Поля Роллана Национальному конвенту.

„В Биносе, округа Сен-Годанс, 9-й день брюмера 2-го года Республики, единой и неделимой.

Граждане законодатели.

Вы слышите голос священника, прожившего своим ремеслом 40 лет. Сегодня он с удовольствием отказывается от него.

Я был искренен и добросовестен — и я не боюсь, что в моей отставке меня будут преследовать горькие воспоминания. Я буду проповедывать лишь братство и добродетель, но никогда — глупость догматов. Моя деревня есть лишь семья друзей, которых я больше не исповедую, но советником ее я останусь навсегда. Поэтому я не хочу там больше быть приходским священником. Пред лицом разума я отрекаюсь от этого звания. Универсальная мораль стала моим евангелием, и отныне я буду говорить только о ней, об

отечестве и за его свободу. Вчера я дал этот обет на мессе, которую служил в последний раз. Да найдет себе последователей мой пример!

Законодатели, я должен публично представить свою исповедь и публично же принести свое покаяние. Зачем щадить еще пред-
рассудки?

Итак я считаю, что религии не являются истиной ни в одной стране в мире. Я считаю, что все они суть порождения гордыни и невежества.

Я считаю, что интерес сделал их священными и что повсюду владыки над народами пользовались ими для укрепления своей мощи.

Я считаю, что суеверие постоянно было творением священников, что сами священники повсюду являются злыми и обманывающими распространителями лжи и тирании.

Я считаю в особенности, что подлинная религия — это справедливость, что на земле нужен один только культ — быть добродетельным.

Я считаю также, что небо есть не что иное как ощущение счастья, что был добродетельным.

Я воздаю эту торжественную хвалу Истине. Фанатизм не пожелает меня слушать, но я не считаю с его проклятиями. Законодатели, нужно приучить его к этой истине, дабы обратить его к разуму, и нужно надеяться, что скоро священники всех религий поймут, к торжеству философии и свободы народов, что есть еще разница между священником и честным человеком.

Что касается меня, то я свой выбор сделал — и я отдаю государству мою пенсию в 1500 ливров. Но, так как мне 60 лет и я не имею никакого состояния, я прошу у нации дать мне возможность иметь в моей отставке немного хлеба и молока.

Ж.-Поль Роллан, бывший приходский священник в Бинос, близ Люшона“.

Ролл. „Нужно, чтобы оригиналы всех этих отречений, свидетельствующих о прогрессе философии, сохранялись в Комитете народного образования. Вношу формальное предложение об этом“.

Тюрио. „Мы не должны довольствоваться тем, что просвещаем часть Европы. Полагаю, что в этом отношении необходимо смягчить суровость наших законов относительно иностранцев. Мы должны вменить себе в обязанность и почитать честью для себя распространять истину по всему лицу земли. Предлагаю, чтобы те из наших коллег, которые знают иностранные языки, присоединились к Комитету переписки, чтобы организовать там перевод этих отречений и отставок на иностранные языки“.

Оба предложения декретируются Конвентом.

* *

Шабо, депутат и епископский викарий, всходит на трибуну и отрекается от священнического сана в следующих выражениях.

„Граждане.

Меня не было в Конвенте, когда мои коллеги отказались здесь от духовного звания. Но, что касается меня, я давно уже высказываюсь за этот отказ. В 1788 г., когда я еще носил капюшон св. Франциска, я напечатал работу о философских принципах, рассеявших заблуждения суеверий. Я уже тогда осмелился сказать, что нация должна захватить все так называемые церковные имущества и превратить монахов и священников в светских людей. Это произведение принесло мне почетный для меня секретный приказ об аресте. Когда я ушел от капуцинов, я, пользуясь предоставляемым мне законом правом, отказался от всяких духовных обязанностей. Однако во время ухода Людовика Последнего я принял место епископского викария в Блуа, потому что большинство священников, опасаясь контрреволюции, отказывалось принимать на себя обязанности, которые тогда назывались конституционными и выполнением которых каждый добрый гражданин мог служить своему отечеству.

Призванный заседать в Законодательном собрании, я выразил в клубе якобинцев и в собрании народных представителей желание видеть наконец исчезновение так называемого конституционного духовенства, как и духовенства мятежного. Тогда-то я и сжег мои грамоты священника и епископского викария; я тогда же ушел бы с поста викария, если бы не опасался, что мне дадут преемника, который будет обходиться Республике в 2 000 ливров. На одном из первых же заседаний Конвента я прочел речь о финансах, которую Конвент удостоил декрета о напечатании. В этой речи я открыто высказывал мнение о необходимости заменить культом закона все существующие суеверия. Таким образом я и фактически и в намерениях своих отказался от всякого иного культа кроме культа свободы. Мне остается еще отказаться на то время, что я еще проживу, от всякой пенсии в качестве бывшего капуцина и бывшего епископского викария. Жена, которая дала мне свою руку, обладает состоянием, достаточным для содержания двух республиканцев и их детей. А, если это состояние понадобится для отечества, мы сумеем трудом своим добывать на существование себе и тем республиканцам, которых мы дадим отечеству. Ибо жена моя не меньше меня предана благу Республики, — иначе я ей никогда не предложил бы своей руки“.

Собрание постановляет напечатать эту речь в „Бюлетене“.

21. Парижская коммуна в борьбе с религией и церковью *

(Из архива Шометта)

Постановления Генерального совета Парижской коммуны относительно разных вероисповеданий и священников.

12 вандемира II года. — Генеральный совет назначает Крепена и Борие комиссарами, которым поручается присутствовать при вскрытии поступивших из религиозных учреждений золотых и серебряных ящиков, присланных в монетный двор округом Мулен.

22 вандемира. — По предложению одного из своих членов Генеральный совет предлагает своей комиссии переписки послать в кратчайший срок турецкому обществу предложение разбить хранящийся в Реймском соборе сосуд с миром.

Генеральный совет принимает заявление членов коммерческого суда о том, что они постановили прекратить служить мессу каждый день перед открытием заседания суда. Генеральный совет также удостоверяет, что к нему от указанных членов суда поступили следующие вещи:

(Следует список поступивших вещей.)

Постановляет, что упомянутые вещи останутся на хранении секретаря-регистратора, который предъявит их представителям муниципалитета, дабы последний распорядился о том, на что употребить вещи, составляющие его собственность.

23 вандемира. — Совет постановляет воспретить священнослужителям всех вероисповеданий выполнять их функции вне стен закрытых помещений и пр.

Постановляет сверх того, что настоящее постановление будет сообщено руководителю, революционным и гражданским комитетам и всем священнослужителям разных вероисповеданий **.

* Papiers de Chaumette publiés avec une introduction et des notes par F. Braesch. Paris, 1908, издание Société de l'histoire de la Révolution française. Все примечания в настоящей статье принадлежат Ф. Брэшу.

** Вот текст этого постановления в „Афишах коммуны“ (№ 114, от 24 вандемира): „Прокурор коммуны говорит о шарлатанстве священников, о приговорах этих лицемеров, схватывающих человека при самом рождении его и оставляющих его только у самой могилы. В трогательных выражениях дает он понять, насколько эти два момента должны интересовать каждого республиканца. Он требует, и совет, по его требованию, постановляет назначить

24 вандемира. — По представлению прокурора коммуны, Генеральный совет постановляет:

1) что серебряная утварь из часовни коммунального дома вместе с чашей и диском, поступившим из часовни коммерческого суда, будут отнесены в монетный двор Грепенем и Фоллопом, которые выменяют эти вещи на монеты и отдадут затем полученные монеты в национальное казначейство;

2) означенные комиссары сдадут секретарю-регистратору, под его ответственность, деньги, которые они получают в ассигнациях в национальном казначействе, дабы упомянутые деньги положили начало кассе благотворительности при муниципалитете;

3) медная утварь будет оценена и передана в арсенал; тонкое белье, которым пользовался священник и которым покрывали алтарь, будет употреблено, под надзором комиссаров, для изготовления рубашек для наших братьев по оружию;

4) матрицы всех медалей, чеканившихся старшинами купечества и эшевенами, а также и муниципалитетом, во главе которого стоял Балли, будут разбиты и посланы в арсенал;

5) геральдическая книга города Парижа будет сожжена; церковные книги будут проданы бакалейщику;

6) музыканты жандармерии коммунального дома сдадут в секретариат литавры и чехлы к ним, а также чехлы для труб с вышитыми на них золотом гербами, дабы указанные украшения были уничтожены и сожжены в присутствии означенных выше комиссаров, а суммы, полученные за перечисленные вещи, были переданы в кассу благотворительности;

комиссию, которой поручается рассмотреть этот вопрос и в скорости представить доклад. Он постановляет сверх того, что ни один священнослужитель, к какому бы вероисповеданию он ни принадлежал, не имеет права появляться вне своего храма в другом одеянии кроме общегражданского. Это постановление было напечатано в виде афиши. Вот его текст: „Парижская коммуна. Выписка из книги постановлений Генерального совета от двадцать третьего дня первого месяца второго года Французской республики, единой и неделимой. Генеральный совет постановляет, что будет воспрещено священнослужителям всех вероисповеданий исполнять свои функции вне стен домов, предназначенных для отправления религиозных служб разных вероисповеданий; он постановляет поэтому, что настоящее постановление будет сообщено главному начальнику, который оповестит о нем путем приказа все секции. Постановляет сверх того, что настоящее постановление будет напечатано, расклеено в виде афиши и разослано священнослужителям известных в Париже вероисповеданий — раввинам, русским священникам, католическим священникам, протестантским пасторам, квакерам и прочим, а также всем революционным комитетам и полицейским комиссарам секций. Подписались: Любен, вице-президент; Дора-Кюбнер, помощник секретаря-регистратора. С подлинным верно: Дора-Кюбнер, помощник секретаря-регистратора“.

Вот текст этого постановления по „Moniteur“ от 26 вандемира (перепеч. в т. XVIII, стр. 130): „Шометт сообщает Совету, что в коммунальном доме была часовня, в которой еще до настоящего времени находятся предметы, имеющие отношение к таинствам католического вероисповедания. Он требует, чтобы те из указанных предметов, которые сделаны из серебра, были переданы в монетный двор, а те, что из меди, были сданы в арсенал для литья пушек. Там, говорит он, также находится большая геральдическая книга, в которой очень ярко разрисованы гербы всех парижских эшевенов и других дворян (sic!). Я требую — говорит он — почестей костра для этих памятников гордыни. Совет принимает это предложение“.

7) и наконец настоящее постановление будет сообщено муниципалитету, дабы он распорядился привести его в исполнение.

27 вандемира. — По представлению заместителя прокурора коммуны Генеральный совет постановляет, что будет воспрещено продавать или показывать всякие вещи религиозного фиглярства, как например — куски плащаницы, изображения Христа в терновом венце, рожки святого Губерта, кольца и четки и пр. Революционные комитеты будут иметь право конфисковать такие вещи.

28 вандемира. — По представлению прокурора коммуны Совет постановляет, что к комиссии общественных работ будут прикомандированы комиссары, чтобы снять с гробниц все, что на них есть мрачного и отталкивающего.

Комиссарами назначаются Арно и Пари *.

* Об этом постановлении и о предшествовавшем ему весьма важном представлении Шометта мы читаем в „Афишах коммуны“ (№ 119, от 29 вандемира) и во „Французском курьере“ (от 30 вандемира):

Во „Французском курьере“ Апрель (администратор общественных работ) предлагает в оглашаемом им адресе Конвенту заменить нынешнее название

Совет постановляет, что свинец, железо и медь, находящиеся в подвалах церквей, будут изъяты для военных надобностей.

2 *брюмера*. — Генеральный совет, оповещенный о том, что в противность закону еще существуют на некоторых улицах Парижа памятники фанатизма и королевской власти;

принимая во внимание, что всякое внешнее проявление какого-либо вероисповедания запрещается законом;

принимая во внимание, что на его обязанности лежит снести все памятники, которые могут питать религиозные предрассудки, и те, что напоминают ненавистную память королей, —

постановляет,

что в течение восьми дней готические идола французских королей, находящиеся в портале церкви парижской богородицы, будут низвергнуты и уничтожены распоряжением администрации общественных работ, под ее ответственностью.

Постановляет сверх того, что статуя девы Марии, находящаяся на улице Медведей, будет уничтожена.

здания инвалидов названием „Храм человечества“ и устроить кладбища в больших городах в четырех углах их территории. Он дает описание этих последних убежищ людей, против которого энергично высказывается Шометт. Авриль желал бы, чтобы вместо мрачных кипарисов развели вокруг гробниц цветы; он желал бы в розе вдыхать душу своего отца; он опасается сверх того, чтобы, приняв план Авриля, не возродили заупокойную обедню заупокойной музыкой. Он предлагает, и Совет, по его предложению, назначает комиссию, которая присоединится к уже существующей комиссии, чтобы вместе с нею снять с гробниц все, что на них есть мрачного и отталкивающего, и выполнить все меры, установленные Фуше в опубликованном нами его постановлении.

В „Афишах коммуна“ № 119, от 29 вандемира. Община искусств сообщает с администрацией общественных работ сообщают Генеральному совету две петиции, которые они предполагают представить Конвенту и которые имеют целью: одна — постройку зданий или особого рода храмов свободе и человечеству и оплакивать (sic!), под мрачной сенью деревьев, которые их будут окружать, скромные и почтенные гробницы героев, друзей отечества, на которых будут начертаны трогательные надписи. Шометт замечает, что нет надобности идти в Конвент, — закон издан, и коммуне остается лишь его исполнять. Проекту предлагаемой петиции он предпочитает идею Фуше⁶², который хочет поставить в местах, где спят вечным сном наши предки, статую Сна. Никаких кипарисов, никаких мрачных деревьев. Пусть все будит мягкие настроения, приятные и трогательные, как добродетели, которые сделали покойников заслуживающими уважения; пусть все будит мысли не об аде, не о чистилище, выдуманном, чтобы дать сладкую жизнь священникам, а тихом покое, которым наслаждаются мертвые; пусть там стоят тополя, пусть гробницы имеют, так сказать, веселый вид, как в Эрменонвилле⁶³, а не вид обнаженных костей, не черепов, которые дают нам зрелище разрушения и не внушают мысли о бессмертии; пусть там испытывают вместе с патриотической гордостью удовольствие, что имели родственником и другом человека добродетельного, человека, заслуживающего признательность себе подобных и Республики. Одни лишь священники стремились увековечить горе. Первые моменты, следующие за потерей друга, могут отдаваться слезам. Но природа требует, чтобы слезы были переходящими и чтобы счастье было уделом каждого дня. Тот, для кого смерть является источником страха, может лишь быть человеком, дурно прожившим свою жизнь. Шометт требует, чтобы Совет сам обсудил эту петицию и чтобы назначены были два комиссара, которые внесли бы в представленный проект необходимые изменения и согласовали бы его с проектом Фуше. Комиссарами назначаются Арно и Пари.

Постановляет также, что все прочие религиозные изображения, находящиеся в различных кварталах Парижа, будут сняты, что все мраморные, бронзовые и прочие памятники, на которых выгравированы постановления парламентов против жертв фанатизма и жестокости священников, будут также уничтожены.

Генеральный совет предлагает всем народным обществам указать подобные памятники, а революционным комитетам — полностью уничтожить эти памятники варварства.

3 брюмера. — Генеральный совет заслушал чтение письма, присланного из Понтуаза и сообщającego об устроенных в этом городе похоронах аристократии и фанатизма и о посылке на монетный двор золотых и серебряных фигур святых обоого пола. О заслушанном письме упомянуть в протоколе, а полный текст письма напечатать в „Афишах коммуны“.

14 брюмера. — Генеральный совет постановляет:

1) что все золотые и серебряные вещи, находящиеся в общественных учреждениях и в религиозных и других домах Парижской коммуны, будут сданы в монетный двор;

2) что у Национального конвента и у комиссии по оказанию благотворительной помощи будет испрошен аванс в сто тысяч ливров в месяц на покрытие расходов на содержание, одежду, питание и снабжение работой неимущих граждан, — каковая сумма будет выплачиваться ассигнациями, которые будут выдаваться монетным двором в обмен за упомянутые золотые и серебряные вещи;

3) настоящее постановление будет сообщено революционным комитетам секций, которые совместно с секретарями-регистраторами своих секций составят описи означенных золотых и серебряных изделий, находящихся в различных общественных учреждениях их округа, и препроводят их в монетный двор;

4) революционные комитеты сдадут в коммуну составленные ими описи.

17 брюмера. — Совет выносит постановление о напечатании в „Афишах“ доклада о перенесении рака св. Женевьевы.

Прокурор коммуны делает доклад о потрясающей сцене, имевшей место в Конвенте, когда фанатизм испустил свой последний вздох, когда все грамоты религиозных шарлатанов и фокусников были сложены на алтарь отечества, когда священнослужители всех вероисповеданий братски обнимались, отрекаясь от своих заблуждений, и пр.

18 брюмера. — Генеральный совет постановляет предложить всем секциям составить описи всем золотым и серебряным изделиям, материям и пр., имеющимся в их округах; установить вес золотых и серебряных изделий; предварительно извлечь из них драгоценные камни, осмотреть их, а также установить их вес и обо всем этом составить подробные протоколы. Совет постановляет сверх того, что материи и бриллианты будут принесены в коммунальный дом и оставлены там на хранение и что будут назначены комиссары для составления подробных описей всем доставленным вещам. Постановляет также, что граждане и граж-

данки, занятые снятием золота и серебра с вышивок и сдачей на хранение означенных золотых и серебряных вещей, будут получать плату за свой труд в монетном дворе.

Совет постановляет, что назначена будет Центральная комиссия на предмет приведения в исполнение в секциях постановлений Совета относительно религиозной утвари, и откладывает на следующий день самое назначение комиссаров.

19 брюмера. — Секции округа Коммунального дома и округа Добрых вестей докладывают о принятом ими единогласно постановлении не признавать никакого иного культа кроме культа свободы и разума.

Совет принимает этот доклад к сведению и постановляет внести его в протокол.

По предложению одного из своих членов Генеральный совет разрешает революционным комитетам тех секций, которые делают заявление, что не признают иного культа кроме культа свободы и разума, забрать весь актив и всю обстановку, находящиеся в церквях и еще не переданные в монетный двор или не зачисленные за Республикой. Предлагает членам этих комитетов составить подробную опись отобранных ими предметов и передать эту опись Комиссии национальных имуществ, которой поручается продать означенные предметы и вырученные деньги передать в национальное казначейство.

Слепые приюта Кенз-Вен, члены секции того же наименования, просят, чтобы у них не было больше ни колоколов, ни церковных украшений и чтобы сняты были печати с них, а сами эти предметы были переданы в монетный двор.

Совет постановляет, что секции округа Кенз-Вен разрешается снять означенные печати *.

По предложению одного из своих членов Генеральный совет постановляет, что в монетном дворе будет вестись регистр, в котором будут отмечаться передаваемые в монетный двор вещи, характер этих вещей и время их передачи; постановляет сверх того, что настоящее постановление будет сообщено министру внутренних дел, с предложением сделать распоряжение о том, чтобы монетный двор завел у себя означенный регистр **.

* „Афиши коммуны“, № 138, от 21 брюмера, дают это постановление почти в тех же самых выражениях, но прибавляют следующую фразу: „Прокурор коммуны говорит, что эти слепые видят гораздо лучше, чем те, которые считаются зрячими. Совет аплодирует прокурору и постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель слепых“.

** „Республиканский курьер“ и „Парижская газета“ от 23 брюмера, содержание которых целиком совпадает друг с другом, излагают ход заседания несколько подробнее, чем „Moniteur“, но к тому, что сообщают „Афиши коммуны“, добавляют почти только следующее: „Шометт сообщает Совету, что евреи также относят в Конвент серебряные сосуды из их синагог. Совет аплодирует. Некоторые бывшие священники, в большинстве уже женатые и отцы семейств, приходят и отрекаются от своих прежних заблуждений и сдают свои священнические грамоты“. А теперь вот еще почерпнутые из „Афиш коммуны“ два факта, имевшие место в этом заседании, но опущенные переписчиком Шометта: „Барюкан, член коммуны с 10 августа и один из комиссаров революционного комитета секции Арсенала, приходит в заседание Совета

21 брюмера. — Совет постановляет, что секции Ломбардов и секции Борепэр будет предложено закрыть их церкви, так как они не хотят больше признавать иного культа кроме культа свободы.

Секция Кенз-Вен пришла заявить, что она не признает больше иного культа кроме культа свободы и разума. Совет приветствует новый шаг, который эта секция делает на пути философии.

Секция Музея сообщает о своем постановлении отнести в Конвент украшения и религиозную утварь прихода Сен-Жермэн л'Окзеруа, и, так как она закрыла вход в означенную церковь и запретила священникам отправлять в ней какие-либо службы, — она считает долгом сообщить о принятых мерах Генеральному совету.

Совет приветствует эти подлинно-республиканские действия и постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель секции Музея.

Народное общество секции Прав человека приходит по поручению этой секции доложить Совету, что, следуя великому примеру, преподанному установленной в Париже властью, она не признает больше иного культа кроме культа свободы и разума.

Совет с удовольствием принимает к сведению это заявление и постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель Общества и напечатать его заявление в „Афишах“.

Секция Ломбардов докладывает, что она не признает больше никакого духовенства, не признает иного культа кроме культа свободы, истины и философии.

Совет приветствует это заявление.

Один член секции Гравилье докладывает, что секция постановила закрыть все церкви своего округа и что она предполагает отнести всю религиозную утварь в Конвент.

в сопровождении своей жены и детей и просит раскрестить его и дать ему другое имя, развенчать и, не расторгая его брака с женою, повенчать их республиканским браком. Совет, ограничиваясь применением той власти, которою он облечен, постановляет, что супруг нарекается именем Шалье, супруга — именем Атрие, старшему мальчику дается имя „Аристил“, самому младшему — „Регул“, старшей девочке — „Порэ“, младшей — „Эпонема“, и что все означенные перемены имен будут внесены в протокол заседания“. И дальше: „Вносится предложение о том, чтобы Мост собора парижской богоматери был переименован в Мост разума, по республиканскому наименованию, данному бывшему собору. Один из членов предлагает передать это предложение в Комиссию общественных работ. Совет, наоборот, поддерживает первое предложение и тут же решает, что Мост собора парижской богоматери будет называться Мостом разума. Немного спустя приходят делегаты секции Сите и просят, чтобы секция именовалась впредь секцией Разума и чтобы то же наименование было дано мосту, улице и площади собора парижской богоматери. Предложение принимается“. Вот еще одно постановление, принятое повидимому Генеральным советом в том же заседании 21 брюмера, — это извлечение из протокола Генерального совета коммуны, воспроизведенное в регистре заседаний Революционного комитета секции Лепелетье... Заседание Революционного комитета 21 брюмера... „Парижская коммуна. Извлечение из протоколов заседаний. По предложению одного из членов Генеральный совет постановляет, что в секретариате коммуны будет заведен регистр, в который будут заноситься заявления граждан, желающих сложить с себя священнический сан и отказаться от звания священнослужителя какого-либо вероисповедания. Подписано: Куломбо“.

Совет приветствует патристическое рвение секции.

22 брюмера. — Революционный комитет секции Объединения приносит кресты, церковные чаши, дароносицы, принадлежащие прежним вероисповеданиям — католическому и иудейскому. Некоторые члены делегации комитета заявляют, что среди принесенных предметов есть несколько таких, которые принадлежат индивидуумам иудейской секты. Гражданин Яков Бенжамен, исповедовавший раньше религию Моисея, Авраама и Якова, просит от имени своих единоверцев, чтобы их впредь не рассматривали как членов той или иной секты, а считали французскими гражданами, и, что касается его, он охотно отказывается в пользу нации от всех принадлежащих ему и находящихся среди принесенных Совету вещей.

Генеральный совет горячо аплодирует философическому заявлению гражданина Якова Бенжамена и его бескорыстию, постановляет, чтобы в протоколе заседания отмечена была его гражданская добродетель и чтобы об этом напечатано было в „Афишах коммуны“. Некоторые граждане братски целуют его.

Один из членов Революционного комитета секции Объединения считает своим долгом воздать хвалу патристическому и просвещенному рвению граждан — бывших иудеев, которые почти все предупредили пожелания Революционного комитета и сами принесли все свои реликвии, в том числе пресловутые моисеевы ризы и т. п.

Совет постановляет внести в протокол заседания отметку о гражданской добродетели этих граждан и, по представлению одного из своих членов, замещающего прокурора коммуны, отдает распоряжение немедленно, согласно декретам Конвента, отнести в монетный двор сданные Совету вещи, не исключая и моисеевых риз. Заместитель прокурора коммуны представляет Совету разные реликвии с этикетками.

Совет постановляет сдать все эти мелочи в архив коммуны и затем предать их сожжению.

Секция Елисейских полей докладывает, что она единогласно отрекается от католической религии и впредь будет веровать лишь в культ истины и разума.

Совет приветствует философические убеждения этой секции и принимает к сведению ее заявление.

Народное общество секции Музея докладывает Совету, что граждане этой секции предали сожжению молитвенники, церковные книги, молитвенники св. Бригитты и т. д.

Прокурор коммуны, поздравив наш век со счастливой революцией, произошедшей в умах людей, сообщает, что в секции Добрых вестей принято постановление, чтобы в первый день каждой декады, в час, когда священники прежде служили свои мессы, читался курс общественной морали. Генеральный совет предлагает секциям последовать этому примеру*.

* У Шометта имеется лишь запись о части заседания, о которой дан отчет в „Афишах“. Вот, согласно этому источнику, другие постановления, о которых

23 брюмера. — Один гражданин, священнослужитель-протестант собрания, помещающегося в церкви св. Фомы Луврского, приносит в помещение Совета некоторые серебряные сосуды, которыми пользовались при службах этого культа.

Совет постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель собрания и предлагает гражданам отнести означенные сосуды в монетный двор, — что ими тотчас же и было сделано.

Священнослужитель-протестант передает серебряные сосуды, которыми пользовались при службах.

Шометт умалчивает. „Председатель запекает затем гимн марсельцев, припев которого подхватывается присутствующими гражданами. Революционный комитет уносит всех святых, церковные чаши и т. п. при торжественных кликах всего собрания“. И дальше: „Некоторые граждане-священники, и среди них гражданин Обер, приходский священник церкви св. Августина, в сопровождении всех своих vikariev, сдают свои священнические грамоты и заявляют Совету, что с этого момента они слагают с себя духовное звание, которому они вынуждены были посвятить себя по капризу своих родных и вследствие стечения разных обстоятельств. Они воздают хвалу философским воззрениям века и счастливы, что освободились от бремени, столь жестоко противоречащего требованиям природы. Многим из них Совет предлагает пройти в секретариат и там зарегистрировать свои заявления в особую для этого заведенную регистру. Заместитель прокурора коммуны представляет Совету различные реликвии с их этикетками. Среди них имеются, между прочим, три апостольских глаза из смоляных горошин, кусок платья богородицы, шелкового с тафтовой подкладкой, кусок жезла, которым Аарон извлек воду из скалы. Совет постановляет всю эту труху — предметы поклонения ханжей — передать в архив коммуны и затем предать сожжению вместе с другой накопившейся там мелочью“. И еще дальше. „По предложению одного из своих членов, полагающего, что необходимо снести все колокольни, которые высются над другими зданиями и как бы нарушают этим принципы равенства, Совет принимает это пожелание и постановляет оповестить об этом департамент. Генеральный совет постановляет сбить фигуры всех святых, вылепленные в портале храма разума... Секция Братства требует, в виде общей предохранительной меры, арестования всех священников, дабы предупредить всякие замыслы фанатиков и контрреволюционеров. Совет передает постановление секции Братства в администрацию полиции на предмет согласования действий последней с Революционным комитетом. Прокурор коммуны требует переименования палат больных в больницах и чтобы Дом господень (название первой и самой большой больницы в Париже того времени. — *Перев.*) был переименован в Дом человечества. Совет постановляет передать это предложение в администрацию общественных работ. Прокурор коммуны докладывает затем, что в госпиталях родильницы не имеют самого необходимого; он требует, чтобы администрация общественных работ приняла все меры к тому, чтобы улучшить эти учреждения как с точки зрения их чистоты, так и с точки зрения их приспособленности к лечению больных и к уходу за родильницами и новорожденными“.

В конце „Афиш“ находится следующее стихотворение:

„Это стихотворение должно быть вывешено в бывшей церкви парижской богородицы, ныне — храме разума.“

Французы, разум вас просвещает.
Приходите поклоняться ему в месте,
Где, под прикрытием таинства,
Священники обманывали наших предков.
Наконец-то непогрешимая природа,
Движимая свободой,
Превращает храм обмана
В дом истины.

Подписано: комиссары-редакторы
Блен, Пари и Гюйо“.

Один из членов представляет Совету священника Леписье, который, отслужив мессу, отправлялся к больным и который стал врачом. Совет приглашает его служить человечеству без всякого шарлатанства, постановляет отметить в протоколе его гражданскую добродетель и командует его в администрацию общественных заведений, где и дать ему по возможности соответствующую работу*.

24 брюмера. — Прокурор коммуны оглашает постановление, одобренное народными представителями и имеющее целью совершенно искоренить фанатизм и доставить нации денежные средства. Страсбургская коммуна приняла постановление народных представителей, возмещающих, что в их департаменте фанатизм близок к последнему своему издыханию.

„Moniteur“ не дает никаких других подробностей относительно этого заседания 18 брюмера, но отчет „Республиканского курьера“ и „Парижской газеты“ от 24 брюмера дополняет в двух отношениях интересными данными записи Шометта или „Афиш коммуны“. Вот какие подробности мы находим в этом новом источнике: „Перед оглашением протокола члены Революционного комитета секции Объединения представляются Совету с головами, покрытыми митрами, облаченные в нарамники, неся в руках церковные чаши, дароносицы, дары, епископские посохи, кресты, стяги и т. п. Церковные и синеголовые облачения католического и иудейского вероисповедания в этот момент переоблачения в пресловутую тунику, какую, по преданию, носил Моисей, оратор произносит свою философическую речь. Один из членов этой делегации замечает, что некоторые из только-что сданных предметов принадлежат лицам еврейской секты. Обмен мнений грозит стать бурным, когда один еврей, по имени Яков Бенжамен, положил ему конец, заявив, что он охотно отдает в пользу нации все, что ему принадлежит среди раввинской утвари, и что он предпочитает славное звание французского гражданина всем богатствам. Совет приветствует бескорыстие этого гражданина; председатель дает ему братский поцелуй. Один из членов Революционного комитета воздает хвалу патристическому рвению евреев, живущих в пределах секции Объединения. Постановление об отметке в протоколе гражданской добродетели евреев. Совет постановляет, что все реликвии израильского и папистского вероисповеданий, в том числе и моисеева туника, будут сданы в монетный двор“. И еще дальше. „Народное общество секции Музея врывается в помещение Совета с возгласами „да здравствует разум!“ и неся на наконецнике палки, остатки еще дымящейся книги; делегация Общества заявляет, что молитвенники, требники и другие книги св. Бригитты, ветхий и новый завет и пр. погибли в большом костре на площади храма Разума, искупив этим те глупости, которые они заставляли продлевать род людской“.

* Это постановление я нигде в другом месте не нахожу. Для этого заседания от 23 брюмера „Афиш коммуны“ (№ 141, от 24 брюмера) добавляет к тому, что сообщает Шометт, два новых факта. Гражданин Дютиль, жена его, и гражданка Монтгазон, их дочь, приносят в дар Совету гражданку, супруга его, и гражданку Монтгазон, их дочь, приносят в дар Совету церковную чашу, дискос и все облачения домашней часовни. Совет принял этот патристический дар с тем большим удовлетворением, что в 86-летнем возрасте трудно отказаться от своего суеверия. Этот дар, принесенный в пользу бедных, горячо приветствуется всеми присутствующими. Совет постановляет отметить в протоколе заседания гражданскую добродетель дарителей. Член Совета, гражданин Ловен, приглашенный коммуной Везелз приехать принять участие в завершении дела искоренения фанатизма в департаменте Ионны, сообщает об этом Совету, который утверждает это приглашение. Гражданин Ловен, получив таким образом разрешение исполнительной власти, просит о выдаче ему паспорта. Совет постановляет, что ввиду крайней спешности настоящего постановления будет ему служить паспорт, и уполномочивает своего вице-председателя и секретаря-регистратора подписать настоящее постановление и приложить печать коммуны“.

25 брюмера. — Декларация общего собрания секции Вооруженного человека о том, что она не признает больше иного культа кроме культа свободы и разума.

Совет постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель секции и напечатать в „Афишах“ постановление этой секции.

Секция Объединения докладывает о принятом ею постановлении, в котором она, в согласии с великими принципами философии и разума, заявляет, что она сделает распоряжение закрыть все церкви своего округа и снять с их постов всех священников.

Совет приветствует этот философический акт, постановляет отметить в протоколе его гражданскую добродетель и напечатать постановление секции в „Афишах“.

Секция Вильгельма Телля докладывает, что, отрекаясь от культа заблуждений и лжи и признавая лишь культ свободы и разума, она заявляет, что распорядится закрыть все церкви своего округа и снять с их постов всех священников.

Совет постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель этих философических актов.

Секция Муция Сцеволы, представленная множеством своих членов, заявляет, что она отрекается от католического вероисповедания. Она публично преклоняется пред истиной и разумом, и все присутствовавшие восклицают: „Да здравствует Республика!“ Оратор сообщает, что в ближайшей декаде секция поставит на главном алтаре церкви бюсты Марата, Лепелетье и Муция Сцеволы — трех святых, которые поважнее тех, что значатся в календарях.

Совет назначает четырнадцать комиссаров, которым поручает присутствовать на этом открытии.

Секция Пик докладывает, что она не признает иного культа кроме культа свободы и разума.

Совет постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель секции и напечатать в „Афишах“ речь ее оратора.

Секция Арсенала заявляет, что она не признает больше иного культа кроме культа свободы и разума.

Совет приветствует ее философское рвение и постановляет отметить это рвение в протоколе и напечатать ее заявление в „Афишах“.

26 брюмера. — Секция Рынков приходит в большом числе и заявляет, что она поклоняется разуму и философии, взяла из церквей все предметы, связанные с фанатизмом и суеверием, отослала св. Криспина на небеса, чтобы он там шил башмаки, а св. Магдалину отослала туда же, чтобы она там оплакивала свои грехи.

Братья милосердия сдают игрушки, которыми они ослепляли народ.

Генеральный совет постановляет отослать серебряные и бронзовые вещи Революционному комитету секции Единства, настоятельно приказав ему выполнить свой долг.

Секция Братства прибывает во множестве, чтобы доложить,

что она уволила всех своих священников и закрыла все церкви в своем округе.

Генеральный совет постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель секции и напечатать ее заявление в „Афишах коммуны“.

Администрация Кенз-Вен приносит предметы священнического шарлатанства, в том числе пресловутую рубашку св. Людовика, которая в действительности представляет собою обыкновенную женскую сорочку.

Генеральный совет постановляет, что эта сорочка будет сожжена в помещении Совета, что золотые и серебряные вещи будут

сданы в монетный двор; что же касается поведения администрации Кенз-Вен, отметить ее гражданскую добродетель в протоколе и напечатать об этом в „Афишах коммуны“.

27 брюмера. — Постановление Совета, которым предписывается комиссии паспортов усилить бдительность, когда будет подниматься вопрос о выдаче паспортов бывшим священникам.

По представлению прокурора коммуны Совет постановляет, что секциям будет предложено, следуя примеру секции Ломбардов, вынимать драгоценные камни из золотых и серебряных вещей и подвергать их до сдачи оценке и приказывает революционным комитетам, уже сдавшим в монетный двор драгоценную утварь разных вероисповеданий, отправиться туда в сопровождении экспертов, велеть вынуть камни из металлических оправ, составить о сделанном протоколы в присутствии двух членов Совета, которые возьмут с собою копии протоколов; постановляет, что они

немедленно отправят в национальное казначейство драгоценные камни и бриллианты; постановляет сверх того, что члены революционных комитетов должны подписать эти протоколы.

Секция Гренельского фонтана сообщает Совету о постановлении, согласно которому бывший приход св. Фомы Аквинского будет переименован в храм Братства и на основании которого праздник братства будет там отпразднован в присутствии всех установленных властей и всех народных обществ Парижа.

Совет приветствует удачный замысел этого праздника *.

Примида фримера **. — *Похороны*. По представлению прокурора коммуны Генеральный совет подтверждает свое постановление о том, что гражданский комиссар будет присутствовать при похоронах граждан, и постановляет, что комиссары, которые откажутся повиноваться решению Совета, будут уволены с занимаемых ими должностей.

Совет кроме того постановляет, что каждой секцией будет водружена вежа с флагом, на котором будет написано: „Человек праведный никогда не умирает: он живет в памяти своих сограждан“.

Постановляет, что вместо гробового покрова, употреблявшегося до настоящего времени, будет трехцветный покров.

Постановляет наконец, что администрации общественных учреждений будет предложено представить доклад о порядке похорон граждан и пр.

Секция Обсерватории заявляет, что не желает признавать иного культа кроме культа свободы и разума, и просит переименовать улицы, названные по имени святых.

Совет постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель секции.

* Запись об этом заседании 27 брюмера сделана у Шометта слишком кратко. В „Афишах коммуны“ (№ 145, от 28 брюмера) мы находим несколько других фактов. Секция Вооруженного человека заявляет, что она не признает больше иного культа „кроме культа свободы и разума“, и что „она просит, чтобы Совет установил порядок похорон наших братьев“. Совет постановляет, „что администрация общественных работ представит доклад о порядке похорон“ и т. д.

К этим различным фактам „Республиканский курьер“ и „Парижская газета“ от 29 брюмера добавляют следующий: секция Попенкур „также отрывается от папизма“. Наконец в „Moniteur“ от 29 брюмера (перепеч. в „Moniteur“ т. XVIII, стр. 451) мы читаем: „Народное общество секции Коммунального дома доносит, что ханжи и фанатички собираются вокруг чаш с освященной водой, и просит Совет принять меры к тому, чтобы подорвать у этих глупых людей надежду на возрождение религиозного фанатизма. Совет постановляет предложить коменданту принять необходимые меры, чтобы положить конец подобного рода собраниям“.

** Рукопись Шометта совсем обходит молчанием заседания 28 и 29 брюмера. Вот что мы находим о них в „Афишах“ и в газетах. *Заседание 28 брюмера* („Республиканский курьер“ и „Парижская газета“ от 30 брюмера). „Секция Обсерватории докладывает Совету, что она посвятила свой старый храм культу свободы и разума“. *Заседание 29 брюмера* („Афиши коммуны“ № 147, от 30 брюмера). „Секция Лепеллетье заявляет Совету, что она не признает больше иного культа, кроме культа свободы и разума. Этот прогресс философии приветствуется продолжительными аплодисментами“.

Секция Друзей отечества заявляет, что отныне она не будет признавать иного культа кроме культа свободы и равенства и иного божества кроме разума.

Совет приветствует эти настроения, постановляет отметить гражданскую добродетель секции и удостоверяет получение от нее ключей церкви.

Секция Елисейских полей делает подобное же заявление; Совет постановляет отметить в протоколе и ее гражданскую добродетель.

Заслушав протокол вскрытия раки св. Женевьевы, составленный комиссарами секции Французского Пантеона, Генеральный совет постановляет напечатать этот протокол в „Афишах“ и послать всем секциям и римскому папе. А по предложению одного из своих членов Генеральный совет постановляет предать сожжению на площади Коммунального дома найденные в раке кости и всякие церковные лохмотья.

По предложению одного из своих членов Совет постановляет предложить секциям назначить комиссаров на предмет проверки, находится ли рака в том состоянии, в каком она была до ее отправки в монетный двор *.

По предложению, сделанному секцией Кенз-Вен, — чтобы Генеральный совет посвятил церковь св. Антония свободе и распорядился воздвигнуть в ней алтарь, на котором горел бы постоянный огонь, поддерживаемый юными весталками, — Генеральный совет, принимая во внимание, что разум и истина противятся тому, чтобы какой бы то ни было образ занимал взоры и воображение народа, постановляет, что никакой материальный знак, каков бы он ни был, не будет воздвигнут ни в одном храме и что здоровая мораль и республиканские принципы являются един-

* Вот что говорят „Афиши коммуны“ (№ 148, от 2 фримера) об этом инциденте с ракой св. Женевьевы: „Комиссары, которым поручено было составить опись раки св. Женевьевы, прибывают в заседание Совета и оглашают составленный ими протокол вскрытия раки. Они ставят перед председателем что-то вроде небольшого гроба, описанного в протоколе, который Совет постановил напечатать в „Афишах“. Мы его дадим незамедлительно. По оглашении протокола постановлено было раку и все, что она содержит, предать сожжению перед коммунальным домом. Это постановление было немедленно приведено в исполнение“. Протокол, о котором идет речь, можно найти в „Афишах коммуны“, № 149 и 150. Отчет в „Moniteur“ от 3 фримера об инциденте с ракой св. Женевьевы заключает новые подробности. Вот они: „Совет заслушивает затем чтение протокола вскрытия раки св. Женевьевы и постановляет разослать этот протокол всем секциям, а также и римскому папе. Он постановляет сверх того, что кости и всякие лохмотья, находившиеся в этом ящике, будут тотчас же сожжены на Гревской площади, дабы исклупить то преступление, что они служили для распространения заблуждения и для поддержания роскошного существования стольких бездельников. За оболочку раки выручено было 23 840 ливров. Один из членов замечает, что эта выручка представляется ему слишком скудной, если принять во внимание, что трудно было выносить блеск бриллиантов, украшавших раку. Докладчик возражает, что все украшения раки находятся еще в своем прежнем состоянии и что значительное большинство драгоценных камней фальшивы и особенно знаменитый букет, который не имел бы цены, если бы был из настоящих камней. Совет постановляет предложить секциям назначить комиссаров для проверки, находятся ли означенные вещи в том же состоянии, в каком они были до отсылки раки в монетный двор“.

ственными вещами, которые должны поражать не зрение, но слух и ум людей.

Совет заслушивает письмо прокурора коммуны Освобожденного города, в котором прокурор отдает отчет о гражданском празднике, имевшем место в его коммуне в честь патриота Шалье. На этом празднике, после того, как важно водили осла, нагруженного религиозными инструментами — церковными чашами, дароносицами и т. д. и церковным облачением, — устроили веселый костер из священнической рвани, а потом вазы выменяли на наличные деньги, которые будут расходоваться на благо Республики.

Совет приветствует энергию прокурора коммуны Освобожденного города, постановляет опубликовать его письмо в „Афишах“ и отметить в протоколе заседания.

Дюоди фримера. — Ничего *.

Триди фримера. — Постановление о закрытии зданий, служащих для религиозных служб всех вероисповеданий, и об увольнении священников со всех занимаемых ими постов в церквях, административных учреждениях, производствах и пр.

Этот закон был отменен в нониди месяца фримера **.

Секция Республики заявляет, что она не исповедует отныне иной религии кроме религии истины и разума. Совет приветствует это заявление и постановляет отметить в протоколе гражданскую добродетель секции.

Квартиди фримера. — Ничего.

Квинтиди фримера. — По представлению прокурора коммуны Совет отменяет ст. 5 своего постановления от 3 фримера о священниках, статью, в которой находятся следующие слова: „По какому бы то ни было роду занятий ***“.

* Мы находим однако один факт, касающийся постановления Совета о погребениях. Вот он: „Делегаты секции Гренельского фонтана докладывают, что общее собрание их секции приветствовало постановление Генерального совета относительно порядка погребения граждан, причем во главе процессии должен находиться гражданский комиссар. Делегаты заявляют однако Совету, что их секция находится в особом положении по сравнению с другими секциями. Их кладбище расположено вблизи Вожирар, и зимою по той дороге невозможно ходить. Они просят поэтому, чтобы согласно старому, давно установившемуся у них обычаю трупы умерших оставались в особом помещении и ранним утром отвозились в место их последнего приюта на специально для того предназначенной небольшой повозке. Совет передает это заявление в администрацию общественных работ, которой поручает представить в самом скором времени доклад о кладбищах“.

** Вот как мельком переписчик Шометта сообщает о чрезвычайно важном постановлении от 3 фримера о закрытии церквей. Это постановление напечатано было отдельно в виде афиши. Ему предшествовала большая речь Шометта, по представлению которого постановление было затем принято. В „Афишах коммуны“ эта речь дана в очень кратком изложении. „Moniteur“, наоборот, напечатал ее целиком в номере от 6 фримера.

*** Вот касающееся этого факта место „Афиш коммуны“ (№ 102, от 6 фримера): „Прокурор коммуны выступил против сделанного в заседании триди фримера постановления о священниках, которое ему приписывается и которое заключает в себе резко противоречащие принципам человечества и Декларации прав человека требования; он протестует против статей этого постановления, нарушающих Декларацию, и главным образом против ст. 5, гласящей: „Конвенту будет представлена петиция, предлагающая ему издать

Секция Вильгельма Телля заявляет, что она отрекается от католической религии, и представляет отчет о торжестве, имевшем место в бывшем приходе этой секции.

Совет предлагает секции не ставить никакой статуи и не сжигать никаких книг*.

Октиди фримера. — Ничего.

Нонида фримера. — По представлению прокурора коммуны Совет 1) постановляет, что Совет не будет допускать никаких предложений, петиций или представлений, касающихся какого-либо культа или каких-либо метафизических или религиозных идей; 2) заявляет, что, так как существует полная свобода исповеданий, он никогда не имел и не будет иметь намерения препятствовать гражданам нанимать дома, оплачивать священнослужителей какого бы то ни было культа, при том однако условии, чтобы отправление богослужения не приносило вреда обществу, публично себя проявляя; что вместе с тем он заставит уважать волю секций, отрекшихся от католического вероисповедания и признающих лишь культ разума, свободы и республиканских добродетелей**.

декрет, исключающий священников из всякого рода учреждений и их администраций, равно как из изготовляющих оружие заведений, по какому бы то ни было роду занятий". Прокурор коммуны просит и Совет постановляет внести в протокол заседания следующее его представление: "Я читал принятое Советом 3 фримера постановление, в котором ложно указано, что оно принято по представлению прокурора коммуны. Не мог я ни в каком случае требовать принятия тех статей, которые содержат в себе это постановление; я их отвергаю и требую их отмены, поскольку они могут лишь содействовать пробуждению и ожесточению фанатизма и поскольку они направлены к тому, чтобы препятствовать бывшим священникам снискивать себе средства к существованию каким бы то ни было трудом". Совет отвергает ту часть ст. 5 своего постановления от 3 фримера, в которой заключаются слова "по какому бы то ни было роду занятий", заявляя при этом, что он никогда не имел в виду лишать возможности зарабатывать на жизнь бывших священников, которые занимались бы каким-либо ремеслом или какой-либо профессией". В заседании 13 фримера Шометт обвинял Дюнуи в том, что тот был вдохновителем ст. 5 постановления 3 фримера: "Я обвиняю его в том, что он составил и что по его представлению принято было постановление, клонящееся к обострению фанатизма, — постановление, которое клонилось к тому, чтобы лишить священников права заниматься каким-либо трудом в мануфактурах" ("Moniteur" от 15 фримера). Дюнуи был устранен из Генерального совета.

* Об этом заседании 8 фримера мы находим однако в "Республиканском курьере" и в "Парижской газете" от 10 фримера следующий факт: "Народное общество секции Горы просило Совет назначить комиссаров для принятия участия в празднестве свободы, которое должно иметь место в ближайшей декаде. Председатель ответил, что Совет не может принять участия в празднестве, опасаясь, чтобы вместо старого алтаря не был воздвигнут какой-нибудь новый алтарь и чтобы старые божества не были заменены новыми божествами. Председатель кроме того заметил, что смертные должны поклоняться верховному существу под открытым небом. Совет — прибавил он — любит свободу, но он не допускает публичного культа ни для какого идола. Это создавало бы опасность, что у нового алтаря могут появиться новые священники и фанатизм может возродиться как-нибудь из своих руин".

** Это постановление от 9 фримера, которым Генеральный совет отменил свое постановление от 3 фримера, является со стороны Шометта, по представлению которого приняты были оба постановления, настоящим отречением, гораздо более серьезным, чем его первое отступление 5 фримера. Вот по этому поводу заметка Леонардо Галлуа в "Moniteur": "Очевидно Шометт заговорил совсем другим языком. Он слышал, как Дантон рывал

13 фримера. — Письмо коммуны Санлис оповещает Совет, что фанатизм сокрушен в этой коммуне и что лавочки священников и их шарлатанство уничтожены.

Совет постановляет напечатать это письмо в "Афишах коммуны" *.

против всяких антирелигиозных маскарадов; он слышал, как Робеспьер говорил, что те, кто хочет мешать священникам служить мессе, более фанатичны, чем сами священники. И Шометт вынужден был изменить свои взгляды. Но встретил резкую оппозицию в Генеральном совете, ибо культ разума имел уже своих крайних сторонников". Вслед за представлением прокурора коммуны "некоторые члены, — говорит "Moniteur", — просят слова, чтобы высказаться против Шометта". Но Шометт ссылается на Декларацию прав человека, и мер заявляет, что он призовет к порядку "всякого, кто позволит себе оспорить какую-нибудь статью Декларации прав человека". Вот что "Газета Горы" сообщает о последовавших прениях: "Благоговейное молчание наступило после этой речи, и оно нарушено было лишь несколькими замечаниями, вызванными опасениями, как бы суеверие снова не стало властвовать над людьми; легкий спор возник на этой почве. Шумные аплодисменты показали прокурору коммуны, что голос истины не тщетно раздастся. Один из членов вздумал высказываться против Декларации прав человека, — тогда гражданин мер заявил, что он станет призывать к порядку тех, кто дерзнет оспаривать основы нашей конституции. И снова воцарилось молчание. Предложенное Шометтом второе чтение его представления убедило всех колеблющихся. Представление и постановление поставлены были на голоса и приняты громадным большинством".

* Письмо коммуны Санлис было опубликовано в "Афишах коммуны" (№ 163, от 18 фримера). Коммуна Санлис поздравляла Парижскую коммуну по случаю принятия последней своего постановления от 3 фримера. Еще два месяца тому назад, — говорится в письме, — народное общество Санлис постановило исключить из своей среды всех священников, а месяц тому назад были устроены танцы в бывшей приходской церкви этой коммуны. "Вы видите, что общество Санлис не отставало и что оно приняло надлежащие меры еще прежде, чем эти личности (священники), всегда коварные, прибавили ко всем своим хитростям еще новую хитрость, а именно — еще прежде, чем они отослали нам несколько старых пергаментов (священнические грамоты), которые ни на что больше уже не годятся".

22. Статья, напечатанная в газете „Антифедералист“, органе Комитета общественного спасения, по вопросу о религии (18 брюмера 2-го года)

Часто говорят, что между королями и священниками существует тайное соглашение с целью держать людей в нищете и порабощении. Клобук и царский венец, сотканные из одних и тех же ниток, оба покрывают голову тирании. Так называемых государей больше не существует. Конец Капета был последним и самым убедительным нашим аргументом против королевской власти. Необходимо, чтобы священники также были уничтожены. И церковная кафедра, подобно трону, не должна больше стоять, когда мы имеем трибуны для речей. Что же, римская церковь желает разве пережить своих старших сыновей? Льстит ли она себя надеждою вечно существовать?

Я знаю, что заблуждения церкви облегчают слабых духом и помогают им мужественно переносить превратности судьбы, несправедливость богатых и терзания завистливых. Хочется лелеять надежду, что наступит день, который принесет возмещение за столько страданий. Но зачем ожидать от римской церкви того, что мы можем получить из источника, более чистого? Разве мысль о справедливом существе не должна вызывать такие же чувства, не должна вливать струи радости в обремененную страданиями жизнь, не должна смягчать мучительный путь, ведущий нас в гроб? Неужто же людям приходится покупать счастье за счет правды? Разве отвлекать людей от действительных бедствий, заставлять их забывать настоящее ради будущего — не значит стремиться сделать их несчастными? И такая мораль разве не служит всецело интересам деспотизма? Разве она не является творением всяких честолюбцев, которые, мало ужасаясь при мысли о страданиях будущей жизни и думая лишь об удовольствиях жизни здешней, пускают все в ход, чтобы убедить народ, будто бог священников приуготовил ему лучшую участь? Разве не поставили они терпение в число наиболее угодных небу добродетелей? Ведь чем меньше проявляют кедовольства страданиями земной жизни, тем больше приобретают прав на божью милость.

Да, конечно несчастные, измученные нищетой и унижениями, должны были вздыхать о благах религии. Но граждане, которые могут спокойно пользоваться плодами труда своего и всеми своими

естественными правами, люди, которых не сгибает ярмо деспотизма, люди, равные друг другу, люди-братья не нуждаются в таких средствах утешения. Они знают, что счастье является целью общественных добродетелей, что уважение и достаток являются уделом полезных граждан, что закон одинаково направлен и против гордецов и против эгоистов. Фанатического заговорщика страх не удерживает. Молитвы и смерть должны, по его представлению, искупить его преступления. Он радостно идет на казнь. Но гражданин, воспитавшийся на культе отечества, прекрасно знает, что слезы и всякие гримасы не могут заставить умолкнуть нарушенные законы и что преступникам никогда не приходится надеяться на прощение.

Говорят, что народ еще не созрел для такого порядка вещей. Но если вы станете поддерживать его предрассудки, если вы позволите священникам продолжать свое дело, вы всячески будете питать заблуждения, вы увековечите обаяние лжи, вы еще более углубите раны, причиненные предрассудками сердцу человеческого. Впрочем священники следуют за потоком общественного мнения. Они признаются в своем шарлатанстве. И так как эти честные люди признают, к каким хитрым уловкам им приходится прибегать при выполнении своего ремесла, то можно ли продолжать проповедывание и поддерживать их веру?

23. Народные представители, комиссары Конвента, в борьбе с религией и церковью

Лекинио и Ланьело, народные представители, члены комиссии в департаменте Нижней Шаранты—Национальному конвенту

Рошфор, 2-й день 2-й декады
2-го месяца 2-го года.

Мы идем от одного чуда к другому, граждане товарищи наши, и скоро мы будем испытывать лишь сожаление, что нам не осталось больше делать никаких чудес. Восемь благословителей (bénisseurs) католического культа и один священнослужитель протестантского культа сложили с себя священнический сан в четверг, последний день декады, в присутствии огромной толпы народа, собравшегося в храме Истины, бывшей здешней приходской церкви. Они, под шумные аплодисменты массы народа, толпившейся внутри храма и вокруг него, поклялись учить отныне лишь великим принципам морали и здоровой философии, проповедывать против всякой политической и религиозной тирании и начать наконец показывать людям светоч разума; они скрепили свою клятву сожжением в наполненной ладаном вазе своих священнических грамот, которые впервые распространили вокруг себя приятный аромат. И весь собравшийся народ — как протестанты, так и католики — клялся вместе с ними, с ликованием и энтузиазмом, предав забвению свои старые суеверия, свою старую борьбу, которая так долго заливала всю страну французскою кровью, проливавшеюся королями и священниками. И отныне в здешнем городе будет лишь один способ проповедывать мораль, один лишь храм — храм Истины, одно лишь место для погребения безжизненных останков человека, которые суеверие беспрестанно возрождало, чтобы терзать ими живых.

Большой плакат с Декларацией прав человека заменит дарохранилище с смехотворными и глупыми таинствами, а на нескольких других плакатах, которые будут развешены по стенам, будет начертана наша конституция. Так как с нами не было таких плакатов, то мы временно ограничились тем, что положили в дарохранилище по одному экземпляру in-8° Декларации прав человека и конституционного акта, подписанных нами, мером, прокурором коммуны и

председателем народного общества. Эта невиданная до сих пор сцена прошла при всеобщем энтузиазме, не поддающемся никакому описанию. Но нужно вам сказать, что эта сцена явилась продолжением гражданского праздника, когда весь народ, все должностные лица и мы отправились на городскую площадь воздать почести памяти двух героев-республиканцев, двух санкюлотов, умерших славною смертью, защищая свободу, — граждан Мюлона и Тартю, которые оба родились плебеями, оба начали с простых матросов и оба возвысились, благодаря своим гражданским добродетелям и своим талантам, до чина судового капитана, который при старом режиме им был совершенно недоступен. Первый из них командовал фрегатом „Клеопатра“. Его смерть в пылу сражения против двух английских фрегатов, из которых один был им захвачен, повлекла за собою потерю его фрегата.

У Тартю снарядом оторвало бедро. Четверть часа прожил он после этого тяжелого ранения, и эти четверть часа он употребил на то, чтобы подбодрить команду своего судна и дать урок патриотизма сыну своему, служившему на судне начинающим матросом. „Умираю за свободу моей страны, умираю довольный, научись сражаться за нее и будь всегда врагом тиранов“. Таковы были его последние слова, обращенные к этому юноше, которому он завещал отомстить за его смерть. Фрегат „Урания“, которым командовал этот славный человек, уже захватил несколько судов и имел на своем борту двести пятьдесят пленных испанцев, которые мешали ему свободно маневрировать. Он нанес полное поражение английскому фрегату, но не был в состоянии его захватить. Он вернулся в здешний порт, ведя за собою захваченный им несколько дней тому назад английский корвет. Вся национальная гвардия, все моряки, весь народ, все должностные лица присутствовали при открытии мавзолея, воздвигнутого на городской площади памяти этих двух героев республиканского флота, и мы назвали именем Тартю фрегат, которым командовал этот капитан и который раньше назывался „Урания“. Муниципалитет вам пошлет протокол этого праздника и вам опишет некоторые другие стороны его, которых мы не касаемся. Муниципалитет установил день отдыха по республиканскому счислению, а мы особым декретом провели этот новый порядок в работах порта. Не было ни одного выражения недовольства новым порядком, и вчерашний день все старые святые исчезли, и никто даже не удостоил обратить на это внимание.

Мы сочли своим долгом вознаградить за их мужество священников-философов, которые раньше всех других решились столь энергично сбросить с себя иго суеверия. Мы им обеспечили пожизненную пенсию в 1 200 ливров, таковою шестеро из них уже пользовались в качестве приходских священников; двое других в качестве полковых священников получали лишь по 100 пистолей. Но они все отличаются одинаковой добродетелью, и мы их сочли достойными получать одинаковое содержание. Вам остается изменить то, что вы найдете неправильным в нашем постановлении, которое мы при сем прилагаем. Мы считаем себя сверх того пред лицом правды обязанными сказать вам, что эти восемь бывших священников не

ожидали от нас ничего, некоторые из них оповестили нас о своем решении, но мы не дали им никакого повода рассчитывать на какую-либо милость, питать какую-либо надежду на вознаграждение. Они, может быть, возлагали надежду на великодушные французского народа — и в этом отношении они не ошиблись. Вот имена этих священников-философов: *Масдебор*, бывший полковой священник 4-го флотского полка; *Жан-Робер Кенэ*, приходский священник в Сен-Ипполит; *Гюи Бопуаль*, викарий в Маренн; *Никола Плюшонно*, священник флотского госпиталя; *Франсуа-Рене-Огюст Лейде*, приходский священник церкви рошфорской богородицы; *Антуан Шемино*, приходский священник в Фура; *Базиль*, приходский священник в Сен-Назэр, округа Маренн, и *Бонно*, приходский священник коммуны Олон.

Препровождаем вам копию нашего постановления, подписанную первыми пятью; остальные трое, которые не могли прибыть, написали нам письма, которые мы огласили перед народом и которые мы сдаем вместе с подлинными нашими постановлениями в муниципалитет Рошфора.

Здесь все пойдет гладко. Народ сам устремляется к светочу разума, который мы ему показываем ласково и по-братски. Революционный трибунал, учрежденный нами, расправится с аристократами, а гильотина покончит с изменниками.

Присяга.

Лекинио, Лэньело.

Мы, священники, приведенные к присяге по республиканской конституции Франции и преданные душой и телом всем законам Республики, признавая очевидность философских истин, породивших нынешний режим, сокрушающий все виды тирании, и желая дать недвусмысленное доказательство нашего патриотизма и нашей любви к свободе и равенству, равно как и всецело одушевляющего нас желания искренне и твердо способствовать счастью людей, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, — мы обещаем, как только-что клялись на кафедре в присутствии народа в храме Истины, некогда приходской церкви здешнего города, быть отныне лишь проповедниками морали, обучать лишь принципам честного разума, развивать лишь начала здоровой философии и учить всех людей, к каким бы странам они ни принадлежали, лишь тому, чтобы они помогали друг другу, друг друга поддерживали и защищали свою свободу против всяких политических и религиозных тиранов.

Рошфор, последний день 1-й декады 2-го месяца 2-го года республики, единой и неделимой.

Подписали: Франсуа Масдебор, бывший полковой священник 4-го флотского полка; Кенэ, бывший приходский священник в Сен-Ипполит; Лейде, бывший приходский священник в церкви богородицы; Никола Плюшонно, бывший священник флотского госпиталя; Гюи Бопуаль, бывший приходский священник в Маренн и викарий в Бург-Сефран, принадлежащий к мареннскому приходу.

Верность настоящей копии с актом, нам представленным и сданным нам в рошфорский муниципалитет, удостоверяем:

*Лекинио, народный представитель;
Лэньело, народный представитель.*

Постановление.

Мы, представители французского народа, командированные в департамент Нижней Шаранты, с удовлетворением воздавая хвалу мужеству и философскому духу граждан *Франсуа Масдебор*, священника 4-го флотского полка, *Жана-Робера Кенэ*, приходского священника в Сен-Ипполит, *Гюи Бопуаль*, викария в Маренн, *Никола Плюшонно*, священника в флотском госпитале, *Франсуа-Рене-Огюста Лейде*, приходского священника церкви рошфорской богородицы, которые пришли сегодня в храм Истины, некогда приходскую церковь здешнего города, воздать хвалу разуму и истине и сжечь свои священнические грамоты в присутствии массы народа, пред которым они клялись быть отныне только проповедниками морали, обучать лишь принципам разума, развивать лишь начала здоровой философии и учить всех людей, к каким бы странам они ни принадлежали, лишь тому, чтобы они любили друг друга, друг другу помогали и защищали свою свободу против всякого рода политических и религиозных тиранов, и, принимая во внимание, что французский народ, всегда великодушный и справедливый, не может отказать в достаточном содержании гражданам, которые, избрав под влиянием обстоятельств и всех пороков старого строя, профессию, покоившуюся лишь на невежестве народа и на необходимости поддерживать деспотизм трона путем обмана простых и непросвещенных людей, очутились в настоящее время вне возможности обучиться какой-либо иной профессии; желая к тому же вознаградить этих добродетельных граждан, которые первыми решились сбросить иго суеверия и папистского господства, —

мы постановляем, что поименованные выше граждане будут пользоваться до конца своей жизни пенсией в 1 200 ливров, которая будет им выплачиваться по четвертям года, и что они смогут перебраться в какую им угодно будет местность Республики, где они будут жить, находясь под надзором местных муниципалитетов и подчиняясь всем законам Республики. При этом они будут иметь право всюду распространять те великие принципы разума и философии, которые привели их к совершению их мужественного акта. Они представятся в округ, в состав которого входит муниципалитет той местности, где они поселятся, и которому мы предписываем зарегистрировать настоящее постановление по подписанной нами копии, какая им будет выдана, и выплачивать им упомянутую выше пенсию. Настоящее постановление распространяется на граждан *Антуана Шемино*, приходского священника в Фура, *Базиль*, приходского священника в Сен-Назэр, округа Маренн, и *Бонно*, приходского священника коммуны Олон, из которых первый препроводил нам свои священнические грамоты на предмет их сожжения, что и было сделано

в присутствии народа, а два остальных написали нам, что отрекаются от лживой профессии, которою столько веков пользовались, чтобы держать народ в ослеплении, в рабстве и в нищете.

Рошфор, последний день 1-й декады 2-го месяца 2-го года Французской республики, единой и неделимой.

Оригинал упомянутого выше заявления, нам врученный, сдан нами в муниципалитет Рошфора.

Лекинио, Лэнгело

* * *

Гражданин Казалис, викарий в бывшем аббатстве Сен-Жермен-де-Пре, бывший священник церкви св. Женевьевы, но якобинец с 1789 г., представил грамоты духовного звания, которое он с себя сложил и от которого торжественно отрекается. Он ходатайствует, о том, чтобы быть полезным и чтобы ему не приходилось есть хлеб Республики, ничего не делая.

Передано в Законодательный комитет.

Следует письмо гражданина Казалиса:

„Граждане народные представители.

Бывший священник церкви св. Женевьевы, но якобинец с 89 года, при сем препровождаю грамоты, связывавшие меня с званием, от которого я отказался и от которого ныне торжественно отрекаюсь.

Неся в течение 20 лет сан приходского священника, я всегда был слишком философом, чтобы быть суеверным и поддерживать суеверие. Друг человечества, я любил свое звание, потому что оно мне давало возможность быть полезным то духовной помощью и утешениями, то облегчением страданий, которое я мог доставлять несчастным. Я постоянно проповедывал принципы революции, и я старался внушать любовь к священным правам свободы и равенства.

Мой церковный приход был уничтожен в 91 г., и с тех пор я оставался викарием в бывшем аббатстве Сен-Жермен-де-Пре. Получая содержание от нации, я желал бы ей быть полезен, а не есть хлеб Республики, ничего для нее не делая.

Мне тяжело, граждане народные представители, и я не могу жить под тяжким бременем позора. Я прошу от вашей справедливости, — ибо я считаю, что заслужил ее своей искренней и безусловной преданностью революции, — я прошу, чтобы вы меня вернули в ряды среднего класса и чтобы мне даны были права гражданина, и, так как я никогда не принимал участия в коалиции религиозного фанатизма, я не должен подлежать изгнанию, которого вполне заслуживает общественная гнусность.

Объявите, законодатели, что вы не признаете священников, что вы знаете только людей, которые должны служить своему отечеству и которых закон подавляет, когда они изменяют интересам народа.

15 брюмера 2-го года Республики, единой и неделимой.

Казалис“.

Народное общество Меннеси департамента Сены и Уазы, округа Корбей — своим законодателям

Республиканцы.

Санкюлоты коммуны Меннеси, составляющие Народное общество, поздравляют Национальный конвент с его работами, приветствуют дни 31 мая, 1 и 2 июня, равно как и сильные меры, принимаемые им для консолидации свободы и равенства, и приглашают его оставаться на своем посту до тех пор, пока Республика не будет очищена от своих тиранов и их наемников, пока аристократия не разобьется о подножье вашей священной Горы.

Считая наши дни по вашим добрым делам, мы пришли предложить вам дань нашей признательности.

Народное общество Меннеси знает о злоупотреблении предрасудками и о том, что необходимо, чтобы народ руководился впредь только здоровой моралью свободы и равенства, — моралью, убивающею фанатизм, которым священники пользовались, чтобы соблазнить мало просвещенных граждан.

Имя бывшего дворянина и присутствие приходского священника — вот два существа, которых общество желает предать забвению. Руководясь этим принципом, Общество обязуется охранять подавляемого, облегчать положение неимущего и приносить утешение умирающему.

Общество просит, чтобы вы, законодатели, сообразовали декреты:

1) чтобы с сегодняшнего дня коммуна Меннеси не имела больше приходского священника;

2) чтобы церковный дом был незамедлительно пущен в продажу в качестве национального имущества, равно как не проданные еще земли, числящиеся за приходом;

3) чтобы здание, ранее служившее церковью, стало местом заседаний Народного общества; чтобы соответственно этому бюсты Марата и Лепелетье заняли место статуй св. Петра и св. Дениса, бывших святых угодников общины; чтобы посредине алтаря поставлена была статуя свободы; наконец, чтобы всякие знаки фанатизма исчезли пред знаками свободы,

4) и чтобы коммуна Меннеси — Город короля — впредь именовалась коммуна Меннеси-Марат.

Мы пришли предложить вам от имени Народного общества 1500 ливров жалованья, которые нация выплачивала нашему приходскому священнику, всю его рухлядь, серебряную церковную утварь, чтобы пустить ее в плавильный тигель свободы, медные вещи, чтобы перелить их в пушки, которые, поддерживая мужество наших молодых республиканцев, перебьют наших тиранов, и белое для перевязки ран наших храбрых санкюлотов.

(Следуют 56 подписей).

Извлечение из регистра совещаний Директории департамента Нижней Шаранты

Публичное заседание 10 числа 2-го месяца

Сегодня, в 10-й день 2-го месяца 2-го года Республики, когда Директория департамента Нижней Шаранты собралась в обычном помещении своих заседаний, один из ее членов сказал:

Граждане!

После того, как мы разрушили трон, низвергли королей, изгнали дворянство, уничтожили все суеверия, связанные со всем старым строем, нам осталось сделать еще один большой шаг по направлению к философии, остается побороть еще одно, быть может, еще более постыдное, еще более унижительное суеверие, которое вот уже 17 веков держит сменявшиеся поколения под гнусным игом священников. Чтобы окончательно сломить его, мы должны в настоящее время объединить наши усилия, и для достижения этого будем неперестанно повторять нашим согражданам ту великую истину, что во все времена, во всех странах короли, дворяне и священники объединялись против народа, чтобы делить между собою ту добычу, которую они с него собирали. Сорвем с этих фанатичных спесивых бонз лицемерную маску, с помощью которой они так долго злоупотребляли нашей доверчивостью. Вытравим, если это только возможно, самое воспоминание об их былом могуществе! Пусть все эти суеверные идолы, свидетельствующие о слабости и недоумии наших предков, исчезнут с лица земли, на которой воцарилась свобода! Французская нация должна отныне преклоняться лишь перед разумом и справедливостью! Пусть все смехотворные наименования святых, которые даются коммунам, будут заменены более достойными свободы названиями! Пусть отныне, отказавшись от постыдного заблуждения, земледелец, ремесленник, коммерсант и все прочие граждане предаются своим обычным занятиям первые девять дней каждой декады! Пусть только последний день, посвященный отдыху, будет днем патриотических развлечений и освежения. Вырвем наконец до самых глубоких корней древнее дерево суеверия. И таким-то способом, граждане, мы ускорим наступление той счастливой революции, когда французский народ не будет знать другого идола кроме свободы, другого культа кроме исполнения своих гражданских обязанностей“.

Выслушав и обсудив эту речь, Директория департамента Нижней Шаранты,

принимая во внимание, что фанатизм и суеверие были во все времена источником бедствий для народа, что народ философический и великодушный, завоевавший себе свободу на обломках религиозных предрассудков, должен уничтожить все учреждения, которые могут ему напоминать об его былом порабощении;

принимая во внимание, что дни, известные под названием воскресных и праздничных, напоминают представление о господствующей религии и отнимают у земледелия и ремесл ценное время, которое является потерей для общества;

заслушав отзыв заместителя главного прокурора по общинным делам, постановляет нижеследующее:

„Ст. I. В течение первых девяти дней каждой декады все государственные чиновники, доверенные и служащие администрации, предприниматели, ведущие работы за счет Республики, обязаны находиться на месте своей службы и выполнять свой обычный труд.

Ст. II. Муниципалитеты будут на своей территории следить за тем, чтобы лавки и мастерские были в те же дни открыты для публики.

Ст. III. В последний день каждой декады, посвященный отдыху, никто не может быть принуждаем к работе, если это не требуется в интересах общественных служб.

Ст. IV. В течение восьми дней по получении настоящего постановления окружные правления представят в администрацию департамента список коммун, названия которых напоминают времена суеверий и феодализма, с присоединением их мнения о том, какими названиями их следует заменить.

Ст. V. Административным органам поручается, каждому по принадлежности, следить за выполнением перечисленных выше постановлений; народным обществам предлагается усилить свое рвение и свою деятельность по пропаганде принципов, долженствующих ускорить уничтожение предрассудков.

Ст. VI. Настоящее постановление, утвержденное представителями народа, делегированными в наш департамент, будет распоряжением заместителя главного прокурора по общинным делам напечатано, прочитано, распубликовано, расклеено и разослано окружным правлениям, а последними переслано муниципалитетам и народным обществам их округа.

В Сенте, в публичном заседании, в указанные выше день, месяц и год.

Подписали:

Ардуен, Савари, Маршан-сын, Марсела, Беро, Бужю, Бартеlemi, Леваллуа, заместитель главного прокурора по общинным делам, и Эмон, генеральный секретарь.

С подлинным верно:

Марсела, старшина; Самсон, за генерального секретаря“.

Донесение из департамента Невер

Представитель народа в департаментах Центра и Запада, установивший в этом департаменте все дни суеверия празднествами в честь свободы, религии морали и культа всех добродетелей, наметив настоящий день для открытия памятника Бруту и желая достойным французского народа образом почтить старость и несчастье, — явился в директорию департамента и предписал всем административным и судебным учреждениям названного департамента,

а равно и всем обществам и случайно находящемуся в городе отряду кавалерии, принять участие в этом республиканском празднестве...

...С рассветом этого дня выстрел из пушки призывал всех граждан занять их место в празднестве.

Около 10 часов утра неумолимое правосудие наложило свою руку на трех преступников, составлявших ужас общества. Таким образом оно при помощи страха подготовило души к тому, чтобы сильнее почувствовать сладостные прелести природы и святого братства. К часу дня более приятные и более подходящие для человеческого сердца чувства успели заменить те, которые были вызваны общественным негодованием и ужасом преступления...

Что за великолепная картина.

Граждане, торжественно несущие полезные орудия, дающие жизнь общественному организму; бюст Брута, величественно покоящийся на плечах республиканцев и окруженный сынами нации; представитель свободного и добродетельного народа посреди шествия почетных стариков, немощных и бедняков, окруженных его отцовскими заботами и с венками из колосьев на головах; и наконец толпа граждан без различия пола и возраста, оглашающая воздух криками радости и благодарности...

...Пройдя по улицам города, шествие направилось затем в кафедральный собор, как наиболее обширное помещение, лучше других приспособленное для того, чтобы вместить столь многочисленное собрание граждан. Народный представитель в краткой речи, свободно вылившейся из его души и простой, как сама природа, заставил граждан почувствовать вопиющий контраст двух совершившихся в этот день событий. Как убежденный апостол свободы, он прославил величественные добродетели божества этого праздника — Брута и, говоря гражданам об их правах, он не забыл подчеркнуть им их обязанности. После этого представителю народа принял от граждан присягу принести в жертву отечеству наиболее дорогие привязанности и попать ногами какие бы то ни было соображения, едва дело коснется блага Республики. Эта присяга была покрыта возгласами: „Да здравствует Республика! Да здравствует Гора! Да здравствует Национальный конвент!“

После этого, впервые, может быть, за все время их существования, готические своды этого собора, памятника порабощения народа и тирании сильных, огласились энергичными словами истины, очищенной от гнусной примеси религиозных софизмов и невежественных предрассудков. Шометт, гражданин этого города и генеральный прокурор-синдик Парижской коммуны, в произнесенной им мужественной и сильной речи, отметив отличающую жителей департамента Невер природную доброту, указал на опасность, могущую возникнуть в случае, если эта доброта, предоставленная сама себе, превратится в слабость. Он указал собранию на мелких тиранов, стремящихся посредством своих интриг заменить своих прежних хозяев; затем, описав широкими штрихами революционный гений, долженствующий служить рулевым на корабле Республики, и прославив достоинства и могущество народа, он закончил характеристикой нескольких черт древнего Брута, при-

меняя их к современным обстоятельствам и приглашая своих сограждан применить на практике те республиканские добродетели, в честь которых устроено настоящее празднество.

После этого шествие направилось к месту заседаний народного общества. Бюст Брута, сопровождаемый депутациями всех обществ департамента и предшествуемый представителем народа, был под звуки величественной музыки и под приветственные крики граждан водружен на его постамент.

Председатель Неверского общества произнес речь, проникнутую той общественной моралью, которая должна составлять катехизис свободных людей и которую нельзя анализировать, а можно лишь охарактеризовать словами: это была подлинно республиканская речь.

Молодые гражданки с венками из цветов на головах пропели гимн в честь свободы и выразили представителю народа благодарность всего департамента. Затем слово взял сам представитель народа и, напомнив с энергичной твердостью принятые гражданами на себя священные обязанности, он заставил их почувствовать, до какой степени родина нуждается в защитниках. В ответ на это собрание по мгновенному побуждению поклялось не просить исключения для кого бы то ни было. Женщины поклялись побуждать своих мужей и детей стремиться на защиту свободы, а самими заняться изготовлением одежды и оружия для волонтеров. По предложению одного из членов общество постановило, что в зале его заседаний будут водружены дубовые венки, к которым народный представитель будет приглашен прикрепить надписи: „Они ожидают победителей“.

Заседание закончилось словами, произнесенными представителем народа и повторенными всеми присутствующими: „Честь и почитание старости, честь и почитание несчастью“.

Затем граждане перешли в одну из зал ратуши, где был приготовлен обед для старцев и немощных. Представитель народа и все установленные власти в своих предписанных законом одеяниях обносили столы этих достойных приглашенных.

Во время обеда оркестр исполнял патриотические мелодии, способные поддержать настроение, побудившее организовать это празднество. Праздник закончился танцами вокруг дерева свободы.

Приказ Фуше 10/X 1793 г.

Именем французского народа представитель народа в департаментах Центра и Востока, принимая во внимание, что французский народ не может признавать никаких привилегий кроме тех, которые установлены законом, справедливостью и свободой; никакого культа кроме культа всемирной морали; никакой догмы кроме догмы ее суверенности и ее могущества;

принимая во внимание, что в тот момент, когда Республика торжественно объявила, что она оказывает одинаковое покровительство отправлению культа всех религий, разрешение после-

дователям всех сект выставлять на публичных площадях, дорогах и улицах символы их культа и устраивать религиозные церемонии могло бы повести к возникновению давки и беспорядков, —

постановляет:

„Ст. 1. Все культы различных вероисповеданий могут быть отправляемы только в принадлежащих им храмах.

Ст. 2. Так как Республика не признает никакого господствующего или привилегированного культа, все религиозные символы, находящиеся на дорогах, площадях и вообще во всех общественных местах, подлежат уничтожению.

Ст. 3. Всем священникам и служителям культа под страхом заключения запрещается показываться вне храмов в одежде, присвоенной их культу.

Ст. 4. В каждом муниципалитете все умершие граждане, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, будут препровождаться через 24 часа после смерти и через 48 часов, если смерть последовала внезапно, на место, предназначенное для погребения, под погребальным покровом, на котором будет изображен Сон, в сопровождении общественного чиновника и окруженные своими друзьями, одетыми в траур, и отрядами своих братьев по оружию.

Ст. 5. Общее место, где будет покоиться их прах, должно быть удалено от всякого жилища и обсажено деревьями, под сенью которых будет возвышаться изваяние, изображающее Сон. Все прочие символы подлежат уничтожению.

Ст. 6. На воротах этого участка, посвященного религиозным почитанием душам умерших, будет сделана надпись: „Смерть есть вечный сон“.

Ст. 7. На могилах тех, кого граждане соответствующей коммуны признают после их смерти оказавшими отечеству ценные услуги, будут воздвигнуты каменные изваяния, украшенные дубовыми венками.

Ст. 8. Настоящее распоряжение будет напечатано, прочтено и расклеено на протяжении всего департамента, разослано во все генеральные советы коммун и священникам, которые будут ответственны за его исполнение“.

* * *

После ограничения внешних церемоний культа и снятия колоколов оставался только один шаг до полного закрытия всех местных церквей, исключая храма Разума, а в Париже Коммуна на следующий день, 3 фримера (23 ноября), приняла следующее знаменательное постановление:

Генеральный совет постановляет:

„1. Все существующие в Париже церкви или храмы всех без исключения культов будут немедленно закрыты.

2. Все служители всех без исключения культов делаются лично и индивидуально ответственными за все могущие возникнуть беспорядки, источником коих будут религиозные взгляды.

3. Все, потребовавшие открытия церкви или храма, будут арестованы в качестве подозрительных.

4. Революционные комитеты приглашаются внимательно наблюдать за всеми священниками.

5. Национальному конвенту будет подана петиция с просьбой издать декрет, устраняющий священников от всех общественных должностей, а равно и от службы в оружейных мануфактурах“.

24. Анахарзис Клоотс⁶⁴. Конституционные основы республики человеческого рода

...Всемирная республика займет место католической церкви, и национальное собрание заставит забыть вселенские соборы. Единство государства окажется более действительной вещью, чем единство церкви. Реальное наличие представителей не будет предметом веры, подобно сонму святых. Символ веры членов конвента будет более ясным и доступным, чем символ веры апостолов. Теологическое единство порождало все виды зла, политическое единство послужит источником всех благ. Декретации руководящих органов человечества увековечат согласие и изобилие. Всемирная теократия преследует разум, всемирная монархия преследует свободу, всемирная республика воздаст каждому, что ему полагается. Всемирная республика неизблема и непреходяща, все остальные режимы являются жалкими эфемеридами.

Что касается министра внутренних дел, то его работа во всемирной республике не будет усложнена внешними операциями, когда республика по своей территории будет равна земле. Не будет больше вопроса о прокормлении армии, о мошенничестве поставщиков, о неспособности и предательстве генералов, о расхищении и вздорожании продовольствия. Не будет больше ни займов, ни государственных долгов, ни платежей. Не будет больше перерывов во ввозе и вывозе, вызывающих волнения в городах, парализуемых войной или запретительными законами. Застой в работе не будет приносить больше огорчений народу ни в одном уголке земли: ведь не будет ни интриг, ни несправедливостей иностранных держав. Торговля одной страны не будет больше стремиться к разорению другой, коммерческое равновесие не станет больше обуславливаться политическим равновесием. Все границы рухнут, соревнование между отдельными районами будет направлено к интересам всемирного санкюлотства, единой, неделимой нации. Больше уже ни одна личность, ни одна корпорация за горами, за морем или за рекой не в состоянии будет причинять неприятности нашим ре-

месленникам, нашим лучшим друзьям, нашим ближайшим родственникам, число, труд и добродетели которых одинаково дороги природе в целом.

Так как физические страдания не являются более тягостными, чем моральные, то люди будут терпеливо переносить капризы погоды и все стихийные бедствия. Так как муниципальная администрация не будет иметь больше забот о судьбе здоровых или больных работников, о взыскании чрезвычайно легких податей, о прохождении дружественных войск, о нашествии враждебных армий, о застое в торговле и перерывах в поступлении запасов, так как весь мир образует единую семью, то лишения, вызываемые ныне неурожаем, приливами и отливами населения, то сгущающегося, то редющего, не будут больше вносить смуту в жизнь какого-нибудь округа или кантона. У нас много бедных, потому что мы имеем много границ и солдат. Каждый фунт хлеба или мяса,

съедаемый в каком-нибудь военном лагере, предполагает потерю десяти фунтов хлеба или мяса. Вечный мир будет сохранять вечное равновесие между потреблением и потребителем, между работой и работниками. Не будет тогда менее занятого должностного лица, чем министр внутренних дел. Национальные имущества будут проданы, и каждое частное лицо будет распоряжаться своим собственным добром. Мы сможем упразднить большинство комитетов и отставить всех министров. Наша организация, усовершенствованная всемирным объединением, избавит нас некогда от необходимости иметь то, что называют правительством. Законодательное собрание, составленное из представителей по одному или по два на департамент, окажется более чем достаточным для наблюдения за внутренними делами и для исполнения функций официального бюро связи в республике, лишенной вассалов и соседей.

Декреты будут очень редкими, когда будет выработана конституция мира, когда права человека начнут действовать на планете, политически разделенной на тысячи департаментских клеток. А если где-нибудь понадобятся кассационные трибуналы для каких-нибудь частных дел, то будут обращаться в какой-нибудь соседний трибунал; 50 или 60 департаментов составят судебную палату, если только вообще понадобится подобный суд в обстановке всемирной гармонии. Не понадобится больше перевозить преступников откуда-нибудь из Сан-Доминго или Шандернагора в парижскую тюрьму. Всякие волнения, всякое недовольство будут легко умиротворяться окружающими департаментами без помощи какого-либо специального декрета национального собрания. Сумма благоденствия будет столь велика для каждой части государства, что все будут заботиться о сохранении установленного строя. Да, граждане, мир когда-нибудь будет столь же ревниво заботиться о единстве человеческого рода, как ревниво печетесь вы теперь о единстве Франции. Ваш принцип не является каким-нибудь локальным патриотизмом, это — веление человеческого сердца. Никто не имеет права причинять мне зло, но ведь селение или усадьба, которые отделились бы от остального общества, весьма существенно повредили бы моему благополучию, ибо скоро все части государства равным образом затеяли бы отделение от общего целого, и мир стал бы стенать от ужасов анархии. Всеми признается, что мы не должны терпеть, чтобы какой-нибудь народ утверждал аристократические формы, наносящие удар принципам: но это значит признать, что необходимо противодействовать разрыву человеческого общества, единой нации, права которой временно осуществляет и олицетворяет Франция. Существование двух наций содержит в себе противоречие: обе они имели бы одинаковые права, одинаковые атрибуты. Как бы они могли быть неделимы? Я не вижу, почему какая-нибудь коммуна не могла бы в этом случае требовать привилегий, выставить себя в качестве суверена или по крайней мере переменить суверена. Все получает свое разрешение и объяснение в суверенности человеческого рода. Разве не ужасно, что в силу всемирного раздробления человек на Дунае или на Шпрее, сенат на Темзе или на Делаваре, на Висле или на Бренте могут по своему

произволу оказывать роковое влияние на жизнь тысяч ремесленников, которым светит одно и то же солнце в Лионе, в Ниме, в Седане? Справедливые репрессалии с нашей стороны в состоянии причинить любые мыслимые бедствия множеству ремесленников за границей. „За границей“! Это — варварское выражение, за которое мы начинаем краснеть и которое мы предоставим этим свирепым ордам, которые вскоре без всяких усилий будут сметены с лица земли плугом цивилизованных людей. Сколько препятствий, сколько возни создается для разных земных правительств нашими политическими распрями, нашими противоречивыми интересами, нашими капризами и колебаниями?

Когда деятельность какого-нибудь правительства направляется сверху, то раскинутость и большие размеры территории играют вредную роль, — так обстоит дело с монархиями; однако, при правлении, которое черпает свою энергию из базы, из самой почвы, общественный строй становится тем более сильным, чем шире становится база, — так обстоит дело со всемирной республикой. Права человека вытекают из корня, а следовательно самый мелкий муниципалитет образует собой часть народного правления. Права монарха покоятся на ветвях, а поэтому малейшее расстройство вызывает сильное сопротивление олигархическому правлению. Наша республика никогда не будет слишком гигантской по размерам, ибо система правления будет расширяться вместе с ней. Ведь обыкновенно раздробленность государств стесняет наше внутреннее управление: так вот, чем больше мы будем расширяться, тем меньше будет у нас стеснений. Природа дала одной стране вино, другой хлеб, одна страна расположена у верховьев реки, другая занимает устье. Все приходит в упадок, если воздвигнуть стену между страной вина и страной зерна, между возвышенностью у верховьев и долиной у устья, между маслостройкой и выменем молочной коровы. Например, пастбища Голландии и нивы Франции, рудники Бордо и гавани Прованса не могли бы быть отделены друг от друга без общего ущерба, и, пользуясь тем, что все реки и моря общаются между собой, мы должны умножать эти пути сообщения дорогами и каналами, а не разрывать их конституциями, границами, крепостями и эскадрами. Будем подражать природе, если мы хотим быть ее счастливыми детьми.

Управление уравненным миром будет стоить гораздо дешевле, чем нынешнее управление народами, соперничающими между собой в содержании привилегированных шпионов во всех углах земли. Наши посольства тратят большие деньги на то, чтобы сеять раздор, депутаты центрального собрания всемирной республики будут без особых расходов поддерживать всемирное единение. Все народы в настоящее время общаются между собой путем основанной на обмане торговли, путем преступных посягательств на взаимные интересы, путем скрытых или открытых враждебных столкновений, путем актов, вроде кромвелевского акта о навигации. Я предлагаю установить сношения, более мудрые, более тесные, более дешевые, более выгодные во всех отношениях.

Так называемые естественные границы, которые противодей-

ствуют этому желанному объединению, являются границами столь же хрупкими, сколь и искусственными. Альпы и Пиренеи, Рейн и океан уже в седой древности не могли служить непреодолимыми барьерами для карфагян и римлян, для греков и скифов, для готов и норманнов, и вот после этого к нам обращаются с болтовней, которая опровергается нами самими, нашими завоеваниями в обеих Индиях, которая сводится на-нет армиями Ганнибала и Цезаря, Карла Великого и Карла V. Каждый день мы на Сене, которая протекает как-раз в центре климатических поясов земли, на одинаковом расстоянии между Северным и Южным полюсами, принимаем курьеров и вестовые суда из Рима, Дублина, Лиссабона, Петербурга, Бостона и Батавии, и вот после этого нам болтают о естественных границах Франции! Мы видим, как в Париже, в Лондоне, в Мадриде, в Амстердаме в судах рассматриваются дела какого-нибудь перса, индийца, китайца, перуанца, турка, кафра, армянина. В Европе обсуждаются интересы обитателей противоположной части мира, и после этого приходится ли сомневаться в том, что может существовать для вечного блага человечества представительное собрание двух полушарий! Я не знаю никакой естественной границы, кроме границы между землей и небесным сводом.

Каждое законодательное собрание будет обновлять исполнительный совет, члены которого могут быть переизбираемы. Республика *равных людей* не будет страдать от обилия должностей: в вопросе о званиях и должностях она будет удовлетворяться самым ничтожным минимумом. Всякое правительство является неизбежным злом, не будем же отягощать это зло всякими ненужными надстройками. Пусть ни одна часть народа никогда не теряет из виду того, что не следует доверять кому-либо ту функцию, которая может быть выполнена самим народом. Строгое соблюдение этого принципа будет источником благополучия для народа. Чем меньше значения будут иметь наши агенты, тем больше доверия будем мы к ним питать, а ведь доверие и есть нерв нашей политической ассоциации. Мудрый Франклин⁶⁵ издевался над англиканским костюмом, в который хотели облечь исполнительную власть в Америке. Он шутил, заявив: „Торопитесь напялить это на нас, ибо народ скоро привыкнет обходиться без этого“.

Свобода и равенство будут диктовать статуты всемирной конституции: люди будут поражены лаконичностью и ясностью кодекса, формулы которого будут приложимы ко всем временам и ко всем климатам, совершенство которого будет пределом, его же не преищешь.

Рим жаловался когда-то на бесчинства своих трибунов, но никогда трибун не в состоянии был бы вносить смуту в общественную жизнь Рима без существования сената, патрициата, консулата, диктаториата, без разделения населения на привилегированных и рабов, на патронов и клиентов, на покорителей и покоренных, на покровителей и протектируемых. Уравняйте все население республики без всякого исключения, подчините людей вещам, должностных лиц должностям, индивидов массе, общество закону. Наше

конституционное здание будет тем более общедоступным и прочным, чем больше оно будет похоже на один общий этаж: никто тогда не станет покушаться взбираться выше. Заблуждения и предубеждения склонятся перед разумом и свободой, злонамеренность раскольников не будет больше находить нигде себе почву. Политический организм столь же повелительно стремится к самосохранению, как и разумная личность, расчленение и самоубийство отвратительны первому, так же как и второй. Марии и Суллы, Катилины и Цезари⁶⁶ будут представляться сказочными существами людям, уравнивание которых делает невозможным существование хотя бы одного раба на земле. Если где-нибудь существует раб, то это значит, что где-нибудь существует и тиран, а следовательно и моя свобода не является тогда цельной и полной, она ущерблена, она требует полного уничтожения тирании и рабства.

Каждый департамент, каждый район, каждый кантон, каждая коммуна разными, многочисленными путями соприкасаются с пятью или с шестью территориальными округами, интересы которых перекрещиваются и которые никогда не станут объединяться для выступления против уравненной республики, не имеющей ни вассалов, ни подданных, ни соседей, против великого свободного человеческого общества. Чем более активна будет частная инициатива и частная деятельность, тем более прочным будет всемирное единение: мы сделаем его неразрывным, лишив честолюбцев опоры корпораций и примера в виде американского сената, в виде штатгальтерства или какой-нибудь другой опасной надстройки, которая обусловлена федеративным правлением, но которая отвергается правлением национальным. Федералисты имеют тайные намерения, которым народ не доверяет с похвальной прозорливостью. Федералисты служат интересам своих союзников, золото которых является не менее настоящим и притягательным, чем золото цивильного листа. Вот в чем тайна так называемых добродетельных министров и генералов, так называемых народных ораторов, которые под предлогом благополучия Франции непolitично отталкивают соседей, разногласия с которыми в скором времени неизбежно смутят покой и единство Франции. Корсиканцы, наученные долгим опытом, имели благоразумие избежать этих ужасных интриг в 1789 г. Авиньонская бойня позором покоится на памяти Учредительного собрания, и вот теперь смеют предлагать Конвенту дезорганизаторский декрет, последствия которого будут более кровавыми, чем речи сельского попа Мори, папистского дворянина Буттафоко, фанатичного чиновника Депремения. Противники неделимой республики хотели бы нас окружить маленькими, якобы дружественными и союзными, республиками для того, чтобы привить нашим пограничным департаментам вкус к федеральному раздроблению, чтобы незаметно утвердить аристократию сенатов и президентов.

Люди любят играть роль, и самый малый администратор хотел бы в своем районе подражать дурному примеру более высоких властей. Все люди более или менее похожи на этих маленьких немецких и итальянских князьков, которые делали из своего двора миниатюрную копию двора Людовика XIV. Благополучие народа

покоится на полном уравнивании конституционных властей, на взаимной независимости граждан, на деспотизме закона, который преграждает путь всякому индивидуальному деспотизму. С нашей стороны было бы гибельным заблуждением думать только о себе: человечество вменяет нам в долг не забывать о других людях. Если французская конституция окажется не в состоянии подойти для остального мира, то она будет скверной, она рухнет под аплодисменты человеческого рода, под одобрение всемирного разума, санкция которого необходима. Человеческий род, возрожденный во всех законодательных порах общества, не знает ни заграницы, ни частичного суверенитета, ни двух высших волей, ни двух противоречащих друг другу большинств или меньшинств. Локальная удаленность, разнища в языках, в цвете кожи и в нравах населения, размеры государства — все это потерявшие силу препятствия, которые будут человеческой республикой побеждены легче, чем воинственными покорителями, торговыми пиратами, академическими корреспондентами, дипломатическими агентами, ревнителями Мекки и Иерусалима, преодолевшими все высоты и все пропасти планеты, не имеющей даже 3000 лье в диаметре.

Так значит мы хотим подчинить французскому владычеству все народы земли? Я отвечаю на этот странный вопрос, что я не знаю ни французского владычества, ни французской конституции. Права человека соединяют всех людей под владычеством всего человечества. Если бы эти священные права были признаны во времена Горациев⁶⁷ и Куриациев, ни одной капли крови не было бы пролито ради объединения Рима и Альба-Лонги. Принадлежать к Франции, это — принадлежать к человечеству, это — принадлежать самим себе. Управляться на французский манер это значит иметь муниципалитет по своему выбору, трибунал по своему выбору, власть по своему выбору, представительное собрание по своему выбору. При наличии такой основы политическую карту составить так же нетрудно, как и географическую. Национальное собрание Франции, это увенчание, это резюме карты полушарий филантропов.

Однако для того, чтобы устранить все недоразумения и все предлоги, чтобы отнять у тиранов, наших врагов, их ядовитое оружие, я требую упразднения названия „француз“ так же, как упразднены фактически названия „бургундец“, „нормандец“, „гасконец“. Все люди захотят принадлежать к всемирной республике, но все народы одинаково не захотят быть французами. Положение Англии, Испании, Германии в этом вопросе похоже на положение Лангедока, Артуа, Бретани, которые заменили свое частное название именем Франции: ни одна из этих провинций не согласилась бы носить имя соседней провинции. Мы провозгласили права человека, тем самым мы молчаливо отказались от ярлыка прежней Галлии или Франции. Гласное и формальное отречение от этого названия покроет нас славой, ускорит наступление века благодетельных всемирной республики. Было бы очень мудро и политично с нашей стороны принять название, которое примирило бы с нами огромную соседнюю страну, и так как наша ассоциация является подлинно братским союзом, то к нам великолепно подошло бы

название германцев. Республика германцев не замедлила бы в силу благотворного влияния предрассудка, который часто играл убийственную роль, включить в свою сферу все германские круги. Однородность имен привела бы к однородности положения. Всемирные по праву, германцы на деле, мы будем наслаждаться беспрепятственно благотворными дарами универсальности. Те, которые не чувствуют всей философии этой идеи, столь же повинны предстать перед трибуналом разума, как и софисты, утверждающие, будто пункты Декларации прав человека распространяются не на всех людей, не на все климаты.

Род человеческий подчинен первоначальным, первоначальным законам, как род пчел или бобров. На установление этих законов осуждает нас отсутствие инстинкта. Если бы пчела имела только разум, она, может быть, делала бы неодинаковые и уродливые ячейки. Рой испытывал бы частые смуты в результате отсутствия естественной однородности. Будем стараться воспитывать себя в духе инстинкта насекомых, подчиним себя неизменным законам. Естественные права не отличаются от гражданских и политических прав, ибо общественное состояние столь же естественно для человека, как для пчелы и муравья. Собственность вечна, как общество: и, если бы человек работал в силу инстинкта вместо того, чтобы работать из интереса, мы наслаждались бы, как животные, общностью благ. Никогда эта общность не в состоянии была утвердиться среди нас, ибо человек работает, повинаясь разуму и размышлению. Те коммунистические общины, о которых нам рассказывает история, существовали лишь за счет труда рабов или были основаны на теократическом и монашеском режиме. Их существование было вредным и преходящим, подобно существованию всех ассоциаций, которые уклоняются от требований прав человека. Индийские, китайские, египетские, еврейские и христианские реформаторы уродливо заблуждались, проповедуя так называемые права бога. Они говорили, что мы равны перед богом и что всемирное братство вытекает из небесного отцовства. Это серьезное заблуждение породило самый ужасный жреческий и монархический деспотизм. Наши цепи были отягощены руками множества отцов во господе, которые были освящены, увенчаны и коронованы во имя вечного отца. У рода человеческого был отнят суверенитет, которым облекли мнимого суверена в небесах. Представителями его на земле были монархи, императоры, папы, ламы, бонзы, брамины и всяческие другие церковные и гражданские иерархи.

Заблуждение порождает миллионы других заблуждений, тогда как истина служит лишь источником единой истины. Вот чем обусловлена гармония всемирного национального собрания, вот откуда берутся расколы, конфликты и анафемы святых вселенских соборов. Разум, ведущий геометров по одному и тому же пути, независимо от места, времени, языка и обычаев, направит всех людей к общему центру, когда национальное представительство будет вырвано из рук небесных сил и помазанников господ, когда род человеческий будет восстановлен в своих неотъемлемых правах.

Различные виды аристократии являются эманациями воображаемого божества. Я доказал в разных сочинениях, что бог не существует. Люди, которые допускают эту ошибку, должны не менее тяжело ошибаться во многих других вопросах. Этот изъян в суждении, эта моральная болезнь достойны сожаления. Это дает ключ ко всем обманам, которыми шарлатаны причиняют много горя человечеству. Тот, кто допускает существование бога, плохо рассуждает, а одно плохое рассуждение порождает другие. Не будьте рабами неба, если вы хотите быть свободными на земле. Республике необходимы люди, умеющие хорошо рассуждать. Данный человек является фельяном в силу той же умственной ошибки, которая делает его теистом. Я не верю, чтобы вы способны были хорошо знать природу санкюлотства, если вы допускаете существование божественной или творческой природы. Тот, кто имеет слабость верить в бога, не способен быть настолько прозорливым, чтобы познать род человеческий, единственного суверена. Берите людей по-одиночке, и вам захочется плакать от их глупости, возьмите их в массу, и вас восхитит гений природы. Нас ежедневно поражают чудеса, совершаемые свободным народом: это происходит потому, что народ, собрание индивидов, знает и умеет больше и лучше, чем какой-нибудь индивид в отдельности. И вот когда этот народ будет состоять из всего человечества, мы станем свидетелями еще более поразительных чудес. Слабые головы, которым нужен бог, найдут такового на земле, не имея нужды искать какого-то суверена в облаках. Суверенитет совершенно необходимо является деспотичным, остережемся же присваивать его какой-нибудь другой силе, кроме человеческого рода.

Верующие говорят, что мир не создан сам собой, и они несомненно правы. Но ведь и бог в такой же мере не создан сам собой, а между тем вы на этом основании не станете заключать, что имеется существо, появившееся раньше бога. Подобное умозаключение нас привело бы к черепахе индейцев. Вопрос о существовании бога плохо поставлен, ибо предварительно следует знать, является ли мир творением. Поставьте этот предварительный вопрос, и вы перейдете к очередным делам при молчании ваших ошарашенных противников.

Сравнение с часами и с часовым мастером, которым теоманы ослепляют простодушных людей, является моральным фокусом, истинная цена которого становится ясной при малейшем размышлении. Вот часы, дворец, обелиск, ничего подобного я не вижу в животном, растительном или минеральном царстве. Я не обнаруживаю здесь законов зарождения и роста, поэтому, раз природа мне не может ничего объяснить здесь, я прибегаю к искусству, к руке человека, чтобы объяснить существование часов, дворца и обелиска. Я знаю, что картина, поэма, трагедия не растут, как шампиньоны, я знаю, что художник и поэт, копирующие природу, действуют по-иному, чем человек, делающий ребенка, но это различие не заставит меня признать сходство между архитектором моего дома и так называемым архитектором природы. Будем избегать порочного круга. Мы страдаем манией сравнений. Эта

мания породила божественную химеру, как будто природа — богатейший источник всяких сравнений — может быть сама с чем-нибудь сравнена. Но ведь природа слепа, как же может она *производить* разумные существа? Это возражение падает само собой, ибо природа ничего не производит. Все, что ее составляет, существует вечно. То, что мы называем вульгарно детищем природы, столь же древне, как и природа. Не будем же объяснять существование одной несоизмеримой природы существованием другой несоизмеримой природы. Вы ищете вечного вне мира, а я нахожу его в мире. Я довольствуюсь непостижимым космосом, а вы хотите удвоить затруднение, вводя непостижимого бога! Космос я вижу, а бога вы не видите. Предположим теперь, что мир исчез и что видение патера Мальбранша осуществилось, и вы увидели все в боге, вы восхищены мудростью и тайнами божественного промысла. Порядок и явления, которые вас поражали в мире, должны были бы тогда показаться вам детской игрушкой при сопоставлении с порядком и с чудесами, которые должны были бы поразить ваше воображение в лоне божества. Разве неправда, что вы в таком случае считали бы нечестивым, нелепым чудачком того, который осмелился бы сомневаться в вечности этого чудесного существа? Вы сказали бы, что оно отнюдь не является творением, и что безумием является желание объяснить одно чудо другим, еще большим чудом: ведь творец в таком случае должен был бы быть еще более поразительным, чем творение. Так вот, будем рассудительны: долой всякую непоследовательность, не будем искать другого вечного, кроме мира. Оставим визионеру Мальбраншу его не поддающегося определению бога, погрузим все наши помыслы в зрелище вечной природы.

Что-нибудь существует вечно: это простая истина. Так не станем же теряться в умствованиях о божественной и творящей природе, в то время как все находит свое объяснение в доступной ощущениям и видимой природе. Я отрицаю существование сотворенной природы, и вы не усыпите меня вашей так называемой творящей и движущей природой. Я не нуждаюсь ни в какой мастерской, а значит и ни в каком мастере. Здравый смысл отвергает перводвигателя вечного движения.

Лишь такое дурное воспитание, как наше, может содействовать сохранению небесных химер: обучение, основанное на коренном заблуждении, воспитывает испорченное юношество. Если разум не руководит занятиями в учебных заведениях, то лучше сэкономить государству расходы на воспитание. Эти издержки, напротив, дадут огромную экономию, если они будут ускорять уничтожение религиозных предрассудков. Пусть хоть лицеи и национальные институты сокрушат храмы нелепого бога, раз нет другого национального воспитания, кроме школ грамоты и арифметики. Просвещение распространится по всему миру, когда война будет изгнана отовсюду, когда болтовня военных хроник не будет заменять изучение истории и изящной словесности. Таким образом делом нашей славы, славы основателей республики, является создание такого положения, чтобы люди наконец перестали заниматься воен-

ными экспедициями и обрели досуг для чтения всего того, что сделано нами в области выработки незыблемых основ всемирного процветания. Лишь в таком случае все побуждения, волнующие человеческое сердце, соединятся для утверждения истинной социальной системы. Подозрение, черный призрак, смущающий республику, окруженную чужеземными державами, перестает существовать во всемирной республике. Мое учение — откровение природы: все другие откровения рассеиваются перед ним, как *призраки сна перед бодрствующей философией* *.

Ассоциация, усвоившая вечный план, послужит образцом для

* Несколько лет тому назад я составил философское завещание, в котором я доказывал, что можно отнять у человека душу, не убивая его, и что, следовательно, наша душа является химерой, столь же смешной, как и призрак, называемый богом. Так как для республики важно, чтобы наши потомки не были жертвой обмана пророков лжи, я хочу набросать здесь краткий обзор моих рассуждений для воспитателей молодежи. Истинный способ избавиться от жонглеров заключается в том, чтобы показать, что душа человека является результатом человеческой организации, как душа дога является результатом собачьей организации. Мы являемся, говорил я в том сочинении, передвигающимися растениями, и мы можем сделаться растениями неподвижными. Мы взяли свои корни в чреве женщины и мы можем превратиться в корешок земли. Пупок — это не что иное, как корень. Дайте кустарнику чувства, которых у него нет, и вы сделаете из этого растения то, что мы называем животным. Подвергните анализу человеческое тело и вы найдете ствол, ветви, сучья, кору и циркуляцию сока или крови. Былинка травы имеет много сходства с наилучше организованным человеком. Похороните меня под зеленым покровом дерна, и я возрожусь вместе с травой: это — удивительное переселение душ, тайны которого никогда не могут быть поставлены под сомнение. Но у меня не будет воспоминания о моем первом существовании: ну, и что ж, что мне до этого воспоминания, лишь бы существование мое было приятным. Здесь не может быть никакой речи о теологических карах и воздаяниях. Я обращаюсь за советом к природе, которая мне велит презирать теологию. Природа — добрая мать, которой нравится видеть своих детей рождающимися и возрождающимися в различных сочетаниях.

В течение веков спорят о сущности нашей души: она неделима, говорят, а следовательно и бессмертна. Я отрицаю нераздельность, ибо душа моя делится на шесть отчетливо раздельных частей. Я могу постепенно отнять у человека его душу, не отнимая у него жизни. Вот вы теряете сегодня зрение, завтра слух, после завтра обоняние, затем вкус и осязание. Что останется от вашей души, кроме памяти, воспоминания о явлениях, воспринятых при помощи пяти чувств? Но ведь это похоже на то, что, потеряв память, вы становитесь, собственно говоря, растением, не считая того, что вы испытываете еще голод и жажду, холод и тепло. Мой рот, потеряв чувство осязания и вкуса, будет машинально принимать пищу, которую туда кладут, он у меня займет место пуповины или корня. Я буду жить без нашей так называемой души, я буду расти, как растение, и вы сможете вернуть мне мою душу, лишь вернув мне мои чувства. Мыслить — это чувствовать: чувствовать — это получать впечатления, передаваемые всеми нашими органами в центральный пункт, где сосредоточены наши фибры, нервы и жизненный дух. Пережьте эти пути сообщения — и животное становится растением. Сильный удар по голове лишает возможности чувствовать самые резкие удары по всему остальному телу. Дайте растениям голову, и вы дадите им способность ощущать удовольствие и страдание, подобно животным. Сумейте изменять головы тем или иным способом, и вы сможете получить все градации мудрости и безумия, гения и идиотизма. Имеются, значит, два способа устроить нашу душу без умерщвления, т. е. либо устранение наших пяти чувств, либо упразднение работы мозга. Можно перестать чувствовать, потерять память о пережитых чувствах и все же не перестать жить, дышать, переваривать, расти. Я повторяю: мыслить это чувствовать, и надо иметь столь же мало чувства, сколь мало имеет его теолог, чтобы не признать очевидности моих доказательств, которые избавляют от чтения тысячи и одного трактата по метафизике.

всего мира. Пусть то будет Рагуза или Женева, Милан или Берн, Париж или Мадрид, любое место с любым именем: усваивая один и тот же общественный строй, мы перестаем быть женецами, швейцарцами, ломбардцами, французами, испанцами, немцами, мы станем германцами, всемирными, истинными католиками. Мы все имеем одну и ту же цель — сохранение естественных прав. Всюду любят свободу, равенство, безопасность, собственность, мир, всюду стремятся к справедливости и к борьбе с угнетением; всеми признается подчинение части целому, а следовательно, и повиновение человеческому роду. Но для того, чтобы сразу укрепиться во всей Европе, именно теперь пора упразднить все троны и все сенаты: европейцы где-нибудь соберутся, чтобы узнать, чем мы должны стать. Разумеется, этот политический собор не соберется в Париже, если Франция будет отталкивать соседние государства, если мы откажемся установить братские отношения. Не подлежит сомнению, что европейское большинство санкюлотов выскажется по поводу Франции в том же духе, в каком Франция вынесла бы ныне свое решение по поводу какого-нибудь округа, который отказался бы от выбора своих представителей. Европейцы подчитают, во что им обходится содержание армии, они убеждаются, как сильно удорожается топливный и строевой лес, как растут цены на квартиры и продовольствие в результате расходов на военные лагеря и флоты, без которых легко обойтись, осуществив представительное единство. Этот простой и благотворительный режим не понравится лишь небольшой группе людей, которые живут за счет наших политических заблуждений, подобно тому, как попы и жрецы питаются мясом всесождений. Род человеческий, раздробленный, взбаламученный, приведенный в упадок, походит на арену гладиаторов. Это зрелище поглощает миллиарды стерлингов: оно является прибыльным и привлекательным лишь для горсточки сибаритов, которые обогащаются и забавляются за счет народа, подавленного налогами. Вся масса земледельцев, ремесленников, торговцев образует, разумеется, гигантское, подавляющее большинство в противовес крошечному меньшинству семейств, бесплодное времяпровождение которых приводит лишь к моральной порче, к бедствиям, от которых новый порядок вещей должен освободить нас навсегда. Человек неизбежно усвоит политическую организацию, которая расширяет его свободу и уменьшает его налоги. Это благотворительное учение обретет столько же прозелитов, сколько и преданных слушателей. Финансовая система является камнем преткновения для всех правительств. Война порождает финансы, т. е. почву для мошенничества, трамплин для честолюбцев, факел раздора и анархии. Раздробленность народа порождает войну. Дело, значит, в том, чтобы найти способ правления, основанный на принципе, обеспечивающем нам вечный мир. Я обрел этот принцип! Мудрость савойцев будет служить примером всему миру. Первое употребление, которое они сделали из свободы, заключается в переходе к самой спасительной экономии, глубокой политике, к преклонению перед суверенностью человеческого рода. Мы никогда не будем воевать с Савойей, ибо она непосредственно не граничит

с Францией, однако две этих страны образовали амальгаму, конфедерацию индивидов, которая стерла всякие следы бывшей Савойи. Гораздо легче заметить бочку воды, вылитую в океан, чем демаркационную линию, разделяющую обитателей Верхних Альп от жителей Нижних Альп. Амальгама является столь совершенной, столь полной, что мы можем менять административные районы, либо включая их в другие департаменты, либо расширяя их, без того, чтобы это вызвало какое-нибудь беспокойство у бывших савойцев. Так как наши административные единицы не являются какими-то навсегда зафиксированными территориями, какими-то домнами, то у обитателя Монблана не будет никаких забот, кроме забот о своей работе и о защите общего суверена. Никакая коммунальная или провинциальная собственность не будет смущать его покоя какими-нибудь юридическими или фактическими притязаниями. Включение Савойи в состав нашего государства является новым аргументом в пользу единого суверена, ибо реальный суверенитет не может быть ни отчужден, ни инкорпорирован, ни уничтожен. Всякий другой суверен, кроме рода человеческого, является смешной химерой, беглым эпизодом, временной функцией.

Все наши частные действия подчинены наблюдению суверена. Одиноким человек на земном шаре был бы сувереном, суверенной была бы одинокая семья, а эта семья, вырастая и размножаясь вплоть до крайних пределов земли, не потеряла бы своих неотъемлемых прав. Таким образом суверен является по самому своему существу единственным, единым и неделимым: его воля является высшим законом, непререкаемой добродетелью вечной справедливости. В силу этого суверенитета человек может убить другого либо по законному суду, либо защищая свое тело: этот человек действует лишь с согласия суверена, который разрешает и предписывает негласно или формально все, что справедливо, все что полезно обществу. Если одинаковы права, то одинаковы и обязанности, но есть права человека, присущие самой нашей природе. Существа мужского и женского рода, имеющие пять чувств и пользующиеся речью, наделенные способностью иметь потомство, существа эти принадлежат к одной и той же семье, независимо от того, происходят ли они из одного корня или из нескольких. Я знаю, что человек никогда не будет чужд человеку и что частная воля всегда будет подчинена общей воле. Самое дикое племя принадлежит к роду человеческому столь же законно, столь же естественно, как и самый цивилизованный народ. Право суверенитета не знает исключений ни для каких местностей, ни для каких рас.

Но ведь, скажут нам, большая часть человеческого рода находится еще в состоянии дикости: что станет с нами, если она выскажется в пользу деспотизма и аристократии? Праздный вопрос, ибо рабы совершенно не имеют собственной воли, а нынешняя война с деспотами и их прихлебателями является как-раз борьбой истинного суверена с суверенами ложными. Мы отражаем силу силой, но заблуждение рассеется у наших соседей, как и у нас. Некоторые наши департаменты были более заражены, чем Испания и Италия. Опрокинем тиранов, и мы скоро сотрем всякие следы

деспотизма и аристократии. Рабы и их господа образуют собою скот, который не имеет голоса в обществе свободных людей. Мир утвердится тогда, когда права человека будут признаны всюду, ибо все, которые признают эти права, станут на нашу сторону. Старинная поговорка гласит: схожие сходятся, но ведь не существует большего сходства, чем сходство между санкюлотом севера и санкюлотом юга, и никто так не похож на аристократа востока, как аристократ запада. Мы были бы в настоящее время свидетелями сколачивания всеми угнетателями союза против нас, если бы их чудовищная система не приводила к их разъединению,—ведь они разделяют суверенитет между монархами и сенатами, всегда соперничающими между собой. Благоденствие тиранов держится на 30 головах, а благоденствие народа на всех головах человеческого рода. Так называемые суверены, агенты лжи, никогда искренно не соединятся между собой: вечный же суверен, орган истины, будет всегда единым, неделимым, незыблемым, невозмутимым. Речь не идет уже больше о том, чтобы заставить признать Французскую республику, тираны Европы зажгли пламя войны, всенародные собрания Европы провозглашают мир. Все тираны сговариваются о том, чтобы отвергнуть декларацию прав, а все свободные люди сосредоточивают свои силы для распространения и утверждения этой декларации. Из сговоров первых рождается всемирная распря, из единодушия вторых рождается вечная гармония.

После всего этого как можем мы себе позволить отталкивать савойцев, тевтонов, бельгийцев и кого-угодно еще, желающих встать под хоругвь прав человека? Разве будем мы столь мятежны в отношении разума, разве станем мы узурпировать права неотъемлемого суверенитета, упрямо сохраняя во вред всему человечеству временный и революционный суверенитет, который не должен принадлежать ни одной части земного шара? Если бы нам было позволено было отталкивать от себя чужую провинцию, то мы могли бы позволить себе отвергнуть и какую-нибудь семью или какой-нибудь корабль, вообще всех иностранцев, которые приносят нам свое достояние и свое мастерство. Вскоре мы стали бы проводить различие между той и другой религиозной сектой и нечувствительно мы добрались бы до исключительной религии, равно как и до исключительной конституции. Софисты, которые не хотят допускать наших соседей, равным образом могут стремиться к тому, чтобы уменьшить число наших департаментов, но отвергать присоединение — значит одобрять отпадение. Всемирная благосклонность отвратилась бы в этом случае далеко от нас, чтобы создать себе где-нибудь в другом месте притягательный центр, который силой вещей увлек бы нас в свою сферу. Ах, граждане, не будем подражать Моисею и Ликургу. И раз уж их история привела меня в область сказки, то я позволю себе отметить, что если бы Латона с ее пловучим островом была прибита к берегам Франции, то мы с радостью ее приняли бы, а между тем вы колеблетесь принять наших братьев с континента, территория и население которого могут увеличить процветание республики, покоящейся на всемирном разуме! Не будем нелепыми и несправедливыми, если

мы хотим быть навсегда свободными. Мы образуем конфедерацию индивидов, всякое другое объединение или корпорация, кроме рода человеческого, недопустимы. Разве не нарушаем мы наших принципов, когда мы отказываем в присоединении селения или города, смежного с нашей территорией, под предлогом, что большинство в данной провинции не выразило своей воли? Это значило бы признавать столько же большинств и меньшинств, сколько есть заблуждений и ошибок на земле. В таком случае пришлось бы подчинить учение Галилея и Ньютона решению папы и Сорбонны, которые своим туманом закрывают от взоров систему тяготения. Наша политическая доктрина это религия, которая принимает всех новообращенных, какие только появляются, независимо от воплей и требований большего или меньшего количества заблуждающихся людей. Всякое всенародное собрание, которое потребует приобщения ко всемирной республике, должно быть признано составной частью большинства человеческого рода. Всякое другое большинство совершенно необходимо будет меньшинством, которое должно быть отвергнуто. В вопросах доктрины есть только одно большинство, за исключением одного единственного города, не захотела бы амальгамироваться с бывшей Францией, и тем не менее мы не могли бы отказать этому городу. Истина никогда не подчиняется каким-нибудь ограничениям. Мое предположение является праздным, ибо несомненно все деспотизмы, все аристократии потерпят крушение перед здравым смыслом всенародных собраний. Именно созывая всюду истинных выразителей всенародной воли, мы добьемся развязки всех так называемых политических трагедий и комедий. Нет такого софизма, который был бы действителен против всенародного стремления, увлекающего всех индивидов, против всенародного отвращения, которое сокрушает всякое сопротивление. Мораль, основанная на одинаковых интересах, должна породить представительное единство, если только не утверждать вместе с некоторыми мечтателями, что всемирная мораль заменит всемирное представительство, как будто единство интересов может сохраниться при различии форм правления. Опыт показал, что общая религия недостаточна для умиротворения независимых народов. Без национального единения у них не могло бы быть единства интересов. Союз индивидов будет всегда мирным, сообщество наций будет всегда воинственным. Я потребую от неразумных моралистов, ничего не смыслящих в политике, ответить на вопрос, будут ли их странные корпорации иметь аристократические формы, фискальные границы, бастионы, гарнизоны и эскадры? Если они дадут мне утвердительный ответ, то это даст мне право заключить, что интересы здесь неодинаковы, если они ответят мне отрицательно, то я приду к выводу, что массы здесь согласились на всемирное слияние. В таком обществе существует совершенная и неразрывная связь, вместо послов здесь посылают друг другу представителей, которые выполняют свои обязанности вместе и которые без всякого различия сидят в законодательном зале. Здесь вырабатывают все формы, которые диктуются человеку ради

благополучия и всемирного процветания моралью и всемирным разумом.

Кто стремится к одинаковой цели, готов применять одинаковые средства: кто хочет мира и счастья, хочет департаментальной республики, а не республики национальной. Республика человеческого рода является совершенно неделимой, ибо никакая часть ее не хочет, да и не может отделиться для присоединения к другой республике. Есть только один род человеческий между двумя полюсами.

Итак, я предлагаю Конвенту французов, равно как и другим конвентам мира, предварительно декретировать или провозгласить благотворный и притягательный принцип нераздельного суверенитета, верховной и единой воли рода человеческого. Эта истина, признанная всеми людьми, породит единение всех людей. Заложим ныне эту широкую основу, и наши последующие работы будут несокрушимы: мы будем вправе рассчитывать на славную страницу в анналах возрождения мира. Первый год Французской республики есть первый год республики всемирной.

Вот три пункта, три результата глубокого размышления, которые я ставлю на усмотрение мудрости моих коллег.

Проект декрета

Национальный конвент, желая положить предел заблуждениям, невязкам, противоречивым претензиям корпораций и лиц, которые называют себя суверенами, торжественно предлагает под сенью прав человека:

Пункт первый.

Нет другого суверена, кроме рода человеческого.

Пункт второй.

Каждый индивид, каждая коммуна, которые признают этот светозарный и незыблемый принцип, будут по праву приняты в нашу братскую ассоциацию, в республику людей, германцев, всемирных.

Пункт третий.

При отсутствии соприкосновения или морского сообщения придется ждать распространения истины для допущения коммун и народов из отдаленных стран.

25. Речь Клоотса в Конвенте

Клоотс подносит Конвенту в дар одно из своих произведений, которое носит заголовок „Достоверность доказательств магометизма“. По предложению нескольких членов Конвент декретирует: „Анахарзис Клоотс, депутат Конвента, подносит в дар одно из своих сочинений, озаглавленное „Достоверность доказательств магометизма“, сочинение, констатирующее несостоятельность всех религий. Собрание принимает этот дар, постановляет удостоить его почетного упоминания, а также внесения в „Бюллетень“, а сочинение отсылает в Комитет общественного просвещения.

Тот же член Конвента предлагает воздвигнуть статую Жану Мелье, священнику Этрепиньи и Бут-ан-Шампань, первому священнику, который имел мужество и добросовестность отречься от религиозных заблуждений.

Это предложение передается в Комитет общественного просвещения.

По предложению одного члена Собрание постановляет напечатать и разослать по всем департаментам речь, которую Анахарзис Клоотс предпослал своему приношению.

Речь, произнесенная на трибуне Национального конвента 27 брюмера 2 года Республики, единой и неделимой, Анахарзисом Клоотсом, депутатом департамента Уазы:

„Позвольте мне, граждане коллеги, предложить вам исправить обиду, нанесенную разуму. Законодательным собранием, которое по христианскому наущению епископа кальвадосского, гильотинной памяти, отложено принятие одного из моих философских произведений, являющегося плодом четырех лет работы по 15 часов в день. Это сочинение, своеобразное по своему методу и по тактике, любопытное своими подробностями и рассуждениями, одним ударом подрывает все древние и новые откровенные религии. Оно озаглавлено: „Достоверность доказательств магометизма“. Оно носит такое название потому, что я там швыряю мусульманина под ноги других религиозников, которые падают друг на друга. Моя книга заменяет целую огромную библиотеку.

Философское извержение, поражающее ныне наши революционные взоры, является результатом пятидесяти лет работы и преследований. В результате мужественного и дерзкого нападения на

все ложные откровения мы достигли эпохи откровения здравого смысла. Обращение широких масс народа показывает нам теперь, что философы сеяли не в неблагоприятную почву и что успех заблуждения гораздо менее быстр, чем успех вечных принципов. Ныне настало время, когда благословение истины заставляет забыть зловредную хулу обмана. Я радуюсь тому, что меня подвергал преследованиям парижский архиепископ, я горд этим сознанием именно теперь, когда я вижу, как все духовенство Франции отрекается от учения, против которого я направлял целые тома за десять лет до взятия Бастилии. При господстве королей и попов мне никогда не прощали моего излюбленного девиза: „Истина и Свобода“.

Лишь своим непрерывным путешествиям, своему независимому космополитизму я обязан тем, что мне удавалось избежать мести духовных и светских тиранов. Я оказывался в Риме, когда меня хотели посадить в тюрьму в Париже, я попадал в Лондон, когда меня собирались сжигать в Лиссабоне; лишь перебрасываясь из одного конца Европы в другой, я успевал спастись от сборов, алыгвазилов, французских полицейских, от всех господ и всех лакеев. Наконец пришла революция, и я теперь в своей родной стихии, ибо свобода, а не место создает гражданина, как отлично сказал Брут (об этих словах крепко забыл ваш докладчик о законе против иностранцев). И вот я также имел неблагоприятность забыть мою родную колыбель ради мысли о колыбели всемирной республики, если только распространять просвещение в столице мира — значит забыть родную страну. Как бы там ни было, мои переселения окончились, когда началось переселение преступников. Возрожденный Париж стал постом оратора рода человеческого, и я не покидаю его с 1789 г.

Именно с этих пор я удвоил свою ревность против так называемых владык неба и земли. Я во всеуслышание стал проповедывать, что нет другого бога кроме природы, другого владыки, кроме рода человеческого, народа-бога. Этот народ довлеет самому себе. Он всегда будет стоять на ногах, природа не преклоняет своих колен. Судите о величии свободного человеческого рода по величию французского народа, являющегося только его частью. Судите о непогрешимости целого по прозорливости части, которая уже одна заставляет теперь дрожать весь рабский мир. Чем больше будет расти масса свободных людей, тем меньше будет боязни у людей перед великими личностями. Подозрительные и боязливые люди исчезнут вместе с тиранией. Всеобщее уравнивание противодействует какому бы то ни было мятежу и восстанию. У Комитета безопасности всемирной республики будет меньше хлопот, чем у комитета самой крохотной секции Парижа. Так же будет и со всеми министерскими ведомствами. Моя республика — антипод бюрократии: в ней будет мало ведомств, мало налогов и совсем не будет палача. Всеобщее доверие займет место необходимой недоверчивости. Разум соединит всех людей в единый представительный орган без всякой другой связи, кроме письменной. Это будет подлинная республика письменности и грамоты.

Граждане, религия — величайшее препятствие моей утопии. Но

это препятствие, несомненно, не является непобедимым, ибо мы видим, как христиане и евреи состязаются между собой в торжественном отречении от своей религии. Так будет везде, где будет принята монтаньярская конституция, везде где люди обретут свои пять чувств. Конституция, не оставляющая священникам ничего кроме балагана, отняв у них нашу мораль и наши деньги, эта конституция, показывая ложь и обман во всей их ужасной наготе, должна была непрестанно производить те чудеса, которые происходят у нас на глазах. Тем более, что самый ход вещей и интересы людей направляют все умы к театру освободительной войны.

Я не буду с теми неразумными людьми, которые видят в этом интриги контрреволюционеров и воображают, что народ ведут в пропасть. Успокойтесь, добрые люди, народ не позволит больше себя вести: он съел свои помочи и знает больше всех учителей. Что касается перерядившихся аристократов, которые повторяют свою старую клевету против центральной коммуны, утверждая, что департаменты еще не созрели, то я пошлю их в Ниевр, на Сомму, в Рошфор и т. д., если только они не предпочитают пребывать в Вандее, священное неистовство которой ускорило исцеление наших победоносных республиканцев. Заметьте граждане, что большинство тех, которые трусят теперь, было среди тех, кто порицал благоразумие якобинцев, выступавших последней осенью против преждевременного предложения одного из членов финансового кабинета. Так вот эти самые якобинцы, всегда стремящиеся схватить быка за рога, поднимаются теперь всей массой, чтобы безвозвратно размозжить все головы религиозной гидры. Благотворительный террор рассеивает все фантастические страхи: ярость, говорит один древний, бывает только в первый день, следующий за дурным царствованием. Используем этот первый день; мы должны продлить его до наступления завтрашнего дня, который будет днем освобождения мира.

Итак, общепризнанным является, что противники религии имеют великие заслуги перед родом человеческим. Именно по этим соображениям я требую для первого отрекшегося священника статуи в храме Разума. Достаточно назвать его, чтобы получить соответствующий декрет Национального конвента: это — неустрашимый, благородный, образцовый Жан Мелье, священник из Этрепиньи в Шампани, философское „Завещание“ которого внесло смятение в Сорбонну и в среду всех христопоклоннических групп. Память этого благородного человека, подвергавшаяся хуле и бесчестию при старом режиме, должна быть реабилитирована при режиме природы.

Граждане коллеги, вы с благосклонностью примете оба моих предложения, ибо парижские архиепископы и кальвадосские епископы больше не властны уже над порядком дня.

26. Ж. - М. Лекинио ⁶⁸. О религии

Если какой-нибудь институт, хороший в своем принципе, сделавшись вредным человеческому роду и заслуживает ныне полного уничтожения, то это бесспорно религиозный институт: будучи необходимым продуктом первоначального невежества народов, он сделался теперь опасным равно как и, что мною будет сейчас доказано, излишним. Если когда-то было полезно людям, чтобы им на глаза накладывали повязку для того, чтобы легче было их вести, то теперь времена эти миновали: наступил момент сорвать эту повязку. Необходимо это сделать, необходимо сказать людям откровенно, что впредь они могут шествовать, руководясь светильником разума, если только они хотят наконец им пользоваться.

Религия является политической цепью и ничем более. Цепь эта была изобретена для управления людьми и для господства над ними. Она позволяла вести толпу и заставляла ее существовать для радостей и удовольствия нескольких личностей. Тысяча религий существует на земле. Некоторые из них являются по отношению друг друга лишь преобразованиями и ответвлениями, однако многие из них совершенно различны между собой, и между ними не существует никакой другой связи, кроме общей цели. Целью религии по внешней видимости являлось всегда улучшение человеческого рода, и следует признать, что она служила единственным средством, которое имелося когда-то для того, чтобы цивилизовать кочующие и дикие расы. Однако в действительности стремление подчинять людей и управлять ими, дух господства, любовь к славе, жажда увековечить себя моральными завоеваниями и сохранить таким путем свои имена для потомства при невозможности добиться этого военными победами — вот что руководило большинством основателей религий. Среди них лишь самое ничтожное количество действительно руководилось той кроткой страстью, которая так восхитительно наполняет чувствительное сердце, которая умеет расширять и углублять существование человека любовью к людям и подлинным желаниям сделать их счастливыми.

Среди этих основателей религий одни поддерживали свою про-

поведь силой своего оружия, другие смирением, терпением, несравненным мужеством, однако, все они обнаружили крайнюю ловкость, удивительную проницательность, поразительную чуткость и совершенное знание человеческого сердца. Впрочем, каковы бы ни были частные мотивы, которые заставляли действовать этих смелых, тонких и предприимчивых людей, их роднит еще один момент, а именно — умение соблазнять и вводить в заблуждение народы: в те времена было необходимо равно как и весьма легко обманывать людей, разум которых отличался крайней невежественностью и чье воображение в силу этого самого являлось весьма пылким. То были люди, которые еще совсем не умели мыслить, то были темные, невежественные люди, позволявшие приводить себя в восторг всякого рода чудесами и увлекать себя заблуждениями, которые придумывал для них ловкий и смелый обманщик. Таким образом, когда-то религия была истинным кормилом человеческого рода, и уже в первых зародышах известных нам человеческих обществ мы неизменно находим скипетр и кадило объединенными в одних и тех же руках.

По мере того, как человеческие общества расширялись, правители народов были вынуждены разделить свои функции, сделавшиеся слишком утомительными и сложными: они доверили религиозную часть личностям, которых они окружили всем тем доверием, которым пользовались они сами, всячески поддерживая их авторитет. Эти личности, однако, вскоре почувствовали превосходство своих сил и, завоевав доверие народов, они вскоре добивались нередко господства и над царями. Они извратили разум и сердце людей, злоупотребляя средствами, которые должны были людей исправлять и улучшать.

Вот откуда возникли мнимые чудеса, исключительные обетования, провозглашаемые каждым основателем религии для своей паствы, ненависть последователей одной религии к сторонникам другой, отсюда пошло ослепление толпы, отсюда родились религиозные войны, в тысячу раз более варварские, чем всякие другие, отсюда, наконец, обрушились и другие бедствия: опустошение земли, столь часто повторявшееся во имя бога, упадок рода человеческого, его порабощение, его оскотинение.

Тому, кого могут поразить результаты действия пылкого воображения и предприимчивого ума на людей с воспламеняющейся фантазией и с невежественным умом, достаточно бросить хотя бы беглый взор на чудеса и шарлатанство нашего века: в наши дни, вчера только, Месмер и Калиостро совершали чудеса среди народа, считающего себя просвещенным, в самом центре Франции, в Париже. Философы, приглашенные засвидетельствовать их чудеса, остались единственными, которые не заметили ничего, кроме беспутной наглости этих обманщиков, слабоумия нескольких мужчин, жалкого легковерия нескольких женщин, неразумия и смешной доверчивости толпы, по-идиотски жадной к чудесам и новизне, сильной воображением, слабой разумом и способной в зависимости от желания или страха видеть множество вещей, которые на самом деле не существуют.

Философ, которому мы в настоящее время столь справедливо, почти единодушно выражаем свое благоговение, сказал, что не следует говорить о религии молодым людям раньше 15 лет. Он не осмелился сказать всю правду. Ну что ж, я пойду дальше, я позволю себе откровенно заявить, что если мы хотим, чтобы люди наконец научились думать, следует начисто изгнать из нашего народного воспитания всякую религиозную идею кроме той, которая существует у всех народов и повсеместно.

Я имею в виду чувство восторга и преклонения пред высшим существом, вечным и непостижимым творцом и владыкой природы, являющимся самой природой, перед существом, которому мы обязаны своим существованием и к которому вопреки нашей воле устремлены все наши чувства, перед существом, бесконечно совершенным, бесконечно благостным, бесконечно великим, пребывающим во всех своих творениях, сущим во всех местах, являющимся душою всех существ, творцом жизни и смерти, пребывающим в нас в то время, как мы пребываем в нем, чьи могущество и величие запечатлены на сводах небосклона, как и в водах моря или в пещерах гор, перед бесконечно совершенным существом, пребывающим и в каждой песчинке на берегу океана, и в удивительном строении человеческой машины, и в чудовищной махине слона, перед существом, вечным по самой своей сущности, которым все движется и все существует, которое пребывает везде, не существуя нигде, перед существом, благостным по своей сущности, которое, сотворив все живое на земле, совершило это отнюдь не ради несчастья и ради мучений живых тварей.

Кроме этой единственной идеи, которая напрашивается и развивается сама собой, следует все отбросить, ибо всякий другой религиозный принцип, каков бы он ни был, является идиотским или коварным измышлением нескольких честолюбцев, нескольких мерзавцев или нескольких сумасшедших. Во всех этих случаях это продукт заблуждения, это верный залог упадка, оскотинения человеческого рода, залог смерти разума.

Как можно хотеть, чтобы люди когда-нибудь были в состоянии здраво мыслить и рассуждать, если им с самого рождения запрещают употребление своего разума, если, обволакивая их с самой колыбели всякими нелепостями и смешными примерами, их принуждают к отречению от своего рассудка и от своей воли, если первое же получаемое ими наставление оказывается решительным забвением здравого смысла, если невежественные, фанатичные и нетерпимые педагоги загромаждают их память глупыми верованиями и отравляют их молодой мозг ядом заблуждений?

Верить в то, что является очевидно невозможным, например в то, что существующее когда-то не существовало, верить в то, что часть столь же велика, как и целое, что тело может существовать в целом виде в тысяче мест в одно и то же мгновение, что три составляют одно и т. д. — вот математические нелепости, к которым приучают сознание людей с самого их рождения. Вместе с тем их робкую душу наполняют пустыми ужасами, а их сердце

глупыми надеждами, созданными для того, чтобы обманывать их всю жизнь. Едва только люди выходят из колыбели, когда все их чувства столь еще нежны и податливы для всякого влияния, их заставляют преклоняться пред дикими и противными велениям природы обычаями. В них с самого рождения душат зародыш разума, и вот после этого хотят воскресить в них разум, тогда, когда срок уже миновал, когда чувства и привычки людей приобрели уже известную устойчивость и заостренность. Требовать, чтобы люди в юношеском возрасте, когда их пылкое воображение, волнуемое тысячами новых ощущений, возбуждает их и непреодолимо толкает к разным действиям, требовать, чтобы люди в таком состоянии, среди бурь и гроз страстей, подчинились голосу здравого смысла, которого их лишили, значит требовать невозможного. В силу необходимости каждый из них устремляется туда, куда его увлекают его склонности, и вот один из них с увлечением отдается идеям и обрядам фанатизма, тогда как другой погружается в пучину самого грязного распутства, чтобы в конце концов, к исходу своего жизненного пути, после сорокалетней лихорадки обоим вернуться к слабоумию своего раннего детства, к ребяческим страхам, призванным провожать их до самой могилы.

Нет, я не боюсь сказать это: или пусть люди откажутся от религиозных нелепостей, или пусть они навсегда забудут о свете разума. Середины нет. Религия является в полном смысле этого слова смертью разума. Во всех религиях их основатели всегда предписывали в качестве первого пункта, даже больше, в качестве основного пункта, подчинение разума, т. е. отречение от себя, отказ от собственного рассудка. Они сумели превратить для своих последователей в преступление сомнение и размышление. Следует признать, что это является большим бесстыдством, однако необходимо вместе с тем и сознаться, что это было необходимо, ибо, если бы люди осмелились размышлять с самого начала, они заметили бы ничтожество всех глупостей, всех нелепостей, в которые их заставляли верить, бессмысленность смешных и суеверных обрядов, которые им навязывались.

Религии нужны были до того, как появилось искусство книгопечатания, ибо тогда не существовало достаточных средств для воспитания людей, ибо тогда было более удобным вести людей на помочах, чем просвещать. Дикий народ совершенно необходимо имеет пылкое воображение, легко поддающееся воспламенению, и вот одаренный человек, овладевающий этим народом, в состоянии вести его куда ему угодно, заставить его ходить по горячим угольям или бросаться в пучину вод. Такому народу нельзя говорить простые, понятные вещи, которые по плечу его рассудку. Такие вещи не привлекали бы его внимания, он считал бы себя не менее ловким и умелым, чем его воспитатели, которых он не стал бы слушаться. Вот почему приходилось говорить ему вещи невероятные, чудесные, непонятные для него, вещи, стоящие выше всякого разума, религиозно мучающие его воображение, жадное до всего чудесного и удивительного. Тогда нужно было не просвещать народ, а напротив ослеплять и волновать его, что было

крайне легко делать: надо было только овладеть его чувствами и страстями и сталкивать их между собою.

Основатели религий были все одаренными людьми, они были взысканными природой существами, которых она наградила в изобилии самыми богатыми своими дарами. Все они были слишком просвещенными, слишком здравомыслящими, чтобы верить в догмы, которые они преподавали, однако они рассматривали эти догмы как узду, при помощи которой приходится вести род человеческий, чтобы уберечь его от пучин и пропастей, куда могли его увлечь каждую минуту его страсти.

Вполне понятно, что тогда не было других средств для руководства людьми. Конечно, это было очень сильным средством, настоящим ядом, при помощи которого стремились исцелить тяжелую болезнь, но все же без этого средства обойтись нельзя было. Ведь для того, чтобы употребить единственное подлинно доброкачественное лекарство, понадобилось бы столько же воспитателей, сколько и воспитанников, а ведь такого количества тогда быть не могло. Совсем иначе обстоит дело со времени открытия того драгоценного средства, при помощи которого мы можем так быстро распространять просвещение, при помощи которого мы можем в одно мгновение распространить любую идею по всем уголкам вселенной. Мы разумею открытие книгопечатания, этой опоры страждущего человечества, этого бича фанатизма и тирании. Да, искусство книгопечатания является прекраснейшим даром неба, и без него земля навеки осталась бы добычей ужасов поочередно сменяющихся гражданских и религиозных войн, без него землю бы на вечные времена продолжала пятнать человеческая кровь, проливаемая ради царей или богов.

О ты, счастливый смертный, которому природа доверила эту драгоценную тайну, о ты, которого она предназначила приобщить к этой тайне род человеческий, о ты, подлинный избранник судьбы, которому суждено было стать как бы хранителем просвещения и счастья грядущих рас, о ты, счастливый Гуттенберг, прими здесь мое преклонение! Пусть твое имя, драгоценное для мира, выберется наконец навсегда из несправедливого забвения, в котором оно было оставлено неблагодарностью твоих современников: ты — подлинный благодетель рода человеческого!

Я возвращаюсь к своей теме и заявляю, что следует либо отказываться от разума, либо отречься от всех религиозных призраков. „Но ведь, скажут мне, религия является, как вы сами говорите, политической цепью, а эта цепь всегда будет необходима для того, чтобы удержать народ, или по крайней мере наименее обеспеченную часть граждан, в порядке, спокойствии, в подчинении гражданским законам, чтобы предохранить общество от нападений и непрерывных восстаний той части населения, которая лишена и достоинства, и просвещения, и узды“.

Перед тем, как приступить к опровержению этого аргумента, я считаю необходимым отметить, что это возражение принадлежит всем тем, у которых нет никакой другой реальной религии, кроме религии их эгоизма, или их личного интереса, что это

принижение принадлежит королям, аристократам и попам, что это возражение употребляется всеми людьми, которых обстоятельства и богатство подняли высоко над общим уровнем, что это рассуждение пускается в ход людьми, предающимися в своих дворцах среди полной безопасности всякого рода распутству, показывающихся народам лишь издали, в облачении великолепных и блестящих одежд, призванных прикрывать их аристократическое существование и замаскировать их срамоту от взоров черни, что этот язык принадлежит тем коварным людям, которые совмещают в себе порочность с распушенностью, но только более утонченной, более скрытой, чем у простонародья, тем людям, которым присущи преступления честолюбия, тщеславия, двоедушия, предательства, извращения, скупости и тысячи других пороков, которые известны грубой и простой черни лишь по именам. Это — язык безнравственных людей, лишенных всякой веры, но желающих еще обманывать толпу своими лицемерными гримасами, осуществлять в полной безопасности свой деспотизм под прикрытием религии, оружием которой они пользуются лишь для того, чтобы охранять свои пороки и наслаждения, чтобы удерживать свою власть с согласия тех самых людей, которых они угнетают.

Если пороки малых грубы, то они не являются ни более действительными, чем пороки великих, ни такими опасными как они. Все знают, что при дворах яд является таким же общепринятым орудием борьбы, как дубина в руках черни. Все знают, что при дворах никакие узы благородства, близости и кровного родства не в состоянии удержать постыдные страсти какого-нибудь властелина, для которого между алтарем и кровосмешением, между кровосмешением и убийством существуют лишь нюансы, совершенно для него не чувствительные.

Одним словом, возражение, о котором идет речь, доказывает, что религия создана лишь для народа, в аристократическом смысле этого слова, т. е. для неимущих классов, для тех, которых бессовестные аристократы называют еще сволочью. Она является не чем иным, как институтом, придуманным несколькими ловкими смельчаками для того, чтобы тянуть на поводу других, спекулируя на их идиотской доверчивости. Так вот, я утверждаю, что бедные столь же великолепно могут обходиться без религии, как и богатые. Результатом этого будет только то, что бедные станут немногим более свободными, ибо их не будут больше оглушать нелепые сказки, которыми их усыпляют, а сделавшись более свободными, они посмеют мыслить и видеть. Они убедятся тогда, что великие велики только потому, что малые имеют глупость им верить, что для того, чтобы быть богатым, не приходится иметь больше добродетели или более совершенную природу. Тогда богатые станут менее бессовестными, и если они захотят попрежнему пользоваться общественным почетом и уважением, они будут вынуждены добиваться их своей гражданственностью и своими добродетелями, которые всегда будут в почете у людей, кто бы они ни были.

„Народ, говорите вы, жестокий зверь, которого следует держать в цепях, чтобы он не наделал бед“.

Ну так вот, вы ошибаетесь. Его цепи раздражают его, и вот как раз в тот момент, когда вы потрясаете этими цепями, он приходит в бешенство, именно тогда он предается необузданно некоторым чрезмерным проявлениям свободы, которой он не умеет еще пользоваться как в физическом, так и в моральном отношении. Если бы вы всегда оставляли его на свободе, он бы привык к вам с колыбели, он оказался бы естественно прирученным благодаря вашему доброму попечению, как дикое животное, которое приручается и воспитывается путем хорошего обхождения, доброты и обучения. Вместо того, чтобы пугать его вечными муками, которых вы сами, как бы вы их ни заслужили, совершенно не боитесь, дайте ему возможность вкусить на земле сладости рая, дайте ему пример снисходительности и доброты, подлинной гражданственности и всех общественных добродетелей, поддерживайте его в беде искренно и усердно, помогайте ему, когда он мужественно и решительно работает на вас, будьте справедливы к нему, относитесь к нему с той добротой, человечностью, простотой и мягкостью, какая вам подобает, и вы увидите тогда, как скоро народ сделается добродетельным по вашему образцу. Вы достигнете полного успеха на этом пути, если у вас хватит справедливости и мужества вступить на него.

Нет, я это чувствую, мерзкие аристократы, лицемерные и чванные люди, скупцы, открывающие свои сокровища лишь для удовлетворения своих страстей, я чувствую, что вы находите гораздо более удобным предаваться всем своим удовольствиям, всем своим привычкам, что вам кажется гораздо более подходящим оставаться жесткими и неумолимыми, проповедывать или заставлять проповедывать сказки об аде, в который вы не верите, навязывать религию, которую вы сами не соблюдаете, но которая скрывает ваши пороки и все ваши грехи. Вы находите более удобным для себя использовать некоторое количество наемных людей, которые от имени неба внушают уважение к вам и самим себе невеждам и глупцам за деньги, которые вы им даете, и за почет, которым вы окружаете их полезную для вас ложь. Я чувствую, что все это представляется для вас более удобным, более приятным и более надежным. Но время для этого миновало. Век разума настал. Час равенства пробил. И если вы хотите уважения, вы должны отныне усвоить просвещение и добродетель.

Необходимость отказа в дальнейшем от всех наших религиозных идей достаточно доказана одним только бесконечным разнообразием религий и более или менее ошарашивающих нелепостей, которыми они все кишмя кишат. Все они предписывают отречение человека от собственного разума и веру в глупости, бессмысленность и невозможность которых очевидна. С достаточной ясностью доказано, — конечно, учителя богословия здесь не в счет, я это признаю, — для каждого, кто имеет несколько унций здравого смысла и добросовестности, что люди никогда не научатся мыслить, раз их с детства заставляют подчинять свой разум игу религиозных

нелепостей. Каждый человек, который до 20 лет сохранил привычку верить призракам и нелепостям религии, потерял навсегда. В нем сидит уже вторая природа. Никогда он не будет уметь мыслить, никогда у него не будет мужества.

„Что поставите вы на их место“, сказал мне несколько времени тому назад в присутствии надежных свидетелей один из крупных писателей нашего времени, признавая вместе со мной порочность всех религий. — Что я поставлю? Разум, разум с самой колыбели. Он стоит обрезания иудеев и крещения христиан. Разум, доброту и особенно просвещение, распространение которого крайне облегчается благодаря книгопечатанию.

Произведем для распространения просвещения и утверждения власти разума тысячную долю тех затрат, которые у всех народов совершались для распространения религиозного соблазна и утверждения власти деспотов, и мы увидим новое поколение людей, свободное от всяких пут, дающее полную волю своим мыслям, мы явимся свидетелями того, как новые люди получают возможность беспрепятственно развивать свой гений, как здравый смысл распространит наконец свою власть над целым миром, низложит всех тиранов и обеспечит свободу всем народам.

Но может быть в возражение мне противопоставят нынешнее состояние французского народа? Такое возражение было бы слишком неуклюжим или несправедливым. Ведь даже без особого размышления нетрудно сообразить, что именно невежество и разгул взаимной религиозной ненависти являются источниками той смуты, которая потрясает сейчас все государство, и что завтра же воцарится полное спокойствие, если обе партии перестанут быть столь фанатичными, если аристократы станут менее коварными и гнусными, а патриоты менее глупыми, если сторонники аристократии меньше станут вступаться за эту систему и, особенно, если патриоты станут достаточно мудрыми, чтобы предать презрению, как они этого и заслуживают, все религиозные обряды или мнения.

„Вы подрываете, скажут мне, основы общества“. Нет, друзья мои, кто бы вы ни были, желающие жить действительно счастливо. Нет. Я утверждаю эти основы на такой же солидной базе, на какой держится весь мир, на здравом смысле, на разуме. Я подрываю только престолы тиранов и попов, я подрываю только жадность спекулянтов и аристократии богатых, я подрываю только гордыню деспотов всякого рода, двоедушие, скупость и лицемерие, соединившиеся против свободы народов и счастья рода человеческого.

„Вы отнимаете у несчастных их иллюзию и утешение надежды“, могут мне прибавить. Уже самое это возражение является новым доказательством в пользу моей теории. Но я могу сказать еще больше. Ваш неимущий народ несчастен только потому, что вы его обманывали, что вы не давали ему возможности видеть вещи такими, какими они являются в действительности, что вы внушали ему надежды на то, что не существует, что вы его пугали пустыми страхами, делая его таким образом беспечным относительно настоящего, что вы во все времена целиком отдавали его разум во

власть его воображения и его опыт во власть ваших призраков. Учите его истине с колыбели, не обманывайте его никогда, покажите ему, на что он должен и может реально рассчитывать, и вы увидите, как быстро выйдет он из своего упадочного состояния, как он научится обретать свое счастье в своей свободе, в своей деятельности, в применении своего разума и в повиновении законам, которые он будет признавать, ибо он убедится в их справедливости и необходимости.

О, вы, кто бы вы ни были, которых скандализуют мои принципы и мои воззрения, вы, которые не в состоянии существовать, не подчиняясь религиозным предписаниям! Если ваше сердце является чистым и бескорыстным, если оно полно великодушия, если оно проникнуто смирением и является другом добродетели, где бы она ни встречалась, если оно преисполнено жалости к несчастным и деятельной любви к ним, если мстительность и ненависть тщательно изгнаны из него, если оно всегда открыто чувствам нежности и согласия, если сарказм и злоречие никогда не оскверняют вашего языка, а клевета никогда не очерняла ваших уст, если ваш рот открывается лишь для слов доброты и мира, если благосостояние не в состоянии вызвать в вас гордыню, а неудачи не раздражают и не обескураживают вас, если вы не злоупотребляете вашими богатствами для унижения или развращения неимущих, если эти богатства служат в ваших руках не средством для удовлетворения жадности, а драгоценным и спасительным источником благодеяний, если вас воодушевляет истинный патриотизм, если вам может доставить счастье только разделение вашего благополучия со всеми людьми, — о, вы, чувствительные и благочестивые души, придите ко мне, чтобы я мог выразить вам мою нежность и обнять вас как друзей, как братьев! Я преклоняюсь перед вашими добродетелями и уважаю вас целиком, включая и ваши слабости. Приносите богу какие-угодно жертвы, лишь бы это был бог мудрости и доброты, соблюдайте вашу религию, как вы ее разумеете, друзья мои, вы меня всегда увидите полным признания к вам, искреннего братства и усердия в отношении вас, я обрету в вашем кругу истинное счастье, вы никогда не встретите с моей стороны несправедливых и неприятных противоречий, вам не придется терпеть от меня обиды или пренебрежения и переносить проявления ужасного порока преступной и жестокой нетерпимости.

И вы, люди простые и обманутые, люди добросовестно нетерпимые, не могущие примириться с тем, чтобы кто-нибудь был счастлив на другой лад, чем вы, ругающие тех, которые думают или молятся не так, как вы, о, вы, остающиеся все-таки моими друзьями, мне жалко вас. И если вы меня ненавидите, я прощаю вас, ибо ваша несправедливость и ваша ненависть не ваши, они исходят от коварных и вероломных людей, которые вам их внушают и которые вас обманывают.

И вы, существа пропитанные честолюбием и жадностью, интриганы всякого рода, умеющие под маской патриотизма скрывать ваши личные вожеления, ваши частные интересы и все ваши пороки, лживые и преступные люди, ставящие ваши страсти на

место закона, источающие клевету и ненависть, проповедующие без зазрения совести раздоры и преследования, нетерпимые патриоты, вы, провозглашающие в качестве закона свободу культа, но не соблюдающие ее, вы не терпящие, чтобы кто-нибудь молился по-иному чем вы, чтобы кто-нибудь был патриотом на иной лад чем вы, вы, желающие подчинить себе даже мысли ваших братьев, вы, ежедневно плодящие новых врагов общему делу, вы, истинные мятежники и потрясатели Франции, за опору которой вы хвастливо себя выдаете!

И вы прочие, выродившиеся существа, души из железа и грязи, гнусные лицемеры, приносящие жертвы только вашей жадности, вашему тщеславию, всем вашим низменным страстям, вы, существа, мерзкие как тина, вы, память которых будет покрыта презрением потомства, вы, существа, насквозь пронизанные обманом, вы, чье сердце исполнено гордыни, нетерпимости и ненависти, вы, мерзкие столпы деспотизма, опора тирании у всех религий и всех народов, вы, чудовища, потрясающие ныне в лучшей державе мира пылающим факелом фанатизма, вы, способные принести только несчастье человеческому роду, всегда обманывавшемуся вами, о, вы, попы всех рас!

Также и вы, короли и властители соседних народов, если когда-нибудь случится, что до того, как вы перестанете существовать, я попаду на почву, которую вы опустошаете, вы, люди воспитанные на тронах и думающие только о том, чтобы увековечить ваши наслаждения, вы, люди, окруженные идолопоклонническим обожанием массы, вы, чья сила держится на бессмысленных людях, которые считают вас богами народов, доверивших вам свою мощь, вы, сумевшие завоевать любовь народов, хотя вы никогда не хотели ничего кроме их подчинения и заслужили только их ненависть, вы, слепо бесчувственные и безумные существа, не уразумевшие, что все ваше могущество зиждется на воле народа или, вернее, слишком хорошо почувствовавшие в настоящий момент, что именно народу, против которого вы злоумышляете, вы обязаны всей вашей властью, вы, существа, стремящиеся утопить истину в мраке невежества и заблуждения, на которых держался ваш деспотизм, вы, варвары, сговаривающиеся сейчас втайне, чтобы задушить порывы патриотизма и снова растоптать вашими ногами род человеческий, одного дуновения которого достаточно, чтобы смести вас с лица земли, наконец, все вы, кто бы вы ни были, короли, попы, интриганы и заговорщики всякого рода, друзья суеверия, на котором держится доверие к вам, враги истины, вас разоблачающей, все вы, которых мое перо приводит в бешенство, вы, которые во мраке куете вашу месть, вы, которых я хочу разоблачить до конца,—вы не обманете меня.

Я чувствую, что для прогресса разума и спасения рода человеческого потребуются еще несколько жертв. Так вот, я готов. Не думайте, что вам удастся подчинить себе мою душу, она недоступна для ваших преследований, для вашего бессмысленного гнева, вам не удастся добиться того, чтобы я стал разделять

с вами ваши пороки, вашу свирепую ненависть и ваше бесполезное бешенство. Вы можете вонзить в мой бок ваши окровавленные кинжалы, но вам не удастся никогда осквернить мое сердце, и я окажусь в силах простить вас еще тогда, когда вы будете наносить мне последние удары. В тот момент, когда вы будете похищать у меня свет дня, мои последние взгляды с удовлетворением устремятся к отсветам истины, озаряющей эту мою книгу. Ей пришлось преодолеть огромные пространства до того, как она проникла к вам, и мое утешение будет заключаться в том, что вместе с собой я увлекаю в могилу заблуждение, суеверие и обман, что вместе со мной канут в ничто все древние предрассудки человечества.

27. Республиканский календарь

Доклад депутата Фабр д'Эглантин ⁶⁹

сделанный в заседании Конвента в октябре 1793 г. (3 числа 2-го месяца 2-го года Французской республики) от имени комиссии, которой поручено было составление календаря

Возрождение французского народа и установление республики по необходимости повлекли за собою реформу общепринятого летоисчисления. Мы не могли больше считать годы, когда короли нас притесняли, временем, когда мы якобы жили. Предрассудки трона и церкви, ложь трона и ложь церкви пятнали каждую страницу календаря, которым мы пользовались.

Вы реформировали этот календарь. Вы заменили его другим, в котором время измеряется более точным и более соразмерным исчислением. Но этого недостаточно. Долгая привычка к грегорианскому календарю наслонила в памяти народа значительное число образов, пред которыми он долго преклонялся и которые даже в наши дни являются еще источником его религиозных заблуждений. Необходимо поэтому поставить на место призраков невежества реальность разума и на место престижа духовенства истину природы.

Мы все воспринимаем лишь образами. В самом абстрактном анализе, в самом метафизическом построении наш разум разбирается только посредством образов. Наша память опирается и покоится только на образах. Вы должны поэтому прибегать к образам и в вашем календаре, если вы хотите, чтобы его метод и весь календарь в целом легко восприняты были разумом народа и быстро запечатлелись в его памяти.

Но вы не только эту цель должны иметь в виду. Поскольку это зависит от вас, вы не должны допускать, чтобы в области обычаев и учреждений разумом народа воспринималось что-либо такое, что не носит величественной печати общественной полезности. Вы должны поэтому воспользоваться представляющим счастливым случаем, чтобы через календарь, эту наиболее употребительную и наиболее распространенную книгу, вернуть французский народ к земледелию, ибо земледелие есть главный политический элемент такого народа, как мы, на который и земля, и небо, и природа взирают с такой любовью и предпочтением.

Когда взор и мысль гражданина в каждое мгновение года, месяца, декады и дня будут останавливаться на каком-либо земледельческом образе, на каком-либо благоденствии природы, на предмете сельского хозяйства, — вы не должны сомневаться, что это будет для нации большим шагом вперед к организации сельскохозяйственного строя (*système agricole*) и что каждый гражданин будет проникаться любовью к вкушаемым им реальным и действительным дарам природы. Ибо питал же народ в течение веков такую любовь к фантастическим объектам, к так называемым святым, которых он не видел и которых еще меньше знал. Больше того: священникам лишь постольку удавалось внушать веру в своих истуканов, поскольку они приписывали каждому из них непосредственное влияние на предметы, действительно интересующие народ. Так, св. Иоанн якобы дарил урожай, а св. Марк был покровителем виноградников.

Если бы мне понадобились аргументы для подтверждения власти образов над человеческим разумом, мне не нужно было бы вдаваться в метафизические анализы, потому что теория, учение и опыт священников мне дали бы достаточно фактов.

Так, когда священники, — универсальной и конечной целью которых всегда будет покорить себе род человеческий и наложить на него цепи своей власти, — устанавливали поминовение мертвых, они это делали для того, чтобы внушить нам отвращение к земным и светским богатствам, дабы они тем полнее могли сами ими пользоваться; они это делали для того, чтобы сказкой и образами чистилища поставить нас в зависимость от них.

Но посмотрите, как ловко они пользуются воображением людей и как умело направляют его по своему произволу! Не в театре, дышащем свежестью и весельем, который побуждал бы нас дорожить жизнью и ее наслаждениями, разыгрывали они этот фарс. Нет, во второй день ноября водили они нас к гробницам наших предков, — в такое время, когда ясные дни уже позади, когда небо хмурится и серо, когда поблекшие краски земли и ниспадающие листья наполняют нашу душу меланхолией и грустью, — в это время года они хватили нас и изводили своим рождественским постом и многочисленными так называемыми праздниками, всем, что их бесстыдство измыслило мистического для верующих в предопределение, т. е. для глупцов, и устрашающего для грешников, т. е. прозорливых.

Когда священники, эти только по внешности люди, столь жестокие враги человеческих страстей и наиболее интимных чувств, хотели к своей выгоде использовать эти страсти и чувства, когда они хотели, чтобы чувственная необузданность молодых любовников, кокетство одного и другого пола, жажда украшений, суетность, тщеславие и столько других страстей счастливого юного возраста приводили молодежь к религиозному порабощению, — они, священники, не зимою побуждали их выявлять и показывать себя. Нет, на самые ясные, самые длинные, самые трепещущие дни года назначили они во множестве, под названием божьих праздников, торжественные публичные обряды, — обряды, в которые они с обычной

ловкостью своею ввели все, что есть наиболее соблазнительного в светском быте, в роскоши и украшениях, уверенные в признательности девушек, за которыми в эти дни будет менее бдительный надзор, уверенные, что оба пола, более склонные сближаться друг с другом и друг другу показываться, что кокетки, тщеславные, более склонные проявлять себя и веселиться в обстановке, необходимой для удовлетворения их страстей, будут с удовольствием глотать яд религиозного суеверия.

Когда священники, наконец, хотели, — все к выгоде для своего господства, — совершенно покорить себе массу земледельцев, т. е. почти весь народ, они играли на их жажде наживы, привлекали доверчивость людей самыми величественными образами. Не в дни, когда солнце невыносимо жжет, созывали они народ в деревнях: урожай уже убран в то время, чаяния труда осуществлены. На соблазн не так охотно поддались бы. Нет, в ясный месяц май, когда мягкое весеннее солнце еще не выжгло росу и свежесть зари, священники, в ореоле суеверия и созерцательности, влекли доверчивые народы в деревни, и там, в дни молитв пред праздником так называемого Вознесения, они со своими таинствами поднимались средоточением между небом и нами; там, развернув пред нашим изумленным взором природу во всей ее красе, показав нам землю во всем ее цветении, они, казалось, говорили нам, да и действительно говорили: — Это мы, священники, покрыли зеленью эти деревни, мы оплодотворяем эти поля столь радостными надеждами, через нас наполняются ваши житницы, — верьте нам, почитайте нас, повинуйтесь нам, обогащайте нас. А в противном случае град и молния, которыми мы распоряжаемся, накажут вас за ваше неверие, за вашу непокорность, за ваше непослушание. И земледелец, пораженный красотой зрелища и богатством образов, верил, умолкал, повиновался и легко приписывал лжи священников чудеса природы.

Так действовала на нас ловкость духовенства. Так сильно влияние образов!

Комиссия, которую вы назначили, поручив ей сделать новый календарь более доступным мысли и легче запечатлевающимся в памяти, полагала поэтому, что она выполнит свою задачу, если ей удастся поразить воображение народа названиями и просветить его мысль картинами природы и рядом образов.

Главная мысль, из которой мы исходили, состояла в том, чтобы освятить календарем наше сельское хозяйство и вернуть к нему нацию, отметив времена и части года понятными или видимыми обозначениями, заимствованными из земледелия и сельского хозяйства.

Чем больше останавливать на чем-нибудь память, чем больше давать ей точек опоры, тем легче она запоминает. Поэтому мы придумали дать каждому месяцу года характерное название, которое выражало бы свойственную ему температуру, род произрастающих на земле злаков и в котором вместе с тем сказывалось бы время года, к какому он относится из четырех времен, составляющих год.

Последний эффект достигается четырьмя окончаниями слов, каждое из которых предназначается для трех последовательных месяцев; эти окончания дают четыре звука, и каждый из них указывает слуху то время года, к которому этот месяц относится.

Мы даже старались использовать подражательное созвучие языка в композиции и слогоударении этих слов и в построении их окончаний, так что у названий осенних месяцев звук густой и размер средний, у названий зимних месяцев — звук глухой и размер долгий, у весенних месяцев — звук веселый и размер короткий и у летних месяцев — звук звонкий и размер широкий.

Так, первые три месяца года, составляющие осень, имеют корнями, — первый — сбор винограда, происходящий с сентября на октябрь, — этот месяц называется *вандемиер* *, второй — облачность и низкие густые туманы, которые являются, если мне позволено будет так выразиться, просачиванием природы с октября на ноябрь, — этот месяц называется *брюмер*, третий — холод, то сухой то сырой, который дает себя чувствовать с ноября на декабрь, — этот месяц называется *фример*.

Три зимние месяца имеют корнями, — первый — снег, который покрывает белым покрывалом землю с декабря на январь, — этот месяц называется *нивоз*; второй — дожди, обычно выпадающие особенно обильно с января на февраль — этот месяц называется *плювиоз*; третий — дожди с градом и ветер, осушающий землю с февраля на март, — этот месяц называется *вантоз*.

Три весенние месяца происходят от слов, — первый от прорастания и развития семени, с марта на апрель; этот месяц называется *жерминаль*, второй — от расцвета цветов, с апреля на май; этот месяц называется *флореаль*, третий — от радостного плодородия, от жатвы лугов, с мая на июнь; этот месяц называется *прериаль*.

Наконец, названия трех летних месяцев происходят от зрелища волнующихся нив и золоченой растительности, покрывающей поля с июня на июль; этот месяц называется *мессидор*, второй от жары как солнечной, так и земной, раскаляющей воздух с июля на август; этот месяц называется *термидор*; третий — от плодов, которые под солнцем румянятся и вызревают, с августа на сентябрь; этот месяц называется *фруктидор*.

* Vendémiaire от латинского слова vindemia (французское vendange — сбор винограда).

Brumaire от французского слова brume — густой туман.

Frimaire от слова frimas — изморозь.

Nivôse от латинского слова nivus — снежный.

Pluviôse от латинского слова pluvia — дождь.

Ventôse от латинского слова ventosus — ветренный.

Germinal от латинского слова germen — росток.

Floréal от латинского слова florens — цветистый.

Prairial от французского слова prairie — луг.

Messidor от латинского слова messis — жатва и греческого dōron — дар.

Thermidor от греческих слов therma — теплота, и dōron — дар.

Fructidor от латинского слова fructus — плод и греческого dōron — дар. — Переа.

Итак месяцы называются:

осенние: вандемиер, брюмер, фример;
зимние: нивоз, плувиоз, вантоз;
весенние: жерминаль, флореаль, прериль;
летние: мессидор, термидор, фруктидор*.

Эти названия показывают, как я уже сказал, что при одном их произнесении каждый будет ясно чувствовать три вещи и все их отношения — характер времени года, к которому данный месяц относится, температуру и состояние растительности. Так, уже с первого дня месяца *жерминаля* каждый безо всякого усилия представит себе в воображении, по одному окончанию слова, что весна начинается, а по конструкции слова и по образу, который оно представляет, — что стихии природы проявляют свое действие, а по значению слова — что пробиваются ростки.

Вслед за определением названия месяцев мы занялись их делением. И мы увидели, что периодически следующие друг за другом части месяцев, повторяющиеся три раза в месяц и тридцать шесть раз в год, уже очень удачно названы *декадами*, или десятидневным кругом; что это родовое название вполне подходит к явлению, которое, повторяясь тридцать шесть раз в год, может представляться слуху разными местными образами, не вызывая никакого смещения; что к тому же декады, как деления численные, должны носить общее всем и численное название в течение всего года и что достаточно произнести название месяца, чтобы дать каждому периоду из трех декад характер образов и всего происходящего в течение месяца, к которому они относятся.

Что касается дней, то мы заметили, что они имеют четыре сложных движения, которые должны быть в отдельности точно запечатлены в нашей памяти и которые мы должны представлять себе четырьмя различными способами. Эти четыре движения суть: движение дневное, от одного дня к другому; движение декадное, от одной декады к другой; движение месячное, от одного месяца к другому; движение годовое, или солнечный период.

Недостаток принятого вами календаря состоит в том, что он обозначает дни, декады, месяцы и годы одним и тем же названием, порядковыми числами, так что цифра I, которая является абстрактной величиной и не вызывает никакого образа, одинаково применяется к году, месяцу, неделе и дню. Так, приходилось говорить *первый день первой декады первого месяца первого года*, — выражение сухое, абстрактное, лишенное всякого представления, тягостное по своему многословию и совсем путаное в обиходном употреблении, особенно после долгой привычки к грегорианскому календарю.

* По старому исчислению соответственно: от 22 сентября до 21 октября; от 22 октября до 21 ноября; от 21 ноября до 20 декабря; от 21 декабря до 19 января; от 20, 21 или 22 января до 19, 20 или 21 февраля; от 19 февраля до 20 марта; от 21 марта до 19 апреля; от 20 апреля до 19 мая; от 20 мая до 19 июня; от 20 июня до 19 июля; от 20 июля до 19 августа; от 20 августа до 19 сентября. — Перев.

Мы думали, что, подобно грегорианскому календарю, в котором семь дней недели носят отпечаток юдициарной астрологии⁷⁰, — смехотворный предрассудок, который необходимо отбросить, — нам нужно придумать названия каждому дню декады. Мы думали также, что, так как каждое из этих названий повторяется тридцать шесть раз в году, их нет надобности связывать с образами, которые, будучи по существу местными, не находились бы ни в какой связи с тридцатью шестью повторениями каждого из этих названий. Наконец мы заметили, что было бы значительной опорой для памяти, если бы нам удалось, отличая название дней декады от порядковых чисел, сохранить тем не менее обозначение этих чисел в каком-нибудь сложном слове, которое мы бы составили и из числа, и из какого-нибудь другого слова.

И мы решили так назвать десять дней декады: примиди, дуоди, триди, квартади, квинтиди, секстиди, септиди, октиди, нониди декады⁷¹.

Таким образом, отличие между *примиди* и *дуоди* выражает движение от первого дня декады ко второму дню: таково первое движение дней. Порядковые числа от 1 до 30 выражают третье движение, движение месячное. Комбинация этих порядковых чисел с названиями „примиди“, „дуоди“, и т. д. выражает второе движение, движение декадное. Так, 11-е число месяца и примиди представляют понятие первого дня второй декады и т. д.

Весьма заметная выгода, которую получают от сохранения порядковых чисел в сложных словах *примиди*, *дуоди*, *триди* и т. д., состоит в том, что определить, *которое число месяца* в данный день, можно, не прибегая к календарю.

Так, достаточно знать, что данный день — *триди*, чтобы вместе с тем быть уверенным, что это либо 3-е, либо 13-е, либо 23-е число месяца; *квартади* — либо 4-е, либо 14-е, либо 24-е число месяца и т. д.

Так как всегда приблизительно известно, находится ли месяц в своем начале, в середине или в конце, то легко будет сказать, есть ли данный *триди* 3-й день начала, середины или конца месяца.

Но это счисление не могло бы быть так просто, если бы порядковые числа, обозначающие число месяца, не входили в состав слов, обозначающих название дней декады.

Нам остается еще выяснить четвертое движение — движение годовое. И здесь мы снова возвращаемся к нашей основной мысли. Мы снова будем черпать в земледелии материал, который служил бы опорой для памяти, и будем распространять сельскохозяйственное образование при построении исчисления и движения года.

Нужно сперва заметить, что есть два способа действовать на разум при построении календаря. Действие это производится, во-первых, через память и словом, — тогда нужно, чтобы подразделения и наименования были такого характера, чтобы они заучивались наизусть и запоминались. И мы думаем, что достигли этого в наименованиях частей года, месяцев и дней декады. На разум можно

приходится. Так как к календарю приходится прибегать очень часто, нужно пользоваться этим, чтобы прививать народу зачатки сельскохозяйственных знаний, чтобы показать ему богатства природы, чтобы внушить ему любовь к полям и методически знакомить его с влиянием посылаемых небом тепла и осадков и с тем, что производит земля.

Священники назначили на каждый день года поминовение одного из так называемых святых. В списке этих якобы святых не было ни пользы, ни метода, — это был список лжи, обмана или шарлатанства.

Мы думали, что народ, изгнав эту толпу канонизированных из своего календаря, должен видеть на их месте все предметы, составляющие действительно национальное богатство, предметы, достойные если не его культа, то по крайней мере его культуры, полезные продукты земли, орудия, которыми мы ее обрабатываем, домашних животных, наших верных слуг при этой обработке, — животных, гораздо более ценных, разумеется, в глазах разума, чем почитаемые блаженными скелеты, извлеченные из римских катакомб.

Поэтому мы поместим по порядку в колонне каждого месяца наименование действительных богатств сельскохозяйственной экономики: зерновые злаки, пастбища, деревья, корни, цветы, плоды, растения расположены в календаре таким образом, что место и порядок каждого продукта приходится на то время года и на те дни, когда природа нам его дарит.

На каждый *квинтиди*, т. е. на каждую полдекаду, 5, 15 и 25 число каждого месяца, — записывается домашнее животное, с соблюдением точного взаимоотношения между датой писания и временем, когда данное животное действительно бывает полезно.

Каждый *декади* отмечается названием пахотного орудия, того орудия, которым земледелец действительно пользуется в те дни, когда это орудие вписано. В дни же отдыха хлебороб увидит в своем календаре название орудий, которыми он должен пользоваться на следующий день. Эта мысль мне кажется весьма трогательной, — она должна тронуть сердца наших кормильцев и показать им, что наконец, с установлением Республики, пришло время, когда земледелец пользуется большим уважением, чем все короли земли вместе взятые, а земледелие считается самым главным искусством гражданского общества.

Легко видеть, что при таком методе не будет ни одного гражданина во Франции, который с самой ранней юности не будет проходить постепенно, сам того не замечая, элементарного обучения сельскому хозяйству. Нет даже и ныне ни одного взрослого горожанина, который не был бы в состоянии в короткое время обучиться в нашем календаре тому, о чем он до сих пор, к стыду наших нравов, не имел никакого представления, — обучиться, говорю я, тому, чтобы знать в какое время природа дает нам такой-то продукт и когда она дарит нам другой продукт. Решаюсь даже сказать здесь, что этого не знали очень многие люди, весьма просвещенные в области многих городских наук, вздорных и суетных.

должен заметить, что есть один месяц в году, когда земля скована и обычно покрыта снегом, — это месяц *нивоз*, время отдыха земли. За отсутствием в этот месяц на поверхности земли всяких растительных и сельскохозяйственных продуктов мы их заменим в нашем календаре продуктами и предметами животного и минерального царства, непосредственно нужными земледелию. Мы думали, что ничто из того, что ценно для сельского хозяйства, не должно быть лишено признательности и изучения со стороны всякого человека, желающего быть полезным своему отечеству.

Мне остается еще сказать вам о днях, сперва названных *эпатоменными*⁷², а затем — *дополнительными*.

Это слово чисто дидактическое, — следовательно сухое, ничего не говорящее воображению. Оно может давать народу только бесплодное представление, которое он сам называет „остатком при заключении баланса“. Мы подумали, что для этих пяти дней нужно наименование коллективное, которое носило бы национальный характер, способный выражать радость и настроение французского народа в течение этих пяти дней, которые он будет праздновать в конце каждого года.

Мы сочли возможным, — и еще больше справедливым, — освятить эти дни новым словом, образованным из слова „санкюлоты“. К тому же изыскание, столь же интересное, сколь и любопытное, показывает нам, что аристократы, полагая нас унижить выражением „санкюлоты“, не могут даже похвастать, что им принадлежит честь его образования.

Оказывается, что еще в самой глубокой древности галлы, наши предки, почитали честью так именоваться. Из истории мы узнаем, что часть Галлии, так называемый впоследствии *Лионез* (родина лионцев), именовалась Галлией в панталонах, *gallia braccata*, и поэтому остальная Галлия до берегов Рейна именовалась Галлией без панталон. Так что наши предки были санкюлотами. Впрочем, какого бы происхождения ни было это наименование, — древнего или современного, — но, прославленное свободой, оно должно нам быть дорого. И этого достаточно, чтобы мы его торжественно осветили.

Мы назовем, таким образом, эти пять дней, вместе взятые, *санкюлотидами*!

Пять дней *санкюлотид*, составляющие половину декады, будут именоваться *примиди*, *дуоди*, *триди*, *квартиди*, *квинтиди*, а в високосный год шестой день будет — *секстиди*. А следующий после санкюлотид день будет *примиди* — первый день вандемира.

Мы закончим настоящий доклад указанием на ту мысль, которая у нас была относительно пяти последовательных праздников санкюлотид. Пока мы коснемся только их характера. Пока мы вам предлагаем декретировать лишь принцип этих праздников и их наименование, а вопрос о форме празднования мы предлагаем передать на рассмотрение вашей Комиссии по народному просвещению.

Примиди, первый день *санкюлотид*, будет посвящен самому

ценному и самому возвышенному атрибуту рода человеческого, *разуму*, который отличает нас от мира животных. Наиболее великие замыслы, наиболее полезные для отечества, какой бы области они ни касались, — будь то области искусств, наук, ремесел, будь то области законодательства, философии или морали, словом, всего, что относится к изобретательности и творчеству человеческого духа, — будут публично, с национальной пышностью превозноситься в этот день, *прими́ди*, первый день *санкюлотид*.

Этот праздник будет называться *праздником Гения*.

Дуоди, второй день *санкюлотид*, будет посвящен промыслам и трудовой деятельности. Акты постоянства в труде, долготерпения в производстве полезных отечеству вещей, наконец все, что будет делаться хорошего, прекрасного и великого в ручных и механических ремеслах и из чего общество может извлекать выгоду, будет превозноситься публично, в общенациональном торжестве, в этот день *дуоди*, второй день *санкюлотид*.

Этот праздник будет называться *праздником Труда*.

Триди, третий день *санкюлотид*, будет посвящен великим, прекрасным, добрым индивидуальным деяниям. Они будут превозноситься публично, в общенациональном торжестве.

Этот праздник будет называться *праздником Деяний*.

Квартиди, четвертый день *санкюлотид*, будет посвящен торжеству публичного признания и национальной благодарности тем, кто в течение первых трех дней будут превозноситься и заслужат наград нации. Распределение наград будет производиться публично, в общенациональном торжестве, причем между превозносимыми не будет допускаться никакого различия, кроме признания сделанного ими и присуждения им более или менее крупной премии.

Этот праздник будет называться *праздником Воздаяния*.

Квинтиди, пятый и последний день *санкюлотид*, будет называться *праздником Мнения*.

Тут учреждается совершенно нового рода трибунал, в одно и то же время и веселый, и страшный.

Пока длился год, государственные чиновники, блюстители закона и носители национального доверия, должны были требовать и получали уважение народа и его покорность тем распоряжениям, которые они издавали во имя закона; они должны были оказаться достойными не только этого уважения, но и преданности и любви всех граждан. Если они не оправдали доверия нации — пусть бояться они праздника Мнения, — горе им! Будут поражать не их достоинства, не их личность, даже не самое малое из их прав гражданина, — их будут поражать во мнении. В единственный и торжественный день праздника Мнения закон дает всем гражданам полную свободу высказываться о морали, личности и деятельности государственных чиновников, закон дает свободу проявляться насмешливому и веселому воображению французов, предоставляет в этот день общественному мнению высказываться в этом отношении, как ему угодно. Песенки, намеки, карикатуры, пасквилы, соль иронии, сарказм и остроумие будут в этот день воздаянием тому из избранных народа, который обманет его или вызовет к себе

его неуважение или ненависть. Но враждебности или мести отдельных лиц опасаться не придется, — само общественное мнение расправится со смельчаком, который позволит себе возвести несправедливую хулу на уважаемого чиновника.

Таким образом, с помощью самого характера своего, с помощью своего естественного веселья французский народ сохранит свои права и свой суверенитет, — можно подкупить трибунал, но нельзя подкупить общественное мнение. Мы даже решаемся утверждать, что один этот день праздников *санкюлотид* больше будет удерживать чиновников в пределах долга, нежели самые драконовские законы и все трибуналы Франции. Самое страшное и самое действительное французское оружие против французов — это насмешка. Самое сильное политическое значение из всех трибуналов имеет трибунал общественного мнения. И если углубить эту мысль и связать дух предлагаемого праздника с национальным характером французов, можно убедиться, что один этот праздник Мнения является наиболее действительным мечом против всякого рода злоупотреблений и насилий.

Таков характер пяти праздников *санкюлотид*.

Каждые четыре года, в конце високосного года в *секстиди*, шестой день *санкюлотид*, будут происходить национальные игры. Этот день будет по преимуществу называться *санкюлотидой*, и это конечно наиболее соответствующее наименование для собрания различных слоев французского народа, съехавшихся из всех частей республики праздновать в этот день свободу, равенство, укрепить в их взаимных объятиях братство французов и поклясться от имени всех на алтаре отечества жить и умереть свободными и добрыми *санкюлотами*.

Проект, представленный Фабр д'Эглантинем, был немедленно принят, и протокол следующего заседания, 25 октября, носит дату 4 *фримера 2-го года Французской республики*.

Этот декрет и декрет 5 октября, слитые в один декрет и исправленные в некоторых деталях, установили наконец республиканский календарь.

Декрет 4 фримера 2-го года Республики (24 ноября 1793 г.)

1. Летосчисление французов начинается с основания Республики, имевшего место 22 сентября 1792 г. общепринятой эры, в день, когда солнце достигло действительного осеннего равноденствия, у входа в знак зодиака, в 9 часов 18 минут 30 секунд утра по времени Парижской обсерватории.
2. Общепринятая эра отменяется в гражданском обиходе.
3. Каждый год начинается в 12 часов ночи, вместе с началом того дня, на который выпадает действительное осеннее равноденствие по времени Парижской обсерватории.
4. Первый год Французской республики начался в 12 часов ночи 22 сентября 1792 г. и кончился в 12 часов ночи с 21 на 22 сентября 1793 г.
5. Второй год начался 22 сентября 1793 г. в 12 часов ночи, при-

чем действительное осеннее равноденствие наступило в этот день по времени Парижской обсерватории в 3 часа 11 минут 38 секунд вечера.

6. Декрет, по которому начало второго года установлено было на 1 января 1793 г., отменяется. Все акты, носящие дату 2-го года Республики и составленные в течение времени с 1 января по 21 сентября включительно, считаются принадлежащими к 1-му году Республики.

7. Год делится на 12 равных месяцев, по 30 дней в каждом. После этих 12 месяцев идут 5 дней для пополнения обычного года; эти 5 дней не входят ни в один из 12 месяцев.

8. Каждый месяц делится на 3 равные части, по 10 дней в каждой; эти части называются *декадами*.

9. Дни декады именуются: *прими́ди, дуоди, триди, квартади, квинтиди, секстиди, септиди, октиди, нониди, декади*.

Месяцы называются: осенние — *вандемиер, брюмер, фример*; зимние — *нивоз, плювиоз, вантоз*; весенние — *жерминаль, флореаль, прериаль*; летние — *мессидор, термидор, фруктидор*.

Последние 5 добавочных дней называются *санкюлотидами*.

10. Обычный год, в зависимости от того, как приходится равноденствие, получает добавочный день, дабы сохранить совпадение гражданского года с движением небесных тел; этот день, называемый *днем Революции*, помещается в конце года и составляет 6-й день *санкюлотид*.

4-летний период, в конце которого это добавление одного дня обычно является необходимым, называется *франсиада* — в память Революции, которая после четырех лет борьбы привела Францию к республиканскому образу правления. 4-й год франсиады называется *секстиль*.

11. День, от 12 часов ночи до 12 часов ночи, делится на 10 частей или часов; каждая часть делится на 10 других частей и так далее до поддающейся измерению самой маленькой части времени. Пятая часть часа называется *десятичной минутой* (*minute décimale*); сотая часть называется *десятичной секундой* (*seconde décimale*). Настоящая статья войдет в силу для государственных актов лишь с 1 вандемира 3-го года Республики.

12. Комитету народного просвещения поручается напечатать новый календарь в различных форматах, с приложением популярно составленной инструкции, разъясняющей его основы и пользование им.

13. Календарь с приложением разъяснительной инструкции будет разослан административным органам, муниципалитетам, трибуналам, мировым судьям и всем должностным лицам, армиям, народным обществам, всем гимназиям и школам. Временный исполнительный совет пошлет календарь полномочным министрам, консулам и другим агентам Франции в иностранных государствах.

14. Все государственные акты будут датироваться согласно новому построению года.

15. Профессора, учителя и учительницы, отцы и матери семейств и все, кто направляет воспитание детей, почтут своим долгом обя-

снить детям построение нового календаря согласно приложенной к нему инструкции.

16. Каждые 4 года, или в каждую франсиаду, в день *Революции*, будут происходить республиканские игры в память Французской революции.

ИНСТРУКЦИЯ

о республиканской эре и о делении года, декретированная Национальным конвентом в дополнение к декрету от 4 фримера (сопоставлена Роммом)

Часть первая. — О мотивах, вызвавших декрет

Французская нация, подавленная и приниженная в продолжение большого числа веков самым наглым деспотизмом, поднялась наконец до сознания своих прав и могущества, которое приуготовляет ей ее судьбы. Изю дня в день в течение пяти лет революции, подобной которой не знают летописи мировой истории, она очищается от всего, что ее грязнит и задерживает ее движение, должженствующее быть столь же величественным, сколь и быстрым. Она желает, чтобы ее перерождение было полным, дабы годы ее свободы еще ярче отмечены были в истории своей продолжительностью, нежели годы ее рабства и унижения — в истории королей.

Скоро ремесла наши начнут развиваться новыми путями благодаря единству мер и весов, единый и неизменный тип которых, почерпнутый в самом измерении земли, приведет к исчезновению различия, беспорядков и неточности, существовавших до настоящего времени в этой области национальной промышленности.

Производства и история, для которых время есть необходимое мерило, также нуждались в новом измерении продолжительности, — измерении, освобожденном от всех заблуждений, которые легковерие и суеверная рутина передали из веков невежества до наших дней.

Это-то новое измерение времени Национальный конвент и предлагает в настоящее время французскому народу. Оно должно носить печать и просвещенности нации, и характера нашей революции — своей точностью, своей простотой, своей очищенностью от всяких духовных наслоений, которых не признавали бы разум и философия.

§ 1. — О республиканской эре

Общепринятое летосчисление, которым Франция пользовалась до настоящего времени, зародилось посреди волнений, предвещавших близкое падение Римской империи, в эпоху, когда добродетель стала делать некоторые усилия, чтобы восторжествовать над человеческими слабостями. Но в продолжение 18 веков это летосчисление служило почти только для фиксирования во времени роста фанатизма, порабощения народов, скандального торжества гордыни, порока, глупости, а также преследований и ужаса, которые добродетель, таланты и философия сами претерпевали под властью

жестоких деспотов или же допускали, чтобы их именем причиняли их другим.

Увидит ли наше потомство на одних и тех же скрижалях, описанных то рабской и коварной рукой, то рукою верной и свободной, описание возмездных преступлений королей и отвращения, которое они вызывают теперь, плутовство и ложь, долго превозносимые некоторыми лицемерами, и позор, покрывший наконец гнусных и коварных доверенных лиц продажности и плутовства дворцов? Нет! Общепринятая эра была эрой жестокости, лжи, вероломства и рабства. Эта эра кончилась вместе с королевской властью, источником всех наших зол.

Революция закалила души французов; с каждым днем она все больше поднимает их на высоту республиканских добродетелей. Время открывает новую книгу для истории и в своей новой поступи, величественной и простой, как равенство, оно должно гравировать новым и чистым резцом анналы возрожденной Франции.

Все народы, занимавшие свое место в истории, избрали в своих собственных анналах самое яркое событие, чтобы к нему как к определенному моменту относить все другие события.

Жители Тира вели летосчисление со времени восстановления своей свободы. Римляне — с основания Рима.

Французы ведут летосчисление с момента основания свободы и равенства.

Французская революция, плодотворная, энергичная в своих средствах, широкая, ослепительная в своих результатах, будет для историков и философов одной из тех великих эпох, которые горят, словно путеводные звезды, на извечных путях времен.

§ 2. — О начале летосчисления и начале года

Начало года связывалось постепенно со всеми временами года, пока наконец продолжительность года не была установлена согласно точному знанию движения земли вокруг солнца.

Некоторые народы отводили первый день своего года к зимнему или летнему солнцестоянию, другие к равноденствиям. Некоторые народы, вместо того чтобы связывать первый день с каким-нибудь временем года, предпочли выбрать для него какое-нибудь событие в летописях своей истории.

Франция до 1564 г. начинала свой год с пасхи. Потом один глупый и жестокий король, тот самый, по велению которого совершена была бойня в Варфоломеевскую ночь, Карл IX, установил начало года на первое января, руководясь при этом лишь стремлением последовать данному другими примером. Эта дата не согласуется ни с временами года, ни с движением небесных тел, ни с историей.

Ход многочисленных событий Французской революции дает нам для этого момент поразительный, быть может, единственный в истории по своему полному соответствию с движением небесных тел, с временами года и старыми традициями.

21 сентября 1792 г. представители народа, собранные в Национальном конвенте, открыли свою сессию и провозгласили отмену королевства. Этот день был последним днем монархии, он должен быть последним днем общепринятой эры, последним днем года.

22 сентября декрет был приветствован в Париже. Этот день был провозглашен первым днем Республики, и в тот же день в 9 часов 18 минут 30 секунд утра солнце достигло действительного осеннего равноденствия, войдя в знак созвездия зодиака.

Таким образом равенство дней и ночей было отмечено небесным светилом в тот самый момент, когда гражданское и моральное равенство было провозглашено представителями французского народа в качестве священной основы нового образа правления.

Так солнце осветило сразу оба полюса, а потом и весь земной шар — в тот день, когда впервые над французским народом засияло светило свободы, которому предстоит, — наступит такой день, — сиять над всем родом человеческим.

Так солнце в один и тот же день охватило вслед за сдним полушарием и другое — в тот день, когда народ, восторжествовав над гнетом королей, перешел от монархического образа правления к республиканскому.

Только после четырехлетних усилий Революция достигла зрелости и привела нас к республике как-раз в то время года, когда вызревают плоды, в это прекрасное время, когда земля, оплодотворенная трудом и ниспосылаемыми небом теплом и влагой, расточает свои дары и с величественной щедростью оплачивает трудящемуся человеку его заботы, его усталость, его труд.

Священные предания Египта, ставшие преданиями всего Востока, выводили землю из хаоса под тем же знаком, под которым родилась наша республика, и к этому относили происхождение вещей и времен.

Это стечение стольких обстоятельств придает священный характер этому времени года, которое наиболее ярко отмечено в наших революционных летописях и которое должно быть наиболее прославляемо в празднествах будущих поколений.

Национальный конвент только что постановил, что летосчисление французов и первый год их перерождения началось в день действительного осеннего равноденствия, который был днем основания Французской республики, и отменил общепринятую эру в гражданском обиходе.

Эра Селевка также началась в осеннее равноденствие, за 312 лет до общепринятой эры. Она принята была восточными народами всех верований — поклонниками огня, как и потомками Авраама, христианами, как и магометанами. Евреи отказались от нее лишь тогда, когда они рассеяны были по Западу, в 1040 г. Церковный год у русских и год у современных греков еще и теперь начинается в сентябре.

Первая таблица * указывает день и час осеннего равноденствия на несколько лет.

* Приведенные в тексте примерные таблицы „франсиад“ у нас опущены. — *Ред.*

Представление о продолжительности года уточнялось у различных народов вместе с прогрессом знаний. В течение долгого времени год составлялся из 12 лунных месяцев, т. е. из 354 дней, между тем как вращение земли вокруг солнца, — вращение, которое одно лишь регулирует смену времен года и отношение дней и ночей, — длится 365 дней 5 часов 48 минут 49 секунд.

Лишь вклинивая от времени до времени, с неправильными промежутками, то дни, то целый месяц, восстанавливали на некоторое время совпадение гражданского года с движением небесных тел и сменой времен года. Все такие вклинивания, производимые без определенных правил, временно выпрямляли извращения неправильных исчислений, но оставляли в силе их основные причины.

Египтяне за 15 веков, а вавилоняне — за 746 лет до общепринятой эры приблизились к правильному решению вопроса, установив продолжительность своего года в 365 дней.

Юлий Цезарь, в качестве диктатора и старшего жреца, вызвал к себе через 2 года после битвы при Фарсале знаменитого александрийского астронома Сосигена и приступил вместе с ним к преобразованию года. Он отменил лунный год, введенный Ромулом и плохо исправленный Нумой. Вследствие длительного ошибочного счисления, которое он решил уничтожить, образовалась за несколько веков такая путаница в счете месяцев, что зимние месяцы приходились на осень, а месяцы, посвященные весенним религиозным празднествам, выпадали на зиму.

Этот разноречивый был отменен Юлием Цезарем, вклинившим 90 дней между ноябрем и декабрем. Тот год состоял поэтому из 445 дней и был назван *годом смещения*. Цезарь сверх того приказал, чтобы каждые 4 года добавляли 1 день после 6-го дня мартовских календ, который назван был *вторым шестым*, или *bissexthus*; отсюда название *bissextile*, или *високосный*, которое дается году, получающему этот добавочный день. Это название не соответствует больше ничему с тех пор, как перестали вести счет по календам *.

Реформа Юлия Цезаря исходила из того, что солнечный год состоит из 365 дней и шести часов, т. е. на 11 минут 11 секунд больше его действительной продолжительности.

К 1582 г. эта ошибка в исчислении снова вызвала сильное смещение дней в летосчислении. И вот Григорий XIII, тогдашний римский папа, предпринял вместе с астрономами новую реформу. Он отнял 10 дней от октября месяца того года и установил, чтобы из 4 солнечных годов только один был високосным. Ошибочность юлианского счисления дала в результате реальную ошибку в 12 дней, но астрономы, руководившие грегорианской реформой, предпо-

* Слово *календарь*, которое происходит от слова *календы*, также было бы совершенно неподходящим и неправильным, если бы очень продолжительное употребление не привело к полному забвению источника его образования и не дало ему права гражданства. Слова „альманах“ или „ежегодник“ больше соответствовали бы в данном случае.

лагали продолжительность года на 23 секунды больше, чем она имеет в действительности *.

Грегорианская реформа была однако постепенно принята всей Европой, за исключением России и Турции. Граубюнденцы согласились отнять у октября только 5 дней, так как боялись, соглашаясь принять всю поправку, предложенную римской курией, задеть честь протестантской церкви.

В наше гораздо более просвещенное время видна вся бесполезность указанных реформ, построенных загодя на несколько веков и приводивших в отчаяние хронологов, историков и астрономов.

Следуя естественному ходу вещей и ища точки опоры в движении небесных тел, точно известном нам теперь, всегда легко будет достигать полного совпадения гражданского года с солнечным годом поправками, которые будут последовательно вводиться, как только маленькие годовичные разницы дадут целый день. В этом именно смысле и составлена ст. 10 настоящего декрета.

§ 4. — О франсиаде

После 4 лет революции, в високосный год народ, сокрушив угнетавший его трон, установил Республику. Первый год новой эры был бы и первым годом нового четырехлетнего периода, если бы Юлий Цезарь и Григорий XIII, устанавливая високосный год, меньше полагались на свою гордыню, чем на точные указания астрономии, и если бы мы до настоящего времени не подражали рабски римлянам.

Разум требует, чтобы мы следовали природе, а не тащились рабски по ошибочным путям наших предшественников. Мы должны поэтому отдать добавочный день тому году, которому он должен быть отдан в соответствии с осенним равноденствием. В полном согласии с астрономическими наблюдениями это будет каждый 4-й год, и лишь приблизительно через 120 лет нужно будет отнять добавочный день у одного четырехлетия.

В память революции 4-летний период называется *франсиадой*, а добавочный день, завершающий франсиаду, называется днем *Революции*, — это 6-й день санкюлотид, и отсюда название *bissextile*, которое дается получающему его году. Декрет посвящает этот день республиканским празднествам, которые будут напоминать о главных событиях Революции. Великие деяния будут превозноситься на этих празднествах и вознаграждаться способом, достойным отечества, которому они делают честь.

* Нужен период в 86 400 лет, чтобы точная разница между солнечным годом и обычным гражданским годом дала целое число дней без дроби. Это число равно 20 929, — это точное число добавочных дней, или високосных годов, которые действительно должны иметь место в течение этого продолжительного периода. А между тем юлианская реформа дает за этот период 22 350 високосных годов, а грегорианская реформа — 21 679 годов. Оба календаря грешат против истины — один на 1421, другой на 750 дней.

§ 5. — О делении и подразделении года

О месяце. — Последовательная смена дня и ночи, фаз луны и времени года является для человека естественным делением времени. Возвращение данной фазы луны обозначает, что совершился полный оборот луны, т. е. прошел лунный месяц; возвращение данного времени года обозначает, что прошел естественный год.

Путь земли вокруг солнца разделен обоими равноденствиями и обоими солнцестояниями на 4 части, которые она проходит не в одинаковые промежутки времени; точно так же и 4 времени года, устанавливаемые этим делением, не имеют одинаковой продолжительности...

4 времени года, рассматриваемые как деление года, представляли бы слишком много неудобств для домашнего и гражданского обихода в виду их неравенства и продолжительности; чтобы подняться от маленькой единицы — дня до большой единицы — года, уму человеческому нужно несколько посредствующих и все более значительных единиц, которые служили бы ему лестницею и на которых он в то же время мог бы отдохнуть.

Луна движется вокруг земли — и во время своего движения она в различных своих положениях получает и отражает солнечный свет — и этим определяются ее фазы. Полный оборот луны повторяется 12 раз в году и образует 12 лунных месяцев; каждый из них длится приблизительно двадцать девять дней двенадцать с половиною часов или, круглым счетом, тридцать дней.

Двенадцать лунных месяцев составляют 354 дня, т. е. на 11 дней меньше, нежели нормальный год. Луна следовательно не дает нам своими движениями точного деления года, но она приносит большую пользу морякам, плавание которых она часто направляет, путешественникам, крестьянам, обрабатывающим землю, и в особенности жителям севера, которым она заменяет день в долгие зимние ночи, и это не может не привлекать внимания людей к ее движению.

Месяц является поэтому необходимым делением, и всеми известными народами он был принят. Но, чтобы представлять удобства, это деление всегда должно быть одним и тем же и приближаться к лунному месяцу, насколько это позволяет единица дня, т. е. наиболее мелкая единица, какою можно пользоваться; но 29 дней 12½ часов ближе к 30, чем к 29, а десятикратное число 30 является гораздо более удобным для вычислений.

До настоящего времени месяцы были неравны между собою и не совпадали с движениями луны, а ум человеческий утомляется, раздумывая, состоит ли данный месяц из 30 или 31 дня. Это неравенство месяцев зародилось у народов, которые, устанавливая у себя слишком короткий год и не видя возможности одним лишь вклиниванием дней исправить недостатки своего счисления, добавили по 1 или по 2 дня к некоторым своим месяцам.

Египтяне, самые просвещенные из народов древности, строили свои месяцы равными, по 30 дней в каждом, и пополняли год, завершая его 5 добавочными днями, не входившими в состав ни одного

месяца. Это деление отличается простотой, и его-то Конвент принял для ежегодника французов.

О декаде. — Четыре фазы луны представляют собою естественное деление лунного месяца на 4 части. Но так как ни число 30, ни число 29 не делятся без остатка на 4, то стали делить 28, и полученное число 7 было принято в качестве подразделения месяца. Так возникла 7-дневная неделя, с которою египетские астрологи и маги связывали все заблуждения, все каббалистические комбинации, какие только можно было придумать.

Суеверие сохранило до наших дней, к великому стыду просвещенных веков, это ложное деление времени, которое не является точным мерилom ни лунного обращения вокруг земли, ни месяцев, ни времен года, ни солнечного года и которое во все времена не мало питало тщеславные стремления всяких сект. Празднование 7-го дня происходило как у язычников, так и у евреев, — это был день привлечения новообращенных и посвящения в тайны веры.

Ежегодник народа, признающего свободу вероисповедания, должен составляться вне зависимости от всяких религиозных воззрений и религиозной практики и должен носить печать простоты, какой отличаются лишь произведения просвещенного разума.

Десятичная система, принятая для мер и весов, равно как и для денежных знаков Республики вследствие ее больших удобств для торговли и промыслов, вполне естественно применяется и к делению месяцев. 30 дней составляющие месяц, разделенные на 3 равные части, образуют 3 деления по 10 дней, которые мы называем поэтому *декадами*.

Таким образом нормальный год состоит из 365 дней, или $36\frac{1}{2}$ декад; или 73 полудекады.

В обиходе пятью пальцами руки можно обозначать пять дней полудекады.

О дне. — Пределы дня и ночи и середина дня и ночи естественно делят день на 4 части. Пением петухов в продолжение долгого времени пользовались персы, — и до сих пор еще пользуются некоторые народности побережья Ледовитого океана и Белого моря, — как указанием для деления дня на части. Римляне делили день, от восхода до захода солнца, на 4 части, по 3 часа в каждой, начинавшиеся в 6 часов утра, в 9, в 12 и в 3 часа дня. Некоторые народы Востока делили отдельно день и ночь на 12 частей, которые становились длиннее или короче в зависимости от продолжительности дня и ночи, так что части дня совпадали с частями ночи лишь во время равноденствий. Затем отказались от такого измерения времени, — и все часы стали одинаковыми. Одно время существовало деление дня и на 12 часов, но возобладало деление на 24 часа. Одни ведут им счет от 1 до 24, другие считают два раза по 12 часов, — так поступают и французы.

Не всегда господствовало согласие относительно того, когда начинается день. На востоке считали, что день начинается с восходом солнца; по мнению астрономов, он начинается в полдень; евреи и афиняне начинали его с заката солнца; по счету итальянцев он начинается полчаса спустя после заката; большинство народов

Европы считают день от полуночи до полуночи; в Базеле день начинают за час раньше в воспоминание об услуге, оказанной этому городу тем, кто пресек заговор его врагов, приказав пробить на городских часах 12 часов вместо 11.

Деление часа на 60 минут и минуты на 60 секунд неудобно для счета и перестало соответствовать новому делению астрономических инструментов, столь полезных для мореходства и для географии, — делению десятичному, которое делает счет более скорым, более легким и более точным.

Чтобы сделать систему десятичного счисления более полной, Конвент постановил, что день будет делиться на 10 частей, каждая часть — на 10 других частей и т. д. до минимальной, поддающейся измерению, частицы времени.

Однако, так как эта перемена должна повлечь за собою сильное изменение в изготовлении часов, которое может быть проведено лишь постепенно, она станет обязательной лишь начиная с 1-го дня 1-го месяца 3-го года Республики.

Часть вторая. — Изготовление Ежегодника французов, или республиканского календаря, и пользование им.

§ 1.

Строгая точность начал, развитых в первой части, требует, чтобы республиканский календарь был очищен от всего, что не касается деления года или положения небесных светил, которые благодаря своему свету имеют большое значение для элементарных потребностей человека либо тем, что содействуют его труду, либо тем, что регулируют времена года.

Благодаря предлагаемой инструкции ежегодник выступает во всей своей простоте: 12 месяцев в году, начинающемуся 22 сентября 1793 г., и составляющие месяц — дни, счетом от 1 до 30*.

Все указания относительно движения небесных тел, которые могут нас интересовать, помечены либо в десятичных делениях времени, либо в десятичных частях круга**. На одной таблице будет указана разница между десятичными часами и старыми часами.

§ 2. — О пользовании новым календарем

Когда требуется выразить какую-либо дату, приходится столь же мало говорить о декаде, как мало в старом счислении говорилось в таких случаях о неделе. Иногда к дате прибавлялось название дня недели. В новом делении года одно число месяца указывает и число декады в месяце, и число дня в декаде.

Если дата выражена в одной цифре — как 7 вандемира — очевидно, что речь идет о 7-м дне 1-й декады.

А когда число месяца выражено в двух цифрах — как 13 или 25 — точно так же очевидно, что двузначная цифра показывает

* На таблице помещены как названия дней и месяцев, так и праздники санкулотид.

** Четверть круга разделена на 100 градусов, каждый градус — на 100 минут, каждая минута — на 100 секунд.

в первом случае (13), что первая декада миновала и что речь идет о 3-м дне 2-й декады, а во втором случае (25) двузначная цифра показывает, что 2-я декада прошла и что речь идет о 5-м дне 3-й декады.

Наиболее простой и наиболее короткий способ написать дату— следующий: 21 вандемира 2-го года Республики.

Даты для санюлотид еще проще, так как они не входят в состав ни одного месяца: 4-й день санюлотид 2-го года Республики.

Вместо выражений „через 2 недели“, „через 3 недели“ или „через 15 дней“, „через 20 дней“, будут употребляться „через 1½ декады“, „через 2 декады“ * и т. д.

§ 4**. — О согласовании нового счисления со старым.

Чтобы облегчить перевод старого счисления на новое, к предлагаемой инструкции приложена таблица согласования, при помощи которой можно будет без труда переводить старую дату на новую и обратно. Можно ту же операцию легко производить, зная, какому дню старого месяца соответствует 1-е число каждого нового месяца.

Если нет под рукой упомянутой таблицы согласования, можно разрешить все встречающиеся затруднения при помощи простых сложений.

1-й пример. Требуется выяснить, чему соответствует в новом календаре 17 декабря 1793 года.

Указанная дата соответствует, следовательно, 27-му числу 4-го месяца.

2-й пример. Чему соответствует в новом календаре 14 июня 1794 г.?

Указанная дата соответствует 26-му дню 9-го месяца.

3-й пример. Перевести на новый стиль дату 12 декабря 1794 г.

Указанная дата соответствует, следовательно, 22-му числу 3-го месяца 3-го года.

4-й пример. Какой дате соответствует в старом календаре новая дата — 19-е число 7-го месяца 3-го года?

3-й год Республики начинается 22 сентября 1794 г.; с этого дня нужно отсчитать 6 месяцев 19 дней, и мы получаем 10 апреля 1795 г.

§ 5. — О новых карманных и стенных часах

Усовершенствовать дело производства часов и сделать произведение этого искусства полезными и доступными по цене для возможно большего числа граждан, — вот каков должен быть результат нового деления дня.

* Названия дней дают еще другой способ выражать дату, например „все тридцать“ или „все декады этого месяца“; „1-е октиды брюмера“, т. е. 8-е число этого месяца; „2-е тридцать“, т. е. 13-е число; „3-е септиды“, или 27-е число, и т. д., и т. д.

** § 3 мы опускаем. — *Ред.*

Задача состоит в том, чтобы разделить день, от полуночи до полуночи, смотря по надобности, на 10, на 100, на 1000, на 10 000, на 100 000 частей.

Дело искусства артистов стремиться добиться этого самыми простыми, самыми быстрыми, самыми точными и самыми экономичными средствами.

Для обычного употребления можно будет довольствоваться карманными часами с одной стрелкой. Для тех, кому нужно будет знать десятичную или стотысячную часть дня, смотря по характеру тех процессов, длительность которых им нужно будет измерять, можно будет изготовлять часы с несколькими стрелками.

До настоящего времени недостаточно использовали те возможности, которые можно было бы извлечь: а) из рациональной системы деления циферблата; б) из формы стрелки, которая, вместо того чтобы указывать время своим концом, могла бы указывать его одновременно на нескольких концентрических кругах своей стороной, направленной к центру циферблата; в) из числа кругов, которые единственная стрелка могла бы сделать в течение одного дня, что дало бы возможность более дробного подразделения на одном и том же циферблате.

Особенно важно, чтобы часовщики нашли средство использовать для нового измерения времени старые механизмы карманных и стенных часов, производя в них возможно меньше изменений.

Чтобы облегчить переход от деления на 24 часа к новому делению, можно было бы разделить циферблат на 2 части, на одной из которых было бы деление на 12 часов, а на другой — на 5 часов; одна и та же стрелка с двумя взаимно противоположными друг другу разветвлениями указывала бы время на обеих частях.

Таблицы 3-я и 4-я дают согласование разных делений дня.

В больших башенных и в стенных часах можно уничтожить часть механизма, приводящую в движение минутную стрелку, увеличить циферблат, сохранив старое деление, и отметить на окружности новое деление на 5 десятичных часов, соответствующее прежним 12 часам. Каждый десятичный час должен быть разделен на 100 минут, а часовая стрелка, прямая и приделанная к ребру циферблата, будет одновременно показывать часы и по старому, и по новому счету.

Большим общинам следует в этом отношении подать пример, и нужно надеяться, что патриотизм побудит их завести у себя десятичные башенные часы.

Один и тот же циферблат, разделенный на 100 частей, с отметкою через каждые 10 частей, может быть приспособлен к тому, чтобы показывать: а) одной и той же стрелкой декаду — на всем круге, день — в десятой части круга, час — в сотой части круга; б) другая стрелка показывала бы на том же циферблате десятичную минуту, а третья стрелка — десятичную секунду.

§ 6. — О декаде

Закон предоставляет каждому гражданину самому распределять свои рабочие дни и дни отдыха — в зависимости от его потребностей,

его сил и характера его занятий. Но так как необходимо, чтобы чиновники и государственные агенты, представляющие собою как бы часовых, поставленных блюсти интересы народа, возможно реже покидали свои места, закон допускает для них день отдыха лишь в конце декады.

Государственные кассы, почтовые и транспортные конторы, государственные учебные учреждения, театры, места, где скопляются торговцы, как биржи, рынки, базары, учреждения, где заключаются договоры и соглашения, всякого рода общественные установления, регулировавшие свою деятельность соразмерно с неделями или с каким-либо другим обычаем, не согласующимся с новым календарем, должны отныне распределять свою работу, считаясь с декадой, месяцем и санкюлотидами.

Исполнительный совет, административные органы и муниципалитеты должны поспешить принять все меры, которые им может внушить любовь к порядку и забота об общественном благе, чтобы ускорить проведение тех изменений в соответствующих функциях, которые могут потребоваться новым делением года.

Добрым гражданам, народным обществам, солдатам отечества, всегда выступающим безжалостными врагами всяких суеверий, следует подать пример в своей государственной и частной переписке и распространять предлагаемую инструкцию, которая может разъяснить выгоды спасительного закона.

А весь французский народ должен показать себя достойным самого себя и вести счет отныне своим трудам, своим удовольствиям, своим гражданским празднествам по измерению времени, созданному для свободы и равенства, созданному самой революцией, которая должна покрывать славой Францию во веки-веков.

28. Якобинские клубы в борьбе с религией

Заседание в Якобинском клубе 16 брюмера. Председательствует Монто

Леонард Бурдон⁷³. „Изю дня в дежь корреспонденции как нашего общества, так и Конвента приносят нам примеры священников, которые, прозрев и увидя свои многовековые преступления, ставят себе задачей открытым и искренним признанием вечных принципов разума и любви к отечеству заставить забыть эти преступления.

Каждый день показывает нам, что даже среди этих людей могут быть друзья добродетели.

Уже города и даже целые деревни тоже раскрыли свои слишком долго ослепленные глаза и пришли сюда, к решетке Конвента, отречься от своего застарелого суеверия, от своей безумной доверчивости и представить недвусмысленные свидетельства своих новых настроений. Тарелочки для даров, чаши, дароносицы и все прочие бывшие церковные игрушки приносились сюда ящиками и направлялись в монетный двор.

Неужели город Париж, давший столько ярких примеров своей преданности революции, останется один далеко позади на этом прекрасном пути? И один он не имеет мужества дать великое свидетельство своего признания, срыв памятники своих застарелых глупостей.

В Париже живут два различные народа. Один включает в себя патриотов, — не знаю, составляет ли он большинство, но он наиболее сильный, ибо он мужественнее, энергичнее и устойчивее. Другой народ, состоящий в значительной степени из пожилых людей, глаза которых покрыты не поддающимися удалению струпами, — этот народ следует уважать, потому что не от него зави́сит быть иным, а иное суеверие настолько пропитывает нас, что это становится нашим естественным свойством. Но есть священники, есть лафайетовские солдаты, есть финансисты, ставшие ханжами лишь после революции, — и их-то должны поражать ваша месть, ваше правосудие. Нужно уважать ослепленных стариков, нужно сокрушить тех, кто становятся врагами революции, — и нужно всем показать, какое положение должен занять народ при таких важных обстоятельствах.

Секция Гравилье, которая сперва проявляла самые патриотические настроения, которая почти всегда была на высоте событий, которая, правда, затем стала немного поддаваться влиянию умеренных, но которая теперь снова зажила новою жизнью, изгнав последних, даст нам славный пример, — и каждый из вас, надеюсь, проведет его в своей секции, приложив к тому все свои усилия. Секция Гравилье решила, что государство, не признающее никакого культа, не должно никакого культа исповедывать.

Конечно никто из вас в этом не сомневается и не будет думать, что существуют какие-то привилегированные секты. Если бы кто-нибудь из вас еще колебался, следовало бы вызвать сюда в свидетели самих священников и заставить рассказывать нам, серьезно глядя друг другу в глаза, тоном правды и убеждения о своих чудесах, о своих таинствах, о непорочном зачатии и прочих штуках подобного же рода.

Нам не нужно никакой морали. Тот моральный принцип, который природа вселила в души всех людей и который гласит: „будь счастлив, — вот настоящий способ славить божество, вот цель, для которой ты послан на землю“, — должен был бы постоянно нас воодушевлять; один он должен заменить все человеческие блуждания, на путь которых нас сбивали; один он должен, к выгоде для нас, занять их место.

И таково сияние истины, что, после того как глаза наши однажды узрели ее свет, они не могут больше выносить прежнюю тьму. Наша революция будет завершена в тот момент, когда мы убедим народ в том, что все это лишь обман чувств и что они, эти жестокие люди, всегда злоупотребляли нашей наивностью и пользовались нашим доверием как орудием господства над нами.

Да, предадим священников суду истины, — потребуем от них подробных объяснений. Мы — либо глупцы, либо негодяи. Глупцы — если мы верим во вздорные сказки, негодяи — если, не веря, мы стремились убеждать в том, что нужно верить, подвергали преследованиям, чтобы заставить верить.

Что касается Конвента, то, так как он жаждет обеспечить свободу культов, так как нужно еще мириться с тем, что часть нашего поколения еще подвержена этой слабости, он конечно никогда не дойдет до того, чтобы предоставить какой-либо одной секте господство над другими сектами.

Предлагаю, чтобы по этому поводу была составлена петиция Конвенту. Пусть все жители каждого округа секции, которые считают себя католиками, соберутся и пусть наймут помещение, в котором они за свои два су смогут получать все церемонии, какие они пожелают. Но пусть государство перестанет платить жалование этим бесполезным и даже вредным людям. (Аплодисменты.)

А теперь мне остается еще вам сказать, что я привел сюда одного патриота, который благодаря интриге попал в тюрьму Консьержери и был предан суду революционного трибунала. Это — Бернар, из коммуны Десятого августа. (Шумные аплодисменты.)

Бернар. „Воздаю должное тем истинам, которые только-что изложил вам Леонард Бурдон относительно священников. Заяв-

ляю, что это наследственное пятно, которым меня загрязнили против моей воли, по требованию моих родителей, вот уже четыре года, как было смыто с меня.

Приношу свою благодарность Обществу за оказанную мне поддержку против интриг, преследовавших меня по пятам со времени моей патриотической командировки в Ренн. Считаю долгом обратить ваше внимание на опасности, которым подвергаются в тюрьмах заключенные в них патриоты. Когда меня привели в Консьержери, распространился слух, что я из коммуны Десятого августа и что я следовательно участник сентябрьских избиений. Арестанты хотели меня убить, и только с трудом удалось меня вырвать из их рук“.

Один гражданин. „Сообщаю, что Парижская коммуна сегодня утром приняла постановление сдать все погребушки парижских церквей в монетный двор для превращения их в республиканские монеты. Парижский департамент, одобрив это постановление, распространил его действие на весь департамент“.

Один из членов Общества. „Несколько коммун, прилегающих к Парижу, уже выполнило это приказание, и скоро во всем департаменте не останется ни одного такого пережитка нашего векового безумия“. (Аплодисменты.)

Депутация Центрального клуба народных обществ, прибывшая на заседание, приветствует, подобно секции Гравилье, решение закончить с этими людьми*.

Клуб Якобинцев в Тюлле

Заседание 7 примера (28 ноября 1793 г.)

Один из членов Общества потребовал, чтобы все знаки суеверия, раздражающие патриотов во всех углах Тюльской коммуны, были сбиты и уничтожены. Это предложение было принято с восторгом, а для выполнения его Общество постановило выйти в полном составе из храма Свободы, чтобы направиться в храм суеверия и убрать из него все памятники, посвященные фанатизму и заблуждению. Час этой операции будет указан звоном большого колокола, а чтобы операция вышла более значительной и торжественной, Общество постановило, что все жены, под страхом подвергнуться навсегда исключению из Общества, обязаны принять в ней участие, дабы сегодняшний день был посвящен разуму и философии.

По предложению одного из членов Общество постановило, что над входом в храм суеверия, бывший кафедральный собор, будет большими буквами сделана следующая надпись: „Храм Разума“.

Заседание закрывается и возобновляется в 12½ часов.

Оглашается письмо гражданина Бриваля (епископа), в котором он заявляет, что отказывается от своего поста. Общество приветствует это заявление аплодисментами.

* Очевидно с священниками. — Перев.

Гайардон и Бори, бывшие епископские викарии, следуют его примеру, а также и некоторые другие. Паско отказывается от своего места, чтобы устремиться на фронт, и просит, чтобы назначили ему кого-нибудь заместителем...

...Общество вышло затем в полном составе и под звуки музыки направилось во все места, где виднелись еще следы суеверия.

Заседание 9 фримера (30 ноября 1793 г.)

По открытии заседания председателем 3 священника друг за другом отказались от своего ремесла. Один из них, Пьер д'Эстанг, взошел на трибуну и, выразив свои ярко республиканские убеждения, предал огню свои шарлатанские грамоты. Отрекшись от ремесла священника, он хотел избавиться от всего, что могло бы ему напомнить заблуждения, от которых он отсекся. Он просил у Общества именоваться впредь Фабрицием, а не Пьером (Петром) — лжецом. Общество приветствовало эту просьбу аплодисментами и постановило впредь именоваться ему Фабрицием. Второй отрекшийся, Барб, с энтузиазмом принявший заявление гражданина д'Эстанг, просил разрешения носить впредь имя Дорепер, — имя, дорогое Республике по твердости, которую проявил этот гражданин, покончивший с собою, когда Верденская крепость, которою он командовал, была сдана наемникам тиранов. Третий отрекшийся, Пруссерг, не захотел больше называться именем последнего тирана французов и просил разрешения именоваться впредь вместо Людовика Муцием Сцеволой⁷⁴.

Общество дало свое разрешение на это и, удовлетворенное поведением означенных трех граждан, удостоило их почетным отзывом.

...Берони, бывший священник, взошел на трибуну, держа в руке пакет бумаг и писем, и попросил, чтобы весь пакет был предан сожжению. Он искренне и с энергией говорил о заблуждениях, которые так долго держали народ под игом, и Общество постановило удостоить его почетного отзыва.

Гражданин Жюмель огласил составленный им адрес Национальному конвенту, в котором подробно описывается проведенное городом Тюллем гражданское празднество и в котором сообщается нашим законодателям о быстром прогрессе, наблюдаемом в настроениях и убеждениях населения нашего округа. Этот адрес, каждая строка которого дышит свободой, республиканским духом и разумом, был встречен аплодисментами, и Общество постановило отослать его и напечатать.

...Постановлено, что похороны умерших членов Общества будут происходить под надзором полицейского офицера с пикой в руках и с шапкою Свободы на голове.

Один из членов Общества поднял вопрос о процессии, недавно устроенной по поводу вынесения из часовни Больных изображения какой-то девы; он потребовал для выправления допущенной ошибки сожжения упомянутого изображения посреди зала заседаний Общества. Предложение было принято.

Другой член Общества потребовал, чтобы платок бывшего священника, плакавшего во время указанной церемонии, также был сожжен, так как им утирались слезы. По этому предложению Обществом принят простой переход к очередным делам.

Заседание декади фримера 2-го года Французской республики (30 ноября 1793 г.)

Заседание открывается речью одного санкюлота из Лиможа „против пережитков суеверий и заблуждений“. Он требовал „устройства гражданской прогулки, чтобы нанести последний удар фанатизму“. Эта речь покрыта была шумными аплодисментами.

...Один из членов замечает, что фанатизм ниспровергнут, и для того, чтобы он оставался в состоянии ничтожества, оратор требует, чтобы в самый короткий срок посланы были учителя в деревни. Необходимо послать Национальному конвенту адрес, в котором просить о скорейшем создании учительских институтов. Нужно командировать двух комиссаров в департамент, чтобы они пока временно послали учителей в деревни.

Принимается простой переход к очередным делам по поводу донесения на гражданина Гудо, бывшего епископского викария, который распространяет суеверные принципы, на что члены Общества возражали утверждением, что Гудо собирается сдать свои священнические грамоты и отказаться от своего прежнего ремесла.

Заседание 11 фримера (1 декабря 1793 г.)

...Гражданин Кустильяк, священник, всходит на трибуну и произносит республиканскую и философическую речь, в которой заявляет, что отказывается от священнического сана. Принимается постановление о похвальном отзыве и о напечатании его речи.

Лаваль, бывший священник, также отказался от своего прежнего ремесла священника и обещал сдать свои грамоты, как только он сможет их выписать из той коммуны, в которой он раньше жил.

Гражданин Мужанк, судья окружного трибунала, который уже ранее сдал свой диплом бывшего адвоката, принес в дар свою медаль. Ему вынесен похвальный отзыв.

Согон через посредство Бори отсекся от своего ремесла священника.

...По требованию одного земледельца постановлено доложить наблюдательному комитету, что приходский священник и викарий Жюмеля оказывали сопротивление учреждению народного общества в Жюмельской коммуне.

Общество принимает простой переход к очередным делам по поводу разных священнических дел. Оно постановляет, что впредь оно больше не будет тратить времени на заслушивание священников и что те, кто желает отречься от священнического сана, должны обращаться к установленным властям.

Заседание 23 брюмера 2-го года

Дюбуа предлагает, чтобы по примеру того, как это происходит в Париже, устраивались в Лиможе празднества и спектакли. Он добавляет, что одна гражданка желала бы сделать сообщение по этому поводу.

Слово предоставляется гражданке Никола, которая точно разъясняет, какое значение могли бы иметь проектируемые празднества. Она предлагает, чтобы в первый день каждой декады устраивался спектакль, на котором любителями представлялась бы какая-нибудь патриотическая пьеса. Нужно избрать комитет, которому и поручить составить репертуар таких пьес, а расходы по представлениям следует возложить на подозрительных. Некоторые члены предлагают пригласить актеров из Парижа. Вопрос ставится на голосование, и Комитету народного просвещения поручается представить соответствующий проект.

Один из членов предлагает устроить в скором времени в церкви св. Михаила праздник Разума и Истины.

На главной входной двери этого здания нужно сделать надпись, гласящую: „Храм Истины“.

Собрание постановляет предложить муниципалитету организовать этот праздник и пригласить участвовать в нем любителей-музыкантов.

Заседание 26 брюмера

Доклад Революционного комитета о командировке в Бордо эмиссаров для поднятия настроения среди населения. Избираются для этой цели граждане Соже, Лезо, Дюбуа и Сенамо.

Банди всходит на трибуну и заявляет, что слагает с себя навсегда духовное звание. На сделанное ему замечание, почему он не сжигает своих священнических грамот, он отвечает, что хочет их отослать в Национальный конвент.

Затем он говорит о настроении в департаменте Крезы. Он разоблачает народного представителя Энграна, который, по его словам, недостойно там вел себя. Педон подтверждает указания, представленные Банди, и жалуется на поведение всех административных властей того же департамента. Приводятся факты. Общество постановляет представить на Энграна и на установленные власти департамента Крезы донесение в Конвент и в Комитет общественного спасения и просить присылки новых комиссаров.

Заседание 27 брюмера

Перго оглашает программу празднества Разума, которое будет устроено в 3-й декаде текущего месяца. Общество поручает гражданам Фуко, Видо и Лонжо выступить с речами на этом празднике. Комиссарам праздника быть в красных шапках.

Заседание 28 брюмера

Два священника заявляют, что отказываются от духовного звания. Они просят, чтобы назначена была продовольственная пенсия всем, кто имеет мужество порвать свои клерикальные узы.

Заседание 29 брюмера

Один из членов Революционного комитета сообщает, что в городе расклеен гнусный плакат, пропитанный фанатизмом. Добрые граждане призываются разыскать и разоблачить автора.

Один гражданин говорит, что на колокольнях города есть два флагера, наполненные драгоценными религиозными украшениями; он просит снять эти флагера.

Другой член замечает, что храмы философии не нуждаются в колокольнях. Считает ли их Комитет народного просвещения полезными или нет?

Этот вопрос будет Комитету поставлен.

Видо спрашивает, можно ли разрешить на честное слово одному заключенному присутствовать на праздновании Разума в качестве музыканта. Ему дается утвердительный ответ.

Так как Разум должен был быть представлен молодой особой, комиссары обратили свои взоры на гражданку Нио. Общество утверждает этот выбор.

Заседание 30 брюмера

Это заседание посвящено празднеству, устроенному в честь Разума.

Некоторые делегаты народных обществ департамента, приглашенные на это торжество, прибывают и выражают свое поклонение божеству, которому сейчас будут воздавать хвалу.

Одному оратору было поручено разъяснить значение празднества, напомнить подлинные основы природы и разума и опровергнуть суеверия и фанатизм наиболее очевидными доказательствами, наиболее ясной аргументацией и наиболее убедительно подобранными фактами. Гражданин Фуко выполнил возложенную на него задачу с общепризнанным талантом и убедительностью. Раздаются самые горячие аплодисменты и продолжительные восклицания „да здравствует Республика!“, „да здравствует Республика!“. Энтузиазм достигает своего высшего напряжения. И тогда народ, присоединяя свое пение к гармоническим звукам патриотической музыки, выходит из помещения Общества, чтобы направиться в храм Разума.

Посреди огромной массы граждан обоего пола и всех возрастов выделяются делегаты народных обществ департамента, несущие знамена, принесенные ими в дар Народному обществу Лиможа. Разум, представленный молодой гражданкой в белом платье, с шапкой Свободы на голове (гражданкой Нио младшей, „весьма соответствующим символом Разума, сопровождаемого добродетелями“), за которой следует председатель Общества и которая

окружена гражданами, несущими эмблемы Равенства, Истины, Справедливости и Честности, шествует посреди. Вместе с этой группой идет и мать семейства, сыновья которой первыми пошли на фронт; она несет бюст Марата, а перед нею развешивается полотно с надписью в честь Друга народа. Самый старший по возрасту ветеран несет факел Разума.

Ясный и светлый день, наступивший после облачных грозных дней, свидетельствует о том, что небо принимает участие в радости празднества.

Радостное пение, которому аккомпанирует музыка, повторные восклицания „да здравствует Республика! да здравствует Разум!“ раздаются со всех сторон по пути шествия.

Приходят в храм. Простой алтарь, но украшенный атрибутами Разума и Истины, воздвигнут посреди храма. Делегаты складывают на этом алтаре свои знамена; к ним присоединяют эмблемы, окружающие Разум. Молодая гражданка, изображающая его, становится у алтаря рядом с матерью семейства, несущей бюст Марата; ветеран, держащий факел, и председатель Общества становятся подле них с обеих сторон.

Радость воодушевляет всех присутствующих. Воспеваются гимны Разуму и Отечеству, подхватываемые хором. Затем наступает торжественное и почтительное молчание: это хвала, которую народ в лице второго оратора сейчас воздаст Разуму. Выбрасываются яркие лучи света, провозглашаются великие истины, — и для всех ясно вырисовывается тот руководитель, за которым нужно следовать. Каждый чувствует, как крепнут в нем те чувства, которые внушает Разум и которые Видо так хорошо умеет передавать. И снова раздаются звуки пения, а на алтаре снова приносится клятва в верности великим принципам Свободы и Равенства.

Ночь начинает окутывать все своим мраком. Нужно вернуться в помещение Общества. Все дома расцвечены иллюминацией.

По возвращении в помещение Свободы третий оратор напоминает народу значение произведенной последним манифестацией. Он показывает народу, что тот большими шагами идет по направлению к счастью, что достижение этого счастья зависит только от него самого. Он заклинает никогда не доверяться другому руководителю кроме Разума. Лонжо умеет трогать сердца. И он заканчивает свою речь, предлагая переименовать залу Общества в „храм Добродетели“, а его трибуну — в „трибуну Истины“. Пусть санкюлоты Лиможа и всего департамента объявят вечную войну изменникам, обманщикам и сволочи и пусть обращаются они со словами единения, братства и помощи ко всем честным людям.

Затем голосованием принимается постановление о напечатании протокола торжества и произнесенных речей. После прочтения поступивших писем снова возобновляется пение разных песен, и заседание закрывается.

29. Дехристианизация в провинции

1792 г., первый год Республики, 23 декабря, на собрании, составляющем Генеральный совет коммуны, по заключению гражданина прокурора коммуны и заслушав текст закона 10 сентября 1792 г., собрание постановило назначить двух комиссаров, на которых возложить выполнение закона, и поручить им составить опись и протокол серебряным вещам, которые окажутся находящимися в указанной церкви, и выдать удостоверенную ими копию протокола гражданину приходскому священнику, которая могла бы ему служить квитанцией.

Граждане, назначенные Генеральным советом, суть Анри Войе, прокурор коммуны, и Франсуа-Марк Перье, муниципальный чиновник. Генеральный совет уполномочивает сверх того упомянутых комиссаров уничтожить подписи, имеющие какой-либо сословный или феодальный характер и находящиеся в указанной церкви.

Следуют подписи, в том числе подпись мера Оберкамппа.

Округ Жуи-ан-Жозас.

* * *

Опись, сделанная в одной церкви 28 сентября 1792 г.

1792 г., 1-й год Республики, 28 декабря, мы, Франсуа-Марк Перье и Анри Войе, назначенные комиссарами Генеральным советом коммуны в заседании, имевшем место 23 с. м., на предмет составления описи серебряным вещам, находящимся в здешней церкви, направились в эту церковь 28 декабря, в силу закона 10 сентября с. г., где мы нашли, в означенной церкви, следующие предметы: серебряный крест с жезлом, покрытым кованым серебром, лампу, два подсвечника, одну кадильницу с ее чашкой, одну пластинку, подносимую для целования, совсем маленький серебряный крестик, одну дароносицу, два кувшина, три чаши, одну небольшую дароносицу, еще одну дароносицу для причастия, одну коробку, две вазы для мира, — все из серебра.

Комиссары были принуждены приостановить выполнение возложенного на них поручения собравшейся толпой, которая под звон колоколов все разрасталась. Затем комиссары занялись составлением протокола о фактах, с ними приключившихся.

1. Когда мы обратились с требованием к Никола-Людовику Эмберу, приходскому священнику, передать нам, согласно закону, предметы, не нужные для божественных служб, он нам ответил, что ему

нужно прежде получить другой крест, а мы ему заметили, что у него есть медный крест, которым он повседневно пользуется на похоронах бедных жителей коммуны, и что серебряный крест служит лишь знаком отличия между богатыми и бедными. Тогда он нам также заявил, что у него только одна кадильница и что он должен раздобыть другую, прежде чем отдать ту, которою он пользуется; мы ему возразили, что наше дело — повиноваться закону и отправить все серебро в округ, предоставляя уже самой коммуне истребовать те вещи, которые необходимы для культа. Он нам сверх того сказал, что по его мнению мы должны ждать приказа округа, прежде чем приступить к исполнению закона, потому что версальские и многие другие церкви еще не отдавали своего серебра, на что мы ему возразили, что мы знаем только одно — повиноваться закону, и если верно, что он говорит, то мы должны показать пример другим. Мы настаивали на своем требовании, чтобы он нам вручил перечисленные выше предметы, дабы мы могли выдать ему квитанцию согласно постановлению коммуны, на что он нам ответил, что означенные вещи ему не принадлежат и что они принадлежат коммуне; мы ему возразили, что они принадлежат не коммуне, а нации, и что если бы каждая коммуна поступала так, как он говорит, получился бы общий хаос. Когда же мы вторично потребовали у него исполнить наше требование, предупредив его, что в случае отказа с его стороны мы вынуждены будем составить акт, он нам ответил, что вручит нам ключи и что письмоводитель так же хорошо, как и он, знает, где находится серебро. Однако он вместе с нами пошел в церковь, и как только мы в нее проникли, вышли женщины Жерар и Шартье и жена Жермена Талландье, и когда мы перешли в ризницу, чтобы составить вышеприведенную опись, означенные женщины стали звонить в большой колокол. Приходский священник сказал, что пойдет приказать им прекратить звон, но, видя, что они все звонят, мы пошли к ним и спросили их, по какому праву они звонят в колокола; они нам ответили, что они не хотят, чтобы мы унесли серебро. Мы им тогда прочитали закон, и, когда они перестали звонить, мы возвратились в ризницу, чтобы продолжать составление начатой нами описи, а через мгновение образовалось уже большое скопление женщин и нескольких мужчин, среди которых мы заметили некоего Жана Ламне, который сильно противился увозу серебра. Видя, что возбуждение усиливается, я, Анри Войе, отправился к гражданину меру, чтобы посоветоваться с ним о том, какие меры надлежит принять. Гражданин мер сказал мне, что нужно повиноваться закону и что он на свои собственные средства приобретет вещи, необходимые для церковной службы. Тогда я возвратился в церковь, где я увидел моего коллегу и приходского священника на кафедре, причем священник оглашал декрет, касающийся церковного серебра. Когда он кончил, я также вззошел на кафедру, чтобы сообщить собравшимся о предложении гражданина мера, но, не добившись возможности говорить, мы вместе с моим коллегой вышли из церкви, причем на нас были наши служебные шарфы, а в руках у нас были книги регистров муниципалитета и закон, сопровождаемые враждебными восклицаниями и

бранью, главным образом со стороны женщин и, между ними, перечисленных выше, а также жены Дусе, Дегэ-отца, Кутюрье-отца, Людовика Говара, который даже сказал, что такого декрета не существует, что это простое постановление версальского окружного управления. В нас даже брошено было несколько камней, между прочим в нас попал камень, брошенный Муленом-сыном. А причиной скопления толпы послужило приглашение на собрание, сделанное приходским священником на проповеди 25 с. м., приглашавшим граждан и гражданок братства св. Роха и св. Причастия по вопросу о скамье в церкви для церковных старост. Это собрание состоялось на следующий день, 26 декабря, после обедни, и означенному собранию было объявлено, что будут звонить в колокола, как только придут за церковным серебром. Ввиду всего сказанного мы просим созвать Генеральный совет коммуны в тот же день, чтобы обсудить создавшееся положение.

В тот же день и год Генеральный совет, созданный и собравшийся в обычном месте его заседаний на предмет заслушания доклада комиссаров о событиях, произошедших с ними в тот же день, выяснив все обстоятельства дела и зрело их обсудив, постановил привлечь Никола-Людовика Эмбера, приходского священника, к судебной ответственности как нарушителя общественного спокойствия по обвинению в том, что он 1) заявил 23 с. м. гражданину Войе, прокурору коммуны, что он окажет сопротивление по вопросу об огражденной в церкви скамье для братств (постановление Генерального совета коммуны от 23 с. м., что огражденные скамьи как церковных старост, так и братств будут заперты после предварительного оповещения и что они перейдут в распоряжение муниципалитета); 2) что он в нарушение закона созвал 25 с. м., в день рождения, на проповеди собрание на следующий день после обедни. Генеральный совет постановляет также привлечь к суду упомянутых в докладе комиссаров граждан и гражданок по обвинению в том, что они произносили угрозы по адресу комиссаров и наносили им оскорбления при исполнении ими своих обязанностей, а гражданина Мулена-сына по обвинению в том, что он ушиб гражданина Войе брошенным в него камнем. Настоящее постановление вручить прокурору коммуны, на которого возлагается передать его в течение 24 часов в окружной трибунал.

Постановлено и составлено в год и день, указанные выше, и подписали присутствующие члены.

Округ Жиу-ан-Жозас.

(Следуют подписи.)

* * *

В сей день 29 брюмера 2-го года Республики, когда Генеральный совет коммуны собрался на открытое собрание в обычном месте его заседаний, тотчас же по открытии заседания представилась делегация Народного общества Бьеврской коммуны. Оратор, получив слово, в страстной речи выразил республиканские убеждения, одушевляющие наших братьев из Бьеврской коммуны, желающих учредить народное общество в коммуне Жиу, а также и их предло-

жение учредить подобное же общество в главном городе кантона, дабы сообща поддерживать постоянные отношения, иметь наблюдение за неблагонадежными элементами и сокрушить всех врагов общественного блага. Совет постановил отметить в протоколе заседания похвальный отзыв коммуны Бьевр и поручил своему председателю выразить чувства удовлетворения, которые испытал Совет, принимая своих братьев-республиканцев, а также передать через делегацию желание коммуны Жуи выполнить свои обязанности друзей Свободы; постановляет сверх того отречься от фанатического культа, которого до сих пор придерживалась коммуна, и занять отныне для заседаний Народного общества бывшую церковь, куда граждане будут приглашаться в назначенные дни.

По заключению прокурора коммуны постановлено, что граждане, которые пожелают созвать общее собрание коммуны, дабы оно выразило свое отношение к вопросу об отмене культа, должны расписываться у секретаря-регистратора, и, если наберется пятая часть жителей коммуны, общее собрание будет созвано. В этот момент делегация Бьеврской коммуны покинула зал заседания, сопровождаемая общими аплодисментами.

Один из членов Совета (Марк Монсанглан, по прозвищу „Веселый дядя“) закончил заседание пением патриотического гимна по случаю открытия храма Разума.

Округ Жуи-ан-Жозас.

* * *

Отмена культа

6 фримера прокурор коммуны сделал доклад, в котором сообщил, что один лишь гражданин расписался у секретаря-регистратора, требуя созыва общего собрания коммуны для обсуждения вопроса об отмене культа, уже постановленной Генеральным советом коммуны в его заседании 29 брюмера, каковое постановление было принято и подтверждено Наблюдательным комитетом в его заседании 1 числа сего месяца.

А посему Генеральный совет постановляет: культ окончательно отменяется.

* * *

Так как культ отменен, каков будет порядок похорон покойников?

6 фримера Совет, принимая во внимание, что порядок похорон не может остаться таким, каким он был в прошлом, и что необходимо позаботиться об этом, по заслушанию заключения прокурора коммуны постановляет: огражденное место, называемое кладбищем, будет и впредь служить местом погребения умерших, причем расходы по оплате могильщика и носителей гроба будут оплачиваться за счет коммуны по статье местных расходов; подряд на производство похорон будет сдан с публичного торга на ближайшем заседании Совета, назначенном на 13 сего месяца; приобрести, также за счет коммуны, полотняный гробовой покров трех национальных цветов.

* * *

В тот же день. По заключению прокурора коммуны Совет постановляет: снять крест, прикрепленный над порталом бывшей церкви, и заменить его трехцветным флагом с фригийской шапкой наверху. Исполнение сего возложить на прокурора коммуны.

Округ Жуи-ан-Жозас.

* * *

Распродажа «утвари и хлама бывшей церкви»

13 вантоза 2-го года Генеральный совет, собравшись в обычном месте своих заседаний, обсудил и постановил: согласно письму национального агента Версальского округа произвести распродажу утвари и хлама бывшей церкви.

Округ Вилль-д'Аврэ.

* * *

Список конфискованных вещей

Сего числа, 9 фримера 2-го года Французской республики, единой и неделимой, 7 часов утра. Мы — мер, муниципальные чиновники, прокурор коммуны и члены Генерального совета Фонтенэ-ле-Флери, во исполнение закона постановили доставить сегодня в Директорию Версальского округа серебряные вещи нашей церкви, а именно: две чаши с их дисками, две дароносицы, большую и малую дароносицы с коробкой для священных облаток, два сосуда для мира и одну раковину, о чем составили настоящий протокол в день, месяц и год, указанные выше.

(Следуют подписи.)

* * *

Распродажа церковных вещей и утвари

Сего числа, 10 вантоза 2-го года Французской республики, единой и неделимой, Генеральный совет коммуны Фонтенэ-ле-Флери, собравшись в коммунальном доме означенной местности, заслушав письмо национального агента Версальского округа от 29 прошлого плювиоза, которым он разрешает генеральным советам коммун выносить постановления о распродаже церковных вещей и утвари, не включая в их число золотые, серебряные, железные, медные и оловянные изделия и белье, которые должны быть переданы правительственным органам, постановил назначить распродажу вещей и утвари их церкви Фонтенэ-ле-Флери на 20 день вантоза, после оглашения под звуки трубы, а также уже сегодня сообщить об этом во всеобщее сведение, и подписали настоящий протокол в день, месяц и год, указанные выше.

(Следуют подписи.)

Распродажа имела место 20 вантоза и дала сумму в 656 ливров 8 соль.

* * *

Сего числа, в 19 день фримера 3-го месяца 2-го года Французской республики, единой и неделимой, Генеральный совет коммуны Фонтенэ-ле-Флери, собравшись для обсуждения различных дел, заслушав гражданина прокурора нашей коммуны, —

1. постановляем, что все скамьи и стулья, находящиеся в церкви означенной Фонтенэ, будут вывезены купившими их лицами по уплате оставшихся за ними денег;

2. постановляем, что все медные изделия, имеющиеся в означенной церкви, каковы: подсвечники, жезлы, лампы, чаши для священной воды, кадильницы с чашами для ладана и колокол весом... фунтов, будут отправлены, согласно закону, в Версальскую директорию;

3. постановляем, что впредь будут звонить в колокол лишь для общих собраний коммуны и вообще для созыва всех граждан;

4. постановляем, что в набат будут бить в означенный колокол только в случае пожара, а не в других случаях;

5. постановляем, в силу извлечения из регистров Комитета общественного спасения при Национальном конвенте от 18 дня месяца брюмера 2-го года Французской республики, единой и неделимой, повелевающего праздновать раз в декаду и запрещающего прекращать работу в воскресные и праздничные дни старого стиля, как это обозначено в письме заместителя окружного прокурора, ведающего муниципальными делами, от 8 дня текущего месяца фримера, — в силу чего предписывается всем гражданам соблюдать настоящее постановление;

6. постановляем, что в 1-й день каждой декады все жители коммуны будут собираться в коммунальном доме или в бывшей церкви для заслушания вновь изданных законов и поступивших из окружного управления писем;

7. постановляем, что в 7-й день каждой декады Генеральный совет коммуны будет собираться в коммунальном доме по окончании рабочего времени для вскрытия поступивших из окружного управления бумаг и решения; в случае надобности созывать открытые для всех граждан заседания, и постановляем, что свечи и дрова будут при этом расходоваться за счет местных средств;

8. постановляем напечатать удостоверения для граждан, нуждающихся в продовольствии, в достаточном количестве, и эти удостоверения будут оплачиваться нуждающимися в них гражданами и будут выдаваться в канцелярии во 2-й, 5-й и 8-й день каждой декады с утра до 12 часов;

9. постановляем железные балки от колокола, его язык и налож отвезти в окружное управление в Версаль;

10. постановляем находящиеся в ризнице два небольшие шкафа перенести в коммунальный дом, дабы в них можно было держать под замком бумаги.

Что касается украшений и церковного белья, мы постановили оставить их в шкафу в ризнице впредь до нового распоряжения.

Состоялось и принято в заседании Генерального совета коммуны в день, месяц и год, указанные выше.

(Следуют подписи.)

* * *

Фригийский колпак на колокольне

Сего числа, декади, 10 жерминаля 2-го года Французской республики, единой и неделимой, мы — мер, муниципальные чиновники, национальный агент и члены Генерального совета коммуны Фонтенэ-ле-Флери, — собравшись в нашем коммунальном доме и обсудив вопрос о том, что на бывшей колокольне нашей коммуны сохранился еще крест, эмблема феодализма, и что согласно закону крест этот должен быть снят, постановляем, что означенный крест будет снят, переделан в шпиль и снова прикреплен наверху, дабы его можно было увенчать шапкой Свободы и флагом, а расходы, которые на это потребуются, будут произведены из суммы в 656 ливров 8 соль, вырученной от распродажи вещей бывшей церкви, произведенной в 20 день прошлого вантоза.

Постановлено в нашем коммунальном доме в день, месяц и год, указанные выше.

(Следуют подписи.)

* * *

Церковный дом

Сего числа, 13 вантоза 2-го года Французской республики, единой и неделимой, мы — мер, муниципальные чиновники и члены Генерального совета коммуны Фонтенэ-ле-Флери, — собравшись в коммунальном доме означенной местности для рассмотрения вопроса о том, как поступить с церковным домом нашей коммуны и с находящимся при нем садом, приняв во внимание, что до настоящего времени никто не выразил желания нанять этот дом с садом, хотя об этом было сделано оглашение и расклеены афиши, принимая также во внимание, что за садом необходим уход, — постановляем, что такой уход будет производиться, а огород будет засеян муниципалитетом и что расходы на это будут покрыты с выручки за собранные фрукты и овощи.

Составлено и принято в день, месяц и год, указанные выше.

(Следуют подписи.)

* * *

Надпись над входом в храм

4 прериала во всех коммунах Республики оглашено было извлечение из книги постановлений Комитета общественного спасения при Национальном конвенте от 23 флореаля года 2-го, в котором приводится постановление означенного Комитета, согласно которому на фронтисписах зданий, ранее посвященных культу, надпись „Храм Разума“ будет заменена следующими словами из статьи 1 декрета Национального конвента от 18 флореаля: „Французский народ признает существование Верховного существа и бессмертие души“.

* * *

Постановление относительно колоколов

Сего числа, в 5 день месяца октября 1793 г., 2-го года Французской республики, единой и неделимой, гражданин мер, когда собрались в обычном порядке, открыл заседание.

Он огласил извлечение из книги постановлений Директории

Версальского окружного управления от 2 октября 1793 г. относительно колоколов.

Генеральный совет постановил, что в ближайший понедельник два колокола будут сняты с нашей колокольни и тотчас же будут отправлены в Версальское окружное управление, а равно постановил, заслушав заключение прокурора коммуны, что ввиду отдаленности местожительства многих жителей от церкви и ввиду могущей представиться в течение ночи или дня крайней необходимости созвать их колокольным звоном и предъявленных по этому поводу требований очень большого числа жителей, будет назначен комиссар, чтобы отвезти настоящее постановление в окружное управление и ходатайствовать пред гражданами-администраторами об оставлении в коммуне самого большого колокола, хотя на нем имеется имя Людовика Капета, которое коммуна обязуется сбить. Коммуна, в заседании своего Генерального совета, командировала гражданина Фовеля, муниципального стражника, поручив ему поехать в окружное управление и привезти ответ завтра вечером, к началу заседания Генерального совета.

* * *

Реквизиция железа и меди

Затем было оглашено циркулярное письмо заведующего муниципальными делами прокурора Версальского окружного управления, адресованное мерам и муниципальным чиновникам всех коммун округа, от 2 сего октября, в котором он требует, чтобы наша коммуна доставила все железные изделия из национальных зданий, а также железо, не необходимое частным гражданам, которое подлежит либо добровольной сдаче, либо реквизиции с уплатой его стоимости, для сдачи в распоряжение морского министра. В этом письме указывается и другая задача, не менее важная и столь же отвечающая нуждам Республики, а именно перелить все медные изделия из домов эмигрантов в пушки, которые предоставить в распоряжение военного министра.

По оглашении означенного письма и по заслушании заключения прокурора коммуны Генеральный совет констатировал, что в нашей коммуне нет ни одного дома эмигранта, в котором находились бы медные вещи.

Что касается железа, то по заслушании заключения прокурора коммуны Генеральный совет постановил назначить двух комиссаров, а именно граждан Дени Ланглуа и Камереля, муниципальных чиновников, которые в сопровождении прокурора коммуны обойдут всех граждан нашей коммуны и составят опись всем железным вещам, имеющимся у них, а об исполнении сего представят доклад завтра вечером, на заседании Генерального совета.

Окруж. Бюк.

* * *

Снятие трех колоколов в Жуи-ан-Жозас.

В четверг, 26 сентября 1793 г., 2-го года Республики, Генеральный совет, собравшись в открытом заседании, постановил поручить

гражданину Обену снять с колокольни три малые колокола в самый краткий срок, не позже чем через 4 дня, и представить счет произведенных расходов, который будет визирован муниципалитетом, затем утвержден и оплачен окружным управлением.

Составлено и постановлено в указанные день, месяц и год и затем подписано.

(Следуют подписи.)

* * *

Сложение с себя гражданином Кастелем сана священника

9 нивоза 2-го года Республики, единой и неделимой, явился в муниципалитет коммуны Монтиньи-ле-Бретонне гражданин Анри Кастель, приходский священник коммуны, представивший нам свою отставку следующего содержания:

„Я, нижеподписавшийся, Анри Кастель, католический священнослужитель в коммуне Монтиньи-ле-Бретонне, избранный на эту должность свободным и суверенным народом, должность, которую я выполнял, как мне кажется, достойным для Республики образом, заявляю ныне членам Генерального совета означенной коммуны, что я отказываюсь от своих функций приходского священника, прошу составить акт о моем заявлении и сообщая, что мне около 40 лет.

Составлено в коммунальном доме означенной коммуны Монтиньи, в день, месяц и год, указанные выше, и мною подписано. (Подпись) Анри Кастель.

* * *

Округ Монтиньи.

Адрес Национальному конвенту

Лига коммуны Бюк, 4 фримера 2-го г.

Законодатели.

Лишь только раздался призыв Отечества, находящегося в опасности, 50 человек, составляющих треть всех взрослых мужчин коммуны Бюк, устремились на его защиту. А теперь, когда наша коммуна узнает, что ее представители поклоняются Свободе и Разуму, этим единственным божествам свободного народа, она спешит сложить на алтарь Отечества все предметы, служившие для отправления католического культа. Неразрывно связанная с Революцией, она предана республиканской конституции, и она поклялась охранять ее до последней капли своей крови.

Да здравствует Республика!

* * *

Революционная борьба с церковью в Брейе

Сдача церковного серебра

В сей 13 день 2-го месяца 2-го года Французской республики, единой и неделимой.

Я, Жан-Пьер Кутюрье, представитель французского народа, член комиссии Десяти, специально делегированный моими коллегами для революционного восстановления установленных властей и для выполнения законов, особенно законов 23 июля и 23 августа (старого стиля), отправился для выполнения возложенной на меня

миссии в коммуна Брейе в сопровождении граждан Шарпантье, администратора департамента, и Рагидо, администратора округа Дурдан, моих секретарей и некоторых других администраторов округа, подписывающих вместе со мною настоящий протокол. Я распорядился созвать членов Генерального совета коммуны и членов Наблюдательного комитета, поставил их в известность относительно моей миссии и выяснил им всю трудность положения, в котором находится Республика; ей приходится сокрушаться нападающих на нее врагов, в числе которых чудовище феодализма является наиболее опасным. Поэтому обязанность каждого доброго гражданина — быстро исполнять законы. А между тем я с огорчением вижу, что три колокола еще висят на их колокольне, вижу, что не исполняется декрет относительно серебряной церковной утвари, вижу, что сегодняшний день, день, который в прежнее время был известен под названием воскресенья, у них не работают, между тем как новым законом все праздники отменены, за исключением 3 дней в месяц, т. е. 10-го дня каждой декады. На это мое замечание члены коммуны и Наблюдательного комитета, к которым присоединился и приходский священник, заявили мне, что закон о декадах ими еще не получен и что они уже сейчас начнут его применять; что же касается доставки серебра и снятия колоколов, я только предупредил их желание. И действительно они тут же вручили мне церковную чашу и ее дискос, дароносицу, ящик для масла, два кувшина и таз к ним, один крест, одно кадило и сосуд для ладана и два небольших канделябра, — все, как предполагают, вещи из чистого серебра, которые они меня просили переслать; что же касается колоколов, они займутся их снятием и потом немедленно отправят их в округ. Я настоятельно рекомендовал им в точности выполнить сказанное, — в противном случае я в революционном порядке обложу их принудительными денежными взносами соразмерно с их состоянием. К перечисленным выше серебряным вещам они прибавили еще жезл дьячка с тремя серебряными колечками, заостренную раковину и небольшую коробочку также из серебра.

Когда мы уже собирались заключить настоящий протокол, появился гражданин Пьер-Бертран Симон, столяр в здешней местности, который заявил, что, узнав про закон, повелевающий снять гербы и другие знаки бывшего феодализма, фанатизма и царства деспотизма, наконец исчезнувшего, он поднялся на колокольню церкви, чтобы снять несколько подобных знаков, но толпа женщин вмешалась и стала забрасывать его камнями, подстрекаемая на это мужьями. Подтверждает это его предположение то, что, когда он спустился с церкви, некий Гудон, виноградарь, и Жак Лероз, его зять, бывший слуга прежнего приходского священника, заядлого аристократа, стали его избивать, а именно — упомянутый Роз схватил его за волосы, повалил на землю, а упомянутый Гудон бил его подкованным сапогом в поясницу, ругая его негодяем и мерзавцем, и оба выражали сожаление, что его не убили, когда он был на крыше, — и все это делалось без того, чтобы он, показывающий, дал к этому какой-нибудь повод и сказал что-нибудь, если не считать того, что, спустившись с церкви и возбужденный тем, что

его забросали камнями и что унесли лестницу, он сказал им, что они — негодяи и мерзавцы и бунтовщики против закона. Он добавляет затем, что когда он обратился с жалобой к мировому судье против людей, так его избивших, то именующийся Шарль Леруа, виноградарь, ныне член Наблюдательного комитета, не только не поддержал патриотизм, но еще постарался обрисовать его перед мировым судьей в самом худшем для Симона виде. И действительно, Шарль Леруа, здесь присутствующий, подтверждает, что он писал от имени упомянутых Жана Гудона и Жака Лероз, что первый нанес удар Симону, а упомянутыми Гудоном и Роз сказано было, что упомянутый Бертран Симон, спустившись с церкви в крайне возбужденном состоянии и встретив упомянутого Гудона, назвал его негодяем и подтянул к нему железный крест, который он держал в руке, как бы намереваясь толкнуть его этим крестом; что при этом движении он, Гудон, схватил крест и поранил себе руку, так как Симон сделал новое движение, желая вырвать у него крест. А Жаком Роз сказано было, что, увидя окровавленную руку своего тестя, он действительно повалил на землю упомянутого Симона, но всему скоро был положен конец вмешательством нескольких лиц. Эти показания не отрицались ни одной из сторон и ни одним из присутствующих членов собрания; они, наоборот, были подтверждены Никола Бру-старшим, который был очевидцем описанной сцены. Из чего следует, что остается совершенно установленным, что упомянутый Симон, желая исполнить закон и снять знаки фанатизма и феодализма, подвергся преследованиям со стороны толпы женщин, забросавших его камнями, что снята была лестница, дабы он не мог спуститься с церкви, что Проспер Розе снова поставил ее, а посему ничего удивительного нет в том, что упомянутый Симон, пылая огнем патриотизма, был возбужден против нападавших на него.

На основании всего сказанного и принимая во внимание, что как коммуна, так и Наблюдательный комитет хранят молчание об этом деле и будут замалчивать его и в моем присутствии, я счел, что их патриотизм не находится на той высоте, на которой он должен находиться в настоящее время, когда Республика окружена тиранами всей Европы, объединившимися с целью ее погубить. Вследствие этого я сместил Генеральный совет коммуны, равно как и Наблюдательный комитет, и тут же я их в революционном порядке реорганизовал по затребованным мною спискам следующим образом.

Муниципалитет: Бертран Симон, мер; Жан-Тийом Уазиль, Жак Жервэ, Пьер Порто, Никола Бру-старший, заведующие отделами члены муниципалитета.

Совет: Барон, приходский священник, Огюстен Юбер, Шарль Лелибр (прежде Леруа), Жан Гудон, Никола Пуле, Жан-Батист-Этьен Гиньяр, Франсуа Турбе, Пьер Монпю, Мартен Бру, Валле-сын, Жан-Клод Пуле, Иньяс Графф, он же Бертран.

Что касается состава Наблюдательного комитета, смещение которого я проектировал по поводу дела, имевшего место между Берtrandом Симоном, Жаном Гудоном и Жаком Роз, поднялись

голоса примирения и объединения, которое, по мнению собрания, будет способствовать восстановлению порядка в делах, а если состоится примирение, Наблюдательный комитет, образованный лишь 8 дней тому назад, можно считать вполне удовлетворительно составленным. В ответ на такие слова Бертран Симон, в свою очередь, выразил желание пойти на примирение и побрататься с упомянутыми Гудоном и Роз, которые поэтому дали ему братский поцелуй посреди всеобщих аплодисментов. Вследствие этого я утвердил Наблюдательный комитет во всем его нынешнем составе и поручил ему проверить и разыскать авторов и зачинщиков этого самого дела, и специально я поручил произвести самые строгие расследования относительно подозрительных людей и подвергнуть их аресту. После чего все члены как Генерального совета, так и Наблюдательного комитета подошли к столу и принесли мне присягу в том, что они будут поддерживать свободу и братство или умрут на посту, защищая их. И все это было сделано посреди всеобщих аплодисментов и восклицаний: „Да здравствует Республика! Да здравствует Гора! Да погибнут тираны! Свобода, равенство или смерть! Пусть Национальный конвент остается на своем посту до тех пор, пока враг не погибнет!“

Составлен и заключен в день, месяц и год, указанные выше.
(Следуют 25 подписей.)

* * *

Борьба с духовенством и католическим культом в Бретани во время революции

Дольский округ

11 февраля 1793 г. — Один из членов муниципалитета снова указал, что необходимо снять статую св. Людовика, стоящую на алтаре св. Иоанна в бывшей кафедральной и приходской церкви этого города, ибо св. Людовик представлен в своем королевском одеянии, держащим в правой руке скипетр, а в левой руке руку правосудия, знаки, указующие королевскую и деспотическую законодательную власть, уничтоженную во Франции, где перестали признавать королевскую власть, где признается лишь единая и неделимая Республика и суверенитет народа. Оратор прибавляет, что существует также в часовне Сент-Ив, в той же церкви, щит с гербом бывшего дольского епископа, по имени Торо, каковой щит давно уже запрещен декретами Учредительного собрания и который надлежит снять, как и всякие другие знаки фанатизма, имеющиеся в той же церкви, да и во всем городе.

Принято единогласно.

Церковные колокола, снятые и перевезенные в монетный двор, в Нант, возчиком Бийо:

Из церкви дольской богородицы — 4 колокола весом . . .	2 784 ¹ / ₂	фунта
Из той же церкви — 6 медных ведер весом	66	фунтов
Из кармской церкви — 1 колокол весом	696 ¹ / ₄	фунта
Из церкви аббатства — 2 колокола весом	834	фунта
Из той же церкви — 4 медных ведра весом	20	фунтов

Всего 4 400³/₄ фунта

18 нивоза 2-го года (7 января). На заседании коммунального совета национальный агент гражданин Жюель внес предложение о том, что наступило время муниципалитету воздвигнуть алтарь Свободы в одном из храмов города, чтобы в ближайший четверг, 20 сего месяца, отпраздновать празднество Разума; что сверх того Директория требует, чтобы муниципалитет представил 2 меры * пшеницы, дабы в день праздника можно было выдать бедным жителям коммуны хлеб. Вследствие этого гражданин Жюель требует, чтобы муниципальный совет тут же вынес постановление по этим вопросам.

Обсудив эти вопросы, совет постановил, что в храме города, именуемом кафедральным, будет воздвигнут алтарь отечеству, что он будет помещен на внутреннем пространстве храма и будет иметь форму треугольника, высоты достаточной, чтобы с него можно было обращаться с речами к народу, что с середины алтаря будет воздвигаться пирамида вышиною приблизительно в 25 футов, и к ней будет прикреплен пук прутьев с боевой секирой, и пук этот будет прикрыт шапкой свободы. А для руководства постройкой алтаря совет назначил гражданина Кузена, которого муниципалитет уполномочивает затребовать такое число рабочих города, какое он сочтет необходимым для выполнения работы, и, если бы они ему немедленно не повиновались, он по праву назначается комиссаром, чтобы подвергнуть их наказанию, изобличив их пред Наблюдательным комитетом в качестве ослушников конституционных законов.

* * *

24 нивоза (13 января). Гражданин национальный агент указал муниципалитету, что еще остались на крестах церковных колоколен лилии, что следует снять эту эмблему королевской власти и даже снять кресты, чтобы срезать с них эти цветы, что так же точно следует прикрепить трехцветное знамя над алтарем коммуны или над внутренним пространством главной церкви, а еще лучше и над тем и над другим.

...Муниципалитет постановляет мобилизовать граждан, чтобы совершенно уничтожить всякие знаки, напоминающие времена деспотизма и прикрепленные к домам и зданиям города; постановляет сверх того снять все кресты, находящиеся на храмах и во всем городе.

* * *

8 плювиоза 2-го года (27 января). Муниципальный совет постановил снять в течение недели с национальных зданий и закрытых церквей в Доле все железные и свинцовые части и переправить их в Порт-Мало. Но, принимая во внимание, что снятие этих частей могло бы повредить здание, или храм Разума, ранее именовавшийся кафедральным собором, совет командировал в Директорию граждан Кузена и Лера, муниципальных чиновников, чтобы испросить указания Директории о том, следует ли и с этого здания, подобно другим, снять железные и свинцовые изделия. Означенные комиссары по возвращении своем представили доклад, в котором сообщили, что Директория оповещена о скором прибытии в нашу ком-

* Четыре гектолитра.

муну народного представителя, которому она и укажет, как муниципалитет должен поступить в отношении железных и свинцовых частей здания бывшей кафедральной церкви; что вследствие этого муниципалитет должен отложить снятие этих частей до получения соответствующего распоряжения народного представителя. Что же касается железных и свинцовых частей других церквей и национальных зданий, то их можно уже сейчас снять, равно как и железные, каменные и деревянные кресты, повсюду, где они находятся в этой коммуне, и им нужно составить опись и сложить их во дворе коммунального дома; нужно также подрядить знающих людей снять все четыре колокола, висящие в башне бывшей кафедральной церкви.

* * *

24 плювиоза 2-го года (2 февраля). Оглашается депеша гражданина Лекарпантье от 21 плювиоза, адресованная муниципальным чиновникам нашей коммуны и заключающая в себе постановление того же гражданина народного представителя. Это постановление гласит, что, будучи осведомлен, что в коммуне Доль есть еще бывшие сестры ордена св. Фомы и общины благотворительности, обслуживающие госпиталь нашего города, что эти девицы могут оказывать губительное влияние на умы людей слабых и доверчивых, что отказ принести гражданскую присягу и их неперемненное желание носить недозволенное одеяние явно свидетельствуют об их негражданских чувствах, народный представитель постановляет немедленно заключить их под арест и подвергнуть осмотру их бумаги и вещи; гражданке Марескаль, вдове Кенеля, исполнять обязанности старшей сестры госпиталя и ей же по соглашению с муниципалитетом пригласить необходимых для обслуживания госпиталя женщин, причем все сестры и старшая сестра будут получать полагающееся по штату жалование. На Дольский муниципалитет возлагается исполнение всех предписаний постановления.

Совет, обсудив те средства, к которым необходимо прибегнуть для точного выполнения указанного постановления народного представителя, пришел к заключению назначить двух комиссаров, которым поручить отправиться в помещение госпиталя нашего города и там предъявить упомянутым сестрам, именующим себя сестрами общины св. Фомы, указанное постановление и подвергнуть их аресту, предварительно осмотрев и описав их бумаги и вещи, и обо всем сделанном составить протокол и представить его муниципалитету. Так как эта опись и этот протокол не могут быть составлены и представлены муниципалитету сегодня ночью, комиссары, которые будут назначены, сегодня же вечером отправятся в помещение госпиталя и там наложат печати и оставят в этом доме двух стражников, которые там проведут всю ночь. Переходя к назначению комиссаров, совет, заслушав заключение национального агента по всему этому делу, назначил граждан Лэра и Жукана *.

* Декрет Конвента от 3 октября 1793 г.

Ст. 1. — Девицы, принадлежащие к бывшим конгрегациям их пола и работающие по обслуживанию немущих, по уходу за больными, по воспитанию и обучению, не принешие своевременно требуемой законом присяги,

25 плювиоза 2-го года (13 февраля 1794 г.) В 8 часов вечера смотрителю арестного дома нашей коммуны переданы под его ответственность гражданки Анна Жукан, Перин Блондо, Мари Бельшер, Франсуаза Кошрель, Франсуаза Сорр и Мари Жосс, бывшие сестры общины св. Фомы и служащие дольского госпиталя, подвергнутые заключению в национальном доме, который занимала в нашей коммуне вдова Годрион Шампмеле, по приказу и постановлению гражданина Жана-Батиста Лекарпантье, народного представителя в Порт-Мало от 21 с. м.

В день и год, указанные выше.

* * *

25 плювиоза (13 февраля). Граждане Лэр и Жукан доложили, что подвергнули аресту именующихся Анной Жукан (бывшая старшая сестра), Периной Блондо, Мари Бельшер и других, о чем просят составить акт. Сверх того те же комиссары заявили, что в госпитале не осталось лиц, которые могли бы заботиться об уходе за больными, и поэтому необходимо тотчас же и без замедления принять надлежащие меры и направить туда гражданку вдову Кенель.

Делуа.

* * *

Директория округа — дольскому муниципалитету
Доль, 28 плювиоза 2-го года (16 февраля 1794 г.)

Мы все, граждане, одушевлены любовью к законам, — будем же содействовать их скорому выполнению. Они, эти законы, требуют, чтобы никакой культ не господствовал над другим; они, эти законы, требуют, чтобы все, каждый на свой манер, поклонялись божеству, не вызывая однако никаких волнений, не появляясь, если можно так выразиться, в общественной жизни. А между тем кресты можно еще видеть на дорогах, даже в пределах вашей коммуны, — мы предлагаем вам, граждане, снять их. Еще слышен звон колоколов, — можно даже подумать, что закон оказывает какие-то предпочтения, — предложите же вашему приходскому священнику служить без шума, не показываться больше на улицах, сопровождая несчастный труп, которому нужно только поскорее исчезнуть с наших глаз.

Если в самом деле нужно, чтобы о наступлении трех моментов дня, — 8 часов утра, полдень и 8 часов вечера, — жители оповещались звоном, то все же следовало бы как-нибудь иначе звонить. Сделайте же, граждане, на этот счет распоряжения, какие вы найдете наиболее подходящими.

с настоящего момента отставляются от всех занимаемых ими в этих областях должностей.

Ст. 2. — Те из перечисленных в ст. 1 девиц, которые уже покинули свои должности и которые были или будут уволены со службы за то, что они не принесли упомянутой присяги, не будут получать никакой пенсии.

Ст. 3. — Административные органы за их ответственностью обязаны немедленно заместить упомянутых девиц гражданками, известными своей преданностью Революции.

*Директория округа — председателю Национального конвента
долю, 30 плювиоза 2-го года (18 февраля 1794 г.)*

Мы послали, гражданин председатель, в Национальное казначейство 266 марок 7 унций 3 гроша серебра, взятые в церквях нашего округа, не считая в том числе одних часов, золотой коробочки, золо-

той монеты в 24 ливра и 7 экю по 6 ливров, из оставшегося имущества одного священника, принимающего участие в вандейской разбойничьей армии, захваченные одним из наших, гражданином Порталем, который тебя уже оповестил об этом.

Мы не замедлим послать вторую посылку, — быть может, еще более значительную. Мы можем лишь радоваться тому усердию, с которым наши сограждане отделяются от этих сосудов, бесполезных для культа и представляющих вместе с тем большую ценность

для Республики, стремящейся целиком отрубить все головы королевской гидры.

Преступность не принесших присяги священников и гнусная нетерпимость присягнувших раскрыли наконец глаза нашим согражданам на религиозные маскарады, которыми их морочили с давних времен. Прозрев и став самими собою, они не хотят признавать другого культа кроме культа разума, единственного культа, достойного свободного народа.

Наши колокола частью уже сданы в реннский арсенал, а другие мы также не замедлим переслать туда, но в настоящий момент все возчики нашего округа мобилизованы на перевозку наших братьев по оружию, отправляющихся в Брест.

* * *

23 прериала 2-го года (11 июня). Вследствие представления гражданина мера, что на скале на Скорбном поле, в бывшей коммуне Карфантен, еще сохранилась эмблема фанатизма — каменный крест — и что необходимо удалить его от взоров республиканцев, — Совет, заслушав мнение национального агента, постановил сбить этот крест или по крайней мере, ввиду трудности снять его целиком, сбить обе поперечные части и возложить исполнение этого постановления на гражданина Бурде, нотабля, который согласился.

Постановлено также выдать удостоверение гражданской благонадежности Анне-М. Жукан, живущей на доходы со своего имущества.

* * *

Мы, народный представитель, делегированный Национальным конвентом в департамент Ламанш и соседние департаменты,

принимая во внимание разные заявления, поданные нам некоторыми бывшими священниками из числа тех, что содержатся в заключении во исполнение нашего постановления от 24 жерминаля, принимая во внимание, что сохранение общественного спокойствия было единственной причиной, вызвавшей эту меру принуждения против вообще опасных личностей, между тем как среди них имеются такие, что уже завязали или должны завязать отношения, обеспечивающие их приверженность к существующему государственному порядку, —

постановляем, что те из бывших священников, которые вступили в брак до их заключения согласно нашему упомянутому выше постановлению, не отдав тем не менее своих священнических грамот, как и те, которые смогут удостоверить свое намерение вступить в такие же отношения, могут выпускаться на свободу по представлению революционных комитетов их коммун и по постановлению окружных администраторов, под наблюдением которых указанные индивидуумы будут оставаться.

Во всем остальном мы сохраняем в силе все предписания нашего постановления от указанного выше числа и месяца.

Лекарпантье.

Порт-Мало, 25 прериала 2-го года Республики.

Дехристианизация в г. Бовэ и в департаменте Уазы. Замена христианских имен светскими и революционными именами

Дехристианизация имен достигает своего кульминационного пункта в 1794 г. В южной и западной секциях насчитывается в течение первых 9 месяцев 1794 г., т. е. до конца 2-го года, 175 рождений. Из этого числа в 64 случаях были даны светские имена с прибавлением 77 революционных имен.

Если оставить в стороне патристические имена, которые могут объясняться некоторым официальным давлением или отсутствием родителей, все же остается 52 случая, которые нужно приписать присоединению к антирелигиозному движению.

11 записей рождений, которые мы сознательно оставляем в стороне, касаются 3 детей, отцы которых отсутствуют, 3 детей, отцы которых на фронтах, и 5 детей, отцы которых — либо чиновники, либо революционно настроенные дворяне. Остальные записи касаются детей мелких торговцев и рабочих ситце-набивных фабрик, крючников и обойщиков. Наиболее смелые имена даются обычно рабочими.

Т а б л и ц а и з б р а н н ы х и м е н

Р а с т е н и я	Патристиче-ские имена	Деление времени	Личности	Разные события
Виноград	Республика	Флореаль	Марат	Флерюс Победа
Орешек	Республиканка	Жерминаль	Бара	
Венерин волос	Свобода	Мессидор	Виола	
Жасмин	Республиканец	Плювиоз	Брут	
Ангелика	Единство	Прериаль	Кай-Гракс	
Черника	Гений	Термидор	Фабий	
Чемеричник	Разум	Декади	Публикола	
Брокколь (спарже-вая капуста)	Равенство	Нониди	Олимпиада	
Лилия	Братство		Сцевола	
Гиацинт	Верховное су-щество		Порция	
(Либер)	Санкюлот		Поль-Эмиль	
			Агрикола	
			Купидон	

Перейдем к северной и восточной секциям.

В течение того же промежутка времени, от нивола до фруктидора 2-го года, мы находим 201 запись рождений, и в том числе дано было 114 светских имен, т. е. гораздо больше половины. Эта пропорция, кажется, нигде в другом месте не была достигнута.

В таком большом городе как Амьен за весь 2-й год записи дают 8 раз имя „Республика“, 5 раз имена „Бара“ и „Вильгельм Телль“, 4 раза имена „Марат“ и „Лепеллетье“. Но как это ничтожно по сравнению с двумя только секциями — северной и восточной — в гор. Бовэ, где мы встречаем в записях только за 9 месяцев до 16 раз — „Равенство“, 9 раз — „Брут“, 5 раз — „Республиканец“ и т. д.

Вот вся таблица данных имен — по категориям (см. вверху стр. 283).

Родители распределяются следующим образом: военных и чиновников — 11, фабрикантов — 13, рабочих и торговцев — 90.

Переименование площадей и улиц и изменение надписей. (Постановление 5 фримера 2-го года)

17 брюмера Генеральный совет коммуны принял в публичном заседании список названий улиц, составленный совместно Народным обществом и окружным управлением. Этот список был утвержден Постоянным советом департамента 5 фримера 2-го года.

Растения	Л и ц а	Деление времени	Патриотич. слова	Местность
Полынь	Брут (9)	Утренняя заря	Равенство (8)	Алансон
Лавровое де-рево	Вильгельм Телль (4)	Утро	Гора (6)	Бовэ
Лилия	Сцевола (2)	Весна	Свобода (6)	(2 или 3)
Либер (?)	Ликург	Декади (2)	Республиканец (5)	Флерюс
Виноград	Туллий (2)	Нивоз (2)	Равенство (5)	
Резеда	Филарет	Вантоз	Трехцветник (2)	
Розина	Муций	Жерминаль	Разум (3)	
Роза	Бара (3)	Флореаль (10)	Республиканка	
Тополь	Гельвеций	Прериаль	Право человека	
	Руссо	Мессидор (7)	Добрые вести	
	Виола (7)	Термидор	Братство	
	Лепеллетье		Неделимость	
	Марат (2)		Республика	
			Оруженосец	
			Федерат	
			Свободный Союз	
Всего 9	Всего 35	Всего 28	Всего 45	Всего 4

„Постоянный совет департамента Уазы, ознакомившись со списком названий улиц, изменение которых предлагают Народное общество, окружное управление и муниципалитет коммуны Бовэ, а также со списком названий, которыми они желали бы заменить старые названия, причем названные списки приняты были Генеральным советом коммуны Бовэ в публичном заседании в 17-й день 2-го месяца сего года;

принимая во внимание, что необходимо с возможно большей поспешностью принять меры, которые имеют целью навсегда стереть названия, режущие слух и зрение подлинных санкюлотов, и которые подчеркивают вместе с представлением о полном перерождении также и цель, к какой стремятся все сторонники свободы и философии, дабы заменить их другими названиями, соответствующими нашим нравам и спасительной революции, с таким успехом совершающейся за последние 4 года на французской почве, —

постановляем, заслушав мнение заместителя генерального прокурора по делам общины, что площади и улицы города Бовэ будут отныне именоваться и обозначаться следующим образом, а именно:

Площадь, именуемая св. Михаила	площадь Свободы
„ „ св. Петра	„ Разума
улица, именуемая св. Пантелеймона	улица Горы
„ „ Монастырского декана	„ Возрождения
„ „ Приходского священника	„ Конституции
„ „ св. Николая	„ Антуана
„ „ св. Симфориана	„ Прав Человека
„ „ св. Петра	„ Лепеллетье
„ „ св. Фомы	„ Жан-Жака Руссо
„ „ св. Магдалины	„ Трехцветная
„ „ св. Иоанна	„ Уазы
„ „ Спасителя	„ Единства

улица, именуемая Большая дорога св. Мартына
 " " Малая " " "
 " " св. Лаврентия
 " " Малая дорога св. Лаврентия
 " " Якобинцев
 " " Мавров
 " " Священников
 " " Урсулинок
 " " св. Стефана
 дом, именуемый Урсулинок
 улица, именуемая св. Франциска
 " " св. Ангуана
 " " Кордельеров
 " " св. Маргариты
 " " св. Вероники
 " " Мерда св. Мартына
 " " Фур св. Петра
 " " монахов-францисканцев
 " " Живодерни св. Лаврентия
 " " Глория-Лос
 " " Превотальная
 " " Богоматери
 " " Школы пения
 " " Кардинальских шапок
 " " Гробницы
 " " Бедных людей
 " " Монастыря спасителя
 " " Монастыря св. Петра
 Главная площадь
 улица, именуемая Сен-Жиль
 " " Ланнуа
 " " Экю
 предместье Сен-Кантен
 ворота Улитки
 предместье, именуемое св. Якова
 " " св. Иоанна
 ворота, именуемые св. Иоанна
 " " Дома господня
 " " Брель
 улица, именуемая Трех перепелов
 проход, именуемый св. Людовика
 " " св. Андрея
 " " св. Маргариты
 больница (дом господень)
 бюро для бедных
 улица, именуемая св. Павла
 " " Метца
 " " Жессомского колодца
 " " Сен-Ладрского седельника
 " " Кающегося монаха
 дом, именуемый св. Франциска
 улица, именуемая больницы дома господня

улица Республики
 " Ликурга
 " Лильская
 " Тионвильская
 " Народных обществ
 " Освобождения
 " Дампьер
 " Ветеранов
 " Борепер
 Дом Надзора
 улица Санкиолотов
 " Обществ. соглашения
 " Марата
 " Народн. просвещ.
 " Слепых
 " Терен
 " Жемап
 " Театра
 " Союза
 " Братства
 " Республиканца
 " Матери семейства
 " Декад
 " Сцеволы
 " Франсиады
 " Равенства
 " Пассажа Декарта
 " Брута
 Национальная площадь
 Улица Пик
 " Реформы
 " Золотого франка
 предместье Революции
 ворота Гурнэ
 Парижское предместье
 Предместье Уазы
 ворота Уазы
 Лильские ворота
 Клермонские
 улица Брель
 Проход прачек
 Проход Изобилия
 " Водопоя
 приют для больных
 " Несчастья
 улица Революции
 " Отечества
 " Жанны Гашет
 " Рош-Совер
 " Красной шапки
 Дом безопасности
 улица Благотворительности

Окружное правление Бовэ будет надзирать за выполнением постановления.

Для сего посланы будут той и другой администрации распоряжения, которыми им надлежит руководствоваться.

Принято в Бовэ в публичном заседании в день и год, указанные выше.

(Подписали) Деланд, председатель,
и Крепо, генеральный секретарь.

Постановление Генерального совета департамента от 3 октября

Генеральный совет департамента Уазы, проникнутый сознанием важности поддержать усилия мужественных республиканцев теми чрезвычайно сильными средствами, которыми деспотизм слишком долго злоупотреблял для удовлетворения своих тщеславных и кровавых стремлений; стремясь ускорить осуществление той пользы, которую принесет отечеству драгоценный металл, до настоящего времени расходувавшийся на то, чтобы придавать фантастическую пышность религиозным церемониям, которые являются действительно величественными лишь постольку, поскольку они просты; желая к тому же уничтожить следы старого режима либо путем разрушения следов деспотизма, королевской власти и феодального строя, либо путем отмены наименований, напоминающих уничтоженные почетные саны и отмершие цехи, как например такие названия, как „улица Старшины“, „Превотальная“, „улица Священников и т. п.; принимая к тому же во внимание предъявленное ему вчера требование учреждения в гор. Бовэ Наблюдательного комитета, — постановляет, заслушав заключение ведающего общинными делами Генерального прокурора, следующее.

„Ст. 1. Во исполнение декретов Национального конвента от 23 июля и 3 августа сего года и вследствие инструкций, преподанных Генеральным советом департамента 26 сентября членам своим, командированным в 9 округов департамента, — администраторам округа Бовэ вменяется в обязанность полностью выполнить не позже, чем через 8 дней по получении настоящего постановления, снятие колоколов с церкви указанного города и его окрестностей, дабы означенные колокола перелиты были в пушки.

Ст. 8. Все железные шпильки, какой бы формы они ни были, находящиеся на колокольнях, церквях и общественных зданиях, должны в течение 8 дней по распубликовании настоящего постановления быть сбиты и сняты, а железо должно быть употреблено либо на изготовление пик, либо для надобностей флота.

Ст. 9. Эти знаки будут заменены трехцветными флагами, прикрепленными к Фригийским колпакам.

Ст. 11. Все сохранившиеся еще следы, знаки и эмблемы феодализма, королевской власти, деспотизма и суеверия и вообще все статуи, кроме общественных монументов, имеющих значение для истории и для искусства, будут немедленно уничтожены. На муници-

Муниципалитет гор. Бовэ примет по получении настоящего постановления надлежащие меры, чтобы предписанные выше изменения были выполнены не позже конца 2-й декады текущего месяца, и распорядится напечатать, распубликовать и расклеить указанное постановление на пространстве всего своего округа.

* * *

*Постановления об организации
в департаменте праздника Разума*

Разум вернул наконец человеку после долгих веков заблуждений его действительное значение. Продажные обманщики захватили власть, которую слабость и извращение нравов повидимому должны были долго поддерживать. Но последние события революции сорвали маску с лицемерия: истина освободила смертных от постыдного ига предрассудков. Основы Республики заложены, и гражданские добродетели получили наконец должную силу. Шарлатаны морали, извратители велений природы признали всю гнусность своего существования. Повязка, прикрывавшая глаза народа, спала. Засияла заря лучшей жизни, ибо революция совершилась, и человек, восстановленный в своем достоинстве, получил возможность расчитать свои силы и оглянуться на свою судьбу.

Долгом людей, которым народ доверил ведение своих дел, было отметить день, когда гражданам была возвращена наиболее ценная часть их жизни. И эти люди разработали распорядок братского собрания, которое запечатлело бы в памяти людей разрушение фанатизма, уничтожение суеверия и установление царства разума.

Они сочли полезным ускорить наступление истины. Большая торжественность отметит этот важный момент нашей истории. Принимаются все меры, чтобы подготовить это торжество. Разбиваются идолы заблуждений — и на их место кладется первый камень подлинного храма Отечества.

* * *

*Кульм Разума в окрестностях Бовэ
В Аллонской коммуне*

Аллонская коммуна, которую энергично пропагандировали апостолы новой истины, должна была стать во главе движения. 20 фримера были проездом эмиссары-патриоты. По этому случаю Генеральный совет коммуны принимает различные постановления философского характера. 30 фримера народное собрание заявляет, что оно не признает другого культа кроме культа Разума, и назначает храмом своего культа бывшую церковь. 1 нивоза муниципальный совет утверждает принятое населением решение. 10 нивоза — торжественное открытие храма Разума. Таковы этапы, быстро пройденные сельчанами Аллона по антихристианскому пути.

Ничто не свидетельствует с большей яркостью о том, какого напряжения достигли их настроения, чем принятое ими следующее постановление.

„Генеральный совет Аллонской коммуны, заслушав доклад одного из своих членов о необходимости посвящения бывшей церкви свободе и философии и о полном уничтожении постыдных знаков суеверия, еще сохранившихся внутри означенной церкви, и о замене их священными атрибутами свободы, а также принимая во внимание, что пожелания Совета в этом отношении уже получили свое выражение в различных постановлениях; что в прошлый декади уже проявилось публично и свободно настроение народного собрания, заявившего, что оно впредь будет признавать общественным культом только культ Разума и философии и что этому культу будет навсегда посвящено здание, в котором раньше разыгрыва-

пальных чиновников возлагается особая обязанность разыскивать указанные следы и знаки. Все санкюлоты приглашаются доносить об их существовании установленным властям, которые будут нести ответственность за невыполнение настоящего постановления в тех пунктах, о которых им будет донесено, что в них постановление не выполнено.

Ст. 12. Колокольни бывших церквей, не служащих в настоящее время для отправления католического культа, будут немедленно сбиты.

Ст. 13. Так как колокольная кафедральной церкви, так называемая большая колокольная, совершенно бесполезна при сохранении малой колокольной с одним лишь колоколом, она незамедлительно будет разрушена, причем работа будет сдана с торгов, а железо и олово будут употреблены на указанные в ст. 8 цели.

Ст. 14. Железо и олово из всех церквей будут отданы на надобности Республики, а ненужные материалы будут проданы с торгов, вырученные же деньги будут употреблены на покрытие расходов по снятию колоколен и пр. и по ремонту, который потом придется произвести.

Ст. 18. Все религиозные знаки, поставленные вне церквей, как деревянные и каменные кресты, распятия, изображения святых и пр., будут уничтожены срочно и под ответственностью муниципальных чиновников, и впредь будет воспрещено воздвигать такие изображения.

Ст. 19. Закон 17 июля сего года о сожжении феодальных крепостных актов и титулов будет выполнен целиком...

лись религиозные фарсы; желая вместе с тем публично удостоверить патриотическое рвение гражданина Бэластра, который в прошлую декаду присоединился к гражданину, уже уполномоченному оглашать законы, и развил перед народом великие истины философии и который речью истинно республиканской наэлектризовал всех присутствовавших; заслушав также заключение временного национального агента коммуны, — постановляет: 1) означенному гражданину Бэластру послать поздравительное письмо с приглашением продолжать и впредь разъяснять народу великие республиканские чувства, которыми он сам проникнут, а речь его полностью вписать в регистры коммуны и копию ее послать обществу санкюлотов в Бовэ; 2) бывшая аллонская церковь отныне будет носить священное наименование: „Храм Разума“; 3) все еще сохранившиеся в ней постыдные эмблемы уничтожить и заменить атрибутами свободы; 4) на ее фронте выгравировать слова: „Храм Разума“; 5) организовать торжественное открытие храма в следующий декади; 6) извлечение из настоящего постановления послать как окружному правлению Бовэ, так и Народному обществу, дабы предать заслуженному оглашению чувства, которыми одушевлены все граждане Аллонской коммуны.

(Подписали) *Левек, агент; Комбар, секретарь; Фурдренн, за отсутствующего мера*“.

В Шоссе-Монтань

В Шоссе-Монтань жителям достаточно было последовать примеру своего бывшего приходского священника, чтобы стать ревностными сторонниками нового культа. Муниципалитет собрался 13 нивоза (2 января 1794 г.) и принял следующее постановление.

„Муниципалитет, принимая во внимание, что в момент, когда враги общественности всячески пытаются снова наложить на нас цепи, которые нами были сброшены, и когда главное орудие, которым они хотели бы пользоваться против нас, было бы пренебрежение законами, изданными нашими законодательными учреждениями; принимая во внимание, что одной из главных обязанностей народного управления является пропаганда священных принципов Свободы и Равенства; принимая во внимание наконец, что у нас нет другого здания, кроме бывшей церкви, здания, более приспособленного к тому, чтобы там вести обучение народа, — муниципалитет, заслушав заключение временного национального агента, постановил: все наши сограждане приглашаются собираться каждую декаду в означенную бывшую церковь, где их будут знакомить со всеми законами Республики.

Принимая также во внимание, что пора восстановить человека в его правах и рассеять его старые предрассудки, что для достижения этой цели необходимо воздвигнуть храм Разума и укрепить человека в культе, достойном свободных людей, и построить этот храм на развалинах суеверия единственному божеству, которое они должны признавать, — муниципалитет, заслушав заключение временного национального агента, также постановил, что в следующий декади будет устроено празднество в честь Разума, что бывшая

церковь превращается в храм Разума, что гражданин Барон, начальник национальной гвардии, приглашается взять на себя организацию той торжественности, которую мы хотим придать означенному празднеству, что на гражданина Фельдтраппа также возлагается украшение того же храма, что трем гражданам будет предложено благоволять представлять богинь, любезных сердцам свободных людей, и что наконец извлечение из протокола настоящего заседания будет завтра же послано администрации округа и будет оглашено во всех местностях коммуны гражданином Делакура, мером, который будет призывать граждан благоволять явиться на празднество.

Подписали: Делакура, мер, Летэ старший, Бине, Карон, Бугон, Паррот, Жофруа, Лефевр, Авар, Лемэр“.

* * *

Граждане, входящие в состав находящегося в Бовэ Народного общества друзей единой и неделимой Республики — всем священникам округа

Признавший конституцию епископ департамента Шеры только что преподал нам великий урок. Освободившись от суеверия преступного фанатизма, он предоставил на службу общему делу свое священное служение, он сделал его в глазах всех почтенным, соединив под приятным игом гимenea священника и бывшую монахиню.

Народное общество Бовэ приветствовало памятный пример как самого епископа, так и обоих супругов. Оно поэтому призывает всех священников округа показать нации тот же пример. Сан отца, совмещенный с саном апостола евангелия и истины, лишь увеличит то уважение, которое патриоты питают к принесшим присягу священникам: счастье обнимать своих детей, воспитывать их во всех добродетелях вознаградит их за те упреки и бранные восклицания, которыми будут их осыпать некоторые жалкие людишки, считающие, что делают угодное богу, одобряя безбрачие. Бог создал мужчину для женщины. Бог не может противоречить себе самому. Плодитесь и множьтесь — таков закон.

Братья и друзья! Республиканское общество Бовэ ожидает от вашей мудрости плодов вашей нежности, — она лучше всякого другого покажет вам, как приятно быть отцом.

Привет и братство!

(Подписали) Жуа, председатель, Мишель-Тике и Т. Расине, секретари.

30. Воспоминания реакционера о борьбе с контрреволюционным духовенством

Жорж Дюваль — из воспоминаний о терроре
с 1788 по 1793 г.

...Церкви все еще оставались открытыми. Так как служившие в них священники во время принесли требовавшуюся гражданскую присягу конституции, они считались законопослушными. Ни против них, ни против их паствы ничего не могли иметь. Но эти священники все же служили обедни и кроме того по остатку навыков их прежнего ремесла произносили проповеди, в которых говорили о боге и развивали старые моральные и религиозные воззрения. А это уже казалось прямо скандальным. Было решено покончить с этим. Начали с того, что в большинстве церквей разместили народные общества, которые обычно открывали свои заседания в такое время, когда должна была начинаться религиозная служба. Члены этих обществ, собравшись посреди церкви, сопровождали начало богослужения своими патриотическими песнями вроде Карманьолы и Марсельезы, забрасывали оскорблениями священников даже во время службы, распивали вино из чаш, бросали в кадиланицы человеческие экскременты и другие зловонные вещества, а часто даже спускали священника с кафедры и начинали проповедывать вместо него. Подобная сцена однажды разыгралась в моем присутствии в церкви Сент-Андре-дез-ар. Конституционный приходский священник собирался приступить к проповеди, когда дворник с улицы Серпант, известный в своем квартале под кличкой „Вывернутая ступня“, с быстротою белки взлетел на кафедру, сбросил с нее священника, осенил себя крестным знамением и стал проповедывать приблизительно в следующих выражениях: „Во имя сатаны, Астарты и Вельзевула и всех великих дьяволов ада увещаю вас не слушать больше капудинские словоизвержения гнусавого попика, которого я только что сбросил отсюда. Довольно с вас всех этих старых кривляний. Забавляйтесь всласть, пейте здорово, ласкайте ваших жен или ваших любовниц — и чорт с вами. Аминь!“ „Вывернутая ступня“ был в то время членом Революционного комитета секции Марс (бывш. секция Французского театра).

Церкви, повсюду бывшие аренной подобной профанации, стали постепенно пустеть, и воскресные дни скоро стали отличаться от других дней недели лишь тем, что лавки были закрыты. Но даже и этот последний религиозный пережиток не долго сохранялся. И действительно, 2 октября 1793 г. (1 брюмера 2-го года), в тот самый день, когда народное общество г. Мулен оповестило парижское народное общество, что епископ департамента Аллие облачился, служа в последний раз в церкви, вместо клобука с посохом в красную шапку с пикой в руках, — в тот день Парижская коммуна вынесла постановление, воспрещавшее, под страхом быть объявленными фанатиками, закрывать по воскресным дням лавки. И некоторые торговцы, принявшие было это постановление за пустую угрозу, убедились в противном, когда, вернувшись в воскресенье вечером из загородной прогулки, они увидели, что двери их лавок взломаны, окна выбиты, лавки опустошены, и были еще рады, что отделались только этим.

А затем наступило полное крушение религии. Все церкви являли собою внутри зрелище страшного разрушения. Повсюду, как например в Сен-Дени, статуи святых были опрокинуты, ризницы были осквернены, мрамор на алтарях разбит, памятники на могилах разрушены. Париж дал сигнал такого разрушения, провинция поспешила за ним последовать. Некоторые местности старались даже перещеголять его и совершали в этом отношении нечто совершенно ни с чем не сравнимое. Следы этого мы находим в донесениях народных представителей, которых командировали в разные департаменты, и в адресах некоторых народных обществ.

Рюль объезжал тогда в качестве миссионера Конвента департамент Марны. И он писал из Реймса якобинцам в Париж, что „собрал на городской площади стариков и в их присутствии схватил сосуд с миром — пресловутую бутылку, которую фанатизм столь тщательно сохранял для миропомазания королей, — и которую он разбил под самые горячие аплодисменты собравшихся“.

Вслед затем Директория департамента Верхней Соны сообщает Конвенту, что она в строгом согласии с республиканскими принципами категорически запретила всем учителям государственных школ касаться на своих уроках каких бы то ни было вопросов, которые связаны с представлением о боге.

Потом пишет Андре Дюмон: „Гнусные ханжи, не принешие присяги на верность конституции, жили в стогах сена в бывшем Гарском аббатстве. Трое из этих черных зверей были там найдены спрятавшимися, а когда их оттуда извлекли, там нашли зарытым в землю ценный клад. Теперь подсчитывается найденное золото и серебро, а три чудовища отправлены в тюрьму, где они будут дожидаться суда. Посылаю вам золотую медаль, на которой выгравировано изображение Людовика Укороченного. Я только что потребовал ареста священников, державших праздновать воскресные и праздничные дни. Приказываю повсюду сбивать распятия и кресты“.

„Я в восторге, — восклицает он несколько дней спустя, — церкви повсюду закрываются, всюду сжигаются исповедальни и изображения святых, а из книг для хорового пения изготавливаются орудейные патроны. В Перонне, где я произнес республиканскую проповедь, все жители приветствовали меня восклицаниями: „Не надо нам священников! Равенство и разум!“ На горе я совершил несколько бракосочетаний, причем брачуемые были в разводе по первому браку“.

Ланьело и Лекинио со своей стороны вели не менее жестокую борьбу за искоренение фанатизма. Сообщив в своем донесении, что они подвергли аресту поставщика церковных свечей по имени Риввер, которого учрежденный по их распоряжению Революционный трибунал отправит на гильотину, они продолжают: „У нас одни чудеса сменяются другими. Восемь служителей католического культа сложили с себя священнический сан в присутствии огромной толпы народа, собравшейся в храме Истины, прежней приходской церкви, и поклялись вести проповеди против всех видов политической и религиозной тирании. Для начала они предали сожжению свои священнические грамоты. Плакат с „правами человека“ заменил в храме Истины все смехотворные и глупые таинства“.

Но все это только служило подготовкой к разыгравшейся в Париже большой эффектной сцене, отражение которой скоро дало себя чувствовать во всех департаментах, вынужденных подражать столице.

После того, как уничтожение католического культа окончательно было решено вечером 31 октября в городской ратуше на совещании, на котором присутствовали главные вожаки Горы, за исключением Робеспьера, некоторые члены Директории и наконец все члены Парижской коммуны, которая как-раз в этот день постановила посылать римскому папе для излечения его от его заблуждений все антирелигиозные декреты, — председатель департамента Моморо, генеральный прокурор Люлие, его заместитель Эбер⁷⁵, депутат Колло д'Эрбуа, три протестантских священнослужителя, в том числе Жюльен из Тулузы, тоже депутат, отправились между 11 и 12 часами ночи в архиепископство и потребовали свидания с епископом Гобелем. Последний, уже легший спать, велел сказать депутатам, что примет ее завтра утром — так рано, как она пожелает. „Поди скажи твоему хозяину, — сказал Эбер лакею, — что избранникам народа не след дожидаться какого-то попики и чтобы он сию минуту поднялся“. Несчастный прелат, вынужденный повиноваться, поспешно поднимается и выходит к представителям народа. Шометт в нескольких словах излагает ему, в чем дело. „Да свершится воля господ бога“, — отвечает, наклоняя голову, Гобель. — „И наша также, — заявляет Шометт. — А наша воля состоит в том, чтобы все религиозные кривлянья прекратились, чтобы все церкви были закрыты, чтобы вы, ваши викарии и ваши приходские священники сожгли свои грамоты, как большинство ваших собратьев уже сделало разумно во многих департаментах, и чтобы в возможно более короткий срок вместе со всем

вашим духовенством отправились в Конвент и там отреклись от всех глупостей, которыми вы слишком долго досаждали народу". Хотя Гобелю было уже около 70 лет и он был слаб характером и отличался чрезмерной робостью, он тем не менее был возмущен таким предложением и старался убедить депутацию, что ему не след до такой степени унижить священный сан, которым он облечен, повторяя, что он никогда не сможет решиться пойти на такой скандал. „Ну, знаете, — ответил ему Шометт, — время пустозвонных речей прошло — народ их больше не желает слышать. И так как он теперь хозяин, то ему нужно повиноваться. А затем — мы вам даем два или три дня на размышление, т. е. чтобы вы могли выбрать между отречением и гильотиной. До свидания, ваше преосвященство“.

4 или 5 дней спустя Шометт снова явился к епископу, на этот раз в сопровождении одного лишь Анахарзиса Клоотса. Он снова повторяет свое предложение Гобелю об отречении, прибавив при этом, что совет Коммуны постановил назначить обряд отречения на следующий день. Гобель снова оказал делегатам сопротивление, которое впрочем ослабевало по мере того, как делегаты рисовали ему в перспективе либо гильотину, либо уважение и признательность патриотов, с приложением круглой суммы в 300 000 франков ассигнациями в случае согласия. После долгих колебаний и возражений Гобель дал наконец согласие — и, я думаю, скорее потому, что он цеплялся за остаток жизни, чем ради предложенных ему 300 000 франков, на которые он несколько месяцев спустя дал квитанцию на площади Революции, не получив в их счет ни одного сантима.

Вечером по всему городу разнесся слух, что на следующий день, 17 брюмера (7 ноября), конституционное духовенство Парижа во главе со своим епископом выйдет в час дня из помещения архиепископства, чтобы совершить акт отречения в Конвенте. В этот день около полудня все улицы, по которым должен был пройти кортеж, были переполнены жадно следившей за зрелищем толпой. Чтобы окружить прелата достойным его эскортом, Шометт за несколько дней до этого события разослал своих агентов по всем парижским приходам, и ему удалось таким образом наберечь довольно значительное число священников, — я насчитал свыше двухсот, пока процессия проходила мимо меня.

Когда кортеж поравнялся с тем местом, где я находился, он был встречен ужасающими криками: „Долой попов, долой воронов!“ Кричали и свистали так громко, что нельзя было расслышать, что говорил сосед. Шометт, который шел во главе процессии, опоясанный муниципальным шарфом и с красной шапкой на голове, сделал знак рукою, призывая кричавших к молчанию, и толпа почтительно затихла, чтобы выслушать генерального прокурора Коммуны. „Вовсе не то нужно кричать, друзья мои, — сказал он, — совсем не то; добродетельные священники, которых я веду, идут в Конвент сложить с себя священнический сан, и они уйдут оттуда такими же санкюлотами, как мы с вами“. — „Вот как! В таком случае да здравствуют попы!“ И этот новый крик был

подхвачен на обоих тротуарах Нового моста, под аккомпанемент перезвона на водокачке, где стали вызванивать с вариациями излюбленные патриотами мотивы Карманьолы и Ça ira. Наэлектризованная толпа запела слова этих песен и, разрастаясь численно с каждым новым шагом, с триумфом довела епископский кортеж, следуя по набережным и затем по Тюильрийскому саду, до самого зала заседаний Конвента.

* * *

Заседание Конвента от 7 ноября стало приносить свои плоды. Председатель Лалуа имел все основания утверждать, что великий пример парижского духовенства вызовет последователей среди духовенства всей Республики. Да и не могло быть иначе, ибо одни и те же средства „убеждения“ употреблялись по отношению к священникам по всей стране. Так, несколько дней спустя Карье в таких выражениях изливал в своем донесении Конвенту свою патриотическую радость: „Проповедь религии Разума воодушевляет всех граждан и поднимает их идейно до уровня Революции. Суеверие, предрассудки, фанатизм — все рассеивается при свете факела философии. Мине, бывший епископ, а ныне председатель департамента, разоблачил в очень сильной речи заблуждения и преступления духовенства и отрекся от своего священнического сана. 5 приходских священников последовали его примеру... Событие другого рода способствовало уменьшению числа священников. 90 священников, отказавшихся принести присягу на верность конституции, содержались на барже на Луаре, и мне сейчас сообщили из вполне достоверного источника, что все они утонули в реке“.

Едва секретарь Гильмарде огласил письмо депутата Карье, как к нему поступило тут же оглашенное им другое письмо, заключавшее в себе не менее удовлетворительные сведения. Они исходили от упомянутых уже народных представителей Ланьело и Лекинио, бывших в миссии в Рошфоре. Они между прочим сообщали: „Вчера здесь были смыты последние следы суеверия. Над огромным костром, разведенным на городской площади, высились извлеченные из церкви картины и всякие изображения. Население покрыло костер 5—6 тысячами так называемых священных книг, и костер пылал под всеобщие приветствия и республиканские песни“.

Конец заседания был отмечен появлением депутации секции Санкюлотов (бывш. Финистер, а еще раньше секция Ботанического сада), заявившей, что она „не желает больше иметь посредников между нею и божеством и впредь не желает содержать на свой счет тунеядцев и распространителей всяких суверий“. Председатель Лалуа ответил депутации, что после отречения Гобеля они могут считать свое желание удовлетворенным.

Вслед за этой депутацией представилась другая, посланная из Невера депутатом Фуше и принесшая собранные в городских церквях остатки фанатизма — посохи, клобуки, статуи святых и пр., — все вещи небольшой ценности, да и донесение Фуше найдено было незначительным. Поэтому депутация встречена была с хо-

лодком. Впрочем в посылке Фуше были остатки не только фанатизма, в ней были и остатки феодализма и между прочим герцогская корона. При виде этой короны депутат Юге, впоследствии расстрелянный по делу Гренельского лагеря, был охвачен таким патриотическим негодованием, что потребовал, чтобы этот гнусный символ был растоптан ногами. Стоявший вблизи пристав схватил корону, разбил ее и разбросал ее куски по залу.

В течение дальнейших дней ноября заседания Конвента становятся все более и более интересными. Не проходит ни одного заседания, на которое не приходили бы, к удовольствию народных представителей, делегации от разных секций Парижа и не заявляли бы, что они не признают больше других богов кроме свободы и равенства, и не приносили бы на алтарь отечества серебряные и золотые вещи из своих церквей. Одной из первых по времени была делегация секции Горы.

Но Конвент пока один наслаждался зрелищем драгоценных вещей, ежедневно отнимавшихся у фанатизма, между тем как народ на улицах мог видеть только ящики на носилках, в которых заключались церковные сосуды. Потом решили и ему доставить удовольствие лицезреть церковное добро и поэтому изменили и распорядок и маршрут этих шествий. Начиная с 15 ноября, в них принимали участие облаченные в церковные одеяния личности, показывавшие всему народу великолепные вещи, которые они собирались передать народному представительству.

Тогда случалось, что несколько парижских секций или несколько прилегающих к Парижу коммун соединялись вместе и составляли одну общую процессию, и каждая из них приносила свою долю ваз, ранее бывших священными, рак, статуй святых и пр. Одной из наиболее импозантных и наилучше организованных процессий, которую мне довелось видеть и которая может дать представление обо всех других, была процессия города Мо и прилегающих к нему коммун. Во главе процессии шел переодетый священником толстый крестьянин, несший хоругвь старого аббатства Сен-Фарон. За ним следовали не меньше 20 крестьян, облаченных в ризы и державших в руках кресты. Потом — огромное множество крестьян в стихарях, а за ними — около 50 ребятишек в одеяниях церковных хористов, с кадильницами в руках и поворачивавшихся время от времени, чтобы кадить ослу в епитрахили, покрытому нарамником, с клобуком на голове, с прикрепленным на спине бронзовым ковчегом для мощей, перед которым ребятишки расprostирались и совершали коленопреклонения с хохотом и гиком. Процессию завершала простая тележка, на которую в беспорядке навалили золотые и серебряные церковные сосуды — дароносицы, чаши-тарелочки для св. даров и другие предметы, служившие для католического культа. Впереди этой тележки шел человек, несший огромное черное полотно, на котором громадными белыми буквами, размером около фута, написано было: „Крушение фанатизма“. Некоторые участники держали в руках дароносицы и чаши, и они входили в кабаки, им наливали в них вина, и они сами пили и угощали других и пели разные

молитвы и на мотивы молитв пели самые скабрёзные песни. Я шел за этой процессией до самого зала заседаний Конвента. Но толпа, привлеченная новизной зрелища, была так велика, что я не мог протиснуться в зал. Вместе со многими другими я остался в вестибюле Павильона часов. Когда процессия стала подниматься по большой лестнице, она запела песенку „Господин Мальбрук умер“ и продолжала распевать ее уже в самом зале, что привело в веселое настроение народных представителей, которые с радостью и признательностью приняли принесенный им дар.

Шометт, изгнавший из всех храмов „бога старых баб“, понял однако, что народ, внезапно лишенный объекта своего многовекового поклонения, нуждается в том, чтобы ему дали какой-нибудь эквивалент, и Шометт решил, что французскому народу будет дана новая богиня, богиня Разума. Но эта богиня была абстракцией — нужно было дать ей живое воплощение.

Это воплощение имело место 10 ноября 1793 г. в Конвенте. Заседание началось с того, что аббат Сийес⁷⁶, одетый в синий фрак, вдруг поднялся и заявил Собранию, что он давно уже снял священническое одеяние, но в настоящий момент он желает заявить, что по примеру Гобеля, своего духовного начальника, он не признает другого культа кроме культа свободы и равенства и другой религии кроме любви к человечеству и к отечеству.

Это было лишь прологом. Сийес едва закончил свою последнюю фразу, как решетка с треском раскрылась и показался Шометт в сопровождении большой толпы женщин. С важным видом вел он одну из них, покрытую длинной вуалью. В кортеже были и мужчины. Вошедшая толпа рассеялась по всему залу, проникнув даже на скамьи народных представителей, с которыми стали обмениваться рукопожатиями. Но по знаку Шометта все пришедшие торжественно окружили его, а он медленно направился к креслу председателя (кажется, председательствовал в тот день Лекинио) и вдохновенным голосом воскликнул: „Смертные, не признавайте больше другого божества кроме Разума. Привожу к вам его наиболее благородный и чистый образ, если вам нужен идол — вот он, не ищите других“. При этих словах он поднял вуаль с приведенной им женщины, и новая богиня предстала перед нами во всем своем блеске. Он опустился на одно колено и поклонился ей. Гражданин председатель в свою очередь поклонился, поклонились и многие другие депутаты, и единогласно под всеобщие аплодисменты принят был декрет о том, что Конвент будет присутствовать на празднестве в честь Разума и что это празднество будет иметь место в кафедральном соборе, который отныне будет называться храмом Разума. После этого запели патриотические песни и пустились в пляс, в котором приняли участие и депутаты.

Среди народных представителей, не унизившихся до такой вакханалии, а их, надо признать, было большинство, я особенно охотно называю Максимилиана Робеспьера. Я не терял его из виду с момента появления Шометта и внимательно наблюдал его.

Он снимал и снова надевал свои очки, протирали их стекла, нервно отбивал такт ногой, пожимал плечами, зевал, что-то записывал у себя и время от времени что-то говорил на ухо Сен-Жюсту, который со своей стороны тоже что-то записывал. Этих записей, которые они показывали друг другу, я конечно не видел, но я очень склонен думать, что это, может быть, были заметки для знаменитого доклада о заговоре атеистов, который 4 месяца спустя был сделан Сен-Жюстом ⁷⁷ с трибуны Конвента и который привел Шометта на эшафот.

Когда танцы достигли наибольшего оживления, Робеспьер и Сен-Жюст вдруг поднялись со своих мест, посмотрели несколько минут на разыгравшееся пред их глазами зрелище и вышли; как только они покинули зал заседания, создатель и поклонники нового божества растерялись, и председатель, видя смущение танцоров, закрыл заседание. Импровизированное празднество закончилось.

Действительное празднование богини Разума состоялось, согласно декрету Конвента, 20 ноября (декады 30 брюмера) в соборе парижской богоматери, переименованном тем же декретом в храм Разума. Шометт решил придать этому празднеству такой блеск, чтобы оно осталось в памяти будущих поколений. Для импровизированного празднества в Конвенте он, за недостатком времени, взял для роли богини Разума первую попавшуюся женщину, но для грандиозного зрелища, которое он собирался инсценировать в соборе парижской богоматери, он решил избрать более достойную и обратился к звезде Оперы, мадемуазель Майяр (выступавшей под псевдонимом „Армид“), одной из самых красивых женщин того времени. На ее выборе настоял известный певец Лаис, преданный революции человек, всегда носивший фригийскую шапку, член якобинского клуба, по утрам изготавливавший селитру в подвалах, по вечерам певший Марсельезу в Опере и называвший Шометта своим другом. Армид сперва отказалась выступить в роли богини, но, когда Шометт ей сказал: „Ну что же, гражданка, если ты отказываешься быть божеством, то должна будешь примириться с тем, что с тобою поступят, как с *простой смертной*“, — она решила принять предложение.

Но вот наступил день торжества. Собор был битком набит самой разнообразной публикой. На площадке раздались веселые восклицания, все взоры обратились к большой средней двери, она раскрылась настежь — и показалась процессия. Предшествуемая толпою одетых в белое женщин, опоясанных трехцветными лентами, увенчанных несколькими помятыми искусственными (так как по сезону нельзя было найти живых) цветами, окруженная всеми членами коммуны Общества якобинцев, примыкающих к нему обществ и революционных комитетов, танцорами и танцовщицами, солидно танцовавшими сарабанду, несомая в крытых носилках, украшенных дубовыми ветвями, тоже искусственными ввиду времени года, с фригийской шапкой на голове, с обувью трагических актеров на ногах, одетая в белую тунику и голубой развевающийся плащ, новая богиня проплыла через всю церковь под звуки оркестра и, торжествующая, заняла ризницу девы Марии. Так это

предсказал за десять лет до того иезуит Борегард в произнесенной в той же церкви проповеди. Надо добавить, что на всей этой толпе — как мужчинах, так и женщинах — надеты были красные шапки, что представляло собою для лиц, размещенных на 8 трибунах, ослепляющее зрелище.

Шометт галантно предложил руку богине, чтобы помочь ей сойти с носилок. На руках его были белые перчатки. Отмечаю это обстоятельство, потому что тогда белые перчатки не были в ходу и потому что из всех собравшихся один только Шометт надел такие перчатки, к тому же их снежная белизна так резко выделялась на фоне его темносиней куртки и яркокрасной шапки. Мадемуазель Майяр поднялась по ступенькам и села на том месте, где раньше находились святые дары, с величием, достойным обительницы Олимпа. Можно было бы подумать, что это Венера или Психея усаживается на собрании богов.

У входа в ризницу и немного впереди прежнего алтаря построили эстраду в форме холма, вышиною около 15 футов. На этом холме воздвигнут был алтарь в виде скалы с громадной восковой свечой на ней, которая должна была представлять собою светоч истины. На фасаде скалы красовалась надпись: „Философия“. Там богиня Разума, величественно расположившись в кресле, обитом красным бархатом, принимала приветствия своих новых поклонников.

Жрицы богини, т. е. мадемуазель Майяр, в большинстве фигурантки Оперы, выстроились вокруг нее, все опустили на колени, и два причетника подают Шометту забытую в ризнице старую медную кадильницу. Был воскурен ладан пред богиней, как воскуривали его пред бюстом Марата за несколько дней до того в церкви аббатства. Случайно или умышленно, не знаю, лежала на полу, подле алтаря, опрокинутая и разбитая статуя девы Марии. И это послужило темой для речи Шометта, в которой он, насмехаясь над девой и над ее бессилием защитить свой дом, указывал своим слушателям на то, что она не может подняться на ноги, а христос, ее сын, не в состоянии оживить ее. И, так как она не оживала, Шометт отсюда заключил, что она ничего не может делать, что ее нужно покинуть и поклоняться отныне только *Разуму*.

Единодушные восклицания „Да здравствует Разум“, „Долой св. деву“ приветствовали эту философскую речь, после которой началось „богослужение“.

Здесь я попрошу читателя последовать за мной пока в церковь св. Роха, где актер Монвель выступил плагиатором Шометта, с той разницей, что в соборе парижской богоматери прокурор Коммуны хулил только Христа, а в церкви св. Роха актер изрыгал хулу на самого бога. Это произошло в тот день, когда в этой церкви устроено было празднество Разума, который олицетворяла красивая женщина, почти столь же красивая, пожалуй, как мадемуазель Майяр. Один сосед сказал мне, что это была мадемуазель Обри, другая актриса Оперы. Я этому поверил, потому что Опера с незапамятных времен была питомницей разных богинь.

Монвель взошел на кафедру и, исчерпав весь нечестивый словарь Гольбаха, так закончил свою проповедь: „Теперь, когда я доказал, что ты не существуешь, — это он к богу так обращается, — докажи ты сам, что ты существуешь. Я только-что отрицал твое существование, я не боюсь твоего бес- сильного гнева. Обрушья на меня, если ты в состоянии, — обрушья же на меня!“ И, произнеся эти слова, проповедник останавливается, он скрещивает руки на груди, поднимает к небу взор, полный презрения, и ждет. Аудиторию на минуту охватывает молчаливый ужас. Я сам ждал, что вот на одной из стен оскверненного храма загорятся пламенем слова „мане, текел, фарес“. Но никакое пламя не зажглось на голой стене, и мы не услышали никакого раската грома.

Когда яковинский Бурдалу сходил с кафедры, один из его слушателей сказал ему:

— Гражданин Монвель, ты проповедывал, как ангел.

— Когда проповедуют с убеждением, — ответил он с поклоном, — красноречие само собою приходит на уста проповедника.

Этот чувствительный слушатель был Мамен, тот самый Мамен, при имени которого тотчас же встает перед глазами голова госпожи де-Ламбаль, проносимая на острие пики по всему Парижу. Монвель должен был быть польщен его похвалой.

Но возвратимся в собор парижской богоматери. Танцы продолжались, но более стройные и изящные, чем танцы, происходившие в Конвенте. Это объясняется очень просто: в собор был вызван весь кордебалет оперного театра. Танцы продолжались еще целый час, после чего Шометт хотел, чтобы пропели последнюю молитву богине. Но богиня, утомленная поклонами, одурманенная плохим ладаном, изможденная 4-часовым позированием, воспользовавшись моментом, когда танцоры и танцовщицы особенно стремительно завертелись, скрылась из церкви через боковую дверь.

Некоторые ригористы шопотом возмущались тем, что Шометт ввел в свою литургию контрдансы. Они не знали, что у всех народов древности танец составлял существенную часть богослужения и что это называлось „священным танцем“.

После такого блестящего успеха праздника в соборе парижской богоматери Шометт распорядился, чтобы все бывшие церкви завели своих богинь Разума. Но, так как он опасался, что новый культ может на первых же порах оттолкнуть от себя всех, если заставлять их поклоняться таким богиням, каких он выбирал до тех пор, он решил впредь выбирать богинь среди молодых особ строгого образа жизни и принадлежащих к честным буржуазным семьям.

Как известно, все церкви были обобраны, и все найденные в них ценности отданы были в монетный двор. Однако на волнистом холме, высиившемся над Парижем с юго-западной стороны, стоял древний собор, воздвигнутый Кловисом в честь святых апостолов и посвященный впоследствии Клотильдою скромной дочери гор. Нантера, св. Жёневьеве. Там сверкала еще всеми

цветами радуги великолепная, усеянная драгоценными камнями рака, содержащая останки святой. Этого конечно долго нельзя было терпеть.

Среди деятелей Парижской коммуны был некий Сержан, знавший толк в бриллиантах. Он особенно восхищался бриллиантовым пучком, даром королевы Анны Австрийской, увенчивавшим раку. Ему не трудно было заразить своим восторгом Шометта, который, явившись в одно прекрасное утро в Совет Коммуны, произнес против св. Женеьевы зажигательную речь, в которой потребовал, чтобы на следующий же день рака доставлена была в городскую ратушу, а останки святой были преданы сожжению на Гревской площади. Эти требования были тотчас же приняты Советом, и на следующий день на улицах выкрикивали: „Парижская коммуна осудила бывшую св. Женеьеву и постановила предать сожжению ее останки, а пепел развеять по ветру“.

В то же время принимались все меры к выполнению этого постановления. В сопровождении громадной толпы женщины Коммуны направились около 10 часов утра к церкви св. Женеьевы, чтобы конфисковать раку и следить за тем, чтобы все драгоценности остались в целости.

Услышав выкрики публичных глашатаев, я быстро спустился на улицу и поспешил на площадь Мобер. Я поспел во-время и мог видеть всю процессию. Человек десять, облаченных в церковные одеяния, несли раку во главе толпы, которая, надрываясь, распевала церковные мотивы католической службы.

Как только рака доставлена была в городскую ратушу, ее тотчас же вскрыли. В ней оказался драгоценный ящик, в котором лежал завернутый в красный шелк костяк святой. Его выбросили на стол.

Посреди площади развели костер, в который под крики собравшихся бросили скелет святой. Вокруг костра плясала толпа. Когда же костер догорел до конца, оставшийся пепел бросили в Сену.

Что касается раки, то протокол вскрытия констатировал, что после внимательного осмотра драгоценных камней членами Коммуны единогласно признано было, что эти якобы бриллианты в действительности оказались разноцветными стекляшками.

Но в недрах Конвента был человек, которому очень мало нравились эти взгляды и который даже не пытался скрывать от своих друзей, что по существу они ему внушали отвращение. Мы уже видели раньше, с какой поспешностью Робеспьер покинул зал заседаний Конвента, когда Шометт ворвался туда во главе своей банды в день отречения Гобеля. Торжество в соборе парижской богоматери не примирило его с новой богиней, и он это показал на следующий же день. Около 9 часов вечера он прибыл на заседание якобинского клуба. На трибуне в это время находился Гебер, который старался заразить аудиторию своим энтузиазмом по поводу праздника Разума, призывая к разрушению всего, что осталось еще от фанатизма и суеверий. Когда он кончил, Робеспьер, который слушал его, не прерывая, в свою очередь

взошел на трибуну. Он начал с того, что отдал должное патриотизму оратора и его ненависти ко всяким суевериям, но тут же прибавил, что опасается, как бы эти почтенные чувства не завлекли его слишком далеко, заменив одно суеверие другим суеверием и превратив атеизм в своего рода религию. Нарисовав яркий и живой образ чудища атеизма, он заявляет, что это чудище — аристократического происхождения и что представление о верховном существе, заботящемся об угнетаемой невинности и наказующем торжествующую преступность, есть представление чисто народное. И он предохраняет своих слушателей от увлечения теми, кто под предлогом освобождения народа от всех пут суеверий желают бросить его в объятия принижающего и разлагающего атеизма.

Слушатели неистово аплодировали своему идолу. Гебер кусал себе губы от досады и молчал. Шометта на заседании не было.

31. Робеспьер о религии

Полемика между Робеспьером и Гадэ ⁷⁸

в Якобинском клубе 26 марта 1792 г.

В протоколе прений Якобинского клуба сохранилась лишь первая часть обращения Робеспьера. Вот отрывки, подавшие повод к возражениям Гадэ:

„Братья и друзья, с давних пор втайне замышлялся и готов был вспыхнуть страшный, чудовищный заговор против нашей свободы. Пылала гражданская война, над государством нависла угроза внешней войны. Попы потрясали факелами фанатизма и раздора: вероломные правительства поддерживали заговор всех врагов революции; самые значительные посты в армии были заняты предателями; двор нас предавал. Отовсюду слышались воинственные клики, но не было принято никаких мер ни для того, чтобы успешно вести войну, ни для того, чтобы ее предотвратить. Никто не думал ни о том, чтобы помочь народу, ни о защите солдат-патриотов, гонимых, преследуемых министром Нарбонном ⁷⁹, ни о том, чтобы заставить этого наглого министра дать оружие национальным гвардейцам, ни о том, чтобы обеспечить безопасность границ. Слабость и невежество, с одной стороны, деспотизм, лицемерие и ненависть к истине, с другой, омрачили, казалось, гений Франции.

При отсутствии непоколебимого мужества у граждан, при отсутствии непреодолимого возвышеннейшего терпения у народа, любой, даже самый твердый, человек вполне законно должен был отчаяться в спасении государства. Но вот провидение, которое всегда бдит над нами гораздо лучше нашей собственной мудрости, расстроило как будто на некоторое время, поразив Леопольда ⁸⁰, проекты наших врагов. Этой отсрочки достаточно, чтобы свобода навсегда могла избежать угрожающих ей бедствий.

Мир и война в нашей руке; мы являемся хозяевами нашей судьбы и судеб мира, если мы только снова не погрузимся в нашу обычную летаргию, если мы будем неустанно прислушиваться к голосу разума и осторожности, если, использовав единственный случай, нам теперь представляющийся, мы заставим обстоятельства

принять более благоприятный и правильный оборот, чем это было при политике наших тиранов, если мы обезвредим на будущее время тех, кто нас обманывает. Мы должны страшиться того, что без всего этого мы наскучим небесной благодати, которая упорно стремилась до сих пор спасать нас вопреки нам самим.

...То-и-дело повторяют, что наши новые министры — якобинцы. Не дай бог, чтобы я ставил в зависимость от нескольких людей судьбу нации, которая бессмертна. Свобода покоится на более прочных и возвышенных основаниях: она зиждется на справедливости и мудрости законов, на общественном мнении, на этой верховной силе, ибо она является светочем народа; на подозрительности и бдительности друзей Конституции, на бдительности, которая с давних пор оправдана всем происшедшим и которая служит единственной защитой свободы до того момента, как революция будет закончена и все наши враги будут сокрушены. Впрочем, восхваление нового министерства было бы лестью, тем более неуклюжей, что весьма скоро действия могут дать ему возможность стать выше всяких похвал. Мы скоро увидим, чем эта перемена является по отношению к двору, — проявлением страха или добродетели, триумфом интриги или торжеством свободы!..“

Против обращения Робеспьера выступил Гадэ:

„Во-первых, говорить, как это сделал г. Робеспьер, что кто-то требует войны без цели и подготовки, это значит, как мне кажется, подвергать злой критике все патриотические общества, стоящие за войну, и в частности настоящее общество. Как можно сомневаться в том, что общий голос нации за войну, если при рассмотрении департаментских списков оказывается, что больше 600 тысяч граждан записалось на борьбу с врагом?

Во-вторых, я слышал, что в этом обращении часто повторяется слово „провидение“, и мне даже думается, что там сказано, будто оно спасло нас вопреки нам самим. Признаюсь, что, не видя никакого смысла в этой идее, я никогда не думал, чтобы человек, столь мужественно в течение трех лет трудившийся над освобождением народа от рабства деспотизма, мог затем содействовать превращению этого народа в раба суеверия. (Шум, ропот, аплодисменты.)

В-третьих, мне кажется, что говорить, как это сделал г. Робеспьер, будто мы являемся господами мира и войны, значит некоторым образом наперед обвинить правительство в случае, если мы вынуждены будем вести войну, а между тем возможно, что мы окажемся в таком положении. Выдавать мир за единственное средство спасения — разве не значит это сеять недоверие к патриотическому министерству в патриотических обществах, порождать в их среде уныние и упадок духа? Признаюсь, наконец, что от г. Робеспьера я не ожидал ничего подобного“.

Робеспьер в ответ Гадэ произнес следующую речь:

„Я не собираюсь вести борьбу с законодателем, выдающимся... (Несколько голосов: Он не является таковым.) Я хочу сказать, выдающимся по своим талантам; но я собираюсь доказать г. Гадэ, что он плохо меня понял. Я собираюсь вести борьбу за принципы, являющиеся общими для г. Гадэ и меня; ибо я утверждаю, что

все патриоты разделяют мои принципы: совершенно невозможно, чтобы они не признавали тех принципов, которые были выражены мной. Я уверен, что после моего краткого ответа г. Гадэ сам примкнет к моему мнению; я взываю к его патриотизму и к его славе, которые являются пустыми и беспочвенными вещами, если они не опираются на непререкаемые истины, которые я собираюсь изложить.

Начну с первого упрека: я будто бы совершил ошибку, заключающуюся в том, что после борьбы с деспотизмом я толкаю граждан к суеверию. Суеверие, действительно, является одной из опор деспотизма, однако произносить имя божества вовсе не значит толкать граждан во власть суеверия. Как никто, я ненавижу все эти бесчестные секты, которые распространились по миру, чтобы способствовать и потакать честолюбию, фанатизму и всяким страстям, прикрываясь священной властью вечного, которая сотворила природу и человечество; однако, я бесконечно далек от того, чтобы смешивать эту божественную волю с нелепостями, которыми вооружал себя деспотизм.

Что касается меня, то я защищаю эти вечные принципы, на которые опирается слабость человеческая, чтобы стремиться к добродетели. Это не пустая фразеология в моих устах так же, как и в устах тех просвещенных и прославленных людей, которые были достаточно моральны для того, чтобы верить в бога.

Нет, господа, вам не заглушить моего голоса, нет такого порядка дня, который был бы в состоянии заглушить эту истину: я продолжу развитие одного из принципов, которые почерпнуты мной в моей душе и которые признаны всеми защитниками свободы; я не думаю, чтобы когда-нибудь причинил неудовольствие кому-либо из членов Национального собрания, заставляя его выслушивать эти принципы: а те, которые защищали свободу Национального собрания, не должны встречать противодействие в среде друзей Конституции. Я далек от того, чтобы затевать здесь какую бы то ни было религиозную дискуссию, способную внести разделение в среду любящих общее благо, однако я должен защитить все, что в этой части связано с обращением, представленным Обществу.

Да, взывать к провидению и лелеять идею вечного существа, которое оказывает существеннейшее влияние на судьбы народов, которое, как мне кажется, особым образом бодрствует над Французской революцией, это вовсе не рискованная блажь, а глубокое чувство, наполняющее мою душу, это — чувство, необходимое для меня, который, будучи в Учредительном собрании брошен в гущу всех страстей и пучину всех гнусных интриг, в этом именно чувстве обретал себе поддержку. Один-на-один с моей душой мог ли бы я выдержать битвы, превышающие человеческие силы, если бы я не устремлялся душой к богу? Не углубляясь слишком в эту поднимающую дух идею, я должен сказать, что это божественное чувство вполне возмещало мне те преимущества, которые имелись у людей, намеревавшихся предать народ.

Пусть же сохранится в этом обращении благородная и трогательная

мысль, усвоенная всеми, которые писали по вдохновению этого возвышеннейшего чувства: я называю провидением то, что другие предпочли бы назвать случаем, но это слово — „провидение“ — лучше подходит к моим чувствам.

Здесь было сказано, что я нанес оскорбление народным обществам. Ах, господа, я всех вас призываю в свидетели того, что если есть обвинение, которое никак ко мне неприменимо, так это обвинение в том, что я способен оскорблять народ. Да и все оскорбление заключается в том, что я упоминал провидение и божество. Разумеется, я признаю, что французский народ кое-на что годится в революции: без него мы бы находились еще под игом деспотизма. Я признаю, что все те, которые были выше народа, охотно отказались бы за это преимущество от всякой идеи божества, но разве является оскорблением для народа и всех примкнувших к нему обществ говорить о защите бога, которая, как я чувствую, служит нам столь удачно?

Да, — пусть простят меня все, которые просвещеннее меня, — когда я видел, как много врагов выступает против народа, как много вероломных людей прилагает все силы для разрушения того, что сделано народом, когда я видел, что народ сам не в состоянии был действовать и что он вынужден был отдать себя во власть предателей, в такие моменты я сильнее, чем когда бы то ни было, верил провидению. Я не мог оскорбить народ или народные общества ни тем, что говорил о мерах, которые необходимо принять для войны или для мира, ни тем, что я позволил себе оглянуться на все, что до сих пор произошло... В заключение я заявляю, что именно для утверждения моральных принципов в политике я написал обращение, прочитанное мной в Обществе. Я требую, чтобы оно решило, являются ли принципы, провозглашенные мною, и его принципами“.

„Сильнейшие крики, — говорится в протоколе, — долгое время мешают г. председателю поставить на голосование вопрос о напечатании адреса г. Робеспьера. Г. Сильери вносит в качестве поправки предложение принять напечатание адреса как мнения г. Робеспьера, а не как адреса Общества. Вопрос о постановке на голосование этой поправки обсуждается среди сильнейшего шума. Когда, наконец, г. председатель ставит на голосование эту поправку и пытается напомнить о ее содержании, со стороны двери раздается голос: „Без ханжества, г. председатель!“ Охваченное негодованием собрание требует установления имени нескромника, произнесшего эти слова. Он остается неустановленным. В собрании начинается сильнейший беспорядок, и г. председатель вынужден закрыть собрание“.

Речь в Якобинском клубе 26 ноября 1793 г.

Робеспьер. — ...,Правда ли также, что главной причиной наших бедствий является фанатизм? Но он умирает, я мог бы даже сказать, что он уже умер. Сосредоточивая в последние несколько

дней все наше внимание на борьбе с ним, не отвлекаем ли мы это внимание от действительно нависших над нами опасностей?

Вы опасаетесь — говорите вы — священников. Но священники гораздо больше боятся прогресса просвещения. Вы боитесь священников! А они поспешно отказываются от своих санов и сменяют их на должности муниципальных чиновников, администраторов и даже председателей народных обществ. Поверьте только в их любовь к отечеству, доверьтесь их внезапным отречениям — и они будут очень довольны вами... Правда, быть может, вы-то не столь же будете довольны ими. Боитесь вы, что ли, этих епископов, которые еще недавно очень дорожили своими постами, приносившими им 70 000 ливров ренты, и которые так легко пожертвовали ими, как только доход понижен был до 6 000 ливров, — этих епископов, которые теперь ходатайствуют о компенсации, а иные из них, может быть, уже добились ее? Да, бойтесь, — но не их фанатизма, а их честолубия, не ряс, которые они раньше носили, а той новой личины, которой они прикрываются. Впрочем это относится не ко всем священникам. Я проникнут уважением к тем из них, которые являются исключениями, но я твердо настаиваю на том, что эти исключения редки.

Нет, не фанатизм должен быть теперь главной причиной нашего беспокойства. Пять лет революции, обрушившейся на священников, свидетельствуют об их бессилии. Даже Вандея, это последнее их убежище, отнюдь не обнаруживает их силы. Политика, честолубие, измены тех, что раньше правили страной, — вот что породило Вандею. Это были люди без чести, люди без религии, которые толкали иностранных или французских разбойников на грабежи, а не на молитвы у подножья алтарей. И тем не менее, несмотря на столько препятствий и столько преступлений, мощь республики и настойчивость теперешнего правительства нанесли им смертельный удар. Ибо они лишились своих плацдармов, потеряли свои склады, не имеют больше значительной части своих прежних армий; у них остались лишь разбегающиеся банды, да и существование этих банд может поддерживаться лишь недоброжелательством и глупостью. По мне, есть только одно средство снова пробудить среди нас фанатизм, — это делать вид, что мы еще верим в его мощь. Фанатизм — животное жестокое и своенравное. Он убегал перед разумом. Но попробуйте преследовать его с шумом и гиканьем — и он станет снова наступать.

И какое же другое значение может иметь эта исключительная и внезапная горячность, это преувеличенное и шумное рвение, с которыми в течение некоторого времени повидимому борются с фанатизмом? Я это уже говорил в Конвенте и повторяю здесь: есть бесконечное множество вещей, которые здравый смысл народа обратил в пользу свободы и которые придуманы были нашими врагами только для того, чтобы ее погубить.

Пусть граждане, движимые идейной преданностью, слагают на алтарь отечества бесполезные и суетные реликвии суеверия, дабы они могли способствовать нашему торжеству, — отечество

и разум с нежной улыбкой принимают эти жертвования. Пусть другие граждане отказываются от тех или иных обрядностей и проникаются на этот счет убеждениями, которые, по их мнению, наиболее соответствуют истине, — разум и философия могут приветствовать их поведение. Но по какому праву аристократия и лицемерие стали бы присоединять свое влияние к влиянию гражданственности и добродетели? По какому праву люди, до сих пор ничем не проявлявшие себя в ходе революции, стали бы пытаться, пользуясь быстрой сменой событий, создать себе ложную популярность, увлекать граждан на путь неразумных мероприятий и сеять в наших рядах сумятицу и разногласия? По какому праву стали бы они нарушать свободу культов, якобы во имя свободы, и бороться с фанатизмом посредством какого-то нового фанатизма? По какому праву стали бы они превращать торжественную хвалу, воздаваемую чистому разуму,

в затасканные и смехотворные фарсы? Зачем позволять им издеваться таким образом над достоинством народа и прицеплять побрякушки безрассудства к самому скипетру философии?

Почему-то вообразили, что Конвент, принимая гражданские жертвования, подвергает преследованию католический культ.

Нет, Конвент не вступил на такой неразумный путь. Конвент никогда этого не сделает. Он будет поддерживать провозглашенную им свободу культов и в то же время будет подавлять тех, кто станет злоупотреблять этой свободой с целью нарушить общественный порядок. Он не позволит преследовать мирных служителей культа и он сурово будет их наказывать, когда они посмеют, прикрываясь своим священнослужением, обманывать граждан и поддерживать суеверие и роялизм против Республики. Доносят на священников, служащих мессы. Но ведь их служение будет тем дольше продолжаться, чем больше им будут мешать отправлять их службу. Тот, кто хочет им мешать, более фанатичен, нежели тот, кто служит мессе.

Есть люди, которые хотят идти дальше, которые якобы для того, чтобы уничтожить суеверие, хотят из атеизма сделать своего рода религию. Каждый философ, каждый человек может придерживаться на этот счет какого ему угодно убеждения. Тот, кто считал бы это с его стороны преступлением, был бы безумцем. Но в сто крат более безумным был бы тот общественный деятель, тот законодатель, который принял бы подобную систему. Конвент глубоко презирает таких деятелей. Конвент — не сочинитель книг, не автор метафизических систем, — это политическое и народное учреждение, на которое возложена обязанность заставлять уважать не только права, но и характер французского народа. Не даром он пред лицом верховного существа провозгласил Декларацию прав человека.

Скажут, быть может, что я человек ограниченный, пропитан предрассудками, даже, может быть, что я — фанатик.

Я уже сказал, что я говорю здесь не как частный человек, не как лицо, придерживающееся той или иной философской системы, а как народный представитель. Атеизм — аристократичен. Представление о великом существе, заботящемся об угнетаемой невинности и наказующем торжествующее преступление, есть представление чисто народное. (Шумные аплодисменты.) Народ, страждущие аплодируют мне. Если бы встали против меня цензоры, то они были бы из рядов богатых и преступных. С самой гимназической скамьи я был довольно плохим католиком; я никогда не был ни холодным другом, ни коварным защитником человечества. И поэтому я тем сильнее предан только-что изложенным мною моральным и политическим воззрениям. Если бы бога не было, его бы следовало выдумать.

Я говорю с трибуны, с которой неосторожный Гадэ осмелился вменить мне в преступление то, что я произнес слово „провидение“. И в какое время произнес я его! Когда сердце сочилось кровью от всех преступлений, которых мы были свидете-

лями и жертвами, когда, проливая горькие и бессильные слезы при виде бедствий постоянно обманываемого, постоянно угнетаемого народа, я старался подняться над грязным сбродом окружавших меня заговорщиков, призывая на их голову, если не засияет молния народной расправы, месть небесную! Это настроение наполняет все чуткие и чистые сердца; оно искони воодушевляло всех благородных защитников свободы. Сладким утешением будет оно для угнетенных до тех пор, пока будут существовать тираны. И, если бы тирания могла еще когда-либо возродиться у нас, какая энергия и добродетельная душа не стала бы вызывать в тиши против такого кощунственного торжества к тому извечному судье, который, думается, запечатлел во всех сердцах смертный приговор всем тиранам? Мне по крайней мере представляется, что последний мученик свободы легче испустит свой последний вздох при этой утешительной мысли. И тем же представлением, тем же настроением проникнута Европа, проникнут весь мир, — это настроение французского народа. Этот народ не верит ни в священников, ни в суеверия, ни в религиозные обряды, — он верит лишь в свой собственный культ, т. е. в идею непостижимой мощи, отвращения

к преступлению и преданности добродетели, — в идею, которой он охотно воздает хвалу, которая в то же время является проклятием несправедливости и торжествующего преступления.

Если философ может выводить свою мораль из других источников, то нам тем не менее не следует задевать этот священный инстинкт и это всеобщее настроение народов. Какой гений мог бы в одно мгновение заменить своими открытиями великую идею — охранительницу общественного порядка и всех частных добродетелей?

Не видите вы разве той западни, которую устраивают нам враги республики и подлые эмиссары иностранных тиранов? Выдавая за общее мнение извращения некоторых индивидуумов и свои собственные чудовищные измышления, они хотели бы нас сделать ненавистными всем народам, чтобы укрепить колеблющиеся троны угнетающих их разбойников. И какой момент выбрали они для своих махинаций? Тот момент, когда их объединенные армии были побеждены или отброшены республиканским гением; момент, когда они хотят заглушить ропот народов, измученных или возмущенных их тиранией; момент, когда они оказывают давление на нейтральные страны и на союзников Франции, чтобы они выступили против нас. Эти подлецы хотят только использовать грубую клевету, наглость которой признана всей Европой, и, опираясь на суеверия или на религиозные верования, оттолкнуть от вас тех, которых как моральные влечения, так и общие интересы толкали на сторону великого и святого дела, которое мы отстаиваем.

Повторяю: никакого другого фанатизма нам не приходится опасаться кроме фанатизма безнравственных людей, подкупленных иностранными дарами, чтобы пробуждать фанатизм и чтобы придать нашей революции отпечаток безнравственности — этой характерной черты наших подлых и свирепых врагов...

* * *

32. Праздник верховного существа ⁸¹

Первая речь Максимилиана Робеспьера, председателя Национального конвента, к народу, собравшемуся на праздник верховного существа, декади 20 прериала 2-го года Французской республики, единой и неделимой

Французы-республиканцы! Он наступил наконец этот день, счастливейший из всех дней, который французский народ посвящает верховному существу. Никогда еще мир, созданный верховным существом, не являл собою зрелища, более достойного его взора. Оно видело на земле царство тирании, преступления и обмана, а в настоящий момент оно видит, как целая нация, борющаяся со всеми угнетателями рода человеческого, приостановила ход своих героических трудов, чтобы обратиться мыслями и устремлениями своими к великому существу, возложившему на нее миссию предпринять эти труды и давшему ей силу их выполнить.

Разве не это верховное существо, чья бессмертная рука выгравировала в сердце человеческого кодекса справедливости и

равенства, начертало в нем и смертный приговор тиранам? Разве не оно с самого начала веков декретировало Республику и поставило задачей для всех веков и для всех народов утвердить свободу, честность и справедливость?

Оно не создало королей, чтобы они пожирала род человеческий. Оно не создало священников, чтобы они нас впрягали, как каких-нибудь животных, в колесницы королей и чтобы они показывали всему миру примеры низости, гордыни, вероломства, жадности, разврата и лжи. Но оно создало вселенную, чтобы она свидетельствовала об его всемогуществе, оно создало людей, чтобы они взаимно помогали друг другу, любили друг друга и чтобы они по стезе добродетели достигли счастья.

Это оно вселило в душу торжествующего угнетателя угрызение совести и устрашающий ужас, а в сердце невинно угнетемого — спокойствие и гордость; оно заставляет праведного человека ненавидеть злого, а злого — уважать праведника, оно украсило стыдливостью лик красоты, чтобы сделать его еще прекраснее; оно порождает трепет нежности и радости в недрах матери; оно заставляет умолкать самые захватывающие и самые нежные страсти пред высшею любовью к отечеству; оно одарило природу прелестью, богатствами и величием. Все, что хорошо, — дело его рук или оно само; злое творение принадлежит извращенному человеку, который угнетает или дает угнетать себе подобных.

Творец природы связал всех смертных огромной цепью любви и блаженства, — да сгинут тираны, осмелившиеся разорвать эту цепь.

Французы-республиканцы, вам выпало на долю очистить землю, которую они осквернили, и снова воцарить на ней справедливость, которую они изгнали! Свобода и добродетель вместе вышли из недр божества — одна без другой не может жить среди людей!

Великодушный народ, хочешь ты восторжествовать над всеми твоими врагами? Поступай справедливо и воздавай божеству единственный достойный его культ!

Народ, отдадимся сегодня под его сенью порывам чистой радости! Завтра мы снова станем бороться с пороками и с тиранами. Мы покажем миру примеры республиканских добродетелей — и этим мы снова будем славить верховное существо!

Вторая речь председателя Конвента, произнесенная в день, когда атеизм, сожженный в пламени, исчез, а вместо него предстала взорам народа мудрость

Оно вошло в небытие, это чудовище, которое дух королей изверг на Францию. Пусть же вместе с ним исчезнут все преступления и все бедствия, разъедающие мир! Вооружаясь последовательно то кинжалами фанатизма, то ядами атеизма, короли непрестанно устраивают заговоры, чтобы терзать человечество. Если они не могут больше обезобразивать божество суеверием, чтобы приобщать его к своим злодеяниям, они пытаются изгнать его с земли, чтобы они могли царствовать одни в союзе с преступлениями.

Народ, перестань опасаться этих кощунственных заговоров — они столь же мало могут вырвать мир из сердца божества, как угрызение совести — из их собственных сердец; несчастные, выпрямите свой стан, — вы еще можете безнаказанно поднимать свой взор к небу! Герои отечества, ваша благородная преданность — не блестящее безумие; если наемники тирании могут вас калечить, то не в их власти вас совершенно уничтожить! Человек, кто бы ты ни был, ты можешь еще быть о себе высокого мнения, ты можешь связать твою преходящую жизнь с самим богом и с бессмертием! Пусть же природа облечется во весь свой блеск, и пусть мудрость восстановит всю свою власть! Верховное существо не уничтожено.

Наши враги хотели бы изгнать из Республики прежде всего мудрость, ибо одна наша мудрость может утвердить благополучие государств, она одна в состоянии обеспечить нам плоды нашего мужества! Приобщим же ее ко всему, что мы предпринимаем! Будем серьезны и скромны в наших решениях, как люди, отстаивающие мировые интересы; будем страстны и упорны в нашей ненависти к объединившимся тиранам, непоколебимы пред лицом опасности, терпеливы в наших усилиях, страшны, когда на нас сваливаются превратности судьбы, скромны и осмотрительны, когда нам улыбается удача. Будем великодушны к добрым, сострадательны к несчастным, беспощадны к злым, справедливы ко всем. Не будем надеяться на безоблачное благополучие, на торжество без препятствий и вообще на все, что зависит от чужой удачливости или извращенности. Будем полагаться только на нашу настойчивость и на нашу добродетель — эти единственные, но самые верные залого нашей независимости. Сокрушим нечестивый союз королей еще больше величием нашего характера, чем силой нашего оружия.

Французы, вы боретесь с королями, — вы следовательно достойны славить божество! Существо существ, создатель природы, доведенный до скотского состояния раб, подлый пособник деспотизма, коварный и жестокий аристократ оскорбляют тебя, призывая имя твое. Но защитники свободы могут с доверием склоняться к твоей отеческой груди!

Существо существ, нам нет надобности обращаться к тебе с несправедливыми просьбами. Ты знаешь создания, вышедшие из твоих рук; их нужды столь же мало ускользают от твоего взора, как и самые сокровенные их мысли. Ненависть к бесчестности и к тирании горит в наших сердцах вместе с любовью к справедливости и к отечеству. Наша кровь проливается за дело человечества. Вот вся наша молитва, вот наши жертвоприношения, вот культ, которым мы окружаем имя твое!

вместо того чтобы вознестись к самому объекту. Ты увидишь возжигаемыми на этом алтаре лишь плоды вдохновения, творения гения". Вот единственные жертвоприношения, достойные Разума.

* * *

Неужели мы будем подражать священникам, мы, которые стремимся их уничтожить! Неужели мы последуем их примеру и учредим инквизицию, вынужденный прозелитизм, публичные и тайные насилия над теми, кто не думает, как мы!

* * *

Религиозные общины в действительности разъединили людей под предлогом их объединения; они незаметно испортили и исказили гражданскую и моральную общественную жизнь людей, которая, будучи основана на естественных отношениях, была единственным источником их единения и их счастья.

* * *

Я не могу придумать лучшего сравнения для моральной революции, как сопоставляя ее с состоянием человека, освобождающегося от тумана опьянения и снова приобретающего власть над разумом. Освободить человечество от религии — значит протрезвить его. Это поистине значит — извлечь людей из мира идеального и фантастического, чтобы ввести их в обладание миром, который существует для них, который один только и соответствует их природе и из которого они имели глупость сами изгнать себя, чтобы витать в царстве химер: вот она — обетованная земля; нам нужно только вернуться туда. Но недостаточно еще сжечь кресты, молитвенники, иконы, реликвии и прочие нелепые памятники наших суеверных культов: надо устроить в наших головах ауто-да-фе из всех наших религиозных идей, потому что, поскольку они там останутся, они помешают выработке в нас истинных философских убеждений.

* * *

Так что же, скажут мне, вы даже не хотите сохранить идею верховного существа? Нет, поскольку она не является чисто философской предпосылкой, отправным пунктом воображения, необходимым, чтобы руководить нашим умом среди хаоса причин и следствий и чтобы поставить определенный предел его ограниченным полетам, предел, в котором он нуждается, чтобы отдохнуть и успокоить свое любопытство. Но остережемся в особенности делать его основой нашей морали, или, выражаясь иначе, сохранить идею верховного существа как первопричины, и разрушим идею бога-владыки, бога-воздаятеля, ибо я не знаю убеждения, более вредного.

Один из наших знаменитых законодателей сказал в последний раз в речи, вызвавшей живейшее одобрение, что „атеизм аристократичен". Он несомненно подразумевал под этим, что так как

33. Салавилль⁸². Против религии и культа

Быть может, чтобы облегчить переход от заблуждения к истине, нужно на первое время, идя навстречу укоренившимся привычкам, создать нечто вроде мимолетного культа одухотворенных моральных ценностей взамен культа непорочной девы, угодников, угодниц, святителей и святительниц старого календаря. Но если мы действительно задаемся целью привести народ к культу Разума, то, меньше всего потворствуя его склонности к реализации абстракций, к олицетворению моральных понятий, мы должны во что бы то ни стало излечить его от этой мании, которая является главной причиной человеческих заблуждений. Надо, чтобы метафизические идеи Локка и Кондильяка сделались всеобщими, чтобы народ привык видеть в статуе только камень и в образе разрисованное красками полотно; в противном случае я не удивлюсь, если среди нас воцарится нечто вроде политеизма, если скоро будут воздвигнуты храмы всем человеческим добродетелям, и они будут иметь свой культ, свои церемонии, свои особые праздники; а в результате, воздав добродетелям почести на праздниках, люди сочтут возможным не практиковать их в жизни.

* * *

Я не знаю даже, не противоречит ли идея храма Разума самому представлению, которое у нас составилось о разуме. Не является ли каждый человек сам храмом разума? Не в занятиях ли наукой состоит его культ? Я понимаю конечно, что можно рассматривать разум и с абстрактной точки зрения, отвлекаясь от человека; и, только понимая его в этом смысле, люди могут собираться и воздавать ему почести. Но по крайней мере пусть тогда этот храм, который должен оглашаться лишь размеренными ритмами Разума, будет совершенно лишен каких бы то ни было внешних украшений. Пусть в нем будут одни лишь эмблемы. Пусть говорят народу: „Ты не должен искать здесь статуй золотых, серебряных или мраморных, воздвигнутых в честь Разума, ни наслаждаться созерцанием его на прекрасно написанных полотнах. Твое преклонение могло бы остановиться у подножья этих изображений и достигнуть лишь создавшего их творца,

все народы, с которыми мы находимся и можем находиться в сношениях, признают существование бога, то коалиция аристократов и тиранов, чтобы окончательно отрезать их от нас, задумала представить нас в их глазах как людей, исповедующих противоположные убеждения. Если атеизм аристократичен, то только случайно, в силу сложившихся обстоятельств, и потому, что коалиция аристократов и тиранов хотела сделать из него контр-революционное средство... Идея бога-владыки есть деспотическая идея.

* * *

Когда человек убежден в существовании невидимого владыки, которого можно умиловить молитвами, жертвами, почестями, вниманием, словом — всем тем, что трогает и соблазняет людей, он постепенно научается заискивать у него и даже обманывать его. Набожность — это не что иное как выгодная сделка для плутов и эгоистов, это настоящая школа лицемерия.

* * *

Конечно было бы смешно считать себя республиканцем в мире преходящем и быть роялистом в вечности. Это небо, которое нам изображают, да ведь это настоящий старый режим: не смогли выдумать неба, не подражая тому, что существовало на земле; следовало уж посадить на небо деспота, третье сословие, приказы об арестах и Бастилию для осужденных.

* * *

Я знаю, что, отбрасывая внешний культ, чувствительные души хотели бы сохранить то, что они называют внутренним культом, что они находят какое-то наслаждение в свободном воздаянии сентиментальной благодарности предполагаемому творцу вселенной.

Предоставьте нам, говорит мне один подписчик, утешение чувствовать бога, любить его, поклоняться ему в молчании. В этом нет ничего унижительного или тиранического с республиканской точки зрения.

Я вовсе не имею в виду лишить людей этих сладостных упоений, которые, будучи очищены от элементов страха, смогут быть согласованы со свободой и способствовать счастью человеческой жизни. Я должен однако заметить, что они имеют тенденцию вводить в заблуждение нашу чувствительность, давать ложное направление: наша чувствительность дана нам для того, чтобы распространяться на все окружающее, а не для того, чтобы уноситься бесплодно в созерцательных полетах.

* * *

Отказываясь от церкви, пришлось открыть храмы Разума и, в силу какой-то странной непоследовательности, в момент признания абсурдными религиозных культов захотелось непременно отыскать что-нибудь похожее на них в наших гражданских установлениях.

Один из членов Коммуны сделал доклад о похоронах, в котором он не забыл упомянуть о некоем подобии церемониала. Он потребовал также устройства празднества в память душ умерших, как бы подчеркивая необходимость торжественного увековечения смерти. Ясно, что все это исходит из того же представления о важности этого последнего акта человеческой жизни, которую, не без веских для того оснований, старались придать ему священники.

Примечания

1. **МЕЛЬЕ, Жан (1678–1733)** — атеист XVIII в. Его перу принадлежит „Завещание“, самый радикальный документ во французской атеистической литературе предреволюционной эпохи. В то время как массовая характеристика для буржуазных материалистов XVIII в., которые обращаются со своей проповедью к образованной части общества, Мелье сочетает атеистическую пропаганду с призывами к политической и социальной перестройке общества, основанного на частной собственности, эксплуатации и политическом гнете, и обращается непосредственно к народным массам. Биографические сведения о Мелье весьма скудны. До сих пор не установлены точно ни год смерти, ни год рождения Мелье. (Предполагают 1678–1733). По словам Вольтера, бывшего первым издателем „Завещания“ (в извлечении), Мелье прожил тихую и внешне незаметную жизнь священника в селении Этрипиньи (Шампань). После его смерти в его бумагах были найдены три рукописи, адресованные прихожанам и местному прокурору и озаглавленные „Мое завещание“. Из рукописей обнаружилось, что аббат Мелье был непримиримым атеистом, отвергавшим самые священные устои современного ему общества — частную собственность, социальное неравенство, политическую тиранию и религию. Вольтер намекает на то, что Мелье, не выдержав вынужденного лицемерия, покончил самоубийством, уморив себя голодом. Немецкий историк атеизма Фриц Маутнер на основании ряда соображений высказал гипотезу, согласно которой автором „Завещания“ является не сельский священник Мелье, самое существование которого, мол, сомнительно, а сам Вольтер или его единомышленник Д'Аржанс-де-Вирак. Гипотезу эту приходится признать крайне шаткой. Атеисты второй половины XVIII в. во всяком случае нисколько не сомневались в истинности Мелье. В 1793 г. Анахарзис Клоотс внес в Конвент предложение воздвигнуть памятник „бесстрашному, благородному, примерному аббату Мелье, как первому священнику, отрекшемуся от сана и религии“. „Завещание“ имеется в русском переводе (изд. 1925 г. 2 части). О Мелье см. *Воллин, В. П.* — Революционный коммунист XVIII в. (1919 г.).

2. **СЕНЕКА, Люций Анней (3–65)** — древнеримский писатель и философ, один из наиболее выдающихся стоиков (см. прим. 9). Из разнообразных сочинений Сенеки наибольшую популярность получили его религиозно-нравственные трактаты („О счастливой жизни“, „О спокойствии духа“, „Послания к Люцилию“ и т. д.), где выражено его мировоззрение. Этическое учение Сенеки (проповедь самосовершенствования, воздержания, благотворения и т. д.) не только весьма близко христианству (оно, как и христианство, родилось в обстановке распадавшегося рабовладельческого общества и имело тот же объективный социальный смысл), но и оказало на него весьма сильное влияние. По своему общественному положению Сенека принадлежал к правящей верхушке Римской империи, и елейная проповедь самосовершенствования и самоограничения совмещалась у него с лицемерием, интриганством и корыстолюбием придворного. Философ долгое время был близок к императору Нерону в качестве воспитателя и советника. За участие в заговоре против Нерона он вынужден был по приказанию императора покончить самоубийством. На русском языке имеется перевод некоторых трагедий Сенеки и его „Посланий к Люцилию“.

3. **МОНТЭНЬ, Мишель (1533–1592)** — французский скептик, блестящий и остроумный писатель. Происходивший из богатой буржуазной семьи (отец его был коммерсантом, мать принадлежала к состоятельной испано-еврейской семье), Монтэнь по своему характеру и общественному поведению принадлежал к тем людям, которых мы теперь называем пессимистами (приспособленцами). Избрав себе карьеру юриста (некоторое время он был советником городского парламента в Бордо), Монтэнь всю жизнь старательно избегал столкновений и конфликтов со своей средой. Неисправимый скептик („Que sais-je?“ — „Что я знаю?“ — его излюбленный вопрос), безбожник в душе, Монтэнь прикидывался для окружающих правверным, правда, весьма терпимым католиком. И только в „Опытах“, огромном томе, в котором собраны без всякой системы наблюдения, рассуждения, афоризмы и парадоксы Монтэня, сказывается его иронический критицизм в отношении всех религиозных догматов и прописных моральных истин современной эпохи, его скептическое, насквозь земное мировоззрение. „Опыты“ Монтэня, его язвительные выпады против религии и христианства оказали большое влияние на просветителей XVIII в., а его манера творчества положила начало особому литературному жанру — эссеизму (essai — опыт). На русском языке полного перевода „Опытов“ до сих пор не существует (если не считать архаического и изуродованного перевода конца XVIII в.).

4. **ПЛАТОН (428–348 до н. э.)** — один из крупнейших идеалистических философов древней Греции, оказавший огромное влияние на различные течения религиозной и идеалистической философии позднейших времен. В центре его мировоззрения, электического по своему существу (ученик Сократа, Платон заимствовал ряд элементов у Гераклита, у так называемых элеатов), стоит учение об идеях, как понятиях, имеющих не только субъективное, но и объективное бытие. Материя, по учению Платона, не существует сама по себе, материальный мир, мир конечных вещей и существ, является лишь отражением мира вечных идей. Христианское богословие впоследствии много позаимствовало из идейного арсенала Платона (его доказательства бессмертия души, его учение о демиурге, творце материального мира и т. д.). По своим общественным воззрениям Платон является обоснователем своего рода аристократического (обусловленного античными производственными отношениями) „социализма“. Идеальное государство Платона управляется мудрецами, оно не имеет частной собственности, но сохраняет рабов. Платону приписывается много сочинений, где в художественно-диалогической форме излагаются труднейшие философские вопросы. Однако до сих пор продолжают споры о подлинности большей их части и о времени их написания. Основные сочинения Платона („Законы“, „Пир“, „Апология Сократа“, „Федр“ и др.) имеются в русском переводе.

5. Sic volo sic jubeo, stat pro ratione voluntas — так желаю, так повелеваю, вместо основания (резона) имеется (стоит) мое желание (классическое выражение деспотического, самодержавного самодурства: самое выражение является 223 стихом из VI сатиры римского писателя Ювенала).

6. **ДЕ-ЛА-БРЮЙЕР, Жан (1645–1696)** — французский писатель, автор весьма объемистой книги: „Характеры Феофраста, переведенные с греческого, с приложением характеров или нравов настоящего века“. В ней он в виде размышлений, эпиграмм и характеристик (их в последнем при его жизни издании было больше 1000) изложил свои этические воззрения и высказал ряд отрицательных сторон современного ему „высшего общества“, т. е. французской аристократии и крупной буржуазии. Большая часть этих портретов являлась зарисовкой с живых людей, что в соединении с большим литературным мастерством изложения обеспечило огромную в свое время популярность сочинению Ла-Брюйера. Многие из „портретов“ (Эмира — светская кокетка, Гизатон — беззащитный эгоист, Эргаст — ненасытный властолюбец и т. д.) стали на долгое время нарицательными именами. У Ла-Брюйера отсутствует законченное мировоззрение, рассуждения имеют отвлеченно-моралистический характер.

7. **ГОЛЬБАХ, Поль-Анри-Дитрих, барон (1723–1789)** — один из наиболее выдающихся атеистов XVIII в. Родился он в богатой буржуазной семье (в Гейдесгейме, в Баварии). С ранней юности он поселился во Франции, которая стала его второй родиной. Располагая значительными средствами, он целиком посвящал себя философии и литературной деятельности. Его салон, в котором собирались самые передовые люди эпохи, сделался главным

очагом материалистической и атеистической пропаганды, арсеналом, где готовилось идейное оружие грядущей революции. Гольбах не жалел денег на издательские дела (именно благодаря ему могла быть осуществлена Энциклопедия), на помощь единомышленникам. Если первоначально Гольбах ограничивался статьями и заметками в Энциклопедии, переводом иностранных философских и научных работ, то с 1767 г. он начинает издавать одно за другим ряд значительных произведений, из которых каждое являлось смелым вызовом церкви и абсолютизму. Главный труд Гольбаха „Система природы“ имел эпохальное значение, как наиболее полное изложение мировоззрения атеистов XVIII в.: недаром он в течение многих десятилетий слыл „библией материализма“. Все свои сочинения Гольбах писал анонимно, конспирируя даже по отношению к своим лучшим друзьям. В многочисленных своих памфлетах („Священная зараза“, „Разоблаченное христианство“, „Здравый смысл“, „Попы без маски“, „Карманный богословский словарь“ и т. д.) Гольбах неутомимо грошил и высмеивал религию, не идя ни на какие компромиссы, отвергая всякие уступки деизму, пантеизму, „естественной религии“ и т. д. Несмотря на устарелость и неверность многих воззрений Гольбаха (материализм его носит метафизический характер, религию он неправильно объясняет как продукт от обмана жрецов, то страха, основанного на невежестве и обмане, он против деспотизма, но боится революционного движения масс и т. д.), памфлеты его и до сих пор имеют большое пропагандистское значение. Его аргументы против религиозных догматов, против стремления обосновать религией мораль, против отвратительных обрядов разных вер и исповеданий, против паразитического духовенства до сих пор сохраняют свежесть и убедительность. На русском языке имеются следующие сочинения Гольбаха (все они изданы, разумеется, в постреволюционный период, после того, как В. И. Ленин в своей статье в журнале „Под знаменем марксизма“ („О значении воинствующего атеизма“, т. XXVII стр. 180—190) указал на огромное значение атеистов XVIII в.): „Система природы“, „Карманный богословский словарь“, „Здравый смысл“, „Разоблаченное христианство“. О Гольбахе, кроме указанной статьи В. И. Ленина, см. Плеханов, Г. В. — Очерки по истории материализма.

8. По своим воззрениям на религию Жан-Поль Марат (1743—1793) является руссоистом (см. предисловие). Данный у нас отрывок взят из его социально-политического трактата „The chains of slavery“ (1774), вышедшего в 1792 г. по-французски под заголовком „Les chaînes d'esclavage“.

9. **СТОИКИ** — название последователей философской школы, основанной в Афинах около 300 г. до х. л. Зеноном, учившим в портике Стоа. Расцвет стоицизма относится к периоду между III в. до х. л. и II в. х. л. В центре стоицизма стояли вопросы этики, практического поведения человека. Сложившийся в эпоху упадка рабовладельческого строя стоицизм выражал в известной мере настроения и чаяния рабов и городских низов, не видевших исхода на путях общественной борьбы и искавших утешения в личном самосовершенствовании, в освобождении от страстей и гнета внешних вещей. Стоицизм у наиболее выдающихся его представителей носил пантеистический и космополитический характер. Этика стоиков несомненно сильно повлияла на раннехристианскую идеологию. Стоические философы пользовались большой популярностью у просветителей, которым импонировали элементы материализма, рационализма и детерминизма, имеющиеся в стоицизме. Стоик, стоический — эпитеты, часто употреблявшиеся для характеристики мужественного, невозмутимого отношения к жизненным невзгодам.

10. **ЗОРОАСТР (ЗАРАТУШТРА)** — имя мифического пророка, которому приписывалось преобразование древнеиранской религии в маизм (в VIII в. до х. л.), в культ светлого бога Агура-Мазды (Ормузда), ведущего борьбу с богом тьмы Ангро-Майнью (Ариманом). Зороастру приписывалась и священная книга маздеистов — Авеста.

11. **ТРИСМЕГИСТ (трижды величайший)** — одно из прозвищ Гермеса (Меркурия), почитавшегося, между прочим, и как посредник между людьми и богами, как устроитель мира, как божественный законодатель и хранитель общественного порядка.

12. **МИНОС** — мифический царь Крита, которому приписывалось знаменитое в античном мире древнекритское законодательство. О Миносе существует множество мифов, резко расходящихся между собой. То он фигурирует как

мудрый и справедливый царь, получивший свои законы от самого Зевса, так что они являлись как бы заповедями бога, то он изображается жестоким тираном-самодуром. По одному из позднейших мифов он вместе с Радаманфом и Эаком сделался судьей мертвецов в подземном царстве.

13. **ЛИКУРГ** — легендарный спартанский законодатель, который якобы с одобрения дельфийского оракула, т. е. самого бога Аполлона, провел преобразование государственного строя Спарты. По рассказам древнегреческого историка Фукидита Ликург жил за 4 века до конца Пелопонесской войны, т. е. в IX в. до н. э.

14. **НУМА ПОМПИЛИЙ** — легендарный римский царь (относят его к VII в. до н. э.), которого древнеримская историография наделяет мудростью, благочестием и справедливостью. Ему приписываются все установления, относящиеся к древнеримскому религиозному культу: учреждение богослужебных обрядов, постройка храмов, создание греческих коллегий и т. д. Эгерия — нимфа вод, бывшая по легенде женой Нумы и его тайной советчицей. По ее указаниям якобы Нума ввел в Риме свои религиозные установления. По смерти Нумы она будто бы от печали превратилась в источник. Эгерия — нарицательное имя тайной советчицы и вдохновительницы.

15. **ПИЗИСТРАТ (VI в.)** — знаменитый афинский тиран (единоличный правитель). Пользуясь ожесточенной борьбой партий в Аттике, партий, выражавших интересы землевладельческих и торговых слоев, Пизистрат, не оставившаяся ни перед какими средствами, пуская в ход демагогию, лицемерие и обман, несколько раз захватывал в свои руки государственную власть. Из 33 последних лет своей жизни Пизистрат был 17 лет тираном и 16 изгнанником. При нем утвердилось значение Афин как сильной морской державы.

16. **БУАССЕЛЬ, Франсуа (1728—1807)** — французский утопический социалист эпохи Великой французской революции. По своим философским воззрениям Буассель примыкал к энциклопедистам, в общественных же вопросах он занимал крайне левую позицию, отвергая все основные устои современного ему общества, требуя упразднения частной собственности, права наследования, семьи и брака, религии и религиозных организаций. Выдвигая лозунг: „Золотой век человечества не позади нас, а впереди“, Буассель резко и весьма метко для своего времени критиковал общественный строй, основанный на социальном неравенстве, и пытался наметить конкретные пути к осуществлению нового общественного строя. Хотя революция застала Буасселя уже 60-летним стариком, он принял в ней самое активное участие в качестве члена Якобинского клуба и ярого санкюлота. В первые годы революции им были опубликованы основные произведения: „Катехизис рода человеческого“ и „Гражданский кодекс Франции, или факел свободы“. „Катехизис“ был встречен в штыки духовенством, которое пыталось даже добиться от Конституанты репрессий против Буасселя. При Наполеоне Буассель, подобно многим представителям радикальной интеллигенции, поддался влиянию бонапартизма и даже написал гимн в честь Наполеона. Однако он до конца дней сохранил верность атеизму и своим воззрениям относительно переустройства общества. На русском языке Буассель появляется впервые.

17. **МАРЕШАЛЬ, Сильвен (1750—1803)** — французский атеист, соединявший в себе неутомимого агитатора против бога и религии с пламенным борцом против политического рабства и социального неравенства. Выходец из состоятельной буржуазной семьи, Марешаль вопреки воле отца занялся вместо коммерции философией и литературой. В 1781 г. он опубликовал сочинение под заголовком „Отрывки моральной поэмы о боге, или новый Лукреций“, где он с гневом и ненавистью обрушился не только на идею бога, но и на тот общественный строй, где единственным реальным богом, „для которого все возможно“, является „отец всех богов — золото“. Через некоторое время к этому сочинению присоединились: „Книга, спасшая от потопа, или новооткрытые псалмы“ и „Альманах честных людей“ (в котором имена святых были заменены именами борцов за науку и социальную справедливость). За свои произведения Марешаль поплатился арестом и высылкой из Парижа („Альманах“ был постановлением парижского парламента от 7 января 1788 г. присужден к сожжению, а „Новый Лукреций“ был конфискован полицией и лишь в годы революции снова увидел свет). В период революции Марешаль оказывается на крайнем левом фланге, в ряду тех поли-

тических деятелей, которые выражали интересы пролетарских и полупролетарских низов. Свой литературный талант он отдал на службу революции. Будучи активным участником „Заговора равных“, возглавлявшегося коммунистом Бабефом, Марешаль написал „Манифест равных“, пламенную прокламацию против частной собственности, возвещавшую наступление социальной революции. Он написал также много песен и гимнов, положенных на музыку известным революционным композитором Гретри и получивших огромную известность. После термидора, когда его начали травить за философские и общественные воззрения, он опубликовал многотомные „Путешествия Пифагора“, где опровергает обвинения атеистов в безнравственности и прочих „смертных грехах“. Последним произведением Марешаля был „Словарь атеистов“, составленный совместно с великим французским астрономом Лаландом. Словарь этот кажется теперь наивным и нескладным произведением (в числе атеистов здесь фигурирует даже... Иисус христос, своеобразное предвосхищение попыток атеистически интерпретировать евангельские мифы), однако в свое время он служил вызовом мракобесам и протестом против возврата буржуазной интеллигенции к богу и к церкви. На русском языке произведения Марешаля появляются впервые.

18. ЭВКЛИД (ок. 330—275 до н. э.) — один из величайших математиков древней Греции. Ему принадлежат „Начала“ (элементы), в которых дается систематическое построение геометрии на ряде твердо установленных аксиом, т. е. истин, не требующих доказательства. Долгое время „Начала“ Эвклида были общепризнанным руководством по геометрии во всем мире.

19. СОКРАТ (469—399 до н. э.) — знаменитый древнегреческий философ. Учение Сократа известно лишь в изложении его учеников, главным образом Платона. Повидимому, в центре учения Сократа стояли вопросы нравственного поведения, которое он подчиняет требованиям разумного знания. Хотя Сократ соблюдал внешнюю обрядность, но религия была ненужным придачком к его мировоззрению: знать, что ему действительно нужно (а это главное), человек может и без религиозных заповедей. В позднейшие времена, особенно в XVIII в., Сократа рисуют в качестве образца мудрого благочестия, самообладания, твердости характера и т. д. О жизни его дошли до нас лишь сомнительные данные. О нем, между прочим, рассказывается, что, когда по приговору врагов он был приговорен к смерти по обвинению в отступлении от государственной религии, в развращении юношества и т. д., он отверг предложение учеников организовать его бегство и мужественно выпил кубок с ядом (цикутой).

20. РЕГУЛ, Марк Аттилий (III в. до н. э.) — римский консул и полководец, совершивший ряд блестящих завоеваний, но потерпевший поражение в борьбе с соперником Рима Карфагеном. Марешаль имеет в виду малодостоверное сказание о Регуле, согласно которому Регул, попавший в плен к карфагенянам, обнаружил необычайный патристический героизм. После пятилетнего пребывания в плену Регул был якобы послан в Рим для переговоров об условиях мира с обязательством вернуться, если его посредничество окажется безрезультатным. Регул якобы сам убедил сенат отказаться от недостаточно выгодных по его мнению условий и по возвращении был казнен карфагенянами после мучительных пыток.

21. ВОЛЬТЕР — АРУЭ, Мари-Франсуа (1694—1778) — великий французский писатель, сыгравший огромную роль в истории свободомыслия. Сын судебного чиновника, большой честолюбец и карьерист, ловкий делец, весьма равнодушный к материальным жизненным благам, Вольтер был истым представителем идущей в гору французской буржуазии XVIII в. Представителем и идеологом верхушечных слоев буржуазии Вольтер остался и тогда, когда, купив богатое имение в Швейцарии (в Фернэ, на границе с Францией), он стал разыгрывать знатного дворянина, когда, достигнув величайшей популярности, он сделался „некоронованным королем“, с которым заигрывали герцоги и монархи. По своим политическим воззрениям Вольтер был монархистом, но конституционного толка. Абсолютизму он в своих поэтических („Генриада“, „Законы Миноса“ и др.) и исторических сочинениях („Век Людовика XIV“), противопоставлял просвещенную монархию. Массы должны, по мнению Вольтера, противника демократии и революции, подчиняться „образованным и богатым“, народ следует держать в узде, чтобы он повиновался и работал. Одно из средств обуздания масс Вольтер

видел в религии, которую он считал изобретением обманщиков-жрецов. Враг абсолютизма, Вольтер боролся с двумя главными его устоями — с феодальным дворянством и церковью. Если против феодализма и крепостничества Вольтер выступал сравнительно редко и большей частью мимоходом, то против „суеверия“ и церкви, являющейся независимо от исповеданий носителем фанатизма и религиозного обмана, направлялись самые ядовитые стрелы убийственного вольтеровского смеха. Здесь он был верен своему девизу „Раздавите гадину“. Разумеется, со своей противокерковной пропагандой Вольтер обращался не к народным массам, для которых он считал необходимым сохранить религию — так же, как и палача, а к „избранному обществу“. Испробовав в молодости Бастилию, Вольтер в зрелом возрасте избегал таких конфликтов с властью имущими, которые грозили бы его благополучию. Он тщательно маскировал свои выпады против религии и церкви. Если в статьях, напечатанных в Энциклопедии, в пьесах „Магомет“, „Смерть Цезаря“, в „Орлеанской девственнице“, в диалогах и статьях он издевается над христианством и попами, то из трусости и из корыстных личных интересов помещика он позволяет себе писать хвалебное „Письмо в честь иезуитов“ (1746 г.), причаститься в своем поместье (1768 г.) и даже произносить проповеди в своей приходской церкви. Следует однако отдать справедливость Вольтеру: в ряде случаев (в деле Каласа, в деле юноши ла-Барра, казненного за „кошунство“) Вольтер изменял своей манере влияния и маскировки и, открыто выступая против церковников, не щадил ни сил, ни средств, чтобы помешать церкви совершать злое дело. Особенно любопытно дело Каласа. Жан Калас, старик-протестант (торговец в Туре), был обвинен в убийстве сына, перешедшего в католичество, из религиозной ненависти. В действительности его сын, запутавшись в долгах, покончил самоубийством. Попам удалось своими происками добиться колесования старика Каласа. Вольтер поднял энергичную кампанию, взбудоражившую общественное мнение всей Западной Европы против этого кошмарного дела, истратил огромные деньги на адвокатов и в конце-концов добился, правда через 3 года после казни, установления и судебного признания невинности Каласа.

Несмотря на деизм Вольтера, в вольтерианстве разрушительный элемент действовал сильнее и убедительнее, чем охранительный. Огромное литературное наследство Вольтера, защищавшего просвещенную монархию и деизм, служило не монархии, а революции, не религии, а атеизму. Недаром церковники прозвали Вольтера, больше, чем кто бы то ни было в XVIII в., содействовавшего разрушению авторитета религии и церкви, „корифеем безбожников“, недаром в годы революции останки его были перенесены в Пантеон (см.), откуда роялисты-реставраторы в 1814 г. выбросили их на свалку. Из сочинений Вольтера на русский язык несколько раз и до и после Октября переводился роман „Кандид, или оптимизм“. „Орлеанская девственница“ выпущена ГИЗом в 1924 г. В том же году издательство „Сеятель“ выпустило сборник „Вольтер. — Мемуары и памфлеты“ (16 небольших произведений, подобранных не совсем удачно). Избранные сочинения Вольтера вышли в издании „Академии“ (1931) в двух томах. Из литературы о Вольтере, имеющейся на русском языке, подавляющая часть посвящена его художественному творчеству. Марксистская литература о нем крайне бедна (см. монографию В. Засулич в сборнике ее статей, изд. 1907 г.). Из по- октябрьской литературы о Вольтере см. Вороницын. — История атеизма, Беркова. — Вольтер. Обе работы имеют компилятивный характер.

22. МАРК, Аврелий Антонин (121—180) — римский император и стоический философ. По своим воззрениям является последователем стоика (см.) — раба Эпиктета. Оставил после себя написанный на греческом языке дневник „К себе самому“, в котором излагаются основные элементы стоической морали и проповедуется вера в провидение и „любовь к ближнему“. Мировоззрение Марка Аврелия сложилось в той же обстановке социального распада рабовладельческого общества, что и раннее христианство. Этим объясняется близость между ними в смысле содержания и социального значения. У просветителей XVIII в. за Марком Аврелием утвердился эпитет самого добродетельного из римских императоров. „К себе самому“ Марка Аврелия имеется на русском языке (в дореволюционном издании „Дешевой библиотеки“ Суворина).

23. ЮПИТЕР — старший из двенадцати великих богов древнего Рима,

бог неба и грома. Юпитер соответствует древнегреческому Зевсу, а оба они — трансформация арийского небесного бога, называвшегося по-санскритски — Диаус питар (бог неба). Вместе с богинями Юноной и Минервой он составлял так называемую капитулийскую трицу, пребывавшую в храме Юпитера в Риме. О Юпитере, о его похождениях существовало множество мифов, большей частью заимствованных у греков. Имя Юпитера сделалось нарицательным для могущественного и грозного владыки, деспота, начальника.

24. **МЕРКУРИЙ** — один из двенадцати древнеримских великих богов, сын Юпитера, вестник совета богов (изображался с крыльями на спине или на ногах), бог красноречия, торговли и воровства. Соответствовал греческому Гермесу, посланцу богов и психопомпу (проводнику душ в загробном мире).

25. **АРИСТИД** (ок. 540—467 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец, участник греко-персидской войны (битвы при Платее и Саламине), организатор колониального господства Афин. Как вождь политической партии, отражавшей интересы землевладельцев, с которой вела борьбу партия торгового капитала, возглавлявшаяся Фемистоклом, подвергался ostracismu (изгнанию). Греческие историки рассказывают о нем ряд фактов и анекдотов, утвердивших за ним славу справедливого государственного мужа и пламенного патриота. Как нарицательное имя справедливого политика и самоотверженного патриота он и фигурирует в публицистике XVIII в.

26. **ЭПИКУР** (341—270 до н. э.) — великий древнегреческий философ, оказавший огромное влияние на развитие всей позднейшей философии. Эпикур жил в эпоху, когда общественная жизнь в Афинах замерла, когда все развитие общественного строя, основанного на рабстве, зашло в тупик. Будучи в своих воззрениях на природу продолжателем величайшего греческого материалиста Демокрита, Эпикур выработал стройную философскую систему; в своей этической части она была отражением упадочной эпохи, в которую жил Эпикур. Его учение об „атараксии“ (о невозмутимости и покое), как о высшем счастье, доступном лишь на пути познания, было фактически призывом к уходу от общественной борьбы, к погружению в духовные наслаждения (в позднейшие времена под эпикурейством иногда искаженно разумеют погружение в физические наслаждения). Хотя Эпикур учил, что боги существуют, однако боги Эпикура столь бездеятельны, что в них приходится видеть простой привесок к системе великого философа, безбожной по своему существу, отвергающей существование сверхъестественных сил, потустороннего мира и бессмертия души. Школа Эпикура (основанная им в Афинах), просуществовавшая около 600 лет, неизменно служила рассадником и источником атеистических идей и настроений. Сочинения Эпикура усердно истреблялись христианскими папами. Из 300 свитков, написанных им, до нас дошли только отрывки. Об Эпикуре см.: *Танхилевич*. — Эпикур и эпикуреизм. 1926 г.

27. **ПАНТЕОН** — греческое слово, употребляемое в трех значениях: 1) обозначение совокупности всех богов, почитаемых в каком-либо культе; 2) название знаменитого античного храма в Риме (близ Марсова поля), посвященного всем богам; 3) название здания в Париже, где помещается усыпальница великих людей (находится на вершине горы св. Женеьевы, теперь называющейся площадью Пантеона). Здание предназначалось для храма, но во время революции оно было превращено в усыпальницу великих людей под названием Пантеона (на нем помещена надпись: „Великим людям призначенное отечество“).

28. **КАТОН СТАРШИЙ** (267—142 до х. л.) — знаменитый древнеримский государственный деятель, бывший цензором (одним из высших должностных лиц древнеримской республики, в обязанности которого входило между прочим наблюдение за общественной нравственностью). Красноречивый оратор и писатель (сохранился его трактат о земледелии), Катон вел ожесточенную борьбу против проникновения роскоши в древнеримский быт и за сохранение патриархальной чистоты нравов. Имя Катона было нарицательным для непреклонного ревнителя строгих нравов. Про него рассказывается также, что, являясь вдохновителем борьбы с Карфагеном, он каждую речь свою в сенате кончал словами: „Сверх того полагаю, что Карфаген должен быть разрушен“.

29. **ДЕКАРТ**, *Рене* (1596—1650) — великий французский философ и математик. Научное и философское творчество Декарта имеет двойственный ха-

рактер: с одной стороны, он является одним из основоположников современной математики и материалистического естествознания (материалистического в смысле механистического), распространяя механическое объяснение явлений даже на физиологические и психические процессы, с другой стороны, противопоставляя протяженной материи непротяженную, неделимую „душу“, природа которой сводится к мышлению, он положил начало новой идеалистической метафизике. Столь же двойственно было и общественное поведение Декарта. С одной стороны, он своими научными открытиями, теориями и гипотезами разрушал внедренные средневековую схоластику, с другой, он из боязни инквизиции выла в ряде шекотливых вопросов (например, в вопросе о системе Коперника Декарт не высказывал открыто своих взглядов) и заигрывал с сильными мира сего. Учение Декарта (Картезия, как он иначе назывался) имело огромное влияние на позднейшее развитие человеческой мысли. „Картезианский материализм превратился в собственно так называемое естествознание“ (Маркс). Метафизика же Декарта через Мальбранша и Лейбница нашла свое выражение и развитие у идеалистов XVIII и XIX вв. Некоторые из трактатов Декарта имеются на русском языке („Метафизические размышления“, „Разсуждения о методе“, „Космогония“).

30. **ЛОПИТАЛЬ**, *Мишель* (1507—1573) — французский государственный деятель. Выходец из „третьего сословия“, Лопиталь в своей деятельности отражал интересы и стремления французской буржуазии, развитию которой мешали политические и религиозные путы средневековья. Назначенный Екатериной Медичи в 1560 г. канцлером, Лопиталь пытался модернизировать весь строй французской монархии (он ввел разделение властей, упорядочил финансовое хозяйство и т. д.). Особенно горячо Лопиталь выступал в защиту веротерпимости и пытался легализовать протестантизм (гугенотов). Попытки обзывать Лопиталь атеистом (несмотря на его набожность), а папа грозил отправить его на костер. Под напором крайних реакционеров Лопиталь пришлось уйти от государственной деятельности. В Варфоломеевскую ночь Лопиталь спасло от смерти лишь то обстоятельство, что королева прислала воинский отряд для его охраны. За свою мужественную защиту веротерпимости и свободы совести, за свою борьбу против религиозной грызни Лопиталь пользовался большой популярностью среди мыслителей и деятелей XVIII в.

31. **ПИЙ VI** (1775—1799) — римский папа, происходивший из графского рода Браски. На престол был избран как представитель самой непримиримой партии церковных мракобесов. Своим хищничеством, своими поборами вызвал всеобщее недовольство населения в папском государстве. Промотом папской казны, довел до полного бесстыдства торговлю церковными должностями. Пий VI оказывал упорное сопротивление мероприятиям, проведенным во Франции в эпоху революции. Он пытался даже вести войну с молодой Французской республикой. Дело однако кончилось тем, что в самом Риме возникло революционное движение, в результате которого Папская область была объявлена при поддержке Директории республикой, а Пий VI был отправлен во Францию, где и умер в крепости.

32. **ВАНДЕЯ** — в XVIII в. провинция, ныне департамент Западной Франции. Вандея с ее крестьянским населением, благодаря своей промышленной отсталости, служила в эпоху Великой французской революции одним из главных очагов внутренней контрреволюции. В течение нескольких лет попы и дворяне готовили в Вандее восстание, которое вспыхнуло в марте 1793 г. Спекулируя на невежестве и суеверии отсталых вандейских крестьян, вожди восстания выставили вначале религиозные лозунги, но затем, когда восстание получило тайную поддержку Англии и было возглавлено дворянами-эмигрантами, оно приняло открыто реставраторский характер. Одно время восстание в Вандее очень серьезно угрожало судьбам республики. Разбитое в октябре 1793 г., оно было окончательно подавлено в 1796 г. Ныне Вандея — нарицательное название контрреволюционных восстаний отсталого крестьянства, руководимого папами и дворянами.

33. **РОЛАН**, *Жан-Мари* (1734—1793) — жирондистский министр внутренних дел (с марта до июня 1792 г.), защитник интересов крупной буржуазии. Покончил самоубийством после падений Жиронды.

34. **НЭЖОН**, *Жак-Андре* (1738—1810) — самый видный представитель младшего поколения материалистов XVIII в. Родился он в семье зажиточного ремесленника и получил хорошее образование. В 1756 г. он познакомился

с Дидро, а затем и с Гольбахом, у которого он сделался секретарем по литературной работе. Нэжон участвовал в ряде трудов Гольбаха, особенно в „Священной заразе“ и „Карманном богословском словаре“. Хотя Нэжон и писал много, но большинство его сочинений, как и вообще атеистические произведения XVIII в., публиковались анонимно. С полной достоверностью авторство его установлено в отношении популярно-poleмического сочинения „Военный философ, или трудности религии, предложенные отцу Мальбраншу“ (1768). Сочинение это было отрецензировано в виде обращения к известному богослову-картезианцу Мальбраншу, соединявшему рационализм с религиозной мистикой (на русский язык оно переведено под ред. И. Луппола под заголовком „Солдат-безбожник“). В революции Нэжон активного участия не принимал, если не считать адреса, поднесенного им Национальному собранию в 1790 г. (И. Луппол в предисловии к „Солдату-безбожнику“ отмечает, что „Адреса“ в книгохранилищах ему найти не удалось. Мы даем здесь перевод по тексту „Адреса“, находящемуся в ИМЭЛ). За годы революции Нэжон развил энергичную издательскую деятельность. Он опубликовал посмертное сочинение Гольбаха „Катехизис природы“, издал первое полное собрание сочинений Дидро и организовал издание „Методической энциклопедии“, к которой привлек таких ученых как Лаланд, Монж и др. При всей своей политической пассивности и неустойчивости Нэжон ни во времена Робеспьера, ни во времена Наполеона, когда началось сплошное идейное ренегатство буржуазной интеллигенции, не изменил идеям атеизма.

35. ГРЕГУАР, Анри (1750–1831) — аббат, а потом и епископ, деятель Великой французской революции, вождь той небольшой демократической части католического духовенства, которая приняла буржуазную республику и пыталась приспособиться к новой обстановке, создавшейся в результате революции. Выходец из народных низов, Грегуар, будучи кюре в Эмберниле, был избран в 1789 г. в Генеральные штаты от духовенства Нанси. Здесь он ратовал за присоединение духовенства к „третьему сословию“ и отмену дворянских привилегий. В дальнейшем Грегуар, не примыкая ни к какой определенной партийной группировке, весьма твердо проводил линию реорганизации церкви, и превращения ее из аппарата, обслуживающего феодализм и монархию, в союзника и агента буржуазной республики. Он был одним из авторов закона о гражданском устройстве духовенства, он первый присягнул гражданской конституции духовенства (1791), он, наконец, усердно пропагандировал идеи галликанства (т. е. независимой от Рима национальной французской церкви). Являясь выдержанным в своем роде церковным „обновленцем“, Грегуар, с одной стороны, отказался сложить с себя сан в период дехристианизации (1793), когда в Париже и в провинции многочисленные представители духовенства во главе с епископом Гобелем публично отказывались от сана и раскаивались в прежней деятельности по обману народа. Но, с другой стороны, Грегуар, который с 1791 г. был епископом, при Наполеоне мужественно возражал против конкордата с папой (1801) и, оставаясь верным республике, голосовал против установления империи. В эпоху реставрации „республиканский поп“ Грегуар был вынужден отказаться от политической деятельности.

36. ГОББС, Томас (1588–1679) — великий английский материалист и атеист. Хотя он происходил из поповской семьи и был связан с придворными кругами, он выработал под влиянием революционной борьбы половины XVII в. учение о государстве, которое вызвало травлю монархистов и духовенства. По этому учению личность должна быть во всех отношениях строго подчинена интересам государства, которое может предписать своим гражданам определенные взгляды и в религиозном вопросе. Гоббс опровергал христианские догматы и высмеивал религиозные обряды. Он поддерживал общения с гениальнейшими мыслителями эпохи: Галилеем, Гассенди, Декартом и Бэконом. Идеи Гоббса, имеющие ныне лишь исторический интерес, оказали в свое время сильнейшее революционизирующее влияние: недаром в декрете Оксфордского университета против вредных книг на одном из первых мест фигурировали сочинения Гоббса „О гражданине“ и „Левиафан“, в 1683 г. преданные публичному сожжению. Оба они переведены на русский язык. О Гоббсе см. А. Чисикс. — Томас Гоббс, родоначальник современного материализма (1927).

37. МОНТЕСКЬЕ, Шарль-Луи (1689–1755) — знаменитый французский политический писатель. Являясь выразителем той группы дворянства, которая понимала необходимость уступок буржуазии, пробивавшейся к власти, Мон-

тескье в своем главном произведении „Дух законов“ сформулировал основные положения монархического либерализма и развил концепцию так называемого правового государства, в основу которого положено разделение властей и приведенное в единую систему законодательство. Сочинения Монтескье в свое время играли огромную роль, поскольку они на место монархического произвола выдвигали идею конституционной монархии, приспособленной к реальным общественным потребностям нового класса.

38. ГЕЛЬВЕЦИЙ, Клод-Адриан (1715–1771) — французский материалист. Принадлежа к верхушечным слоям французской буржуазии (до 1751 г. он был генеральным откупщиком с огромным ежегодным доходом в 30 000 франков), Гельвеций идейно был связан с философами, группировавшимися вокруг Энциклопедии. Главные его сочинения: „О духе“ (1757), „О человеке“ (1770). В них Гельвеций непосредственно почти не касается религии: основным предметом его исследований служат здесь вопросы морали и вообще духовной жизни. Однако вся тенденция его произведений носила ярко выраженный материалистический и антирелигиозный характер. Нравственность, как и вообще содержание человеческого сознания, Гельвеций выводил не из какого-либо божественного источника, а из ощущений, потребностей и интересов человека. В русском переводе имеются только отрывки из сочинений Гельвеция.

39. БЮФФОН, Жорж-Луи Леклерк (1707–1788) — французский естествоиспытатель. Его перу принадлежит огромный, знаменитый в свое время труд „Естественная история, общая и частная“, отличавшийся мастерством изложения и известное время считавшийся своего рода энциклопедией естествознания. Хотя Бюффон высказал ряд идей, вошедших в современную науку (об изменчивости видов, о единстве законов природы и т. д.), его труд ныне имеет лишь историческое значение.

40. НИКОДИМ — действующее лицо евангельского мифа об Иисусе. Таково имя одного из учеников Иисуса, который однако „страха ради иудейска“ лишь тайно общался с учителем. Никодим — нарицательное имя трусливого, скрывающего свое лицо последователя какого-нибудь преследуемого учения.

41. ТЕРТУЛЛИАН, Квинт Септимий (160–230) — известный христианский „отец церкви“ и писатель. В своих сочинениях яростно защищал абсолютную непрерываемость „божественного вдохновения“ и требовал слепой веры во все религиозные бессмыслицы. Отвергая всякие права разума в вопросах религии, Тертуллиан договорился до знаменитой формулы: „Верую, ибо это абсурд (бессмыслица)“. Эта формула часто фигурирует как выражение крайнего религиозного мракобесия.

42. ФРИДРИХ II „Великий“ (1740–1786) — король прусский, яркий представитель просвещенного абсолютизма, сыгравший значительную роль в истории просветительства. Фридрих II, проявлявший себя в своем государстве как неограниченный деспот, поддерживавший устой феодального общества самыми драконовскими мерами, насаждавший казарменную муштру и дисциплину, позволял себе в частной жизни некоторое свободомыслие и одно время оказывал покровительство французским просветителям (преследуя немцев). У него находили убежище некоторые материалисты и просветители XVIII в., преследуемые на родине (Ламеттри). Впрочем, при всем своем вольномыслии в вопросах религии (оно нашло себе выражение в сочинениях Фридриха II, написанных на французском языке) „король-философ“ относился враждебно к наиболее последовательным атеистам XVIII в. (к Гольбаху, Дидро и др.), отлично понимая, что подрыв алтаря неизбежно ведет к подрыву трона. Среди вольтерянцев, к которым Фридрих II был всего ближе по своим философским и религиозным воззрениям, он пользовался большой популярностью.

43. „ОТЕЦ ДЮШЕН“, вернее „Папаша (или батюшка) Дюшен“ — популярнейшая газета в эпоху Великой французской революции (начала выходить в 1790 г.), редактировавшаяся Эбером (см.). Материал в газете излагался в самом простонародном стиле, в зажигательном тоне. В 1792 и 1793 гг. эта газета, служившая органом самого боевого санкюлотизма и очень доступная по изложению массам, играла весьма значительную революционную роль. Во время Парижской коммуны (1871 г.) в Париже была сделана попытка издавать революционную народную газету под этим же названием. Об Эбере как журналисте и его „Батюшке Дюшене“ см. Г. Кунов. — Борьба классов и партий в Великой французской революции (1919 г.).

дейтелей и ораторов жирондистской партии. В Конвенте вел упорную борьбу с Робеспьером и монтаньярами. Во время процесса Людовика XVI сделал неудавшуюся попытку спасти жизнь короля, выдвинув предложение о передаче смертного приговора над Людовиком XVI на утверждение народа. В 1793 г. был казнен вместе с другими 20 вождями Жиронды.

45. **ИСНАР, Максим (1751–1830)** — видный жирондист, яростный противник монтаньяров и секций, угрожавший скрыть Париж, как гнездо революционной „черни“. Одно время был председателем Конвента. К концу жизни Иснар, которому удалось избежать участи своих товарищей, превратился в судебного чиновника и ярого реакционера.

46. **МОРИ, Жан-Сиффрейн (1746–1817)** — аббат, впоследствии кардинал, видный церковный и политический деятель времен революции. Сын сапожника Мори, приняв духовное звание, сделал блестящую церковную карьеру благодаря своим елейным и выспренним проповедям и надгробным речам („На смерть дофина“ и т. д.). Посланный лионским духовенством в Генеральные штаты, Мори после взятия Бастилии скрылся на некоторое время, но затем снова вынырнул на политическую арену в качестве присяжного оратора монархистов и клерикалов в Национальном собрании, в качестве яростного защитника привилегий и богатств духовенства. В 1792 г. он эмигрировал из Франции в Рим, где был возведен в сан архиепископа и кардинала. В 1799 г. граф Прованский (Людовик XVIII) назначил его своим представителем при папском дворе. Вскоре однако Мори переметнулся к Наполеону и принял от него назначение на кафедру парижского архиепископа без утверждения папы. При Бурбонах Мори вынужден был бежать из Парижа. Он отправился в Рим, но папа посадил его в замок св. Ангела и освободил лишь при условии отречения от епископских функций.

47. **ФИЛИПП II Испанский (1527–1598)** — одна из самых отвратительных фигур, какие когда-либо восседали на троне. Его царствование было эпохой кровавого террора, разгула инквизиции, подавления всяких проблесков воли. Ревнитель католицизма Филипп II поддерживал Католическую лигу во время религиозных войн во Франции, залил кровью Нидерланды, пытаясь подавить нидерландскую революцию, вел упорную войну с Англией, закончившуюся разгромом испанского флота. Своим деспотизмом и свирепостью возстановил против себя даже собственного сына Дон-Карлоса, который погиб от руки подосланного Филиппом II убийцы. Кровавое царствование Филиппа II, ознаменовавшееся неслыханным разорением народных масс, господством самого безудержного мракобесия, явилось началом политического и экономического упадка Испании.

48. **ФИЛАДЕЛЬФИЙЦЫ** — от слова Филадельфия, названия главного города североамериканского штата Пенсильвании. Под филиладельфийцами здесь разумеются деятели борьбы за независимость САСШ. Именно в Филадельфии была провозглашена в 1776 г. независимость североамериканских колоний от Англии, здесь же в 1778 г. заседал учредительный конгресс, разработавший ныне действующую конституцию.

49. **БРИССО, Жан-Пьер (1754–1793)** — вождь жирондистов, один из виднейших выразителей интересов торгово-промышленной буржуазии. В своих философских взглядах являлся последователем энциклопедистов. Данный нами отрывок взят из его опубликованного в 1791 г. памфлета: „Rome jugé ou l'autorité législative du pape anéantie“.

50. **ТРИДЕНТСКИЙ СОБОР** — церковный собор, созванный папой Павлом III для борьбы с Реформацией и заседавший с перерывами целых 15 лет (1545–1563). Собор этот, руководившийся иезуитами, после долгих распри и склок отверг всякие уступки протестантам и провозгласил папу верховным главой церкви.

51. **АВГУСТИН, Аврелий (354–430)** — один из столпов церкви, в своих богословских сочинениях проповедывавший главенство церкви над светским государством, учение о предопределении, освящавший рабство и частную собственность, требовавший беспощадной борьбы с „ересями“. **ИЕРОНИМ (330–419)** — один из самых фанатичных и кровавых отцов церкви в период превращения христианства в господствующую религию. Ему принадлежит требование казни еретиков во имя спасения их на том свете. Он является автором перевода св. писания на латинский язык, так наз. Вульгаты. **ТЕРТУЛЛИАН (160–230)** —

видный отец церкви, богослов и писатель, в своей защите догматов христианства и верховенства веры над разумом договорившийся до знаменитого положения: „Верую ибо (это) нелепо“ (ср. прим. 41). **АПОЛЛИНАРИЙ** — епископ IV века, ведший яростную борьбу с арианством, отрицавшим божественность Христа, однако сам зачисленный в еретики за свое учение о раздельности божественной и человеческой субстанции в личности Христа. **АРНОБИЙ** — христианский апологет, написавший в опровержение язычества огромный труд, но сам не избежавший впадения в ересь. **ВИГИЛАНЦИЙ** (конец IV и начало V в.) — церковный деятель, противник Иеронима, ведший борьбу против аскетизма, почитания мощей и святых. **КИПРИАН (III в.)** — епископ, ярый борец за единство церкви и господство епископата.

52. **ЛАКТАНЦИЙ** — церковный писатель второй половины III в. и начала IV в., автор многих апологетических работ. **ЕПИФАНИЙ (367–403)** — епископ и церковный писатель, ведший ожесточенную борьбу с „еретиками“ (в своих сочинениях он опровергает и описывает около 100 „ересей“).

53. **БЕЛЛАРМИН, Роберт (1542–1621)** — иезуит и богослов, яростно защищавший верховенство папы над светской властью. **КИРИЛЛ (V в.)** — архиепископ александрийский, гонитель „еретиков“ и язычников, зачинщик погрома, учиненного нафанатизированной христианской чернью над памятниками античного искусства и античной культуры (во время этого погрома погибли десятки тысяч произведений античной литературы). **ПРУДЕНЦИЙ (IX в.)** — католический епископ и богослов, канонизированный за борьбу с „еретиками“.

54. **ИГНАТИЙ АНТИОХИЙСКИЙ (II в.)** — раннехристианский епископ, которому церковниками приписывается непосредственное общение с учениками мифического Христа. Семь посланий, носящих имя Игнатия и направленных против иудействующих христиан и докетов (учивших о том, что Христос был призраком), являются, как это доказано критикой, более поздними произведениями других авторов.

55. **ЮСТИН-МУЧЕНИК, АФЕНАГОР, ТАТИАН И ИРЕНЕЙ** (или Ириней) — христианские апологеты II века. **ОРИГЕН (185–254)** — видный отец церкви (хотя он впоследствии был осужден, как еретик), ведший борьбу с язычеством, в своем изуверстве дошедший до самооскопления.

56. **ЛАФАТЕР, Иоганн Каспар (1741–1801)** — швейцарский пастор и писатель, либерально относившийся к церковному христианству и в своих напыщенных сочинениях и проповедях пытавшийся примирить религию с наукой и модернизировать христианство.

57. **САЗОМЕН** или **СОЗОМЕН (V в.)** — греческий историк церкви, сочинение которого еще в древние времена считалось плагиатом, но которое тем не менее служит важным источником для истории церкви в IV в. **АПУЛЕЙ** — латинский писатель и философ II в., в романе которого „Золотой осел“ сохранился чрезвычайно интересный материал о современных ему быте и верованиях.

58. **МАЙМОНИД** или, вернее, **Моисей-бен-Маймон (1135–1204)** — еврейский богослов, философ и медик, автор многих трудов на арабском языке, пытавшийся между прочим примирить таумудический иудаизм с философией Аристотеля.

59. **ФИЛОН** (последняя четверть I века до х. л. — 50 г. х. л.) — еврейский религиозный мыслитель, живший в одном из главных центров эллинизма, Александрии, и пытавшийся совместить библейский иудаизм с платонизмом. Учение Филона о Логосе (Слове), посреднике между богом и миром, оказало сильнейшее влияние на идеологию раннего христианства.

60. **РУФИН (IV в.)** — греческий церковный историк, последователь Оригена. Благодаря ему сохранились некоторые важные источники по истории христианской церкви, подвергавшиеся гонению за ересь. **ТРАЯН (53–117)** — римский император, при котором развивалась усиленная военно-колонизаторская экспансия Римской империи. Его эпоха характеризуется расцветом римской и греческой литературы. Вокруг его имени сложилась легенда о справедливом и мудром царе. **БАНЕДИКТ VIII** — римский папа (1012–1024), путем интриг и происков своих знатных родственников попавший на престол. Он вел кровопролитные войны с греками и арабами, насаждал суровую дисциплину в церкви, он же установил celibat (безбрачие духовенства) и неотчуждаемость церковного имущества.

61. **ШОМЕТТ, Пьер-Гаспар (1763–1794)** — деятель Великой французской революции. Выходец из народных низов (до революции был рулевым на одном из судов речного флота), Шометт являлся настоящим народным трибуном,

выразителем стремлений обнищавшей мелкой буржуазии, полупролетарских низов Парижа. В звании прокурора Парижской коммуны Шометт вместе со своими единомышленниками Пашем, Моморо и другими вел беспощадную борьбу с врагами республики и стремились добиться реальных завоеваний для масс, истинных творцов революции (путем массового террора, борьбы со спекуляцией). Не имея никакого систематического образования, Шометт стал в годы гражданской войны ярко выраженным атеистом во всей своей политической практике. Свое христианское имя он заменил именем греческого безбожника Анаксагора, в Коммуне он отстаивал необходимость самой решительной борьбы с религией и церковью, он же явился организатором знаменитого праздника в честь Разума. После выступления Робеспьера Шометт прекратил массовую пропаганду атеизма. Когда Робеспьер повел борьбу с деятелями Коммуны (с так называемыми эбертистами), Шометт вместе с товарищами попал на гильотину, причем в обвинении особенно подчеркивалось, что Шометт намеревался „истребить всякую мысль о божестве и построить французское государство на атеизме“. О Шометте см. Я. Михайлов. — Анаксагор Шометт, антирелигиозник XVIII в. (1931).

62. **ФУШЕ, Жозеф (1763—1820)** — французский политический деятель. Он представляет собой яркий образец беспринципного карьеризма и политического хамелеонства. В период нарастания революционного подъема был членом Конвента, якобинцем и чрезвычайным комиссаром в Лионе (где проявил, между прочим, свой радикализм в борьбе с церковью), во время Термидора примкнул к контрреволюционерам, затем, сколотив себе всякими сомнительными операциями большое состояние, отдал свой недожженный административный талант на службу Наполеону, у которого он был министром полиции, после падения Наполеона переметнулся к Бурбонам. В 1816 г. однако Фуше, как голосовавший в 1792 г. за казнь Людовика XVI, был изгнан за границу, где и умер.

63. **ЭРМЕНОНВИЛЬ** — замок и селение близ города Санли (в Уазе), где нашел убежище (у маркиза Жирадена) Руссо и откуда останки философа были в 1794 г. по приказу Конвента перенесены в Пантеон.

64. **КЛОУТС, Анахарзис или, вернее, КЛОТС, Жан-Батист (1755—1794)** — одна из благороднейших и своеобразнейших фигур среди деятелей Великой французской революции. Происходил он из очень богатой немецкой голландской семьи (баронов Валь-де-Грас). Получив французское воспитание, Клоутс уже с двадцати лет устраивается в Париже, и Франция становится для него второй родиной. Увлеченный идеями просветителей, Клоутс еще до 1789 г. выступил с рядом сочинений, в которых защищал идеи просвещенного абсолютизма и горячо нападал на католицизм и христианство. Он совершил много путешествий и встречался с самыми передовыми людьми эпохи (с Вольтером, Руссо, Мабли и др.). В годы революции Клоутс целиком отдался политической и литературной деятельности, быстро проделав путь от либерального конституционализма к республиканскому санкюлотизму, от патриотизма к космополитизму, от антихристианского деизма к атеизму. Как безбожник он заменил имя, данное ему при крещении, именем древнескифского путешественника Анахарзиса, вместо отброшенного баронского титула он присвоил себе звание „оратора рода человеческого“, на визитных карточках он называл себя „личным врагом Иисуса Христа“. Во множестве статей и брошюр он развивал идеи мировой революции, создающей всеобщую республику, и призывал к сокрушительной борьбе с земной и небесной тиранией. Близко сойдясь с деятелями секций и Коммуны, Клоутс явился инициатором культа Разума, который должен был заменить низвергнутую религию. В Конвенте, членом которого он являлся, в Якобинском клубе Клоутс неизменно выступал как энтузиаст революционного санкюлотизма и требовал беспощадной войны с европейской коалицией. Его космополитизм и атеизм, его программа революционных требований вызывали однако ненависть и подозрения Робеспьера, который добился ареста и гильотинирования Клоутса. Клоутс встретил смерть с мужеством подлинного революционера и воинствующего атеиста. По своим философским взглядам Клоутс был прямым преемником энциклопедистов, а по социально-политическим являлся представителем революционного крыла современной ему мелкой буржуазии. Клоутс не оставил систематического изложения своего мировоззрения. Для его политических убеждений характерна брошюра „Не

Марат, не Ролан“, изданная после августа 1792 г. Наиболее характерным и для его идейной эволюции являются следующие его сочинения: „La certitude Mahométiste“ (1780), „Lettres sur les juifs“ (1783), „Appel au genre humain“, „La République universelle ou l'adresse aux Tyrannicides“, „Bases constitutionnelles de la République du genre humain“ (1793), откуда и взята помещенная у нас статья. На русский язык Клоутс не переводился. О нем см. большой доклад (и прения по докладу) П. Виноградской в Комакадемии („Вестник Комакадемии“, 1929, № 33).

65. **ФРАНКЛИН, Бенжамен (1706—1790)** — американский ученый и политический деятель, один из авторов „Декларации независимости“ САСШ и сторонник освобождения негров. В своих воззрениях на религию он примыкал к деизму, отрицавшему всякие положительные религии и секты, всякую догматику и обрядность.

66. **МАРИЙ (156—86 до н. л.), СУЛЛА (138—78 до н. л.), ЦЕЗАРЬ (102—44 до н. л.) и КАТИЛИНА (108—62 до н. л.)** фигурируют у Клоутса как классические образцы кровавых диктаторов, несмотря на то, что социальная природа диктатуры первых трех была совершенно различная, а четвертый, возглавивший движение народных масс в Риме, погиб в бою, не успев даже захватить власть.

67. **ГОРАЦИИ** — древнеримский патрицианский род, **КУРИАЦИИ** — патрицианский род города Альба-Лонги. По древнеримской легенде война между Римом и Альба-Лонгой была решена поединком между тремя братьями Горациями и тремя братьями Курициями.

68. **ЛЕКИНИО, Жозеф-Мари (1755—1813)** — французский политический деятель. В эпоху Робеспьера он был активным якобинцем, в качестве комиссара в Нижней Шаранте он вел беспощадную борьбу со светскими и рьяносными контрреволюционерами. После термидора он, на некоторое время отойдя от политической деятельности, откатился вправо и в конце-концов пошел на службу к Наполеону. По философским воззрениям он стоял ближе всего к руссоистам. Мы даем главу из его работы „Les préjugés détruits“ (1793).

69. **ФАБР д'ЭГЛАНТИН, Филипп-Франсуа-Назар (1755—1794)** — французский драматург и политический деятель. До революции выступал в качестве актера и автора ряда сатирических пьес, в которых высмеивал аристократию. Во время революции принимал в ней самое активное участие (он был членом Конвента). Арестованный вместе с Дантоном, Фабр д'Эглантин был гильотинирован по обвинению в тайных переговорах с Питтом. Фабр д'Эглантин был автором замечательного проекта реформы календаря, принятого Конвентом 25 октября 1793 г. Этот проект подытожил, систематизировал и углубил большую работу по подготовке реформы, проведенную специальной комиссией ученых (Лаландом, Монжем и т. д.) с депутатом Роммом во главе.

70. **АСТРОЛОГИЯ юдициарная** — астрология, предсказывающая по небесным светилам судьбы человечества. Астрология, мнимая наука, претендующая на узнавание будущего по положению звезд, зародилась в Вавилонии, отсюда перешла к грекам и римлянам, достигла большого расцвета в средние века и теперь снова в большом ходу в странах капитала, где в обстановке кризиса воскресла всякая чертовщина.

71. Названия „примиди“, „дуоди“ и т. д. до „декади“ составлены из латинских слов „примус“ — первый, „дуо“ — два и т. д. (до десяти) и „диес“ — день. Таким образом, „примиди“, „дуоди“ и т. д. означают: первый день, второй день и т. д.

72. **ЭПАГОМЕННЫМИ** назывались дни, которые в древнеегипетском календаре прибавлялись к 360 дням лунного года, чтобы получился солнечный год.

73. **БУРДОН из Уазы, Франсуа-Луи (ум. 1797)** — деятель Великой французской революции. Будучи по профессии адвокатом, Бурдон в первые годы революции был активным якобинцем и радикальным вольнодумцем. По мере разветвления революционных событий Бурдон однако стал уклоняться все сильнее вправо. Выступления против Робеспьера в 1793 г. привели к исключению его из революционных клубов, а после Термидора он проявил себя уже как отъявленный монархист и клерикал.

74. **МУЦИИ СЦЕВОЛА (ЛЕВША)** — римский юноша, о котором рассказывается, что он во время войны Рима с этрусками (начало VI в. до н. э.) отправился в неприятельский лагерь, чтобы убить царя Порсены и этим предотвратить вражеское нашествие. Приняв за царя одного из его писцов,

он убил его. Когда его привели к царю, он, чтобы показать свое безбоязненное отношение к ожидавшей его смерти, протянул руку над стоявшей вблизи жаровней и изжарил ее, не издав ни одного звука. Царю он рассказал, что 300 юношей, подобных ему, поклялись убить его, после чего напуганный царь поспешил заключить с Римом мир на почетных для последнего условиях.

75. **ЭБЕР, Жак-Рене (1757—1794)** — журналист и деятель Великой французской революции. Принадлежа до революции к деклассированным элементам буржуазной интеллигенции (к литературной богеме), Эбер с 1791 г. становится редактором газеты „Папаша Дюшен“ (см.), которую он превращает в орган крайнего санкюлотизма. Примкнув к деятелям Парижской коммуны, не совсем правильно названным эбертистами (ибо во главе их стоял не беспринципный, слабохарактерный, весьма склонный к карьеризму и хвостизму Эбер, а скорее Шометт), Эбер в качестве заместителя Шометта проявлял себя как сторонник крайних взглядов в политической области и продовольственным вопросе, он требовал строгих репрессий в отношении религии и церкви. В своей газете Эбер проповедывал самый популистский антиклерикализм, неизменно подчеркивая, что религия — продукт мошенничества жрецов, стараясь перекрасить Христа в якобинца и санкюлота. Нельзя не отметить, что при всей своей непоседливости Эбер в качестве руководителя „Дюшена“ сыграл все же весьма значительную роль в распространении атеистических настроений и взглядов в самый бурный период революции. Вместе со своими товарищами по процессу эбертистов Эбер погиб на гильотине. О нем см. Г. Кунов. — Борьба классов и партий в Великой французской революции (1919).

76. **СЖИЭС, или СБЕЙЭС, Эммануэль-Жозеф (1748—1836)** — аббат, деятель революции, один из виднейших политических идеологов буржуазии в эту эпоху. Еще будучи депутатом от духовенства в провинциальном парламенте Орлеана, он опубликовал ряд брошюр, в которых сформулировал основные политические требования умеренных слоев буржуазии. Особенную популярность получила брошюра „Что такое третье сословие?“. Сийес был депутатом Генеральных штатов, Конституанты и Конвента. В процессе Людовика XVI голосовал за казнь. От духовного сана не отказался, но и должности конституционного парижского епископа, предложенной ему в 1791 г., не принял. До Термидора Сийес отсиживался в „болоте“. После Термидора снова начал играть заметную роль в качестве члена Директории. Был пособником Бонапарта в перевороте 18 брюмера. При Наполеоне был председателем сената, а в эпоху реставрации был изгнан из Франции как „цареубийца“.

77. **СЕН-ЖЮСТ, Антуан-Луи-Леон (1767—1794)** — одна из наиболее обаятельных фигур среди монтаньяров, сподвижник Робеспьера, выразитель интересов и устремлений мелкой буржуазии в эпоху Великой французской революции. Несмотря на свою молодость, Сен-Жюст, пламенный оратор, талантливый организатор и беззаветно преданный своим демократическим идеалам, политический борец, сыграл крупнейшую роль в 1793—94 гг. Вместе с Робеспьером он руководил борьбой с жирондистами, дантонистами и эбертистами, вместе с Робеспьером он погиб на гильотине.

78. **ГАДЭ, или ГЮАДЭ, Маргерит Эли (1758—1794)** — видный жирондист, член Законодательного собрания и Конвента. Если в вопросах религии и философии Гадэ, подобно многим другим жирондистам, являлся последователем энциклопедистов, занимая в этом вопросе более радикальную позицию, чем Робеспьер, то в политике он был непримиримым врагом Марата, Робеспьера и Парижской коммуны. Ему принадлежит предложение перенести заседания Конвента в Версаль для ограждения его от влияния народных масс Парижа. После падения жирондистов пытался организовать неудачное восстание. Попытка эта привела его на гильотину.

79. **НАРБОНН, граф (1755—1813)**, сын Людовика XV — французский политический деятель, с 6 декабря 1791 г. до 10 марта 1792 бывший военным министром. После 10 августа эмигрировал в Англию, будучи изобличен в измене и объявлен вне закона. После 1800 года состоял на службе у Наполеона.

80. **ЛЕОПОЛЬД II (1747—1792)** — австрийский (римско-германский) император, брат Марии-Антуанетты. Заключив союз с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II и с другими германскими монархами, он подготовлял интервенцию против революционной Франции. Умер неожиданно после объявления Францией войны.

81. **КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА** — попытка Робеспьера утвердить во

Франции деизм в качестве государственной религии. Если среди якобинцев было много политических деятелей, которые относились к религии индифферентно или скептически и боролись с атеистами исключительно из тактических соображений, то у Робеспьера и его ближайших единомышленников (Кутона, Сен-Жюста и др.) все их мировоззрение имело ярко выраженную религиозную окраску. У Робеспьера мы имеем дело с деизмом не вольтеровского типа (бог — это высшее безличное существо, не вмешивающееся в жизнь природы и людей), а руссоистского. Еще в 1792 г. Робеспьер говорит в Якобинском клубе о PROVIDENCE, которое бодрствует над людьми. В знаменитой речи 21 ноября 1793 г. он договаривается до утверждения, что „атеизм аристократичен, что мысль о великом существе, бодрствующем над угнетенной невинностью и карающем торжествующее преступление, демократична“. Ведя борьбу против контрреволюционного католического духовенства, Робеспьер неизменно подчеркивает, что Конвент не только не думает низвергнуть религию, но что он считает своей задачей разгромить „неистовых апостолов небытия и фанатичных миссионеров атеизма“. В противовес атеизму эбертистов и взамен католицизма, поколебленного дехристианизаторским движением и контрреволюционной позицией католического духовенства, Робеспьер выдвинул культ верховного существа. 7 мая 1794 г. по его предложению был принят декрет об учреждении нового культа. Первый пункт декрета гласил, что „французский народ признает существование верховного существа и бессмертия души“. 8 июня состоялся в Париже новый всенародный праздник нового культа. Культ верховного существа, не имевший прочных корней, вызывавший у атеистов насмешки и негодование, слишком отвлеченный для верующих и ненавистный для контрреволюционных и отсталых слоев населения, рухнул сейчас же после Термидора, после гибели своего „первосвященника“.

Совершенно иной характер имел культ Разума, учредителями и пропагандистами которого были представители крайнего санкюлотизма в Париже и провинции. В нем по существу не было ничего религиозного и мистического. „Культом“ он может быть назван лишь в той мере, поскольку в нем фигурировал ряд обрядов, вернее, символических церемоний, напоминавших религиозный культ (церковные храмы были переименованы в храмы Разума, статуи святых и иконы были заменены бюстами героев революции, в Париже и провинции устраивались праздники в честь Разума и т. д.). Культ Разума, порожденный дехристианизаторским движением октября — ноября 1793 г. и подъемом революционного патриотизма в городских массах, имел значительно более глубокие корни, чем культ верховного существа, и продержался в разных видоизменениях довольно долго. Наиболее ярким с внешней стороны проявлением культа Разума был праздник Разума, устроенный Парижской коммуной 10 ноября 1793 г. в соборе Парижской богородицы. Не приходится сомневаться в том, что в представлении многих рядовых сторонников этого „культа“ самое понятие Разума имело деистический и вообще религиозный привкус, однако у инициаторов культа (Клоотса, Шометта и др.), а также у санкюлотских низов, шедших за ними, культ Разума являлся атеистическим и в теории, и на практике.

82. **САЛАВИЛЬ, Жан-Баттист (1755—1832)** — политический писатель и журналист эпохи Великой французской революции. В качестве секретаря Мирабо подготовлял некоторые его публичные и литературные выступления. Либеральный монархист Салавиль в вопросах религии был верным последователем энциклопедистов. В 1793 г. он нашел в себе мужество выступать в „Патриотических и литературных атналах“ с критикой культа Разума и верховного существа с атеистической точки зрения. Отвергая голое администрирование в борьбе с церковью, Салавиль протестовал против замены христианского культа новым в угоду привычкам и заблуждениям масс. Салавиллю принадлежит несколько трудов. Главные из них: „Об организации монархического государства, или рассуждения о пороках французской монархии и о необходимости дать ей новую конституцию“ (1789), „Человек и общество“ (1798), „О французской революции сравнительно с революцией в Англии“ (1790). На русский язык Салавиль не переводился.